

337
СОЧИНЕНІЯ

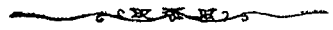
11/3

ЕВГЕНІЯ АБРАМОВИЧА

БАРАТЫНСКАГО.

Съ портретомъ автора, его письмами и біографическими о немъ свѣдѣніями.

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

КАЗАНЬ.

Въ университетской типографіи.

1884.

Handwritten signatures and initials, including "S. J." and "7 V".

15510-0

Stamp: BKA 1941

8111
Дозволено Цензурою. Казань, 9 сентября 1882 г.

2007067202

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Не рѣдкія заявленія любителей отечественной литературы и ея исторіи о томъ, что давно уже нѣтъ въ продажѣ послѣдняго изданія стихотвореній моего отца, побудили меня приступить къ новому изданію, по возможности полному. Такъ какъ планъ предъидущаго сборника (Москва, 1869 г.) не вызвалъ порицаній въ печати, то я его ни чѣмъ не измѣнилъ и, кромѣ нѣкоторыхъ исправленій и дополненій, настоящее изданіе, есть не что иное, какъ повтореніе предъидущаго, долженствующее удовлетворить возникшей въ настоящее время у насъ потребности изданій сочиненій прежнихъ нашихъ писателей.

Евгеній Абрамовичъ Баратынскій (*) принадлежалъ къ Пушкинскому періоду русской литературы, изучаемому теперь съ особенною любовью. Онъ былъ въ самыхъ близкихъ и дружескихъ отношеніяхъ и къ Пушкину и къ тому кругу даровитыхъ литераторовъ, который группировался около великаго поэта. Изученіе послѣдняго будетъ не полно безъ знакомства съ поэтическими произведеніями Баратынскаго. Его мѣсто въ исторіи русской литературы, его значеніе, его личность достаточно опредѣлены критикою и изслѣдователями. Замѣчательно, что послѣдніе почти вполнѣ сходятся въ своихъ приговорахъ. Такъ одинъ изъ высокихъ русскихъ умовъ, И. В. Кирѣевскій, въ своей характеристикѣ Баратынскаго, написанной вскорѣ по его кончинѣ, говоритъ о немъ слѣдующее: „Отъ природы получилъ онъ необыкновенныя способности: сердце глубоко-чувствительное, душу, исполненную незасыпающей любви ко всему прекрасному, умъ свѣтлый, обширный и вмѣстѣ тонкій, такъ сказать, до ми-

---

(*) Правильнѣе Боратынскій.

кроскопической проницательности, и особенно внимательный къ предметамъ возвышеннымъ и поэтическимъ, къ вопросамъ глубокомысленнымъ, къ движеніямъ внутренней жизни, къ тѣмъ мыслямъ, которыя согрѣваютъ сердце, проясняя разумъ,—къ тѣмъ музыкальнымъ мыслямъ, въ которыхъ голосъ сердца и голосъ разума сливаются созвучно въ одно задумчивое размышленіе“. . . . „Стихи Баратынскаго отличаются тѣми же качествами, какія составляли особенность его поэтической дѣятельности: утонченность наружной отдѣлки всегда скрываетъ въ нихъ сердечную мысль, глубоко и заботливо обдуманную. Но между тѣмъ сколько ни замѣчательно ихъ поэтическое достоинство, однако они еще не вполне выказываютъ тотъ міръ изящнаго, который онъ носилъ въ глубинѣ души своей. Рожденный для искренняго круга семьи и друзей, необыкновенно чувствительный къ сочувствію людей ему близкихъ, Баратынскій охотно и глубоко высказывался въ тихихъ дружескихъ бесѣдахъ, и тѣмъ заглушалъ въ себѣ иногда потребность выражаться для публики. Изливъ свою душевную мысль въ дружескомъ разговорѣ, живомъ, разнообразномъ, невыразимо увлекательномъ, исполненномъ счастливыхъ словъ и многозначительныхъ мыслей, согрѣтомъ теплотою чувства, проникнутомъ изяществомъ вкуса, умною, всегда умѣстной шуткою, дальновидностью тонкихъ замѣчаній, поразительной оригинальностью мыслей и особенно поэзіей внутренней жизни,—Баратынскій часто довольствовался живымъ сочувствіемъ своего близкаго круга, менѣе заботясь о возможныхъ далекихъ читателяхъ. Оттого для тѣхъ, кто имѣлъ счастье его знать, прекрасные звуки его стиховъ являются еще многозначительнѣе, какъ отголоски его внутренней жизни. Но для другихъ, чтобъ понять всю красоту его созданій, надобно прежде вдуматься въ совокупный смыслъ его отдѣльныхъ стихотвореній, вслушаться въ общую гармонію его задумчивой поэзіи“ (*Русскій Архивъ*, 1874 г. Книга 2, стр. 634—635).

Слова Кирѣевскаго—голосъ человѣка, близко знавшаго Баратынскаго. Бѣлинскій, въ своей большой критической статьѣ о Баратынскомъ, написанной еще при жизни поэта (*Сочиненія*, томъ VI (1860), стр. 280—324), разбирая значеніе его поэтическихъ произведеній для того времени, когда писалась статья, говорилъ: „Мы высоко уважаемъ яркій

замѣчательный талантъ, поэта уже чуждаго намъ поколѣнія“ (стр. 293)... „Изъ всѣхъ поэтовъ, явившихся вмѣстѣ съ Пушкинымъ, первое мѣсто безспорно принадлежитъ Баратынскому“.... „Онъ, по натурѣ своей, призванъ быть поэтомъ мысли“... (стр. 313)... Объ этой внутренней работѣ мысли, которая только отчасти отразилась въ стихотвореніяхъ Баратынскаго, говорить и кн. П. А. Вяземскій, остроумный критикъ поколѣнія, современнаго поэту: „Едва ли можно было встрѣтить человѣка умнѣе его, но умъ его не выбивался наружу съ шумомъ и обиліемъ. Нужно было допрашивать, такъ сказать, буровить этотъ подспудный родникъ, чтобы добыть изъ него чистую и свѣтлую струю. Но за то попытка и трудъ были богато вознаграждаемы. Умъ его былъ преимущественно способенъ къ разбору и анализу. Онъ не любилъ возбуждать вопросы и выкликать пренія и словесныя состязанія; но за то, когда случалось, никто лучше его не умѣлъ вѣрнымъ и мѣткимъ словомъ порѣшать сужденія и выражать окончательный приговоръ и по вопросамъ, которые болѣе или мевѣе казались ему чужды, какъ напр. вопросы виѣшней политики или новой нѣмецкой философіи, бывшей тогда русскимъ конькомъ нѣкоторыхъ изъ московскихъ коноводовъ. Во всякомъ случаѣ, какъ былъ онъ сочувственный мыслящій поэтъ, такъ равно былъ онъ мыслящій и пріятный собесѣдникъ. Аттическая вѣжливость, съ нѣкоторыми пріемами французской остроты и любезности, отличавшихъ прежде французское общество, плѣнительная мягкость въ обращеніи и въ сношеніяхъ, нѣкоторая застѣнчивость при умѣ самобытномъ, твердо и рѣзко опредѣленномъ, всѣ эти качества, всѣ эти прелести придавали его личности особенную фізіономію и утверждали за нимъ особенное мѣсто среди блестящихъ современниковъ и совмѣстниковъ его“ (*Сочиненія*, т. VIII, стр. 290—291).

Изъ этихъ двухъ характеристикъ Баратынскаго, какъ человѣка, сдѣланныхъ людьми хорошо его знавшими: Кирѣевскимъ и кн. Вяземскимъ, легко придти къ почти достовѣрному выводу, что литературная и поэтическая дѣятельность Баратынскаго выражала далеко не всего его, какъ человѣка. Иначе и не могло быть въ то время, когда онъ писалъ. Поэзія не спускалась тогда изъ идеальныхъ высотъ въ область бѣдной жизни и все ограничивалось художественнымъ творчествомъ. Для Баратынскаго литература не

могла быть дѣломъ жизни; это былъ отдыхъ, привычка образованія и близкаго кружка, пріятное занятіе, не смотря на безспорно присущій ему талантъ. Вотъ почему въ теченіе своей жизни онъ отдѣлывалъ свои стихотворенія, измѣнялъ и передѣлывалъ ихъ. Варіанты, свидѣтельствующіе объ этой работѣ поэта, помѣщены въ изданіи 1869 года (стр. 177—216 и 341—373) и прилагаются къ настоящему въ видѣ отдѣльнаго дополненія.

Настоящее изданіе конечно не полно. Въ немъ находится только то, что заключалось въ сборникахъ и изданіяхъ, сдѣланныхъ самимъ покойнымъ отцомъ моимъ. Я считаю своимъ долгомъ не нарушать его воли, пока законъ даетъ мнѣ на это право. Впрочемъ весьма немногое не включено моимъ отцемъ, частію по особеннымъ соображеніямъ, частію по забывчивости. Вотъ полный, я почти въ томъ увѣренъ, указатель тѣхъ стихотвореній, которыя не вошли въ собраніе, но напечатаны въ старыхъ журналахъ и альманахахъ:

1819. Къ Алинѣ. *Благонамѣренный*, № 3, стр. 332.
 Портретъ В. *Тамъ же*, стр. 335.
 Любовь и дружба. *Тамъ же*, стр. 334.
 Эпиграмма. *Тамъ же*, № 9, стр. 143.
 Дамонъ! ты началъ—продолжай.
 Къ Креницыну. *Сынъ От.*, ч. 55, № 30, стр. 181—182.
 Прощаніе. «Простите, милые досуги». *Благонам.*, № 15, стр. 181—182.
1820. Къ Кюхельбеккеру. *Сынъ От.*, ч. 59, № 5, стр. 225.
 Прости, поэтъ, судьбина вновь
 Мнѣ посохъ странника вручила ..
 Элегія. *Соревноват.*, ч. 9 (1), стр. 196.
 «На краткій мигъ плѣняется въ жизни радость».
 К—ву. *Тамъ же*, стр. 327—328.
 «Любви веселый проповѣдникъ».
 Весна. Элегія. *Тамъ же*, ч. 10 (2), стр. 88—89.
 «Мечты волшебныя, вы скрылись отъ очей».
 Финскимъ красавицамъ. Мадригалъ. *Тамъ же*, стр. 186.
1821. Больной. *Сынъ Отеч.*, ч. 68, № 8, стр. 37.
 «Други! радость измѣнила,
 Предо мною мраченъ путь».
 Нѣтъ, не бываетъ тому, что было прежде. *Соревнов.*, № 11, стр. 204.

1823. Къ Б. *Новости Лит.*, ч. 3, стр. 28.
«И такъ безпечнаго досуга».
1824. Къ * *Новости Лит.*, ч. 9 (юль), стр. 40—41.
«За чѣмъ живыя выраженья».
1825. Леда. *Мнемозина*, ч. IV, стр. 221.
1826. Къ Анетѣ. *Съв. Цветы*, стр. 15.
«Когда Климена подарила
На память это мнѣ кольцо».
Въ альбомѣ, *Невскій Альманахъ*, стр. 90.
«Что въ вашъ альбомъ я напишу?»
Эпиграмма. *Моск. Телегр.*, ч. VII, № 2, стр. 60.
«Что ни толкуй, а я великій мужъ».
1827. Къ Д(ельвигу). На другой день послѣ его женитьбы.
Сириусъ, альм. 1826 г., стр. 76 (перепеч. въ *Славя-
никъ*, ч. I, № 3, стр. 35.
«Ты распрощался съ братствомъ шумнымъ».
1828. Эпиграмма. *Современникъ*, 1854, № 10, стр. 159.
«Повѣрьте мнѣ» Зоиловъ журналистъ
Намъ говорить».
На виньетку, представляющую господина за письменнымъ
столомъ, а возлѣ него Истину. *Тамъ же*, стр. 159.
«Онъ точно! онъ безспорно
Зоиловъ журналистъ!»...
1830. Эпиграмма. *Съв. Цв.*, стр. 7.
«Въ восторженномъ невѣжествѣ своемъ».
Невѣстѣ. А. Я. В. *Царское Село*, альманахъ, стр. 234.
«Не разъ Гимена клеветали».
Эпиграмма. *Литер. Газета*, № 32, стр. 258.
«Онъ вамъ знакомъ».
Генриеттѣ Зонтагъ. *Тамъ же*, № 49, стр. 102.
Имя. *Тамъ же*, № 51, стр. 116.
1831. Двѣ эпиграммы. *Денница*, стр. 137.
«Не то обѣда, Авдѣй Фигляринъ».
«Повѣрьте мнѣ, Фигляринъ моралистъ».
1840. Обѣды. *Утренн. Заря* 1840, стр. 184.
«Я не люблю хвастливые обѣды».
Звѣзды. *Тамъ же*, стр. 226.
«Мою звѣзду я знаю, знаю...»
Эпиграмма. *Тамъ же*, стр. 156.
«Въ рукахъ у этого педанта
Могильный заступъ, не перо...»

Нѣкоторые лица, интересующіяся отечественной литературой и знавшія о предпринятомъ мною изданіи, настаивали на помѣщеніи подробной біографіи отца моего, указывая на то, что въ моихъ рукахъ должны быть достаточныя для нея матеріалы. Уклоняясь въ настоящее время отъ выполненія этой задачи, я обращаюсь однако съ покорнѣйшею просьбою къ моимъ родственникамъ и къ лицамъ, у которыхъ могутъ находиться письма моего отца или какія либо свѣдѣнія о немъ, о высылкѣ мнѣ таковыхъ для снятія копій. Сочту священною для себя обязанностью возвратить все присланное въ неприкосновенной цѣлости. Съ біографическими однако цѣлями настоящее изданіе снабжено мною подробнымъ и точнымъ, по возможности, указателемъ всего того, что было когда либо писано объ отцѣ моемъ, какъ въ русской литературѣ, такъ и на иностранныхъ языкахъ. Въ этомъ указателѣ читатель найдетъ и біографическія данныя, и критическіе разборы, и статьи и другія, даже самыя мелкія свѣдѣнія. Сдѣлана также попытка въ этомъ изданіи указать и на переводы стихотвореній Баратынскаго, существующіе на иностранныхъ языкахъ. Но долженъ сознаться, что списокъ этотъ далеко не полонъ. Причина этого заключается въ удаленности Казани, моего мѣстопребыванія, отъ большихъ литературныхъ центровъ, гдѣ подобныя свѣдѣнія добываются съ гораздо большею легкостью и удобствомъ.

Приношу, въ заключеніе, мою душевную благодарность тѣмъ лицамъ, которыя съ живымъ интересомъ приняли участіе въ дѣлѣ изданія и помогали мнѣ совѣтами и указаніями: Н. Я. Агафонову, Н. Н. Буличу и Д. А. Корсакову.

Н. Боратынскій.

Казань, Апрель. 1884 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1819 годъ.

I.

М. А. ПАНЧУЛИДЗЕВОЙ.

Взгляните: свѣжестю молодой,
И въ осень лѣтъ, она плѣняется,
И у нея летунъ сѣдой
Ланитныхъ розъ не похищаетъ;
Самъ побѣжденный красотой,
Глядитъ—и путь не продолжаетъ.

II.

ДЕЛЬВИГУ.

Такъ, любезный мой Горацій,
Такъ, хоть радъ, хотя не радъ,
Но теперь я Музъ и Грацій
Промѣнялъ на вахтпарадъ;
Сыну милому Венеры,
Приунывъ, прости сказалъ;
Гордый лавръ и миртъ веселый
Киверъ воина тяжелый
На главѣ моей измялъ,
Строю пѣтъ въ забытой мирѣ,
Хладно день за днемъ идетъ,
И теперь меня въ мундирѣ
Геній мой не узнаётъ!
Мнѣ-ли думать о куплетахъ?
За свирель.... а тутъ бѣды!
Марсъ, затаенный въ штиблетахъ
Объгаеть ужъ рады,
Кличеть ратниковъ по свойски.
О судьбы переворотъ!
Твой поэтъ летитъ геройски,
Вмѣсто Пинда, на разводъ.

Вамъ, свободные Шиты,
Пѣть, любить; меня же врьдъ,
Иль Камены, иль Хариты
Въ караулѣ навѣстятъ.

Вольный баловень забавы,
Ты, которому даютъ
Говорливыя дубравы
Поэтическій пріютъ,
Для кого, въ долинѣ злачной,
Извиваясь, ключъ прозрачной
Вдохновительно журчить,
Ты, кого зовутъ къ свирѣли
Соловья живыя трели,
Пой, любимецъ Аонидъ!
Въ тихой, сладостной кручинѣ
Слушать буду голосъ твой,
Какъ внимаютъ на чужбинѣ
Языку страны родной.

III.

Т—МУ ВЪ АЛЬБОМЪ.

Землякъ! въ странѣ чужой, суровой
Сошлись мы вновь, и сей листокъ
Ждетъ отъ меня завѣтныхъ строкъ
На память для разлуки новой.
Ты любишь милую страну,
Гдѣ жизнь и радость мы узнали,
Гдѣ зрѣли первую весну,
Гдѣ первой страстію пылали.
Покинулъ я предѣлы родной!
Такъ и съ тобою, другъ мой милый,
Здѣсь проведу я день другой;
И какъ узнать? въ странѣ чужой
Окончу я мой вѣкъ унылый;
А ты увидишь домъ отцовъ,
А ты узришь поля родныя,
И прошлыхъ счастливыхъ годовъ
Вспомынешь были золотыя.
Но гдѣ товарищъ, гдѣ поэтъ,
Тобой съ младенчества любимый?
Онъ совершилъ судьбы завѣтъ,
Судьбы враждебной съ юныхъ лѣтъ

И до конца непримиримой!
Когда-жъ стихи мои найдешь,
Гдѣ складу нѣтъ, но чувство живо,
Ты ихъ задумчиво прочтешь,
Глаза потупишь молчаливо...
И тихо листъ перевернешь.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОЭМЫ ВОСПОМИНАНІЯ (*).

(Невскій Зритель 1820 г. Ч. I. январь, стр. 85).

Посланница небесъ, безсмертныхъ даръ счастливый,
 Подруга тихая печали молчаливой,
 О память!—ты одна бесѣдуешь со мной,
 Ты возвращаешь мнѣ отъятое судьбой;
 Тобою счастья мгновенья легкокрылы,
 Давно протекшія, въ мечтахъ мнѣ снова милы.
 Еще въ забвеніи дышу отградой ихъ;
 Люблю, задумавшись, минувшихъ днѣй моихъ
 Воспоминать мечты, надежды наслажденья,
 Минуты радости, минуты огорченья.
 Не разъ волшебною взлелѣянный мечтой
 Я въ ночь безмолвную бесѣдовалъ съ тобой;
 И въ дни счастливые на часъ перенесенный,
 Дремалъ утѣшенный и съ жизнью примиренный.

Такъ, всѣмъ обязанъ я твоимъ привѣтнымъ снамъ.
 Тебя я пѣть хочу;—дай жизнь моимъ струнамъ,
 Цѣвницѣ вторъ моей;—твой голосъ сердцу внятенъ,
 И рѣзвой радости и грусти оныя пріятенъ.

(*). Эти Отрывки не были печатаемы въ собраніяхъ сочиненій поэта 1827 и 1835 г. Въ первый разъ они появились въ изданіи 1869 г.

Ахъ! кто о прежнихъ дняхъ порой не вспоминаль?
 Кто жизнь печальную мечтой не украшалъ?
 Смотрите:— Вотъ старикъ сѣдой, изнеможенный,
 На веткихъ костыляхъ подъ ношей лѣтъ согбенный,
 Онъ съ жизнью сопряженъ страданіемъ однимъ.
 Уже могилы дверь отверста передъ нимъ;—
 Но онъ живетъ еще!—онъ помнитъ дни златые!
 Онъ помнитъ рѣзвости и радости младыя!
 Съ товарищемъ сѣдымъ, за чашей круговой,
 Мечтаетъ о быломъ, и вновь цвѣтеть душой;
 Свѣтлѣетъ взоръ его, весельемъ духъ пылаетъ,
 И руку друга онъ съ восторгомъ пожимаетъ.

. . . . .
 . . . . .

Наскучивъ страпствіемъ и жизни суетою,
 Усталый труженникъ подъ кровлею родною
 Вкушаетъ сладостный бездѣйствія покой;
 Благодаритъ боговъ за мирный уголь свой;
 Забытый отъ людей блажитъ уединенье,
 Гдѣ отъ заботъ мірскихъ нашель отдохновенье;
 Но любитъ вспоминать онъ были прежнихъ лѣтъ,
 И море бурное, и столько жъ бурный свѣтъ,
 Мечтанья юности, восторги сладострастья,
 Обманы радости и вѣтреннаго счастья;
 Милѣ кажется ему родная сѣнь,
 Покой отраднѣе, пріятнѣй роши тѣнь,
 Уединенная роскошнѣе природа,
 И тихо шепчетъ онъ:—„всего милѣй свобода!“—

О дѣти памяти! о Фебовы сыны!
 Пѣвцы безсмертные! кому одолжены

Вы силой творческой небесныхъ вдохновеній?
 — „Отзыву прежнихъ чувствъ и прежнихъ впечатлѣній“.
 Они неопытный развить умѣли умъ,
 Зажгли, питали въ немъ, хранили пламень думъ.
 Образовала васъ природа—не искусство:
 Такъ, чувство выражать одно лишь можетъ чувство.
 Когда вы кистию волшебною своею
 Порывы бурные, волненіе страстей
 Прелестно, пламенно и вѣрно выражали,
 Вы отголоску ихъ самихъ себѣ внимали.
 Ахъ, сколькихъ стоитъ слезъ безсмертія вѣнецъ!

. . . . .
 Но все покоится въ безмолвіи nocturno,
 И вѣжды томныя сомкнулись тихимъ сномъ.
 Воспоминанія небесный, свѣтлый Геній
 Къ намъ выпускается на крыльяхъ сновидѣній.
 Въ плѣнительныхъ мечтахъ, одушевленныхъ имъ,
 И къ играмъ и трудамъ обычнымъ мы спѣшимъ:
 Пастухъ беретъ свирѣль, владѣлецъ багряницу,
 Художникъ кисть свою, поэтъ свою цѣвницу,
 Потомокъ рыцарей, взлелѣянный войной,
 Сверкающимъ мечемъ махаетъ надъ головой.

. . . . .

Доколѣ памяти животворящій свѣтъ
 Еще не озарилъ туманной бездны лѣтъ,
 Текли въ безвѣстности вѣка и поколѣнья;
 Все было жертвою безгласнаго забвенья:
 Дѣла великія не славились молвой,
 Подъ камнемъ гробовымъ незнаемъ тлѣлъ герой.

Преданья свѣтъ блеснулъ,—и камни гласъ пріѣли,
 Вѣка минувшіе изъ тьмы своей возстали;
 Народы поздніе урокамъ внемлютъ ихъ,
 Какъ гласу мудрому наставниковъ сѣдыхъ.

Кавказа дивныя, волшебныя картины!
 Свободный, гордый Римъ! блестящіе Аѳины!
 Великолѣпный рядъ триумфовъ и честей!
 Съ какимъ волненіемъ внималъ я съ юныхъ дней
 Безсмертнымъ повѣстямъ Плутарха, Оукидида!
 Я Персовъ поражалъ съ дружиной Леонида;
 Съ отцомъ Виргиніи отмщеніемъ пылалъ:
 Казалось, грудь мою пронзилъ его кинжалъ;
 И, подданный Царя, защитникъ вѣрный трона,
 Въ восторгѣ трепеталъ при имени Катона.

Но любопытный умъ въ одной ли тьмѣ преданій
 Найдеть источники уроковъ и познаній?—
 Нѣтъ; все вокругъ меня гласитъ о прежнихъ дѣяхъ.
 Блуждая странникомъ въ незнаемыхъ краяхъ,
 Я всюду шествую, минувшимъ окруженный;
 Я вопрошаю прахъ дряхлѣющей вселенной:
 И грады, и поля, и сей безмолвный рядъ
 Рукою времени набросанныхъ громадъ.
 Событій прежнихъ лѣтъ свидѣтель молчаливый,
 Со мной бесѣдуетъ ихъ прахъ краснорѣчивый.
 Здѣсь отвѣчаютъ мнѣ оракулы времянь.

Смотрите,—видите-ль, дымится Кароагень!
 Полнеба Африки пожарами пылаеть!
 Съ протяжнымъ грохотомъ Пальмира упадаеть!
 Какъ волны дымныя бѣгущихъ облаковъ,
 Мелькають предо мной событія вѣковъ.
 Печать минувшаго повсюду мною зрима.....
 Поля Авзоніи! державный пепель Рима!
 Глашатаи чудесь и славы прежнихъ лѣтъ!
 Съ благоговѣньемъ васъ привѣтствуетъ Поэтъ.
 Смотрите, какъ, вѣка незримо пролетая,
 Твердыни древнія и горы подавляя,
 Бросая гробъ на гробъ, свергая храмъ на храмъ,
 Остатки гордые являютъ Рима намъ
 Великолѣпныя, безсмертныя громады!
 Вотъ здѣсь висящихъ рѣкъ шумѣли водопады,
 Вотъ здѣсь входили въ Римъ когорты плебеянъ,
 Обремененныя богатствомъ дальнихъ странъ;
 Чертоговъ, портиковъ вездѣ я зрю обломки,
 Гдѣ начерталь рѣзецъ Римлянъ дѣянья громки.
 Не смѣла времени разрушить ихъ рука,
 И возлегли на нихъ усталые вѣка.
 Все, все вѣщаетъ здѣсь уму, воображенью.
 Внимайте времени вѣчному поученью!
 Познайте тлѣнія неизблемый законъ!
 Изъ-подъ развалинъ сихъ вѣщаетъ глухо онъ:
 „Все гибнетъ, все падеть,—и грады, и державы“...
 О колыбель наукъ, величія и славы!
 Отчизна свѣтлая героевъ и боговъ!
 Святая Греція! теперь толпы рабовъ
 Блауждаютъ на берегахъ божественной Эллады;

Ко храму ветхому Діаны иль Паллады
 Шалашъ пристроилъ свой лѣнивый рыболовъ!
 Ты-бъ не узналъ, Солонъ, страну своихъ отцовъ:
 Подъ чуждымъ скипетромъ главою она поникла;
 Никто не слышитъ тамъ о подвигахъ Перикла;—
 Все губить, все мертвить невѣжества яремъ.
 Но неужель для насъ языкъ развалинъ нѣтъ?
 Нѣтъ, нѣтъ, лишь понимать умѣйте ихъ молчанье,—
 И новый міръ для васъ создастъ воспоминанье.

. . . . .
 Счастливъ, счастливъ и тотъ, кому дано судьбою
 Отъ странствій отдохнуть подъ кровлею родною,
 Увидѣть милую, священную страну,
 Гдѣ жизни онъ провелъ прекрасную весну,
 Провелъ невинное, безоблачное дѣтство.
 О край моихъ отцовъ! о мирное наслѣдство!
 Всегда присутственны вы въ памяти моей:
 И въ берегахъ крутыхъ сверкающей ручей,
 И свѣтлые луга, и темныя дубравы,
 И сельскихъ жителей привѣтливые нравы.—
 Пріятно вспоминать младенческіе дни.....

. . . . .
 Когда, едва вздохнувъ для жизни неизвѣстной,
 Я съ тихой радостью взглянулъ на міръ прелестный,—
 Съ какимъ восторгомъ я природу обнималъ!
 Какъ свѣтъ прекрасенъ былъ!—Увы! тогда не зналъ
 Я буйственныхъ страстей въ безпечности невинной;
 Дитя, взлелѣянный природою пустынной,
 Ее одну лишь зрѣлъ, внималъ одной лишь ей.
 Сіянье солнечныхъ торжественныхъ лучей
 Веселье тихое мнѣ въ сердце проливало;

Оно съ природою въ ненастьѣ унывало;
 Не зналъ я радостей, не зналъ я мукъ другихъ;
 За мигомъ не умѣлъ другой предвидѣть мигъ;
 Я слишкомъ счастливъ былъ спокойствіемъ певпапья;
 Блаженства чуждые и чуждые страданья,
 Часы невидимо мелькали надо мной.....
 О суждено ли мнѣ увидѣть край родной,
 Друзей оставленныхъ, друзей всегда любимыхъ,
 И сердцемъ отдохнуть въ тѣни дубравъ родимыхъ?...
 Тамъ счастье я найду въ отрадной тишинѣ.
 Не нужны почести, не нужно злато мнѣ; —
 Отдайте, пращуровъ мнѣ скромную обитель.
 Забытый отъ людей, дубравъ безвѣстный житель,
 Не позавидую надменнымъ богачамъ;
 Нѣтъ, нѣтъ, за тщетный блескъ я счастья не отдамъ.
 Не стану жертвовать Фортунѣ своевольной
 Спокойной совѣстью, судьбой своей довольный;
 И пѣсни нѣжныя, и мирный гимнъ
 Я буду посвящать отеческимъ богамъ.

Такъ, перешедши жизнь незнаемой тропою,
 Свой подвигъ совершивъ, усталую главою
 Склонюсь я наконецъ ко смертному одру;
 Для дружбы, для любви, для памяти умру;
 И все умереть со мной! — Но вы, любимцы Феба,
 Вы вмѣстѣ съ жизнію принявшіе отъ Неба
 И думъ возвышенныхъ и сладкихъ пѣсней даръ!
 Враждующей судьбы не страшень вамъ ударъ:
 Свой вѣкъ опередивъ, заранѣ слышитъ Гепій
 Рукоплесканія грядущихъ поколѣній.

. . . . .
 . . . . .

1820.

—
IV.

БРАТУ ЛЬВУ

(при отъздѣ его въ армію).

И такъ, мой милый, не шути,
Сказавъ прости домашней вѣгѣ,
Ты, усъ мечтательный крутя,
На шибко скачущей телѣгѣ,
Отъ насъ увы! далеко прочь,
О насъ увы! не сожалѣя,
Летишь курьеромъ день и ночь
Туда, туда, къ шатрамъ Арея!
И такъ, въ мундирѣ щегольскомъ,
Ты скоро станешь въ ратномъ строѣ
Межъ удалцами удалцомъ!
О милый мой! согласенъ въ томъ:
Завидно счастье такое!
Не приобщуся не въ попадѣ
Я къ мудрецамъ чрезъ мѣру важнымъ;
Иди! Воинственный нарядъ
Приличенъ юношамъ отважнымъ.
Люблю я бранные шатры,
Люблю безпечность полковую,

Люблю красивые смотры,
Люблю тревогу боевую,
Люблю я храбрыхъ, воинъ мой,
Люблю ихъ видѣть въ битвѣ шумной,
Летящихъ въ пламень роковой
Толпой веселой и бзумной!
Священный долгъ за ними въ слѣдъ
Тебя зоветь, любовникъ брани;
Ступай, служи Богинѣ бѣдъ,
И къ ней трепещущія длани
Съ мольбой подыметъ твой поэтъ.

V.

Опъ близокъ, близокъ день свиданья,
Тебя, мой другъ, увижу я!
Скажи, восторгомъ ожиданья
Что-жь не трепещеть грудь моя?
Не мнѣ роптать; но дни печали,
Быть можетъ, поздно миновали:
Съ тоской на радость я гляжу,
Не для меня ея сіянье,
И я напрасно упованье
Въ больной душѣ моей бужу.
Судьбы ласкающей улыбкой
Я наслаждаюсь не вполне:
Все мнится, счастливъ я ошибкой,
И не къ лицу веселье мнѣ.

VI.

Поэтъ Пизцовъ въ стихахъ тяжеловатъ,
Но я люблю незлобнаго собрата:
Ей, ей! не онъ предъ свѣтомъ виноватъ,
А передъ нимъ природа виновата.

VII.

ДѢВУШКѢ,

которая на вопросъ: какъ ее зовутъ? отвѣчала: не знаю.

Незнаю, милая, не знаю!

Краса плѣнительна твоя:

Не знаю я предпочитаю

Всѣмъ тѣмъ, которыхъ знаю я.

VIII.

ДЕЛЬВИГУ.

Гдѣ ты, безпечный другъ? гдѣ ты, о Дельвигъ мой,
 Товарищъ радостей мипувшихъ,
 Товарищъ ясныхъ дней, недавно падо мной
 Мечтой веселою мелькнувшихъ?

Ужель душѣ твоей такъ скоро чуждымъ сталъ
 Другъ отлученный, другъ далекой,
 На Финскихъ берегахъ, между пустынныхъ скалъ,
 Бродящій съ грустью одинокой?

Гдѣ ты, о Дельвигъ мой! ужель минувшихъ дней
 Лишь мнѣ чувствительна утрата,
 Уже-ль не ищешь ты въ кругу своихъ друзей
 Судьбой отторженнаго брата?

Ты помнишь-ли тѣ дни, когда рука съ рукой,
 Пылая жаждой сладострастья,
 Мы жизни ввѣрили и общую тропой ..
 Помчались за мечтою счастья?

„Что въ славѣ? что въ молвѣ? на время жизнь дана!“
 За полной чашей мы твердили,
 И весело въ струяхъ блестящаго вина
 Забвенъе сладостное пили.

И вотъ сгустилась ночь, и все въ глубокомъ снѣ —

Лишь дышетъ влажная прохлада.

На стогнахъ тишина! Сіяютъ при лунѣ

Дворцы и башни Петрограда.

Къ знакомцу доброму стучится Купидонъ.

„Пусть дремлетъ труженикъ усталый!

„Проснися, юноша, отвергни“, шепчетъ онъ,

„Покой безчувственный и вялый“.

„Взгляни, ты видишь-ли: покинувъ ложе сна,

„Передъ окномъ, полуодѣта,

„Томленья страстнаго въ дунѣ своей полпа,

„Счастливица ждетъ моя Лилета!“

Голпа безумная! напрасно ропщешь ты!

Блаженъ, кто легкою рукою

Беспой умѣлъ срывать весенніе цвѣты

И въ мирѣ жилъ съ самимъ собою;

Кто безъ унынія глубоко жизнь постигъ

И, равнодушіемъ богатый,

За царство не отдастъ покоя сладкій мигъ

И наслажденья мигъ крылатый!

Давно румяный Фебъ прогналъ почпую тѣнь,

Давно проснулись заботы,

А баловня забавъ еще покоитъ лѣнь

На ложѣ нѣги и дремоты.

И Лила спитъ еще: любовію горять

Младья, свѣжія ланиты,

И, мнится, поцѣлуй сквозь тонкій сонъ манять
Ея уста полуоткрыты.

И гдѣ-жъ берега Невы? гдѣ чашъ веселый стукъ?
Забытъ друзьями другъ заочной,
Исчезли радости, какъ въ вихрѣ слабый звукъ,
Какъ блескъ зарницы полуночной!

И я, пѣвецъ утѣхъ, пою утрату ихъ,
И вокругъ меня скалы суровы,
И воды чуждыя шумятъ у ногъ моихъ,
И на ногахъ моихъ оковы.

IX.

ПОДРАЖАНІЕ ЛАФARУ.

Свободу давъ тоскѣ моей,
 Уединенный, я недавно
 О наслажденьяхъ прежнихъ дней
 Жалѣлъ и плакалъ своенравно.
 Все обмануло, думалъ я,
 Чѣмъ сердце пламенное жило,
 Что восхищало, что томилло,
 Что было цвѣтомъ бытія!
 /Наставленъ истиной угрюмой,
 Отвынѣ съ праздною душой
 Живыхъ восторговъ легкой рой
 Я замѣню холодной думой
 И сердца мертвой тишипой!
 Тогда съ улыбкою коварпой
 Предсталъ внезапно Куниндонъ.
 О чемъ вздыхаешь, молвилъ онъ,
 О чемъ грустишь, неблагодарпой?
 Забудь печальныя мечты:
 Я вѣчно юнъ, и я съ тобою!
 Воскреснуть сердцемъ можешь ты;
 Не вѣришь мнѣ? взгляни на Хлою!

X.

ФИНЛЯНДІЯ

Въ свои разсѣлины вы приняли пѣвца,
 Грапиты Финскіе, граниты вѣковые,
     Земля: ледянаго вѣнца
     Богатыри сторожевые.
 Онь съ лирой между васъ. Поклонь его, поклонь
     Громадамъ міру современнымъ:
     Подобно имъ да будетъ онь
     Во всѣ години неизмѣннымъ!
 Какъ все вокругъ меня плѣняетъ чудно взоръ!
     Тамъ необъятными водами
     Слилося море съ небесами;
 Тутъ съ каменной горы къ нему дремучій боръ
     Сонель тяжелыми стопами,
 Сонель—и смотрится въ зеркалѣ гладкихъ водъ!
 Ужъ поздно, день погасъ, но ясенъ неба сводъ,
 На скалы Финскія безъ мрака почь нисходитъ
     И только-что собѣ въ уборъ
     Алмазныхъ звѣздъ пепужный хоръ
     На небосклонъ она выводитъ!
 Такъ вотъ отечество Одиновыхъ дѣтей,
     Грозы народовъ отдаленныхъ!

Таеъ это колыбель ихъ безпокойныхъ дней,
Разбоямъ громкимъ посвященныхъ!

Умолкъ призывный щить, не слышешь Скальда гласъ,
Воспламененный дубъ угасъ,

Развѣялъ бурный вѣтръ торжественные клики;
Сыны не вѣдаютъ о подвигахъ отцовъ;

И въ дольномъ прахѣ ихъ боговъ
Лежатъ низверженныя лики!

И все вокругъ меня въ глубокой тишинѣ!

О вы, носившіе отъ берега къ берегу бои,

Куда вы скрылися, полночныя герои?

Вашъ слѣдъ исчезъ въ родной странѣ.

Вы-ль, на скалы ея вперивъ скорбящи очи,

Плывете въ облакахъ туманною толпой?

Вы-ль? Дайте мнѣ отвѣтъ, услышите голосъ мой,

Зовущій къ вамъ среди молчанья ночи.

Сыны могучіе сихъ грозныхъ, вѣчныхъ скалъ!

Какъ отдѣлились вы отъ каменной отчизны?

Зачѣмъ печальны вы? зачѣмъ я прочиталъ

На лицахъ сумрачныхъ улыбку укоризны?

И вы сокрылися въ обители тѣней!

И ваши имена не пощадило время!

Что-жь наши подвиги, что слава нашихъ дѣй,

Что наше вѣтренное племя?

О, все своей чредой исчезнетъ въ безднѣ лѣтъ!

Для всѣхъ одинъ законъ, законъ уничтоженья,

Во всемъ мнѣ слышится таинственный привѣтъ

Обѣтовавшаго забвенья!

Но я, въ безвѣстности, для жизни жизнь любя,
Я беззаботливой душою
Вострепещу-ль передъ судьбою?
Не вѣчный для временъ, я вѣченъ для себя:
Не одному-ль воображенью
Гроза ихъ что-то говорить?
Мгновенье мнѣ принадлежить,
Какъ я принадлежу мгновенью!
Что нужды до былыхъ, или будущихъ племенъ?
Я не для нихъ брещу незвонкими струнами;
Я, не внимаемый, довольно награжденъ
За звуки звуками, а за мечты мечтами.

XI.

КЪ КОНШИНУ.

Повѣрь, мой милый другъ, страданье нужно намъ.
 Не испытайъ его, нельзя понять и счастья:
 Живой источникъ сладострастья
 Дарованъ въ немъ его сыпавъ.
 Однѣ-ли радости отрадны и прелестны?
 Одно-ль веселье веселить?
 Бездѣйственность души счастливецъ тяготитъ:
 Имъ силы жизни неизвѣстны.
 Не намъ завидовать лѣнивымъ чувствамъ ихъ!
 Что въ дружбѣ вѣтренной, въ любви однообразной
 И въ ощущеніяхъ слѣпыхъ
 Души разсѣянной и правдой?
 Счастливыцы мнимые, способны-ль вы понять
 Участья нѣжнаго сердечную услугу?
 Способны-ль чувствовать, какъ сладко повѣрять
 Печаль души своей внимательному другу?
 Способны-ль чувствовать, какъ дорогъ вѣрный другъ?
 Но кто постигнуть рокомъ глѣбнымъ,
 Чью душу тяготитъ мучительный недугъ,
 Тотъ дорожить врачомъ душевнымъ.
 Что, что даетъ любовь веселымъ шалунамъ?

Забаву легкую, минутное забвенье;
Въ ней благо лучшее дано богами намъ
И нужды живѣйшихъ утоленья!
Какъ будетъ сладко, милый мой,
Повѣрить нѣжности чувствительной подруги,
Скажу-ль? всѣ раны, всѣ недуги,
Все расслабленіе души твоей больной;
Забывъ и свѣтъ и рокъ суровый,
Желанье смутное въ одно желанье слить
И на устахъ ея, въ ея дыханьи пить
Цѣлебный воздухъ жизни новой!
Хвала всевидящимъ богамъ!
Пусть мнимымъ счастьемъ для свѣта мы убоги,
Счастливыцъ насъ обдѣлѣй, и праведные боги
Имъ дали чувственность, а чувство дали намъ.

1821.

—
XII.

ЛАГЕРЬ.

Разсѣваетъ грусть пировъ веселый шумъ.

Вчера, за чашей круговую,

Средь братьевъ полковыхъ, въ ней утопилъ мой умъ

Хотѣлъ воскреснуть я душою.

Туманъ полуночный на холмы возлегаль,

Шатры надъ озеромъ дремали,

Лишь мы не знали сна, и пѣнистый бокаль

Съ весельемъ буйнымъ осушали.

Но что-же? вѣ себя я тщетно жить хотѣлъ:

Вино и Вакха мы хвалили;

Но я безрадостно съ друзьями радость пѣлъ:

Восторги ихъ мнѣ чужды были.

Того не приобрѣсть, что сердцемъ не дано.

Рокъ злобный къ намъ ревниво злобещъ:

Одну печаль свою, уныніе одно

Унылый чувствовать способенъ.

XIII.

ДЕРЕВНЯ.

Я возвращуся къ вамъ, поля моихъ отцовъ,
Дубравы мирныя, священныя сердцу кровя!
Я возвращуся къ вамъ, домашнія иконы!
Пускай другіе чтутъ приличія законы;
Пускай другіе чтутъ ревнивый судъ невѣжды;
Свободный наконецъ отъ суетныхъ надеждъ,
Отъ безпокойныхъ сновъ, отъ вѣтреныхъ желаній,
Испивъ безвременно всю чашу испытаній,
Не призракъ счастья, но счастье нужно мнѣ.
Усталый труженникъ, спѣшу къ родной странѣ
Заснуть желаніемъ сномъ, подъ кровлею родимой.
О домъ отеческій! о край всегда любимой!
Родныя небеса! Невзвучный голосъ мой,
Въ стихахъ задумчивыхъ васъ пѣлъ въ странѣ чужой;
Вы мнѣ повѣте спокойствіемъ и счастьемъ.
Какъ въ пристани пловецъ, испытанный несчастіемъ,
Съ улыбкой слушаетъ, надъ бездною возсѣвъ,
И бури грозный свистъ и волнь мятежный ревъ;
Такъ, небо не моли о почестяхъ и златѣ,
Спокойный домосѣдъ, въ моей безвѣстной хатѣ,
Укрывшись отъ толпы взыскательныхъ судей,

Въ кругу друзей своихъ, въ кругу семьи своей,
Я буду издали глядѣть на бури свѣта.
Нѣтъ, нѣтъ, не отмѣню священнаго обѣта!
Пускай летитъ къ шатрамъ безтрепетный герой,
Пускай кровавыхъ битвъ любовникъ молодой
Съ волненьемъ учится, губя часы златые,
Наукѣ размѣрять окопы боевые:
Я съ дѣтства полюбилъ сладчайшіе труды.
Прилежный мирный плугъ, взрывающій бразды,
Почтеніе меча; полезный въ скромной долѣ,
Хочу воздѣлывать отеческое поле.
Оратай, ветхихъ дней достигшій надъ сохой,
Въ заботахъ сладостныхъ наставникъ будетъ мой;
Мнѣ драхлаго отца сыны трудолюбивы
Помогутъ утучнять наслѣдственные нивы.
А ты, мой старый другъ, мой вѣрный доброхотъ,
Усердный пѣстунъ мой, ты, первый огородъ
На отческихъ поляхъ разведшій въ дни былые!
Ты поведешь меня въ сады свои густые,
Деревьевъ и цвѣтовъ расскажешь имена.
Я самъ, когда съ небесъ роскошная весна
Повѣтъ нѣгою воскреснувшей природѣ,
Съ тяжелымъ заступомъ явлюся въ огородѣ;
Приду съ тобой садить коренья и цвѣты.
О подвигъ благостный! не тщетенъ будешь ты:
Богиня пажитей признательнѣй Фортуны!
Для нихъ безвѣстный вѣкъ, для нихъ свирѣль и струны;
Онѣ доступны всѣмъ, и мнѣ за легкій трудъ
Плодами сочными обильно воздадутъ.
Отъ градъ и заступа спѣшу къ полямъ и плугу;

А тамъ, гдѣ ручеекъ по бархатному лугу
Катить задумчиво пустынные струи,
Въ весенній ясный день, я самъ, друзья мои,
У берега насажу лѣсокъ уединенный,
И липу свѣжую и тополь осребренный;
Въ тѣни ихъ отдохнетъ мой правнукъ молодой;
Тамъ дружба вѣкогда сокроетъ пепель мой,
И вмѣсто мрамора, положить на гробницу
И мирный заступъ мой и мирную цѣвницу.

XIV.

Л И Д Ъ.

Твой дѣтскій вызовъ мнѣ пріятель,
Но не желай моихъ стиховъ:
Не мпогимъ избраннымъ понятенъ
Языкѣ поэтовъ и боговъ.
Когда подъ звонкіе напѣвы,
Подъ звукъ свирѣли плясовой,
На муравѣ рука съ рукой
Кружатся юноши и дѣвы,
Вмѣшавшись въ рѣзвый хороводъ,
Хариты, вѣтренный Эротъ.
Дриады, Фавны пляшутъ съ ними
И гонять прочь толпу заботъ
Воскликновеньями своими.
Поодаль Музы между тѣмъ,
Таяся въ сумракѣ дубравы,
Глядятъ, незримыя никѣмъ,
На ихъ невинныя забавы;
Но ихъ соборъ въ то время пѣмъ.
Пѣвцу-ли вѣтренно безславить
Плоды возвышенныхъ трудовъ
И легкомысліе забавить

Игрою гордою стиховъ?
И той не рѣдко, чье возрѣнье
Даруетъ лирѣ вдохновенье,
Не повѣряетъ онъ его:
Поетъ одинъ, подобный въ этомъ
Пчелѣ, которая со цвѣтомъ
Не дѣлитъ меда своего.

XV.

П Ъ С Н Я.

Страшно воесть, завываетъ
Вѣтръ осенній;
По поднёбесью далече
Тучи гонить.

На часахъ стоять печалень
Юный ратникъ;
Онъ уносится за ними
Грустной думой.

О, куда, куда васъ, тучи,
Вѣтеръ гонить?
О, куда ведетъ судьбина
Горемыку?

Тошно жить мнѣ: мать родную
Я покинулъ!
Тошно жить мнѣ: съ милой сердцу
Я разстался.

„Не грусти!“ душа дѣвица
Мнѣ сказала.

„За тебя молиться будетъ
Другъ твой вѣрный“.

Что въ молитвахъ? я въ чужбинѣ
Дни скончаю.

Возвращусь-ли? взоръ твой друга
Не признаетъ.

Не видать въ лицо мнѣ счастья:
Жить на что мнѣ?

Дай пріютъ, земля сырая,
Разступися.

Онъ поетъ, никто не слышитъ
Словъ печальныхъ....

Ихъ разноситъ, заглушаетъ
Вѣтеръ бурный.

XVI.
БДѢНІЕ.

Одинъ, и пасмурный душою,
Я предъ окномъ сидѣлъ;
Свистѣла буря надо мною,
И глухо дождь шумѣлъ.

Ужъ поздно было, ночь сгустилась;
Но сонъ бѣжалъ очей,
О дальномъ дѣтствѣ пробудилась
Тоска въ душѣ моей.

„Увижу-ль васъ, поля родныя,
„Увижу-ль васъ, друзья?
„Губя печалью дни младые,
„Примѣтно вяну я!

„Дни пролетаютъ, годы тоже;
„Межъ тѣмъ блѣднѣетъ свѣтъ!
„Давно-ль покинулъ васъ, и что-же?
„Двоихъ ужъ въ мірѣ нѣтъ!

„И мнѣ назначена могила!
„Умру въ чужой странѣ,
„Умру, и вѣтренная Лила
„Не вспомнить обо мнѣ!“

Душа стѣснилася тоскою;
Я грустно онѣмѣль,
Склонился на руку главою,
Въ окно не зря глядѣль.

Очнулся я; румянь и свѣтель
Ужь новый день сіяль,
И громкой пѣснью ранній пѣтель
Мнѣ утро возвѣщаль.

XVII.
ВЪ АЛЬБОМЪ.

Вы слишкомъ многими любимы,
Чтобы возможно было вамъ
Знать, помнить всѣхъ по именамъ;
Сии листки необходимы,
Они не нужны были встарь:
Тогда не знали дружбы модной.
Тогда, Богъ вѣсть! иной дикарь
Сердечный адресъ-календарь
Почель-бы выдумкой негодной.
Что толковать о старинѣ!
Стихи готовы. Можетъ статья,
Они для справки обо мнѣ
Вамъ очень скоро пригодятся.

XVIII.

Б—НУ.

Пріятель строгій, ты неправъ.
Несправедливы толки злые:
Друзья веселья и забавъ,
Мы не повѣсы записные!
По своеволю страстей
Себѣ мы правилъ не слагали,
Но пылкой жизнью юныхъ дней,
Пока дышалось, дышали;
Любили шумные пиры;
Гостей веселыхъ той поры,
Забавы, шалости любили
И за роскошные дары
Младую жизнь благодарили.
Во имя лучшихъ изъ боговъ,
Во имя Вакха и Киприды,
Мы пѣли счастье шалуновъ,
Сердечно презря крикуновъ
И ихъ ревнивыя обиды.
Мы пѣли счастье дней младыхъ!
Межь тѣмъ летѣла наша младость:
Порой задумывалась радость

Въ кругу поклонниковъ своихъ;
Въ душѣ больной отъ пищи многой,
Въ душѣ усталой пламень гасъ,
И за стаканомъ, въ добрый часъ,
Засталь насъ какъ-то опытъ строгой.
Наперсницъ нашихъ, страстныхъ дѣвъ,
Мы поцѣлуи позабыли.
И предъ суровымъ оробѣвъ,
Утѣхи крылья опустили.
Съ тѣхъ поръ, любезный, не поемъ
Мы безразсудныя забавы,
Смиренно дни свои ведемъ
И ждемъ отъ свѣта доброй славы.
Теперь вопросъ я отдаю
Тебѣ на судъ. Подумай, мы-ли
Перемѣнили жизнь свою,
Иль годы насъ перемѣнили?

XIX.

ВОДОПАДЪ.

Шуми, шуми съ крутой вершины,
Не умолкай, потокъ съдой!
Соединяй протяжный вой
Съ протяжнымъ отзвонъ долины.

Я слышу: свищетъ Аквилонъ,
Качаетъ елю скрышучей,
И съ непогодою ревучей
Твой ревъ мятежный соглашонъ.

Зачѣмъ съ безумнымъ ожиданьемъ
Къ тебѣ прислушиваюсь я?
Зачѣмъ трепещетъ грудь моя
Какимъ-то вѣщимъ трепетаньемъ?

Какъ очарованный стою
Надъ дымной бездною твоею,
И, мнится, сердцемъ разумѣю
Рѣчь безглагольную твою.

Шуми, шуми съ крутой вершины,
Не умолкай, потокъ съдой!
Соединяй протяжный вой
Съ протяжнымъ отзвонъ долины.

XX.

КОШИНУ.

Живи смѣлѣй, товарищъ мой,
 Разнообразъ досугъ шутилой!
 Люби, мечтай, пируй и пой,
 Пренебреги молвы болтливой
 И порицаньемъ и хвалою!
 О, какъ безумна жажда славы!
 Равно исчезнуть въ безднѣ лѣтъ,
 И годы шумные побѣдъ,
 И мигъ незнаемый забавы!
 Всѣхъ смертныхъ ждетъ судьба одна:
 Всѣхъ чередомъ поглотитъ Лета,
 И философа болтуна,
 И длинноусаго корнета,
 И въ молдаванкѣ шалуна
 И въ рублищѣ Анахорета.
 Познай-же цѣну срочныхъ дней,
 Лови пролетное мгновенье!
 Исчезнетъ жизни сновидѣнье:
 Кто былъ счастливѣй, былъ умпѣй.
 Будь друженъ съ Музою моею,
 Оставимъ мудрость мудрецамъ;
 На что чиниться съ жизнью намъ,
 Когда шутить мы можемъ съ нею?

XXI.

КОНШИНУ.

Пора покинуть, милый другъ,
 Знамена вѣтренной Киприды
 И неизбѣжныя обиды
 Предупредить, пока досугъ.
 Чьихъ ожидать увѣщеваній!
 Мы лишены старинныхъ правъ
 На своеволие забавъ,
 На своеволие желаній.
 Ужь отлетаетъ вѣкъ молодой,
 Ужь сердце опытнѣе стало:
 Теперь ни въ чемъ, любезный мой,
 Намъ изступленье не пристало!
 Оставимъ юнымъ шалунамъ
 Слепую жажду сладострастья;
 Не упоенія, а счастья
 Искать для сердца должно намъ.
 Пресытись буйнымъ наслажденьемъ,
 Пресытись ласками Цирцей,
 Шепчу я часто съ умиленьемъ,
 Въ тоскѣ задумчивой моей:
 Нельзя-ль найти подруги нѣжной,

Съ кѣмъ могъ-бы, въ счастливой глуши,
Предаться нѣгѣ безмятежной
И чистымъ радостямъ души;
Въ чье неизмѣнное участие
Безпечно вѣроваль-бы я,
Случится-ль ведро или ненастье
На перепутьѣ бытія?
Гдѣ-жь обреченная судьбою?
На чьей груди я успокою
Свою усталую главу?
Или съ волненьемъ и тоскою
Ее напрасно я зову?
Или въ печали одинокой
Я проведу остатокъ дней,
И тихій свѣтъ ея очей
Не озаритъ ихъ тьмы глубокой,
Не озаритъ души моей!

XXII.

ОТЪѢЗДЪ.

Прощай, отчизна непогоды,
Печальная страна,
Гдѣ дочь любимая природы
Безжизненна весна;
Гдѣ солнце не-хотя сіяеть,
Гдѣ сосенъ вѣчный шумъ,
И моря ревъ, и все питаетъ
Безумье мрачныхъ думъ;
Гдѣ отлученный отъ отчизны
Враждебною судьбой,
Изнемогаль безъ укоризны
Изгнанникъ молодой;
Гдѣ позабыть молвой гремучей,
Но все душой шить,
Свою Музою летучей
Онъ не былъ позабыть!
Теперь для сладкаго свиданья
Спѣшу къ странѣ родной;
Въ воображеньи край изгнанья
Послѣдуетъ за мной:
И камней мшистыя громады,
И видъ полей нагихъ,

И вѣвовые водопады,
И шумъ угрюмый ихъ!
Я вспомню съ тайнымъ сладострастьемъ
Пустынную страну,
Гдѣ я въ размолвкѣ съ тихимъ счастьемъ
Провелъ мою весну;
Но гдѣ порою житель неба,
Наперекоръ судьбѣ,
Не измѣнилъ питомецъ Феба
Ни Музамъ, ни себѣ.

XXIII.

ЦВѢТОКЪ.

Съ восходомъ солнечнымъ Людмила,
Сорвавъ себѣ цвѣтокъ,
Куда-то шла и говорила:
„Кому отдамъ цвѣтокъ?“

„Что торопиться? мнѣ-ль наскучить
Лелѣять свой цвѣтокъ?
Нѣтъ! недостойный не получить
Душистый мой цвѣтокъ“.

И говорилъ ей каждый встрѣчный:
Прекрасенъ твой цвѣтокъ!
Мой милый другъ, мой другъ сердечный,
Отдай мнѣ твой цвѣтокъ!

Она въ отвѣтъ: „сама я знаю,
Прекрасенъ мой цвѣтокъ;
Но не тебѣ, и это знаю,
Другому мой цвѣтокъ“.

Красою яркой день сіяетъ:
У дѣвушки цвѣтокъ;
Вотъ полдень, вечеръ наступаетъ:
У дѣвушки цвѣтокъ!

Идетъ. Услава повстрѣчала:

Онъ прелестью цвѣтокъ.

„Ты милъ!—она ему сказала,—

Возми-же мой цвѣтокъ!“

Онъ что-же дѣвѣ? Онъ спѣсиво:

На что мнѣ твой цвѣтокъ?

Ты мнѣ даришь его; не диво:

Увянуль твой цвѣтокъ.

XXIV.
ДЕЛЬВИГУ.

Напрасно мы, Дельвигъ, мечтаемъ найти
Въ сей жизни блаженство прямое:
Небесные боги не дѣлятся имъ
Съ земными дѣтьми Прометея.

Похищенной искрой созданье свое
Дерзнулъ оживить безразсудный;
Безсмертныхъ онъ презрѣлъ, и страшная казнь
Постигнула чадъ святотатства.

Нашъ тягостный жребій: положенный срокъ
Питаться болѣзненной жизнью,
Любить и дѣлать недугъ бытія,
И смерти отрадной страшиться.

Нужды непреклонной слѣпыя рабы,
Рабы самовластнаго рока!
Земнымъ ощущеньямъ насильственно пасть
Случайная жизнь покоряеть.

Но въ искрѣ небесной пріяли мы жизнь,
Намъ памятно небо родное,
Въ желаніи счастья мы вѣчно къ нему,
Стремимся неяснымъ желаньемъ!...

Вотще! Мы надолго отвержены имъ!

Сія красою надъ нами,

На брѣнную землю безопасно оно

Торжественный сводъ опираетъ....

Но намъ недоступно! Какъ алчный Танталъ

Сгараетъ средъ влаги прохладной,

Такъ, сердцемъ постигнувъ блаженнѣйшій міръ,

Томимся мы жаждою счастья.

XXV.

РАЗУВѢРЕНІЕ.

Не искушай меня безъ нужды
Возвратомъ нѣжности твоей:
Разочарованному чужды
Всѣ обольщенья прежнихъ дней!
Ужь я не вѣрю увѣреньямъ,
Ужь я не вѣрую въ любовь,
И не могу предаться вновь
Разъ измѣнившимъ сновидѣньямъ!
Слѣпой тоски моей не множь,
Не заводи о прежнемъ слова,
И, другъ заботливый, больнова
Въ его дремотѣ не тревожь!
Я сплю, мнѣ сладко усыпленье.
Забудь бывалыя мечты:
Въ душѣ моей одно волненье,
А не любовь пробудишь ты.

1822.

—

XXVI.

КЪ ДЕЛІѢ.

Зачѣмъ, о Делія! сердца младыя ты
 Игрой любви и сладострастья
 Исполнить силишься мучительной мечты
 Недосыгаемаго счастья?
 Я видѣлъ вокругъ тебя поклонниковъ твоихъ,
 Полуиссохшихъ въ страсти жадной:
 Дистигнувъ ихъ любви, любовнымъ клятвамъ ихъ
 Внимаешь ты съ улыбкой хладной.
 Обманывай слѣпцовъ и смѣйся ихъ судьбѣ!
 Теперь душа твоя въ покоѣ;
 Придется нѣкогда извѣдать и тебѣ
 Очарованье роковое!
 Не опасаяся насмѣшливыхъ сѣтей,
 Быть можетъ, избранный тобою
 Уже не ввѣрится огню любви твоей,
 Не тронется ея тоскою.
 Когда-жь пора придетъ, и розы красоты,
 Вседневно свѣжестью бѣднѣя,
 Погибнуть, отвѣчай: къ чему прибѣгнешь ты,
 Къ чему, безчарная Цирцея?

Искусствомъ округлишь ты высохшую грудь,
Худыя щеки нарумянишь,
Дитя крылатое захочешь, какъ нибудь,
Вновь приманить.... но не приманишь!
Въ замѣну сновъ младыхъ тебѣ не обрѣсти
Покоя, позднихъ лѣтъ отрады:
Куда-бы ни пошла, взроются на пути
Самолюбивыя досады!
Немирнаго душой, на мирномъ ложѣ сна,
Такъ убѣгаетъ усыпленье.
И гдѣ для каждаго доступна тишина,
Страдальца ждетъ одно волненье.

XXVII.

СЕСТРЪ.

(С. А. Воротынской).

(Нов. Альманахъ на 1825 г. стр. 63).

И ты покинула семейный, мирный кругъ!

Ни степи, ни лѣса тебя не задержали;

И ты летишь ко мнѣ на гласъ моей печали—

О милая сестра, о мой вѣрнѣйшій другъ!

Я узнаю тебя, мой ангель-утѣшитель,

Наперсница души отъ колыбельныхъ дней;

Не тщетно нѣжности я вѣровалъ твоей

Тогда еще,—тогда достойный твой цѣнитель!

Приди-жъ и радость призови

Въ пріютъ мой, радостью забытой,

Повѣй отрадою душѣ моей убитой

И сердце мнѣ согрѣй дыханіемъ любви!

Какъ чистая роса живить своей прохладой

Среди нагихъ степей, спасительной усладой

Такъ оживишь мнѣ чувства ты!

1823.

—
XXVIII.

ВЕСНА.

На звукъ цѣвницы голосистой,
Толпой забавъ окружена,
Летить прекрасная весна.
Благоухаетъ воздухъ чистой,
Земля воздвиглась ото сна.

Утихли вьюги и мятели,
Текутъ потоками снѣга;
Опять въ горахъ трубятъ рога,
Опять зефиры налетѣли
На обновленные луга.

Надъ урной мшистою Наяда
Проснулась въ сумракѣ вѣтвей,
Стрясаетъ иней съ кудрей,
И, разломавъ оковы хлада,
Заговорилъ ея ручей.

Восторги духъ мой пробудили.
Звучать и блещуть небеса;
Пѣвцовъ пернатыхъ голоса,

Пастушья пѣсни огласили
Долины, горы и лѣса.

Лишь ты, увядшая Климена,
Лишь ты, въ печаль облечена,
Весны не празднуешь одна!
Тобою младости измѣна
Еще судьбѣ не прощена!

Унынье въ грудь къ тебѣ тѣснится,
Не видишь ты красы луговъ.
О если-бъ щедростью боговъ
Могла ко смертнымъ возвратиться
Пора любви съ порой цвѣтовъ!

XXIX.

ДЕЛЬВИГУ.

Дай руку мнѣ, товарищъ добрый мой,
Путемъ однимъ пойдемъ до двери гроба,
И тщетно намъ за грозною бѣдой
Бѣду грознѣй пошлетъ судьбины злоба.
Ты помнишь-ли, въ какой печальный срокъ
Впервые ты узналъ мой уголокъ?
Ты помнишь-ли, съ какой судьбой суровой
Боролся я, почти лишенный силъ?
Я погибалъ: ты духъ мой оживилъ
Надеждою возвышенной и новой.
Ты ввелъ меня въ семейство добрыхъ Музъ;
Дѣля досугъ межъ ними и тобою,
Я-ль чувствовалъ ея свинцовый грузъ
И передъ ней унился душою?
Ты самъ порой глубокую печаль
Въ душѣ носилъ, но что? не мнѣ-ли вѣрить
Спѣшилъ ее? И дружба не всегда-ль
Хоть нѣсколько могла ее умѣрить?
Забытые Фортуною слѣпой,
Мы ей на зло другъ въ другѣ все имѣли,
И дружества твердя обѣтъ святой,

Безтрепетно въ глаза судьбѣ глядѣли.
О! вѣрь мнѣ въ томъ: чѣмъ жребій ни грозить,
Упорствуя въ старинной неприязни,
Душа моя не вѣдаетъ боязни,
Души моей ничто не измѣнить!
Такъ, милый другъ! позволять-ли мнѣ боги
Ярмо заботъ сложить когда-нибудь
И весело на свѣтлый мѣръ взглянуть,
По-прежнему-ль ко мнѣ пребудутъ строги, —
Всегда я твой. Судьей души моей
Ты долженъ быть и въ вѣдро и въ ненастье,
Удвоишь ты моихъ счастливыхъ дней
Неполное безъ раздѣленья счастье;
Въ дни бѣдствія я знаю гдѣ найти
Участіе въ судьбѣ своей тяжелой:
Чего-жъ робѣть на жизненномъ пути?
Иду впередъ съ надеждою веселой.
Еще позволь желаніе одно
Мнѣ произнестъ: молюся я судьбинѣ,
Чтобъ для тебя я сталъ хотя отнынѣ,
Чѣмъ для меня ты сталъ уже давно.

XXX.

ПАДЕНЬЕ ЛИСТЬЕВЪ.

(Изъ Мильвуа).

Желтѣль печально знакъ полей,
Брега взрывалъ источникъ мутной,
И голосистый соловей
Умолкнулъ въ рощѣ безпріютной.
На преждевременный конецъ
Суровымъ рокомъ обреченный,
Прощался такъ молодой пѣвецъ
Съ дубравой сердцу драгоценной:
„Судьба исполнилась моя,
„Прости, убѣжище драгое!
„О прорицанье роковое!
„Твой страшный голосъ помню я:“
—Готовься юноша несчастной!
Во мракѣ осени ненастной
Глубокій мракъ тебѣ грозитъ;
Ужь онъ зияетъ изъ Эрева:
Послѣдній листъ падеть со древа,
Твой часъ послѣдній прозвучить!
„И вьану я: лучи дневные
„Вседневно тягче для очей;

„Вы улетѣли, сны златые
„Минутной юности моей!
„Покину все что сердцу мило.
„Ужь мглою небо обложило,
„Ужь позднихъ вѣтровъ слышенъ свистъ!
„Что медлить? время наступило:
„Вались, вались поблекшій листь!
„Судьбѣ противиться безсильный,
„Я жажду ночи гробовой.
„Вались, вались! мой холмъ могильный
„Отъ грустной матери сокрой!
„Когда-жъ вечернею порою
„Къ нему пустынною тропюю,
„Вдоль незабвеннаго ручья,
„Придетъ поплакать надо мною
„Подруга нѣжная моя:
„Твой легкій шорохъ въ чуткой сѣни,
„На берегахъ Стигійскихъ водъ,
„Моей обрадованной тѣни
„Да возвѣститъ ея приходъ!“
Сбылось! Увы! судьбины гнѣва
Покорствомъ бѣднѣй не смягчилъ:
Послѣднѣй листь упалъ со древа,
Послѣднѣй часъ его пробилъ!
Близъ роши той его могила.
Съ кручивой тяжкою своей,
Къ ней часто мать приходила....
Не приходила дѣва къ ней!

XXXI.

ЛЕТА.

Душъ холодныхъ упованье,
Непріязненный ручей,
Чье докучное журчанье
Усыпляетъ Элизей!
Такъ! достоинъ ты укора:
Для чего въ твоихъ водахъ
Погибаетъ безъ разбора
Память горестей и благъ?
Прочь съ нещаднымъ утѣшеньемъ!
Я минувшее люблю
И во вѣкъ утѣхъ забвеньемъ
Мукъ забвенья не куплю.

XXXII.

ДВѢ ДОЛИ.

Дало двѣ доли Провидѣніе
На выборъ мудрости людской:
Или надежду и волненіе,
Иль безнадежность и покой.

Вѣрь тотъ надеждѣ обольщающей,
Кто бодръ неопытнымъ умомъ,
Лишь по молвѣ разновѣщающей
Съ судьбой насмѣшливой знакомъ.

Надѣйтесь, юноши кипящіе!
Летите: крылья вамъ даны;
Для васъ и замыслы блестящіе,
И сердца пламенные сны.

Но вы, судьбину испытавшіе,
Тщету утѣхъ, печали власть,
Вы, знанье бытія пріавшіе
Себѣ на тягостную часть!

Гоните прочь ихъ рой прельстительный.
Такъ! доживайте жизнь въ тиши,

И берегите хладъ спасительный
Своей бездѣйственной души.

Своимъ безчувствіемъ блаженные,
Какъ трупы мертвыхъ изъ гробовъ,
Волхва словами пробужденные,
Встаютъ со скрежетомъ зубовъ:

Такъ вы, согрѣвъ въ душѣ желанія,
Безумно вдавшись въ ихъ обманъ,
Проснетесь только для страданія,
Для боли новой прежнихъ ранъ.

XXXIII.

РАЗМОЛВКА.

Мнѣ о любви твердила ты шутя
И холодно, сознаться можешь въ этомъ.
Я изцѣленъ; нѣтъ, нѣтъ, я не дитя!
Прости, я самъ теперь знакомъ со свѣтомъ.
Кого жалѣть? печальнѣй доля чья?
Кто отягченъ утратою прямою?
Легко рѣшить: любимымъ не былъ я;
Ты, можетъ быть, была любима мною.

XXXIV.

БЕЗНАДЕЖНОСТЬ.

Желанье счастья въ меня вдохнули боги:
Я требовалъ его отъ неба и земли,
И въ слѣдъ за призракомъ, манящимъ издали,
Жизнь перешелъ до поль-дороги;
Но прихотямъ судьбы я болѣ не служу.
Счастливымъ отдыхомъ, на счастье похожимъ,
Отнынѣ съ рубежа на поприще гляжу
И скромно кланяюсь прохожимъ.

XXXV.

С. Д. П.

Приманкой ласковыхъ рѣчей
Вамъ не лишить меня разсудка!
Конечно, многихъ вы милѣй,
Но васъ любить плохая штука!

Вамъ не нужна любовь моя:
Не слишкомъ заняты вы мною;
Не нѣжность,—прихоть вашу я
Признаю страннымъ успокою.

Вамъ дорогъ я, твердите вы,
Но лишній плѣнникъ вамъ дороже;
Вамъ очень миль я, но увѣ!
Вамъ и другіе милы тоже.

Съ толпой соперниковъ моихъ
Я состязаться не дерзаю,
И превосходной силѣ ихъ
Безъ битвы поле уступаю.

XXXVI.

Н. И. ГНѢДИЧУ.

Такъ! для, отрадныхъ чувствъ еще я не погибъ.
 Я не забылъ тебя, почтенный Аристипъ,
 И дружбу нѣжную, и Русскія Аѳины!
 Не Вакховыхъ пировъ, не лобызаній Фрины,
 Въ нескромной юности нескромно пѣтыхъ мной,
 Не шумной суеты, прославленной толпой,
 Лишенье тяжко мнѣ въ краю, гдѣ Финну нищу
 Отчизна мертвая едва даруетъ пищу.
 Нѣтъ, нѣтъ! мнѣ тягостно отсутствіе друзей,
 Лишенье тягостно бесѣды мнѣ твоей,
 То наставительной, то сладостно-отрадной;
 Въ ней, сердцемъ жадный чувствъ, умомъ позпацій жадной,
 И сердцу и уму я пищу находилъ.

Счастливецъ! дни свои ты Музамъ посвятилъ
 И бодро дѣйствуешь прекрасные полвѣка
 На полѣ умственныхъ усилій человѣка;
 Искусства нѣжныя и дѣятельный трудъ,
 Занявъ, украсили свободный твой приютъ.
 Живитель сердца—трудъ; искусства—наслажденья.

Еще не породивъ прямого просвѣщенья,
 Избытокъ породилъ бездѣйственную лѣнь.
 На мѣръ снотворную она нагнала тѣнь,
 И чадамъ роскоши, обремененнымъ скукой,
 Довольство бѣдности тягчайшей было мукой;
 Искусства низошли на помощь къ нимъ тогда:
 Уже отвыкнувшихъ отъ грубаго труда,
 Къ трудамъ возвышеннымъ они воспламенили
 И праздность упражнять роскошно научили;
 Быть можетъ, счастьемъ обязаны мы имъ.

Какъ бѣденъ страждущій бездѣйствіемъ своимъ!
 Печальный, жалкій рабъ тупаго усыпленья,
 Не постигаетъ онъ души употребленья;
 Въ дремоту грубую всечасно погружонъ,
 Отвыкнулъ чувствовать, отвыкнулъ мыслить онъ,
 На собственныхъ пирахъ вздыхаетъ онъ украдкой,
 Что длятся для него мгновенья жизни краткою.
 Они въ углу моемъ не длятся для меня!

Судьбу младенчески за строгость не виня
 И взявъ съ тебя примѣръ, поэзію, ученье
 Призвалъ я украшать свое уединенье.
 Лѣса угрюмые, громады мшистыхъ горъ,
 Пришельца новаго пугающіе взоръ,
 Чужихъ безбрежныхъ водъ свинцовая равнина,
 Напѣвы грустные протяжныхъ пѣсенъ Финна,
 Не долго, помню я, въ печальной сторонѣ
 Печаль холодную вливали въ душу мнѣ.

Я побѣдилъ ее, и, не убить неволей,
 Еще я бытія владѣю лучшей долей,

Я мыслю, чувствую: для духа нѣтъ оковъ;
 То вопрошаю я предація вѣковъ,
 Всемирныхъ перемѣнъ читаю въ нихъ причины;
 Наставленъ давнею превратностью судьбины,
 Учусь покорствовать судьбинѣ я своей;
 То занять свойствами и нравами людей,
 Поступковъ ихъ ищю прямыя побужденья,
 Вникаю въ сердце ихъ, слѣжу его движенья,
 И въ сердцѣхъ разуму отчетъ стараюсь дать!
 То вдохновеніе, Парнаса благодать,
 Мнѣ душу радуетъ восторгами своими:
 На мигъ обвороженъ, на мигъ обманутъ ими,
 Дышу свободнѣе, и лиру взявъ свою.
 И дружбу, и любовь, и нѣгу я пою.

Осмѣливаясь пѣть, я помню преткновенья
 Самолюбиваго искусства пѣснопѣнья;
 Но всякому свое, и мать племень людскихъ,
 Усердыя полная ко благу чадъ своихъ,
 Природа, каждаго дая особой страстью,
 Намъ разные пути прокладываетъ къ счастью:
 Кто блескомъ почестей плѣненъ въ думѣ своей;
 Кто созданъ для войны и любить стужу мечей;
 Любезны пѣсни мнѣ. Когда-то для забавы
 Я, праздный, посѣтилъ Парнасскія дубравы
 И воды свѣтлыя Кастальскаго ручья;
 Тамъ къ хорамъ чистыхъ дѣвъ прислушивался я,
 Тамъ, очарованный, влюбился я въ искусство
 Другимъ передавать въ согласныхъ звукахъ чувство,
 И, не страшась толпы взыскательныхъ судей,
 Я умереть хочу съ любовію моею.

Такъ, скуку для себя считая бѣдствомъ главнымъ,
Я духа предаюсъ порывамъ своенравнымъ;
Такъ, безъ усилія ведетъ меня мой умъ
Отъ чувства къ шалости, къ мечтамъ отъ важныхъ думъ!
Но ни души моей восторги одиноки,
Ни любомудрія полезные уроки,
Ни пѣсни мирныя, ни легкія мечты,
Воображенія случайныя цвѣты,
Среди глухихъ лѣсовъ и скалъ моихъ унылыхъ,
Не замѣняютъ мнѣ людей для сердца милыхъ!
И часто, грустію невольною объять,
Увидѣть-бы желалъ я пышный Петроградъ,
Вести желалъ-бы вновь свой вѣкъ непринужденной
Въ кругу дѣтей искусствъ и пѣгги просвѣщенной;
Апелла, Фидія желалъ-бы навѣщать,
Съ тобою желалъ-бы я бесѣдовать опять,
Мужъ, дарованьями, душою превосходный,
Въ стихахъ возвышенный и въ сердцѣ благородный!
За то не въ первый разъ взываю я къ богамъ:
Отдайте мнѣ друзей, — найду я счастье самъ!

1824.

XXXVII.

ИСТИНА.

О счастья съ младенчества тоскуя,
 Все счастьемъ бѣденъ я;
 Или во вѣкъ его не обрѣту я
 Въ пустынь бытія?

Младые сны отъ сердца отлетѣли,
 Не узнаю я свѣтъ;
 Надеждъ своихъ лишень я прежней цѣли,
 А новой цѣли нѣтъ.

„Безумецъ ты и всѣ твои желанья“
 Мнѣ первый опытъ рекъ;
 И лучшія мечты моей создавъ
 Отвергнулъ я на вѣкъ.

Но для чего души разувѣреніе
 Свершилось не вполне?
 О юныхъ снахъ слѣпое сожалѣнье
 Зачѣмъ живетъ во мнѣ?

Такъ нѣкогда обдумывалъ съ роптаньемъ
 Я жребій тяжкій свой.

Вдругъ Истину (то не было мечтаньемъ)
Узрѣлъ передъ собой.

„Свѣтильникъ мой укажетъ путь ко счастью!
(Вѣщала) „захочу

„И страстнаго отрадному безстрастью
„Тебя я научу.

„Пускай со мной ты сердца жарь погубишь;
Пускай, узнавъ людей,
Ты, можетъ быть, испуганный разлюбишь
И ближнихъ и друзей.

„Я бытія всѣ прелести разрушу,
Но умъ наставлю твой;
Я оболю суровымъ хладомъ душу,
Но дамъ душѣ покой“.

Я трепеталъ, словамъ ея внимая,
И горестно въ отвѣтъ
Промолвилъ ей: „о гостя рокова!
Печаленъ твой привѣтъ!

„Свѣтильникъ твой—свѣтильникъ погребальный
Всѣхъ радостей земныхъ!
Твой миръ, увы! могилы миръ печальный,
И страшенъ для живыхъ.

„Нѣтъ, я не твой! въ твоей наукѣ строгой
Я счастья не найду;
Покинь меня: кой-какъ моею дорогою
Одинъ я побреду.

„Прости! иль нѣтъ: когда мое свѣтило
Во звѣздной вышинѣ
Начнетъ блѣднѣть, и все, что сердцу мило,
Забуть придется мнѣ,
„Явись тогда! раскрой тогда мнѣ очи,
Мой разумъ просвѣти:
Чтобъ жизнь презрѣвъ, я могъ въ обитель почи
Безропотно сойти.“

XXXVIII.

А Г Л А Ъ.

О своенравная Аглая!
Отъ всей души я васъ люблю,
Хотя, другимъ не подражая,
Довольно рѣдко васъ хвалю.
На вашихъ ужинахъ веселыхъ,
Гдѣ любятъ смѣхъ, и даже шумъ,
Гдѣ не владутъ оковъ тяжелыхъ
Намъ ни на сердце, ни на умъ,
Гдѣ для глупца или невѣжды
Словъ не размѣриваемъ мы,
Я основалъ свои надежды
И счастье нынѣшней зимы.
Ни въ чемъ не слѣдуя пристрастью,
Даете цѣну вы всему:
И остроумью, и уму,
И удовольствію, и счастью.
Свѣтъ пренебрегши, въ добрый часъ,
И притѣснительную моду,
Всему и всѣмъ забавить васъ
Вы дали полную свободу;
И потому далеко прочь

Отъ васъ бѣжить причудницъ мука,
Жеманства пасмурная дочь,
Всегда зѣвающая Скука.
Иной порою, знаю самъ,
Я васъ браню по пустякамъ.
Простите мнѣ мои узоры!
Не умъ одинъ дивится вамъ,
Опасны сердцу ваши взоры:
Они лукавы, я слыхалъ,
И щекотливѣе другаго,
Отъ упоенія слѣпаго
Спасти рассудокъ свой желалъ.
Я въ немъ теперь едва-ли волепъ,
И часто пасмурной душой
За то я вами не доволенъ,
Что не доволенъ самъ собой.

XXXIX.

РИМЪ.

Ты былъ-ли, гордый Римъ, земли самовластитель,
Ты былъ-ли, о свободный Римъ?
Къ нѣмымъ развалинамъ твоимъ
Подходить съ грустію ихъ чуждый навѣститель.

За что утратилъ ты величье прежнихъ дней?
За что, державный Римъ, тебя забыли боги?

Градъ пышный, гдѣ твои чертоги?
Гдѣ сильные твои, о родина мужей?

Тебѣ-ли измѣнилъ побѣды мощный Геній?

Ты-ль на распутіи временъ
Стоишь въ позорище племень,
Какъ пышный саркофагъ погибшихъ поколѣній?

Кому еще грозишь съ твоихъ семи холмовъ?
Судьбы-ли всѣхъ державъ ты грозный возвѣститель?

Или, какъ призракъ-обвинитель,
Печальный предстоишь очамъ твоихъ сыновъ?

XL.

ПРИЗНАНЬЕ.

Притворной нѣжности не требуй отъ меня:
Я сердца моего не скрою кладъ печальной.
Ты права, въ немъ ужъ нѣтъ прекраснаго огня
Моей любви первоначальной.

Напрасно я себѣ на память приводилъ
И милый образъ твой, и прежнія мечташья:
Безжизненны мои воспоминанья.
Я клятвы далъ, но далъ ихъ выше силъ.

Я не плѣненъ красавицей другою,
Мечты ревнивыя отъ сердца удали;
Но годы долгіе въ разлукѣ протекли,
Но въ буряхъ жизненныхъ развлекся я душою.
Ужъ ты жила невѣрной тѣнью въ ней;
Уже къ тебѣ взывалъ я рѣдко, принужденно,
И пламень мой, слабѣя постепенно,
Собою самъ погасъ въ душѣ моей.

Вѣрь, жалокъ я одинъ. Душа любви желаетъ,
Но я любить не буду вновь;
Вновь не забудусь я: вполне упоеваетъ
Насъ только первая любовь.

Грущу я; но и грусть минуетъ, знаменуя
Судьбины полную побѣду надо мной.

Кто знаетъ? мнѣніемъ солюся я съ толпой;

Подругу, безъ любви, кто знаетъ? изберу я.

На бракъ обдуманнѣй я руку ей подамъ

И въ храмъ стану рядомъ съ нею

Невинной, преданной быть можетъ лучшимъ снамъ,

И назову ее моею,

И вѣсть къ тебѣ придетъ; но не завидуи намъ:

Объѣна тайныхъ думъ не будетъ между нами,

Душевнымъ прихотямъ мы воли не дадимъ:

Мы не сердца подъ брачными вѣнцами,

Мы только жребіи свои соединимъ.

Прощай! Мы долго или дорогою одною:

Путь новѣй я избралъ, путь новѣй избери;

Печаль безплодную разсудкомъ усемири

И не вступаи, молю, въ напрасный судъ со мною!

Не властны мы въ самихъ себѣ,

И въ молодья наши лѣты

Даемъ поспѣшныя обѣты,

Смѣшныя, можетъ быть, всевидящей судьбѣ.

XLI.

ЛУТКОВСКОМУ.

Влюбился я, полковникъ мой,
Въ твои военные рассказы;
Проказы жизни боевой
Никакъ веселыя проказы!
Не презрю я въ душѣ моей
Судьбою мирнаго лѣнтя;
Но мнѣ война еще милѣй,
И я люблю, тебѣ внимая,
Жужжанье пуль и звукъ мечей.
Какъ сердце жаждетъ бранной славы,
Какъ духъ кипитъ, когда порой,
Мнѣ хвалить ратныя забавы
Мой беззаботливый герой!
Прекрасный видъ! въ весельи дикомъ,
Вы мчитесь.... блескъ, огонь и громъ!
Бѣгущій врагъ покрытъ стыдомъ,
И страшный бой, съ побѣднымъ кликомъ,
Вы запиваете виномъ!
А Епендорфскія трофеи?
Проказникъ, счастливый вполнѣ,
Съ веселымъ сыномъ Цитереи

Ты дружно жилъ и на войнѣ!
Стоять враги толпою жадной
Кругомъ окоповъ городскихъ;
Ты, воинъ мой, защитникъ ихъ.
Съ тобой семьею безотрадной
Толпа красавицъ городскихъ.
Ты сна не знаешь: чуть проглянулъ
День лучезарный сквозь туманъ,
Ужь рыцарь мой на вражій станъ
Съ дружиной быстрою награнулъ;
Врагамъ иль смерть, иль строгій плѣнъ!
Межъ тѣмъ красавицы младыя
Пришли толпой съ высокихъ стѣнъ
Глядѣть на игры боевыя;
Сраженья видъ ужасенъ имъ,
Дивятся подвигамъ твоимъ,
Шлютъ къ небу теплыя молитвы,
Да возвратится невредимъ
Любезный воинъ съ лютой битвы!
О! кто-бы жадно не купилъ
Молитвы сей покоемъ, кровью!
И ты не разъ увѣнчанъ былъ
И бранной славой и любовью.
Когда-жъ пѣвцу дозволить рокъ
Узнать, какъ ты, веселье боя
И заслужить хотя листовъ
Изъ лавровъ милаго героя?

XLII.

Г. 3.

Мнѣ съ упоеніемъ замѣтнымъ
Глаза поднять на васъ бѣда:
Вы ихъ встрѣчаете всегда
Съ лицомъ сердитымъ, непривѣтнымъ.
Я полонъ страстною тоской,
Но нѣтъ! разсудка не забуду
И на нескромный пламень мой
Отвѣта требовать не буду.
Не терпите Богъ молодыхъ проказъ
Ланить увядшихъ, впалыхъ глазъ:
Надежды были-бы напрасны,
И къ нимъ не ими я влекомъ.
Любуюсь вами какъ цвѣткомъ,
И счастливъ тѣмъ, что вы прекрасны.
Когда я въ очи вамъ гляжу,
Предавшись нѣжному томленью,
Слегка о прошломъ я тужу;
Но радъ, что сердце нахожу
Еще способнымъ къ упоенью.
Межъ мудрецами былъ чудакъ:
„Я мыслю“, пишетъ онъ, „итакъ

Я несомнѣнно существую“.
Нѣтъ! любимъ ты, и потому.....
Ты существуешь: я пойму
Скорѣе истину такую.
Огнемъ похищеннымъ съ небесъ
Япетовъ сынъ (гласитъ преданье)
Одушевилъ свое созданье,
И наказалъ его Зевесъ.
Неумолимый, Прометей
Къ скаламъ Кавказа приковалъ,
И сердце вранъ ему клевалъ;
Но дерзость жертвы разумѣя
Кто приговоръ не осуждалъ?
Въ огнѣ волшебныхъ вашихъ взоровъ
Я занялъ сердца бытіе:
Вашъ гнѣвъъ достойнѣе укоровъ,
Чѣмъ преступленіе мое.
Но не сержусь я, шутка водить
Моимъ догадливымъ перомъ.
Я захожу въ вашъ милый домъ,
Какъ вольнодумецъ въ храмъ заходить.
Душою праздный съ давнихъ поръ,
Еще твержу любовный вздоръ,
Еще беру прельщенья мѣры,
Какъ, по привычкѣ прежнихъ дней,
Онъ ароматы жжетъ безъ вѣры
Богамъ чужимъ дунѣ своей.

XLIII.

ФЕЯ.

Порою ласковую Фею
Я вижу въ обаяньи сна,
И всей наукою своею
Служить готова мнѣ она.
Душой обманутой ликуя,
Мои мечты ей лепечу я.
Но что-же? странно и во снѣ
Непокупное счастье мнѣ:
Всегда дарамъ своимъ предложить
Условье нѣкое она,
Которымъ, злобно смышлепа,
Ихъ отравить иль уничтожить.
Знать, самымъ духомъ мы рабы
Земной насмѣшливой судьбы;
Знать, міру явному дотолѣ
Нашъ бѣдный умъ порабоцентъ,
Что переносить, по неволѣ,
И въ міръ мечты его законъ!

XLIV.

Нѣтъ, обманула васъ молва:
По-прежнему дышу я вами,
И надо мной свои права
Вы не утратили съ годами.
Другимъ курилъ я еиміамъ,
Но васъ носилъ въ святинѣ сердца,
Молился новымъ образамъ,
Но съ безпокойствомъ старовѣрца.

1825.

—
XLV.

ОПРАВДАНИЕ.

Рѣшительно печальныхъ строкъ моихъ
 Не хочешь ты отвѣтомъ удостоить;
 Не тронулась ты нѣжнымъ чувствомъ ихъ
 И презрѣла мнѣ сердце успокоить!
 Не оживу я въ памяти твоей,
 Не вымолю прощенья у жестокой!
 Виновенъ я: я былъ невѣренъ ей;
 Нѣтъ жалости къ тоскѣ моей глубокой!
 Виновенъ я: я славилъ женъ другихъ....
 Такъ! но когда ихъ слухъ предубѣжденной
 Я обольщала игрою струнъ моихъ,
 Къ тебѣ летѣлъ я думой умиленной,
 Тебя я пѣлъ подъ именами ихъ.
 Виновенъ я: на балахъ городскихъ,
 Среди толпы, весельемъ оживленной,
 При гулѣ струнъ, въ безумномъ вальсѣ мча
 То Демію, то Дафну, то Лилесту,
 И всѣмъ троицъ готовый, сгоряча,
 Произнести по страстному обѣгу,

Касаяся душистыхъ ихъ кудрей
Лицомъ моимъ, объемля жадной дланью
Ихъ стройный станъ; такъ! въ памяти моей
Ужь не было подруги прежнихъ дней,
И преданъ былъ я новому мечтанью!
Но къ нимъ ли я любовію пылалъ?
Нѣтъ, милая! Когда въ уединеннѣ
Сердечную я совѣсть вопрошалъ:
Ихъ находя въ моемъ воображеннѣ,
Тебя одну въ душѣ я обрѣталъ!
Привѣтливыхъ, послушныхъ безъ ужимокъ,
Улыбчивыхъ для шалости молодой,
Изъ-за угла Паѳосскихъ пилигримокъ
Я сторожилъ вечернею порой.
На мигъ одинъ ихъ своевольный плѣнникъ,
Я только былъ шалунъ, а не измѣнникъ.
Нѣтъ! болѣе надменна, чѣмъ нѣжна,
Ты все еще обидъ своихъ полна...
Прости-жь на вѣкъ! но знай, что двухъ виновныхъ,
Не одного, найдутся имена
Въ стихахъ моихъ, въ преданіяхъ любовныхъ.

XLVI.

Мы пьемъ въ любви отраву сладкую;
Но все отраву пьемъ мы въ ней,
И платимъ мы за радость краткую
Ей безвесельемъ долгихъ дней.
Огонь любви—огонь живительный,
Всѣ говорятъ; но что мы зримъ?
Опустошаетъ, разрушительный,
Онъ душу объятую имъ!
Кто заглушить воспоминанія
О дняхъ блаженства и страданій,
О чудныхъ дняхъ твоихъ, любовь?
Тогда я ожилъ бы для радости,
Для сновъ златыхъ цвѣтущей младости,
Тебѣ открылъ бы душу вновь.

XLVII.

ЧЕРЕПЪ.

Усопшій братъ! кто сонъ твой возмутилъ?
 Кто пренебрегъ святынею могильной?
 Въ разрытый домъ къ тебѣ я нисходилъ,
 Я въ руки бралъ твой черепъ желтый, пыльной!

Еще носилъ волосъ остатки онъ;
 Я зрѣлъ на немъ ходъ постепенный тлѣнья:
 Ужасный видъ! какъ сильно пораженъ
 Имъ мыслящій наслѣдникъ разрушенья!

Со мной толпа безумцевъ молодыхъ
 Надъ ямою безумно хохотала:
 Когда-бъ тогда, когда-бъ въ рукахъ моихъ
 Глава твоя внезапно провѣщала!

Когда-бъ она цвѣтущимъ, пылкимъ намъ
 И-каждый часъ грозимымъ смертнымъ часомъ,
 Всѣ истины извѣстныя гробамъ
 Произнесла своимъ безстрастнымъ гласомъ!

Что говорю? Стократно благъ законъ,
 Молчаньемъ ей уста запечатлѣвшій;
 Обычай правъ, усопшихъ важный сонъ
 Намъ почитать издревле повелѣвшій.

Живи живой, спокойно тлѣй мертвецъ!
Всесильнаго ничтожное созданье,
О человекъ! увѣрься наконецъ:
Не для тебя ни мудрость, ни всезнанье!

Намъ надобны и страсти и мечты,
Въ нихъ бытія условіе и пища:
Не подчинишь однимъ законамъ ты
И свѣта шумъ и тишину кладбища!

Природныхъ чувствъ мудрецъ не заглушитъ
И отъ гробовъ отвѣта не получитьъ:
Пусть радости живущимъ жизнь даритъ,
А смерть сама ихъ умереть научитъ.

XLVIII.

ЗВѢЗДА.

Взгляни на звѣзды: много звѣздъ
Въ безмолвіи ночномъ
Горить, блеститъ кругомъ луны,
На небѣ голубомъ.

Взгляни на звѣзды: между нихъ
Милѣ всѣхъ одна!
За что-же? ранѣе встаетъ
Ярчей горитъ она?

Нѣтъ! утѣшаетъ свѣтъ ея
Разставшихся друзей:
Ихъ взоры, въ синей вышинѣ,
Встрѣчаются на ней.

Она на небѣ чуть видна,
Но съ думою глядитъ,
Но взору шлетъ отвѣтный взоръ
И нѣжностью горитъ.

Отъ нея въ лазоревую ночь
Не сводимъ мы очесъ,

И провожаемъ мы ее
На небо и съ небесъ.

Себѣ звѣзду избралъ-ли ты?
Въ безмолвіи ночномъ
Ихъ много блещетъ и горитъ
На небѣ голубомъ.

Не первой вставшей сердце въѣрь,
И, суетный въ любви,
Не лучезарнѣйшую всѣхъ
Своею назови.

Ту назови своей звѣздой,
Что съ думою глядитъ,
И взору шлетъ отвѣтный взоръ,
И нѣжностью горитъ.

XLIX.

ЕЛИЗИЙСКІЯ ПОЛЯ.

Бѣжить невѣрное здоровье,
 И каждый день готовлюсь я
 Свершить послѣднее условье,
 Законъ послѣдній бытія;
 Ты не спасеши меня, Киприда!
 Пробьютъ урочные часы,
 И выойдетъ къ брегамъ Аида
 Пѣвецъ веселья и красы.

Простите, вѣтренные други,
 Съ кѣмъ беззаботно въ жизни сей
 Дѣлалъ я шумные досуги
 Разгульной юности моей!
 Я не страшуся новоселья;
 Гдѣ-бъ ни жилъ я, мнѣ все равно:
 Тамъ тоже славить отъ бездѣлья
 Я стану дружбу и вино.
 Не измѣнясь въ подземномъ мірѣ,
 И тамъ, на шаловливой лирѣ,
 Превозносить я буду вповѣ
 Покойной Дафнѣ и Темирѣ
 Неприхотливую любовь.

О Дельвигъ! слезы мнѣ не нужны;
 Вѣрь: въ заокитной сторонѣ
 Приемъ радушный будетъ мнѣ:
 Со мною Музы были дружны!
 Тамъ, въ очарованной тѣни,
 У струй, гдѣ нѣжатся поэты,
 Прочту Катуллу и Парни
 Мои небрежные куплеты,
 И улыбнутся мнѣ они.

Когда изъ таинственной сѣни,
 Отъ темныхъ Орковыхъ полей,
 Здѣсь навѣщать своихъ друзей
 Порою могутъ наши тѣни:
 Я навѣщу, о други, васъ,
 Сыны забавы и веселья!
 Когда для шумнаго похмѣлья
 Вы соберетесь въ праздный часъ,
 Приду я съ вами Вакха славить;
 А къ вамъ молитва объ одномъ:
 Приборъ покойнику оставить
 Не позабудьте за столомъ.

Межъ тѣмъ за тайными брегами,
 Друзей вина, друзей пировъ,
 Веселыхъ, добрыхъ мертвецовъ
 Я подружу заочно съ вами.
 И вамъ, чрезъ день или другой,
 Законъ губительный Зевеса
 Велитъ покинуть мiръ земной;

Мы встрѣтимъ васъ у вратъ Айдеса
Знакомой, дружеской толпой;
Наполнимъ радостныя чаши,
Хвала свиданью возгремитъ,
И огласятъ привѣты наши
Весь необъемлемый Андъ!

I.

АВРОРЪ ШЕРИВАЛЬ (*).

Выдь, дохни намъ упоеньемъ,
 Соименница зари;
 Всѣхъ румянымъ появленьемъ
 Оживи и озари!
 Пылкій юноша не сводить
 Взоровъ съ милой и порой
 Мыслить съ тихою тоской:
 „Для кого она выводитъ
 Солнце счастья за собой?“

(*) Это стихотвореніе было первоначально написано по-французски; впоследствии переведено авторомъ на русскій языкъ. Вотъ первоначальный текстъ:

A A U R O R E C . . . . .

(Авроръ Ш.)

Oh qu'il te sied, ce nom d'Aurore
 Adolescente au teint vermeil!
 Verse lumière, et plus encore
 Aux coeurs dont tu romps le sommeil.
 Entends la voix déjà souffrante
 De la jeunesse prévoyante:
 «Pour qui se lève ce beau jour?
 Pour qui cette Aurore charmante
 Sera-t-elle soleil d'amour?»

LI.

ДЕЛЬВИГУ.

Я безразсуденъ—и не диво!
 Но разсудителенъ-ли ты,
 Всегда преслѣдуя ревниво
 Мои любимыя мечты?
 „Не для нея прямое чувство!
 „Одно коварное искусство
 „Я вижу въ Деліи твоей;
 „Не вѣрь прелестницѣ лукавой!
 „Самолюбивую забавой
 „Твои восторги служатъ ей“.
 Не обнаружу я досады,
 И пронизательность твоя
 Хвалы достойна, вѣрю я;
 Но не находить въ ней отрады
 Душа смятенная моя.

Я вспоминаю голосъ нѣжный
 Шалуньи ласковой моей,
 Рѣчей открытыхъ складъ небрежный,
 Огонь ланить, огонь очей;
 Я вспоминаю день разлуки,

Послѣдній, долгій разговоръ,
 И полный нѣги, полный муки,
 На мнѣ покоившійся взоръ;
 Я перечитываю строки,
 Гдѣ, увлеченія полна,
 Въ любви счастливые уроки
 Мнѣ самому даетъ она,
 И говорю въ тоскѣ глубокой:
 „Уже-ль обмануть я жестокой?
 „Или все, все въ безумномъ снѣ
 „Безумно чудилося мнѣ?
 „О, страшно мнѣ разувѣренье,
 „И объ одномъ мольба моя:
 „Да вѣчнымъ будетъ заблужденье,
 „Да вѣкъ безумцемъ буду я“...

Когда же съ вѣрою напрасной
 Вываю я къ судьбѣ глухой,
 И вскорѣ опытъ роковой
 Очамъ доставитъ свѣтъ ужасной,
 Пойду я странникомъ тогда
 На край земли, туда, туда,
 Гдѣ вѣчный холодъ обитаетъ,
 Гдѣ поневолѣ стынетъ кровь,
 Гдѣ, можетъ быть, сама любовь
 Въ озябломъ сердцѣ потухаетъ...
 Иль нѣтъ: подумавши путемъ,
 Останусь я въ углу своемъ,
 Скажу вздохнувъ: „Горюнь неловкой!
 Грусть простодушная смѣшна;

Не лучше-ль плутомъ быть съ плутовкой,
Шутить любовью, какъ она?

Я объ обманщицѣ тоскую:

Какъ здравымъ смысломъ я убогъ!

Уже-ль обманщицу другую

Мнѣ не поплеть въ отраду Богъ?"

LII.

Л — ОЙ.

Когда неопытенъ я былъ,
У красоты самолюбивой,
Мечтатель, слишкомъ прихотливой,
Я за любовь любви молилъ;
Я трепеталъ въ тоскѣ желанья
У ногъ волшебницъ молодыхъ:
Но тщетно взоръ во взорахъ ихъ
Искалъ отвѣта и узнанья!
Огонь утихъ въ моей крови;
Покинувъ службу Купидона,
Я промѣнялъ сады любви
На верхъ бесплодный Геликона.
Но свѣтлый міръ унылъ и пусть,
Когда душѣ ничто не мило:
Руки пожатые замѣнило
Мнѣ поцѣлуй прекрасныхъ устъ.

У ЛШ.

Въ глуши лѣсовъ счастливъ одинъ,
 Другой страдаетъ на престолѣ;
 На высотѣ земныхъ судьбинъ,
 И въ незамѣтной, низкой долѣ,
 Всѣхъ благъ возможныхъ тотъ достигъ,
 Кто духъ судьбы своей постигъ.

Мы всѣ блаженствуемъ равно,
 Но всѣ блаженствуемъ различно;
 Удѣломъ нашимъ рѣшено,
 Какъ наслаждаться намъ прилично,
 И кто намъ лучшій далъ совѣтъ,
 Иль Эпикуръ или Эпиктетъ?

У Меня тягчили печалей грузъ;
 Но не упалъ я передъ рокомъ,
 Нашелъ отраду въ пѣсняхъ Музъ
 И въ равнодушїи высокомъ,
 И свѣтомъ презрѣнный удѣлъ
 Облагородить я умѣлъ.

Хвала вамъ, боги! Предо мной
 Вы оправдалися отпынѣ!

Готовъ я съ бодрою душой
На все угодное судьбинѣ,
И никогда сей лиры гласъ
Не оскорбитъ роптаньемъ васъ!

LIV.

ВЕСЕЛЬЕ И ГОРЕ.

Рука съ рукою Веселье, Горе
Пошли дорогой бытія;
Но что? поссорилися вскорѣ
Во всемъ несходные друзья!
Лишь перекрестокъ уллучили,
Другъ другу молвили: прости!
Недолго розно побродили,
Черезъ день сошлись въ концѣ пути!

LV.

БУРЯ.

Завыла буря, хлябь морская
 Клокочетъ и реветъ, и черные валы
 Идутъ, до неба возставая,
 Бьютъ, гнѣвно пѣняся, въ прибрежныя скалы.

Чья непріязненная сила,
 Чья своевольная рука
 Сгустила въ тучи облака
 И на краю небесъ напасть зародила?
 Кто, возмутьивъ природы чинъ,
 Горами влажными на землю гонить море?
 Не тотъ-ли злобный духъ, геенны властелинъ,
 Что по вселенной разлилъ горе?
 Что челоуѣка подчинилъ
 Желаньямъ, помощи, страстямъ и разрушенью
 И на творенье ополчилъ
 Всѣ силы, данныя творенью?
 Земля трепещетъ передъ нимъ,
 Онъ небо заслонилъ огромными крылами
 И двигаетъ ревущими водами,
 Бунтующимъ могуществомъ своимъ!

Когда придетъ желанное мгновенье,
 Когда волнамъ твоимъ я ввѣрюсь, океанъ?

Но знай: красой далекихъ странъ
 Не очаровано мое воображенье.

Подъ небомъ лучшимъ обрѣсти

Я лучшей доли не сумѣю:

Вновь не смогу душой моею

Въ краю цвѣтущемъ разцвѣсти.

Межъ тѣмъ отъ прихоти судьбины,

Межъ тѣмъ отъ медленной отравы бытiя,

Въ покоѣ раболѣпномъ я

Ждать не хочу своей кончины.

На яростныхъ волнахъ, въ борьбѣ со гнѣвомъ ихъ,
 Она отраднѣе гордынѣ челоуѣка!

Какъ жаждалъ радостей младыхъ

Я на зарѣ младаго вѣка:

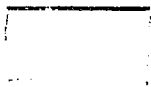
Такъ нынѣ, океанъ, я жажду бурь твоихъ!

Волнуйся, возставай на каменные грани;

Онъ веселить меня, твой грозный, дикiй ревъ,

Какъ зовѣ къ давно-желанной брани,

Какъ мощнаго врага мнѣ чѣмъ-то лестный гнѣвъ.

1826.

—
LVI.

Л. С. ПУШКИНУ.

Повѣрь, мой милый! твой поэтъ
 Тебѣ соперникъ не опасный!
 Онъ на закатѣ юныхъ лѣтъ,
 На утренней зарѣ ты юности прекрасной.
 Живаго чувства полный взглядъ,
 Уста цвѣтушія, румяныя ланиты,
 Влюбленныхъ пѣсенокъ сильнѣе говорятъ
 Съ душой догадливой Хариты.
 Когда съ тобой наединѣ
 Порой красавица стихи мои похвалить,
 Тебя напрасно опечалить
 Ея вниманіе ко мнѣ:
 Она торопитъ пробужденіе
 Младаго сердца твоего
 И вынуждаетъ у него
 Свидѣтельство любви, ревнивое мученіе.
 Что добраго въ моей судьбѣ,
 И что я приобрѣлъ, красавицъ воспѣвая?
 Одно: моимъ стихомъ Харита молодая,

Быть может, выразить любовь свою къ тебѣ!

Счастливый баловень Киприды!

Знай сердце женское, о! знай его вѣрнѣй,

И за притворныя обиды

Лишь плату требовать умѣй.

А мнѣ, мнѣ предоставь таить огонь бесплодный,

Рожденный иногда возрѣнемъ красоты,

Умомъ оспаривать сердечныя мечты

И чувство прикрывать улыбкою холодной.

LVII.

НАДПИСЬ.

На портретъ Грибоѣдова.

Взгляни на ликъ холодный сей,
Взгляни: въ немъ жизни нѣтъ;
Но какъ на немъ былыхъ страстей
Еще замѣтенъ слѣдъ!
Такъ ярый токъ, оледенѣвъ,
Надъ бездною виситъ,
Утративъ прежній грозный ревъ,
Храпя движенья видѣ.

LVIII.

ПРОГОНЫ ЖИЗНИ.

Въ дорогу жизни снаряжая
Своихъ сыновъ, безумцевъ насъ,
Сновъ золотыхъ судьба благая
Даетъ извѣстный намъ запасъ:
Насъ быстро годы почтовые
Съ корчмы довозятъ до корчмы,
И снами тѣми роковые
Прогоны жизни платимъ мы.

LIX.

Г. 3.

Въ борьбѣ съ тяжелою судьбой
Я только пѣлъ мои печали:
Холодные стихи дышали
Души холодною тоской;
Когда-бъ тогда вы мнѣ предстали,
Быть можетъ, грустный мой удѣлъ
Вы облегчили-бъ. Нѣтъ! едва-ли!
Но я-бы пламеннѣе пѣлъ.

LX.

ОЖИДАНИЕ.

(Подражаніе Парни).

Она придетъ! къ ея устамъ
Прижмусь устами я моими;
Пріютъ укромный будетъ намъ
Подъ сими вязами густыми!
Волненьемъ страстнымъ я томимъ;
Но близъ любезной укротимъ
Желаній пылкихъ нетерпѣнье:
Мы ими счастію вредимъ
И сокращаемъ наслажденье.

LXI.

Не трогайте Парнасскаго пера,
Не трогайте, пригожія вострушки!
Красавицамъ не много въ немъ добра,
И имъ Амуръ другія даль игрушки.
Любовь-ли вамъ оставитъ въ забытїи
Для жалкихъ рифмъ? Надъ рифмами смѣются,
Уносятъ ихъ Летійскія струи:
На пальчикахъ чернила остаются.

LXII.

Д. ДАВИДОВУ.

Пока съ восторгомъ я внимаю
Повѣствованью славныхъ дѣлъ,
Ношу любовь къ родному краю
И къ пѣснямъ Музъ не охладѣлъ,
Покуда Русскій я душою,
Забуду-ль о счастливомъ днѣ,
Въ который дружеской рукою
Пожаль Давыдовъ руку мнѣ!
О ты, который въ дымъ сраженій
Полки лихіе бурно мчалъ
И гласомъ пылкихъ пѣснопѣній
Сердца томилъ и волновалъ!
Такъ, такъ! покуда сердце живо,
Въ воспоминаньи горделиво
Хранить я буду оный день.
Клянусь, Давыдовъ благородный,
Въ томъ лирой, Фебу дорогой,
И въ славный годъ войны народной
Въ народъ славной бородой!

1827.

LXIII.

А. А. ВОЕЙКОВОЙ.

Очарованье красоты

Въ тебѣ не странно намъ:
Не будишь насъ, какъ солнце, ты
Къ мятежнымъ суетамъ;
Отъ дольней жизни, какъ луна,
Манишь за край земной,
И при тебѣ душа полна
Священной тишиной.

LXIV.

Когда взойдетъ денница золотая,
     Горить ээирь,
 И ото сна встаетъ благоухая
     Цвѣтущій міръ,
 И славить все существованья сладость,—
     Съ душой твоей
 Что въ пору ту? Скажи: живая радость,
     Тоска-ли въ ней?

Когда на дѣвѣ цвѣтущихъ и привѣтныхъ,
     Передъ тобой
 Мелькающихъ въ одеждахъ разноцвѣтныхъ,
     Глядишь порой,
 Глядишь и пьешь ихъ томныхъ взоровъ сладость,—
     Съ душой твоей,
 Что въ пору ту? Скажи: живая радость,
     Тоска-ли въ ней?

/ Страдаю я! Изъ-за дубравы дальной
     Взойдетъ заря,
 Міръ озарить, души моей печальной
     Не озаря.
 Будь новый день любимцу счастья въ сладость!
     Душѣ моей /

Противенъ онъ. Что прежде было въ радость,
То въ муку ей.

Что красоты, почти всегда лукавой,
Мнѣ долгій взоръ?

Обманчивъ онъ! Знакомъ съ его отравой
Я съ давнихъ поръ.

Обманчивъ онъ! Его живая сладость
Душѣ моей

Страшна теперь! Что прежде было въ радость,
То въ муку ей.

LXV.

НАЯДА.

Есть гротъ: Наяда тамъ въ полдневные часы
Дремотѣ предаеть усталыя красы;
И часто вижу я, какъ нимфа молодая,
На ложѣ лиственномъ покоится нагая,
На руку бѣлую, подъ говоръ ключевой,
Склоняся челомъ, вѣнчаннымъ осоклой.

LXVI.

И ты поэтъ, и онъ поэтъ;
Но разницу межъ васъ находятъ:
Его стихи выходятъ въ свѣтъ,
Твои стихи въ печать выходятъ.

LXVII.

БОГДАНОВИЧУ.

Въ садахъ Элизія, у водъ счастливой Леты,
 Гдѣ благоденствуютъ отжившіе поэты,
 О Душенькинъ поэтъ, прими мои стихи!
 Никакъ въ писатели попалъ я за грѣхи,
 И, надоѣвъ живымъ посланьями своими,
 Несчастливымъ мертвецамъ скучать рѣшаюсь ими.
 Нѣтъ нужды до того! Хочу въ досужный часъ
 Съ тобой поговорить про Русскій нашъ Парнасъ,
 Съ тобой, поэтъ живой, затѣйливый и нѣжный,
 Всегда плѣнительный, хоть нѣсколько небрежный,
 Чертамъ замѣтнѣйшимъ лукавой остроты
 Дающій милый видъ сердечной простоты,
 И, часто наготу рисуя намъ безчинно,
 Почти безстыднымъ быть умѣющій невинно.
 Не хладной шалостью, но сердцемъ внушена,
 Веселость ясная въ стихахъ твоихъ видна;
 Мечты игривыя тобою были пѣты.
 Въ печаль влюбились мы. Новѣйшіе поэты
 Не улыбаются въ твореніяхъ своихъ,
 И на лицѣ земли все какъ-то не по нихъ.
 Ну чтожь? поклонъ, да вонъ! Увы! не въ этомъ дѣло;

Ни жить имъ, ни писать еще не надоѣло,
 И правду безъ затѣй сказать тебѣ пора:
 Пристала къ Музамъ ихъ Нѣмецкихъ Музъ хандра.
 Жуковскій виноватъ: онъ первый между нами
 Вошелъ въ содружество съ Германскими пѣвцами
 И сталъ передавать, забывши Божій страхъ,
 Жизнехуленья ихъ въ плѣнительныхъ стихахъ.
 Прости ему Господь! Но что же? всѣ мараки
 Ударились потомъ въ задумчивыя враки,
 У всѣхъ уныніемъ одѣлося чело,
 Душа увянула, и сердце отцвѣло.
 Какъ терпитъ публика безуміе такое,
 Ты спросишь? Публикѣ наскучило простое,
 Мудреное теперь любезно для нее:
 У вѣка дряхлаго испортилось чутье.

Ты въ лучшемъ вѣкѣ жилъ. Не столько просвѣщенный,
 Являлъ онъ бодрый умъ и вкусъ неразвращенный:
 Вѣнцы свои дарилъ, и простъ и толковитъ,
 Онъ только истиннымъ любимцамъ Аонидъ.
 Но нѣтъ явленія безъ творческой причины:
 Сей благодатный вѣкъ былъ вѣкъ Екатерины!
 Она любила Музъ, и ты-ли позабылъ,
 Кто Душеньку твою всѣхъ прежде оцѣнилъ?
 Я думаю въ садахъ, гдѣ свѣтъ безсмертья блещетъ,
 Понинѣ тѣнь твоя отъ радости трепещетъ,
 Воспомявъ день, сей день, когда пѣвца,
 Еще за милый трудъ нежданшаго вѣнца,
 Она, друзья ея, достойно наградили
 И скромнаго его такъ лестно изумили,

Страницы Душеньки читая наизусть.

Сердца завистниковъ стѣснила злая грусть,
И на другой-же день разспросы о поэтѣ
И похвалы ему жужжали въ модномъ свѣтѣ.

Кто вкуса божествомъ теперь служилъ-бы намъ?
Кто въ наши времена, и прозѣ и стихамъ
Провозглашая судъ разборчивой и правой,
Завѣдывать-бы могъ ПарнаССкою управой?
О, добрый нашъ народъ имѣеть для того
Особенныхъ судей, которые его,
Въ листахъ условленныхъ и въ цѣну приведенныхъ,
Снабжаютъ мнѣніемъ о книгахъ современныхъ;
Даруетъ между насъ и славу и позоръ
Торговой логики смысленый приговоръ.
О нашихъ судіяхъ не смѣю молвить слова,
Но слушай, какъ чествять они одинъ другаго:
Товарищъ каждаго глупецъ, невѣжда, враль;
Повѣрять надо имъ, хотя повѣрять жаль.

Какъ быть писателю? Въ пустынь благодатной,
Забывши модный свѣтъ, забывши свѣтъ печатной,
Какъ ты, философъ мой, таиться безъ грѣха,
Избрать въ совѣтники kota и пѣтуха,
И, въ тишинѣ трудясь для собственнаго чувства,
Въ искусствѣ находить возмездіе искусства!
Такъ, вѣку вопреки, въ сей самый вѣкъ у насъ,
Сладкопоющихъ лиръ порою слышенъ гласъ,
Благоуханный дымъ отъ жертвы безкорыстной!
Такъ нѣжный Батюшковъ, Жуковскій живописной,
Неподражаемый, и цѣлую орду

Злыхъ подражателей родившій на бѣду,
 Такъ Пушкинъ молодой, сей вѣтренникъ блестящій,
 Все подъ перомъ своимъ шутя животворящій
 (Тебѣ, я думаю, знакомъ довольно онъ:
 Недавно отъ него товарищъ твой Назонъ
 Посланье получилъ), любимцы вдохновенья
 Не могутъ побѣдить высокаго влеченья
 И между насъ поютъ, какъ вѣкогда Орфей
 Между мохнатыхъ пѣлъ, по вѣрѣ старыхъ дней.
 Безсмертіе въ вѣкахъ имъ будетъ воздаяньемъ!

А я, владѣющій убогимъ дарованьемъ,
 Но рвеніемъ горя полезнымъ быть и имъ,
 Я правды красоту даю стихамъ моимъ,
 Желая доказать людскихъ суетъ ничтожность,
 И хладной мудрости высокую возможность.
 Что мыслю, то пишу. Когда-то веселѣй
 Я славилъ на зарѣ своихъ цвѣтущихъ дней
 Законы сладкіе любви и наслажденья:
 Другія времена, другія вдохновенья;
 Теперь важнѣй мой умъ, зрѣлѣе мысль моя,
 Опять, когда умру, повеселѣю я;
 Тогда безпечныхъ Музъ безпечнаго питомца
 Прими, Философъ мой, какъ стараго знакомца.

LXVIII.

Ты ропщешь, важный журналистъ,
На наше модное маранье;
Все та-же пѣсня: „вѣтра свистъ,
Листовъ древесныхъ увяданье“...
Понятно намъ твое страданье:
И безъ того освистанъ ты;
И такъ, подваловъ достоянье,
Родясь гніють твои листы.

LXIX.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Мила какъ Грація, скромна
Какъ Сандрильона;
Подобно ей, красой она
Достойна трона.
Пріятна лира ей моя;
Но что мнѣ въ этомъ?
Быть Королемъ желалъ-бы я,
А не поэтомъ.

LXX.

А. Н. М.

Не бойся ѣдкихъ осужденій,
Но упонительныхъ похвалъ:
Не разъ въ чаду ихъ мощный геній
Сномъ разслабленья засыпалъ.

Когда, довѣрясь ихъ измѣнѣ,
Уже готовъ у моды ты
Взять на вѣнокъ своей Каменѣ
Ея тафтяные цвѣты,

Прости, я громко негодую;
Прости, наставникъ и пророкъ,
Я съ укоризной указую
Тебѣ на лавровый вѣнокъ.

Когда по ребрамъ крѣпко стиснуть
Цегасъ удалымъ сѣдокомъ,
Не горе, ежели прихлыснуть
Его критическимъ хлыстомъ.

LXXI.

Какъ сладить съ глушостью глупца?
Ему въ попадь не скажешь слова;
Другова проще онъ съ лица,
Но мудренѣй въ житьѣ другова.
Онъ всѣмъ превратно пораженъ,
И все на выворотъ онъ видитъ:
И безтолково любить онъ,
И безтолково ненавидитъ.

LXXII.

Свои стихи То-въ шить
Покроемъ Пушкина кроить,
Но славы громкой не получитьь,
И я котенка вижу въ немъ,
Который, право не путемъ,
На голосъ лебеда мячить.

LXXIII.

Вездѣ бранить поэтъ Клеонъ
Мою хорошенькую Музу;
Все обернуть умѣетъ онъ
Въ безславые нашему союзу.
Морочить добрыхъ онъ людей,
А слыть красоточкѣ моей
У нихъ негодницей обидно.
Поэтъ Клеонъ смѣшной злодѣй!
Ему-же послѣ будетъ стыдно.

LXXIV.

РАЗЛУКА.

Разстались мы; на мигъ очарованьемъ,
На краткій мигъ была мнѣ жизнь моя;
Словамъ любви внимать не буду я,
Не буду я дышать любви дыханьемъ!
Я все имѣлъ, лишился вдругъ всего;
Лишь началъ сонъ... исчезло сновидѣнье!
Одно теперь унылое смущенье
Осталось мнѣ отъ счастья моего.

LXXV.

Сей подѣлуй, дарованный тобой,
Преслѣдуетъ мое воображенье:
И въ шумѣ дня и въ тишинѣ ночной
Я чувствую его напечатлѣнье!
Сойдетъ-ли сонъ и взоръ сомкнетъ-ли мой,
Мнѣ снишься ты, мнѣ снится наслажденье.
Обманъ исчезъ, нѣтъ счастья, и со мной
Одна любовь, одно изнеможенье.

LXXVI.

Люби примѣты
Я не забылъ,
Я ей служилъ
Въ былыя лѣты!
Въ ней говоритъ
И жаръ ланить,
И вздохъ случайной....
О! я знакомъ
Съ симъ языкомъ
Любови тайной!
Въ душѣ твоей
Ужъ нѣтъ покоя;
Давнымъ давно я
Читаю въ ней.
Люби примѣты
Я не забылъ,
Я ей служилъ
Въ былыя лѣты!

LXXVII.

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

(Подражаніе Мильвуа).

На вровы ближняго селенья
Нисходитъ вечеръ; день погасъ.
Покинемъ рошу, гдѣ для насъ
Часы летѣли какъ мгновенья!
Лель улыбнись, когда изъ ней
Случится дѣвицѣ моей
Унести во взорахъ пламень томный,
Мечту любви въ душѣ своей
И въ волосахъ листовъ нескромный.

LXXVIII.

Чувствительны мнѣ дружескія пѣни,
Но искренно забылъ я Геликонъ
И признаюсь: неприхотливой лѣни
Мнѣ нравится приманчивый законъ;
Охота пѣть ужь не владѣеть мною:
Она прошла, погасла, какъ любовь,
Опять любить, играть струнами вновь
Желалъ-бы я, но утомленъ душою.
Иль жить нельзя отрадою иною?
Съ бездѣйствіемъ любезенъ мнѣ союзъ;
Лелѣемый счастливымъ усыпленьемъ,
Я не хочу притворнымъ изступленьемъ
Обманывать ни юныхъ дѣвъ, ни Музъ.

LXXIX.

Какъ много ты въ немного дней
Прожить, прочувствовать успѣла,
Въ мятежномъ пламени страстей
Какъ страшно ты перегорѣла!
Раба томительной мечты,
Въ тоскѣ душевной пустоты,
Чего еще душою хочешь?
Какъ Магдалина плачешь ты,
И какъ русалка ты хохочешь.

LXXX.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Когда-бъ избрать возможно было мнѣ
Любой удѣлъ, любое счастье въ мірѣ,
Я-бъ не хотѣлъ быть славнымъ на войнѣ,
Я-бъ не хотѣлъ играть на громкой лирѣ,
Я злата-бы себѣ не пожелалъ;
Но блага всѣ единымъ именуя,
Тѣ, дайте мнѣ, богамъ-бы я сказалъ,
Чѣмъ Д..... понравиться могу я.

LXXXI.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Перелетай къ веселью отъ веселья,
Какъ отъ цвѣтка бѣжить къ цвѣтку дитя;
Не успѣвай, за суетой бездѣлья,
Задуматься, подумать и шута.
Пускай тебя къ Коринамъ не причислятъ;
Играй, мой другъ, играй и вѣрь мнѣ въ томъ,
Что многіе о милой Лизѣ мыслятъ,
Когда она не мыслитъ ни о чемъ.

LXXXII.

С. Д. П.

Неизвинительной ошибкой,
Скажите, долго-ль будетъ вамъ
Внимать съ холодною улыбкой
Любви укорамъ и мольбамъ?
Однѣ побѣды вамъ извѣстны;
Любовь нечаянно узнавъ,
Какихъ лишаете вы правъ
И меньше-ль будете прелестны?
Ко мнѣ, примѣрно, нѣжной ставъ,
Вы наслажденья лишены-ли
Дурачить плѣдниковъ другихъ
И строгой быть, какъ прежде были,
Къ толпѣ соперниковъ моихъ?
Еще-ли нужно размышленье!
Любви простое упоенье
Васъ не довольствуетъ вполне;
Но съ упоеньемъ поклоненье
Соединить не трудно мнѣ;
И вашъ угодникъ постоянной
Попеременно я-бы могъ
Быть съ вами запросто въ диванной,
Въ гостиной быть у вашихъ ногъ.

LXXXIII.

Идилликъ новый на искусь
Представленъ былъ предъ Аполлона.
„Какъ пишетъ онъ?“ спросилъ у Музъ
Богъ безпристрастный Геликона;
„Никакъ негодный онъ поэтъ?“
— Нельзя сказать.— „Съ талантомъ?“—Нѣтъ.
Ошибокъ важныхъ, правда, мало;
Да пишетъ онъ довольно вяло.
— „Я понялъ васъ; въ судѣ моемъ
Не озабочусь я нисколько:
Впередъ ни слова мнѣ о немъ,
Изъ списковъ выключить—и только“.

LXXXIV.

ТОВАРИЩАМЪ.

Такъ! отставнаго шалуна
 Вы вновь палить не убѣждайте,
 Иль золотыя времена
 Младыхъ затѣй ему отдайте!

Перемѣняютъ годы насъ
 И съ ними вмѣстѣ наши нравы:
 Отъ всей души люблю я васъ,
 Но ваши чужды мнѣ забавы.

Ужъ ваекъ, увѣчяный плющомъ,
 Со мной по улицамъ не бродить,
 И къ вашимъ нимфамъ вечеркомъ
 Меня шатаясь не заводить.

Весельчакамъ я заперъ дверь,
 Я пресыщенъ ихъ буйнымъ счастьемъ,
 И замѣнить его теперь
 Пристойнымъ, тихимъ сладострастьемъ.

Въ пылу начальномъ двей младыхъ
 Неодолимы наши страсти;

Проказимъ мы, но мы у нихъ
Не у себя тогда во власти.

Въ своей отвагѣ молодой
Товарицъ вашъ блажилъ добровольно;
Не видитъ онъ нужды большой
Вновь сумасбродить добровольно.

LXXXV.

Тебѣ я младость шаловливу,
О сынъ Венеры! посвятилъ:
Меня ты плохо наградишь,
Даль мало сердцу на разживу.
Подобно мнѣ любилъ-ли кто?
И что-жъ я вспомню не тоскуя?
Два, три, четыре поцѣлуя!..
Быть такъ; спасибо и за то.

LXXXVI.

ЭПИГРАММА.

Окопченная легуны,
Эпиграмма хохотуны,
Эпиграмма егоза,
Трется, вьется средь народа
И завидитъ лишь урода,
Разомъ вцѣпится въ глаза.

LXXXVII.

Въ своихъ стихахъ онъ скукой дышетъ,
Жужжаньемъ ихъ наводитъ сонъ.
Не говорю: зачѣмъ онъ пишетъ,
Но для чего читаетъ онъ?

LXXXVIII.

ГНѢДИЧУ.

// Врагъ суетныхъ утѣхъ и врагъ утѣхъ позорныхъ,
 Не уважаешь ты бездѣлокъ стихотворныхъ;
 Не угодить тебѣ сладчайшій изъ пѣвцовъ
 Развратной прелестью изнѣженныхъ стиховъ:
 Возвышенную цѣль поэтъ избрать обязанъ.

Къ блестящимъ шалостямъ, какъ прежде, не привязанъ,
 Я правиламъ твоимъ послѣдовать-бы могъ;
 Но ты-ли мнѣ велишь оставить мирный слогъ
 И ѣдкой желчію напитывая строки,
 Сатирую возстать на глупость и пороки?
 Мирлюбивый нравъ дала судьбина мнѣ.
 И счастья моего искалъ я въ тишинѣ;
 Зачѣмъ я удалюсь отъ столь разумной цѣли?
 И, звуки легкіе пастушеской свирѣли
 Въ неугомонный лай неловко превратя,
 Зачѣмъ себѣ враговъ надѣлаю шута?
 Страхусь ихъ множества и злобы ихъ опасной.
 Полезенъ обществу сатирикъ безпристрастной:
 Дыши любовію къ согражданамъ своимъ,

На ихъ дѣлачества онъ жалуется имъ.
 То укоризнами возставъ на злодѣянье,
 Его приводитъ онъ въ благое содротапье;
 То ѣдкой силою забавнаго слова
 Смиряетъ попыхи надутаго глупца;
 Онъ нравовъ опекунъ и вмѣстѣ правды воинъ.

Все такъ; но кто владѣть перомъ его достоинъ?
 Остротъ затѣйливыхъ, насмѣшекъ ѣдкихъ даръ,
 Язвительныхъ стиховъ какой-то злобный жаръ
 И ихъ старательно подобранные звуки
 За безпристрастіе забавныя поруки!
 Но если полную свободу мнѣ дадутъ,
 Того-ль я устрани, кому не страшенъ судъ?
 Кто въ сердцѣ должнаго укора не находитъ,
 Кого и Божій гнѣвъ въ заботу не приводитъ,
 Того-ли оскорбитъ язвительный языкъ!
 Онъ совѣсть усыпилъ, еъ позору онъ привыкъ.

Но слушай: человекъ, всегда корысти жадный,
 Берется-ли за трудъ навѣрно безнаградный?
 Купецъ расчетливый изъ добрыхъ барышей
 Ввѣряетъ корабли случайностямъ морей;
 Изъ платы, отогнавъ сладчайшую дремоту,
 Поденьщикъ до зари выходитъ на работу;
 На славу громкую надеждою согрѣтъ,
 Въ трудахъ возвышенныхъ, возвышенный поэтъ;
 Но рвению моему, что будетъ воздаяньемъ?
 Не слава-ль громкая? я бѣденъ дарованьемъ.
 Стараясь въ пѣкѣй умъ соотчицей привести,

Я благодарность ихъ мечталъ-бы приобрѣсть,
 Но право смысла нѣтъ во словѣ: благодарность,
 Хоть намъ и нравится его высокопарность.
 Когда сей рѣдкій мужъ, вельможа-гражданинъ,
 Отъ дней Фелицныхъ оставшійся одинъ,
 Но смѣло духъ ея храпившій въ вѣкѣ новомъ,
 Обширный разумомъ и сильный, громкій словомъ,
 Любовью къ истинѣ и къ родинѣ горя,
 Въ совѣтахъ не робѣлъ оспаривать Царя;
 Когда -прекрасному влеченію послушный,
 Внимать ему любилъ Монархъ великодушный,
 Изъ благодарности, о немъ у тѣхъ и тѣхъ
 Какіе толки шли?— „Кричитъ онъ громче всѣхъ,
 О благѣ общества какъ будто-бы хлопочеть,
 А право риторствомъ похвастать больше хочетъ;
 Катаномъ смотритъ онъ, но тонкаго льстеца
 Отъ насъ не утаитъ подъ строгостью лица“. —
 Такъ, лучшимъ подвигамъ людское развращенье
 Придумать силится дурное побужденье;
 Такъ, исключительно посредственность любя,
 Спѣшить высокое унизить до себя;
 Такъ самыхъ доблестей завистливо трепещеть,
 И чтобъ не вѣрить имъ, на оныя клевететь!
 . . . . .
 . . . . .
 Нѣтъ, нѣтъ! разумный мужъ идетъ путемъ инымъ,
 И снисходительный къ дурачествамъ людскимъ,
 Не выставляетъ ихъ, но сносить благоправно;
 Онъ не пытается, увѣренный забавно
 Во всемогуществѣ болтанья своего,

Имъ въ людяхъ измѣнить людское естество.
Изъ насъ, я думаю, не скажетъ ни единой
Осинѣ: дубомъ будь, иль дубу—будь осиною;
Межъ тѣмъ, какъ странны мы! Межъ тѣмъ любой изъ насъ
Переиначить свѣтъ задумываль не разъ.

LXXXIX.

КЪ — ВУ.

ОТВѢТЬ.

Чтобъ очаровывать сердца,
 Чтобъ возбуждать рукоплесканья,
 Я слышалъ, будто для пѣвца
 Всего нужнѣе дарованье.
 Путей къ Парвассу много есть:
 Зѣвоту можно произвести
 Поэмой длинной, громкой одой,
 И вѣкъ того не приобрѣсть,
 Чего намъ не дано природой.

Когда старикъ Анакреонъ,
 Сынъ вѣрный нѣги и прохлады,
 Веселый пѣлъ амфоровъ звонъ
 И сердцу памятные взгляды:
 Въ слѣдъ за толпой молодыхъ забавъ,
 Богини пѣсней, миновавъ
 Пѣвцовъ усерднѣйшихъ Эллады,
 Ему внимать изъ-подтишка
 Съ вершины Пинда поспѣшали
 И балагура-старика
 Вѣнкомъ безсмертья увѣнчали.

Такъ своею правнѣ Аполлонъ
 Намъ раздаетъ свои награды;
 Другому богу Геликонъ
 Отдать хотѣлось-бы съ досады!
 Напрасно до поту лица
 О славѣ Фофановъ хлопочеть:
 Ему отказанъ даръ пѣвца;
 Трудится онъ, а Фебъ хохочеть.
 Межъ тѣмъ, дая веселью дни,
 Едва-ли Батюшковъ, Парни
 О прихотливой вспоминали,
 И что-жъ? нечаянно они
 Ее въ Цитерѣ повстрѣчали.

Плѣненъ-ли Хлоей, Дафной ты,
 Возми Тибуллову цѣлницу,
 Воспой побѣды красоты,
 Воспой души своей царицу;
 Когда-же любишь стукъ мечей,
 Съ высокой музою Омира
 Пускай поетъ вражды царей
 Твоя воинственная лира.
 Равны всѣ Музы красотой.
 Несходство ихъ въ одной одеждѣ;
 Старайся нравиться любой,
 Но полюби ты Феба прежде.

ХС.

(Славянинъ, 1827 г., ч. II, № 21, стр. 293).

ОНА.

Есть что-то въ ней, что красоты прекраснѣй,
Что говорить не съ чувствами,—съ душой;
Есть что-то въ ней надъ сердцемъ самовластнѣй
Земной любви и прелести земной.

Какъ сладкое душѣ воспоминанье,
Какъ милый свѣтъ родной звѣзды твоей.
Какое-то влечеть очарованье
Къ ея ногамъ и подъ защиту къ ней.

Когда ты съ ней, мечты твоей неясной—
Неясною владычицей она:
Не мыслишь ты—и только лишь прекрасной
Присутствіемъ душа твоя полна.

Вредешь-ли ты дорогою возвратной,
Съ ней разлучась, въ пустынный уголь твой,—
Ты полонъ весь мечтою необъятной,
Ты полонъ весь таинственной тоской.

1828.

—
XCI.

ПОСЛѢДНЯЯ СМЕРТЬ.

Есть бытіе, но именовъ какимъ
 Его назвать? Ни сонъ оно, ни бдѣнье;
 Межъ нихъ ово, и въ человѣкѣ имъ
 Съ безуміемъ граничить разумѣнье.
 Онъ въ полнотѣ понятія своего,
 А между тѣмъ какъ волны на него
 Одни другихъ мятежнѣй, своенравнѣй,
 Видѣнія бѣгутъ со всѣхъ сторонъ:
 Какъ будто-бы своей отчизнѣ давней,
 Стихійному смятенію отданъ онъ;
 Но иногда, мечгой воспламененный,
 Онъ видитъ свѣтъ другимъ не отроченный.

Созданье-ли болѣзненной мечты,
 Иль дерзкаго ума соображенье
 Во глубинѣ полночной темноты
 Представшее очамъ моимъ видѣньс?
 Не вѣдаю; но предо мной тогда
 Раскрылися грядущіе года;

Событія вставали, развивались,
Болнуясь подобно облакамъ,
И полными эпохами являлись
Отъ времени до времени очамъ;
И наконецъ я видѣлъ безъ покровъ
Послѣднюю судьбу всего живаго.

Сначала міръ явилъ мнѣ дивный садъ:
Вездѣ искусство, обилія примѣты;
Близъ веси весь и подлѣ града градъ,
Вездѣ дворцы, театры, водометы,
Вездѣ народъ и хитрый свой законъ
Стихиіи всѣ признать заставилъ онъ:
Ужъ онъ морей мятельныя пучины
На островахъ искусственныхъ селилъ,
Ужъ разсѣкалъ небесныя равнины
По прихоти имъ вымышленныхъ крылъ;
Все на землѣ движеніемъ дышало,
Все на землѣ какъ будто ликовало.

Исчезнули безплодные года,
Оратаи по волѣ призывали
Вѣтра, дожди, жары и холода;
И вѣрною сторицей воздавали
Посѣвы имъ, и хищный звѣрь исчезъ
Во тьмѣ лѣсовъ, и въ высотѣ небесъ,
И въ безднѣ водъ сраженный человѣкомъ,
И царствовалъ повсюду свѣтлый миръ.
Вотъ, мыслилъ я, прельщенный дивнымъ вѣкомъ,
Вотъ разума великолѣпный пиръ!
Врагамъ его и въ стыдъ и въ поученье,
Вотъ до чего достигло просвѣщенье!

Прошли вѣка. Яснѣть очамъ моимъ
 Видѣніе другое начинало:
 Что человекъ? что вновь открыто имъ?
 Я гордо мнилъ, и что-же мнѣ предстало?
 Наставшую эпоху я съ трудомъ
 Постигнуть могъ смутившимся умомъ.
 Глаза мои людей не узнавали:
 Привыкшіе къ обилью дольнихъ благъ,
 На всё они спокойныя взирали,
 Что суеты рождало въ ихъ отцахъ,
 Что мысли ихъ, что страсти ихъ, бывало,
 Влеченіемъ всесильнымъ увлекало.

Желанія земныя позабывъ,
 Чуждаяся ихъ грубова влеченья,
 Душевныхъ сновъ, высокихъ сновъ призывъ
 Имъ замѣнилъ другія побужденья.
 И въ полное владѣніе свое
 Фантазія взяла ихъ бытіе,
 И умственной природѣ уступила
 Тѣлесная природа между нихъ:
 Ихъ въ Эмпирей и въ Хаосъ уносила
 Живая мысль на крыліяхъ своихъ;
 Но по землѣ съ трудомъ они ступали,
 И брава ихъ безплодны пребывали.

Прошли вѣка, и тутъ моимъ очамъ
 Открылася ужасная картина:
 Ходила смерть по сушѣ, по водамъ,
 Свершалася живущаго судьбина.
 Гдѣ люди? гдѣ? скрывалися въ гробахъ!

Какъ древніе столпы на рубежахъ,
Послѣднія семейства истлѣвали;
Въ развалинахъ стояли города,
По пажитямъ заглухнувшимъ блуждали
Безъ пастырей безумныя стада;
Съ людьми для нихъ исчезло пропитанье:
Мнѣ слышалось ихъ гладное блеянье.

И тишина глубокая во слѣдъ
Торжественно повсюду воцарилась,
И въ дикую порфиру древнихъ лѣтъ
Державная природа облачилась.
Величественъ и грустенъ былъ позоръ
Пустынныхъ водъ, лѣсовъ, долинъ и горъ.
По-прежнему животворя природу,
На небосклонъ свѣтило дня возшло;
Но на землѣ ничто его восходу
Произнести привѣта не могло:
Одинъ туманъ надъ ней сивѣя вился
И жертвою очистительной дымился.

ХСII.
РОДИНА. ✓

Судьбой наложенныя цѣпи
Упали съ рукъ моихъ, и вновь
Я вижу васъ, родныя степи,
Моя начальная любовь.

Степнова неба сводъ желанной,
Степнова воздуха струи,
На васъ я въ нѣгѣ бездыханной
Остановилъ глаза мои.

Но мнѣ увидѣть было слаще
Лѣсъ на покатѣ двухъ холмовъ
И скромный домъ въ садовой чащѣ —
Пріютъ младенческихъ годовъ.

Промчалось ты, златое время!
Съ тѣхъ поръ по свѣту я бродилъ
И наблюдалъ людское племя
И наблюдая возскорбилъ.

Ко благу пылкое стремленье
Отъ неба было мнѣ дано;

Но обрѣло-ли раздѣленье,
Но принесло-ли плодъ оно?...

Я братьевъ зналъ; но сыны младые
Соединили насъ на мигъ:
Далече бѣдствуютъ иные,
И въ мірѣ нѣтъ уже другихъ.

Я твой, родимая дуброва!
Но отъ насильственныхъ судьбинъ
Молить хранительнаго крова
Къ тебѣ пришелъ я не одинъ.

Привелъ подъ сѣнь твою святую
Я соучастницу въ мольбахъ:
Мою супругу молодую
Съ младенцемъ тихимъ на рукахъ.

Пускай, пускай въ глуши смиренной,
Съ ней, милой, быть мой утая,
Другихъ урочищей вселенной
Не буду помнить бытія.

Пускай, о свѣтъ не тоскуя,
Предавъ забвенію людей,
Кумиры сердца сберегу я
Одни, одни въ любви моей.

1829.

—

XСІІІ.

ИЗЪ А. ШЕНЬЕ.

Подъ бурею судебъ, унылый, часто я,
Скучая тягостной неволей бытія,
Нести ярмо мое утрачивая силу,
Гляжу съ отрадою на близкую могилу,
Привѣтствую ее, покой ея люблю,
И цѣпи отряхнуть я самъ себя молю.
Но вскорѣ мнимая рѣшимость позабыта,
И томной слабости душа моя открыта:
Страшна могила мнѣ; и ближніе, друзья,
Мое грядущее и молодость моя,
И обѣщанія въ груди сокрытой Музы,
Все обольстительно скрѣпляетъ жизни узы,
И далеко ищу, какъ жребій мой ни строгъ,
Я жить и бѣдствовать услужливый предлогъ.

XCIV.

Люблю деревню я и лѣто;
И говоръ водъ и тѣнь дубровъ,
И благовоніе цвѣтовъ:
Какой душѣ не мило это?
Быть такъ, прощаю комаровъ!
Но признаюсь—пустыни житель,
Покой пустынный въ ней любя,
Комаръ двуногой, гость-мучитель,
Нѣтъ, не прощаю я тебя!

XCV.

СТАРИКЪ.

Вѣнчали розы, розы Леля,
Мой первый вѣкъ, мой вѣкъ молодой:
Я былъ счастливый пустомеля
И дѣвамъ правился порой.
Я помню ласки ихъ живыя,
Лобзанья полныя огня....
Но пролетѣли дни младые;
Онѣ не смотрять на меня!
Какъ быть? У яреаго камина,
Въ укромной хижинѣ моей,
Накрою столъ, поставлю вина
И соберу моихъ друзей.
Пускай вѣнокъ, сплетенный Лелемъ,
Не обновится никогда:
Года, увѣнчанные хмѣлемъ,
Еще прекрасные года.

XCVI.

Какъ ревностно ты самъ себя дурачинишь!
На хлопоты вставая до звѣзды,
Какойнибудь да пакостью означишь
Ты каждый день безъ цѣли, безъ пужды!
Ты самъ себя, и прость и поделъ вкупѣ,
Эпитимьей затѣйливой казнишь:
Забогливо толчешь ты уголь въ ступѣ
И только-что лицо свое пылишь.

XCVII.

Старательно мы наблюдаемъ свѣтъ,
Старательно людей мы наблюдаемъ
И чудеса постигнуть уповаемъ:
Какой-же плодъ науки долгихъ лѣтъ?
Что наконецъ подсмотреть очи зорки?
Что наконецъ пойметъ надменный умъ
На высотѣ всѣхъ опытовъ и думъ,
Что? точный смыслъ народной поговорки.

XCVIII.

Мой даръ убогъ, и голосъ мой не громокъ,
Но я живу, и на землѣ мое
Кому нибудь любезно бытіе:
Его найдетъ далекій мой потомокъ
Въ моихъ стихахъ. Какъ знать? Душа моя
Окажется съ душой его въ сношеньи,
И какъ напелъ я друга въ поколѣньи,
Читателя найду въ потомствѣ я.

XCIX.

Глушцы не чужды вдохновенья;
Какъ свѣтлымъ дѣтямъ Аонидъ
И имъ оно благоволилъ:
Слетая съ неба, всѣ растенья
Равно весна животворить.
Что-жь это сходство знаменуетъ?
Что имъ глупецъ приобрѣтетъ?
Его капустою раздуетъ,
А лавромъ онъ не разцвѣтетъ.

С.

Не подражай: своеобразенъ гений
И собственнымъ величьемъ великъ;
Доратовъ-ли, Шекспировъ-ли двойникъ,
Досаденъ ты: не любятъ повтореній.
Съ Израилемъ пѣвцу одинъ законъ,
Да не творить себѣ кумира онъ!
Когда тебя, Мицкевичъ вдохновенный,
Я застаю у Байроновыхъ ногъ,
Я думаю: поклонникъ униженный!
Возстань, возстань и вспомни: самъ ты богъ!

СІ.

/ БЪСЕНОКЪ.

Слыхаль я, добрые друзья,
 Что наши прады въ печали
 На помощь бѣса призывали:
 Имъ подражаю въ этомъ я.
 Но не пугайтесь: подружился
 Я не съ проклятымъ сатапой,
 Кому душою поклонился
 За деньги старый Громобой;
 Узнайте: ласковый бѣсенокъ
 Меня младенцемъ навѣщаль
 И колыбель мою качаль
 Подъ шопоть легкихъ побасенокъ.
 Съ тѣхъ поръ я вышелъ изъ пленинокъ,
 Между мужами возмужаль,
 Но для него еще ребенокъ.
 Случится-ль горе иль бѣда,
 Иль безотчетно иногда
 Струснется мнѣ въ моей кануркѣ,—
 Махну рукой: по старинѣ
 На сѣромъ волкѣ, сивкѣ-буркѣ
 Онъ мигомъ явится ко мнѣ.

Больному духу здравьемъ свиснетъ,
Бобами думу разведетъ,
Живой водой веселье вспрыснетъ,
А горе мертвою зальетъ.
Когда въ задумчивомъ совѣтѣ
Съ самимъ собой, изъ-за угла
Гляжу на свѣтъ и, видя въ свѣтѣ
Свободу глупости и зла,
Добра и разума прижимку,
Насильемъ сверженный законъ,
Я слабымъ сердцемъ возмущенъ:
Проворно шапку-невидимку
На шаръ земной набросить опъ;
Или, въ мгновеніе зеницы,
Чудесный коврикъ самолетъ
Онъ подо мною развернетъ,
И коврикъ тотъ въ сады жарь-птицы
Въ чертоги дивной царь-дѣвицы
Меня по воздуху несетъ.
Прощай, владѣнье грустной были,
Меня смущавшее досель:
Я отъ твоей бездушной пыли
Уже за тридевять земель.

СII.

КН. З. А. ВОЛКОНСКОЙ.

Изъ царства виста и зимы,
Гдѣ подь управой ихъ двойкой,
И атмосфору и умы
Сжимаетъ холодъ одинакій,
Гдѣ жизнь какой-то тяжкій сонъ,
Она спѣшитъ на Югъ прекрасной,
Подъ Авзонійскій небосклонъ,
Одушевленной, сладострастной,
Гдѣ въ кущахъ, въ портикахъ палатъ
Октавы Тассовы звучатъ;
Гдѣ въ древнихъ камняхъ боги живы,
Гдѣ въ новой, чистой красотѣ
Рафаель дышетъ на холстѣ;
Гдѣ всѣ холмы краснорѣчивы,
Но гдѣ не стыдно, можетъ быть,
Герои, міра властелины,
Вашъ Капитолій позабытъ
Для Капитолія Кориня;
Гдѣ жизнь, игрива и легка,
Тамъ лучше ей: чего-же болѣ?
Зачѣмъ-же тяжкая тоска

Сжимаешь сердце поповолѣ?
Когда любимая краса
Послѣднимъ спомъ смыкаетъ вѣжды,
Мы полны ласковой надежды,
Что ей открыты небеса,
Что лучший міръ ей уготоваеъ,
Что славой вѣчною свѣтло
Тамъ заблеститъ ея чело;
Но скорбный духъ не уврачоваеъ,
Душѣ стѣсненной тяжело,
И неутѣшно мы рыдаемъ.
Такъ, сердца нашего кумиръ,
Ее печально провожаемъ
Мы въ лучший край и лучший міръ.

СШ.

СМЕРТЬ.

Смерть дочерью тьмы не назову я
И, раболѣпною мечтой
Гробовый оставь ей даруя,
Не ополчу ее косою.

О дочь верховнаго Эфира!
О свѣтозарная краса!
Въ рукѣ твоей олива мира,
А не губящая коса.

Когда возникнулъ міръ цвѣтуцій
Изъ равновѣсья дикихъ силъ,
Въ твое храненье Всемогуцій
Его устройство поручилъ.

И ты летаешь надъ твореньемъ,
Согласье прямъ его лія
И въ немъ, прохладнымъ дуновеньемъ,
Смиряя буйство бытія.

Ты укрощаешь встающій
Въ безумной силѣ ураганъ,

Ты, на брега свои бѣгущій,
Вспять возвращаешь Океанъ.

Даешь предѣлы ты растенью,
Чтобъ не покрылъ гигантскій лѣсъ
Земли губительною тѣнью,
Злакъ не возсталъ-бы до небесъ.

А человѣкъ! святая дѣва!
Передъ тобой съ его ланитъ
Мгновенно сходятъ пятна гнѣва,
Жаръ любострастія бѣжить.

Дружится праведной тобою
Людей недружная судьба:
Ласкаешь тою-же рукою
Ты властелина и раба.

Недоумѣнье, принужденіе—
Условье смутныхъ нашихъ дней;
Ты всѣхъ загадокъ разрѣшеніе,
Ты разрѣшеніе всѣхъ цѣпей.

CIV.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

(К. К. Янишъ) (*).

Альбомъ походить на кладбище:
Для всѣхъ открытое жилище,
Онъ также множествомъ именъ
Самолюбиво испещренъ.
Увы! народъ добросердечной
Равно туда, или сюда,
Несетъ надежду жизни вѣчной
И трепеть страшнаго суда.
Но я, смиренно признаюся,
Я не надѣюсь, не страшуся;
Я въ вашихъ памятныхъ листахъ
Спокойно имя помѣщаю:
Философъ я; у васъ въ глазахъ
Мое ничтожество я знаю.

(*) Каролинъ Карловнъ Янишъ, впоследствии—Павловой.

CV.

Хвала, маститый напѣ Зоиль!
Когда-то Дмитріевъ бѣсилъ
Тебя счастливыми стихами,
Бѣсилъ Жуковскій вслѣдъ за нимъ,
Вотъ Пушкинъ бѣситъ. Какъ любимъ,
Какъ отличенъ ты небесами!
Три поколѣнія пѣвцовъ
Тебя красой своихъ вѣнцовъ
Въ негодованье приводили:
Пекись о здравіи своемъ,
Чтобы подобно первымъ тремъ
Другіе три тебя бѣсили.

1830.

CVI.

ОТРЫВОКЪ.

Онъ.

Подъ этой липою густою
 Со мною сядь, мой милый другъ;
 Смотри: какъ живо все вокругъ!
 Какой зеленой пеленою
 Къ рѣкѣ нисходитъ этотъ дугъ!
 Какая свѣжая дуброва
 Глядится съ берега другова
 Въ ея веселое стекло!
 Какъ небо чисто и свѣтло!
 Все въ тишинѣ; едва смущаетъ
 Живую сѣнь и чуткій токъ
 Благоуханный вѣтерокъ:
 Опъ сердцу счастье павѣваетъ!
 Молчишь ты?

Она.

О любезный мой!

Всегда я счастлива съ тобой
 И каждый мигъ равно ласкаю.

Онъ.

Я съ умиленною душой
 Красу творенья созерцаю.
 Отъ этихъ водъ, лѣсовъ и горъ
 Я на эфирную обитель,
 На небеса подьемлю взоръ
 И думаю: великъ Зиждитель,
 Прекрасенъ міръ! Когда-же я
 Воспомню тою-же порою,
 Что въ этомъ мірѣ ты со мною,
 Подруга милая моя....
 Нѣтъ скадкимъ чувствамъ выраженья,
 И не могу въ избыткѣ ихъ
 Невольныхъ слезъ благодаренья
 Остановить въ глазахъ моихъ.

Она.

Воздай тебѣ, Создатель вѣчный!
 О чемъ еще Его молить!
 Ахъ! объ одномъ: не пережить
 Тебя, другъ милый, другъ сердечный.

Онъ.

Ты грустной мыслию меня
 Смутила. Такъ! сегодня зрѣнье
 Плѣняетъ свѣтъ веселый дня,
 Плѣняетъ Божіе творенье;
 Теперь въ рукѣ моей твою
 Я съ чувствомъ пламеннымъ сжимаю,
 Твой нѣжный взоръ я понимаю,

Твой сладкій голосъ узнаю....
А завтра.... завтра.... какъ ужасно!
Мертвецъ незрящій и глухой,
Мертвецъ холодный!... Лучъ дневной
Въ глаза ударить мнѣ напрасно;
Вотще къ устамъ моимъ прильнешь
Ты воспаленными устами,
Ко мнѣ съ обильными слезами,
Съ рыданьемъ громкимъ воззовешь!
Я не проснусь! И что мы знаемъ?
Не только завтра, сей-же часъ
Меня не будетъ! Кто изъ насъ
Въ земномъ блаженствѣ не смущаеиъ
Такою думой?

Она.

Что съ тобой?

Зачѣмъ твое воображенъе
Предупреждаетъ Провидѣнъе?
Богъ милосердъ, другъ милый мой!
Здоровы, молоды мы оба:
Еще далеко намъ до гроба.

Онъ.

Но все-жъ умремъ мы наконецъ,
Все ляжемъ въ землю.

Она.

Что-же, милой?

Есть бытiе и за могилой,
Намъ общаель его Творецъ.

Спокойны будемъ: нѣтъ сомнѣнья,
 Мы въ жизнь другую перейдемъ,
 Гдѣ намъ не будетъ разлученья,
 Гдѣ всѣ земныя опасенья
 Съ земною пылью отряхнемъ.
 Ахъ, какъ любить безъ этой вѣры!

Онъ.

Такъ, Всемогущій безъ нее
 Насъ искушалъ-бы выше мѣры:
 Такъ, есть другое битіе!
 Уже-ли нѣкогда погубить
 Бо мнѣ онъ то, что мыслить, любить,
 Чѣмъ онъ созданье довершилъ,
 Въ чемъ, съ горделивымъ наслажденьемъ,
 Міръ повторилъ онъ отраженьемъ
 И Самъ Себя изобразилъ?
 Уже-ли творческая сила
 Лукавымъ свѣтомъ бытія
 Мнѣ ужасъ гроба озарила,
 И только?... Нѣтъ, не вѣрю я.
 Что свѣтъ являетъ? Пиръ нестройный!
 Презрѣнный властвуетъ, достойный
 Поникъ гонимою главой,
 Несчастливъ добрый, счастливъ злой.
 Какъ! не терпящая смѣшенья
 Въ слѣпыхъ стихіяхъ вещества,
 На хаосъ нравственный возрѣпя
 Не бросить мудрость Божества?
 Какъ! между братьями своими

Мы видимъ правыхъ и благихъ,
 И превзойденъ дѣтьми людскими,
 Не правъ, не благъ Создатель ихъ?...
 Нѣтъ! мы въ юдоли испытанья,
 И есть обитель воздаянья:
 Тамъ, за могильнымъ рубежомъ,
 Сіяетъ день незаходимый,
 И оправдается Незримый
 Предъ нашимъ сердцемъ и умомъ.

Она.

Зачѣмъ въ такія размышленья
 Ты погружаешься душой?
 Уже-ли нужны, милый мой,
 Для убѣжденныхъ убѣжденья?
 Премудрость вышняго Творца
 Не намъ изслѣдовать и мѣрить:
 Въ смиреньи сердца надо вѣрить
 И терпѣливо ждать конца.
 Пойдемъ: грустна я въ самомъ дѣлѣ,
 И отъ мятежныхъ словъ твоихъ,
 Я признаюсь, во мнѣ доселѣ
 Сердечный трепеть не затихъ.

CVII.

МУЗА.

Не ослѣпленъ я Музою моею:
Красавицей ея не назовутъ,
И юноши, узрѣвъ ея, за нею
Влюбленною толпою не побѣгутъ.
Приманивать изысканнымъ уборомъ,
Игрою глазъ, блестящимъ разговоромъ,
Ни склонности у ней, ни дара нѣтъ;
Но пораженъ бываетъ мелькомъ свѣтъ
Ея лица не общимъ выраженьемъ,
Ея рѣчей спокойной простотой;
И онъ, скорѣй чѣмъ ѣдимъ осужденьемъ,
Ея почититъ небрежной похвалой.

CVIII.

К. А. СВЕРБЕЕВОЙ.

Въ небѣ нашемъ исчезаетъ
И, красой своей горда,
На другое востекаетъ
Переходная звѣзда;
Но на вѣкъ-ли съ ней проститься?
Нѣтъ, предписанъ ей законъ:
Рано-ль, поздно-ль воротиться
На старинный небосклонъ.

Небо наше покидая,
Ты-ли, милая звѣзда,
Небесамъ другова края
Передашься навсегда?
Весела красой чудесной,
Потеки въ желанный путь;
Только странницей небесной
Воротись когда нибудь.

СІХ.

ЖУРНАЛИСТЫ.

Что пользы вамъ отъ шумныхъ вашихъ преній?
Бипить война; но что-же? никому
Побѣды нѣтъ! Сказать-ли почему?
Ни у кого ни мысли нѣтъ, ни мнѣній.
Хотите-ли, чтобы народный гласъ
Могъ увѣнчать кого нибудь изъ васъ?
Чѣмъ холостой словесной перестрѣлкой
Морочить свѣтъ и множить пустяки,
Порадуйте насъ дѣльною раздѣлкой:
Благословясь, схватитесь за виски.

СХ

Чудный градъ порой дождется
Изъ летучихъ облаковъ;
Но лишь вѣтръ его коснется,
Онъ исчезнетъ безъ слѣдовъ:
Такъ мгновенныя созданья
Поэтической мечты
Исчезаютъ отъ дыханья
Посторонней суеты.

СХІ.

ПОДРАЖАТЕЛЯМЪ.

Когда печалью вдохновенный
Цѣвецъ печаль свою поетъ,
Скажите: отзывъ умиленный
Въ какомъ онъ сердцѣ не найдетъ?
Кто, вѣковыхъ проклятій жаденъ,
Дерзнетъ осмѣивать ее?
Но для притворствъ всякій хладенъ:
Плачь подражательный досаденъ,
Смѣшно жеманное вытье.
Не напряженнаго мечтанья
Огнемъ услужливымъ согрѣть,
Постигнулъ тайнства страданья
Душесутильный поэтъ.
Въ борьбѣ съ тяжелою судьбою
Позналъ онъ мѣру вышнихъ силъ,
Сердечныхъ судорогъ цѣною
Онъ выраженье ихъ купилъ.
И вотъ нетлѣнными лучами
Ликъ прѣснопѣвица окружонъ,
И чтимъ земными племенами
Подобно мученику онъ.

А ваша Муза площадная,
Тоской заемною мечтая
Родить участіе въ сердцахъ,
Подобна нищей развращенной,
Молящей ленты незаконной
Съ чужимъ ребенкомъ на рукахъ.

СХІІ.

С. Л. ЭНГЕЛЬГАРТЪ.

(Современ. 1854 г. № 10).

Нежданное родство съ тобой даруя,
О какъ судьба была ко мнѣ добра!
Какой сестрѣ тебя уподоблю я,
Ея рукой мнѣ данная сестра!
Казалось, любовь въ своемъ пристрастьи
Мнѣ счастье дала до полноты;
Упожила ты дружбой это счастье,
Его могла умножить только ты.

СХІІІ.

Хотя ты малый молодой,
Но пожилую мудрость кажешь:
Ты слова лишняго не скажешь
Въ бесѣдѣ самой распашной;
Пріязни глупой съ первымъ встрѣчнымъ
Ты съ горяча не заведешь,
Къ ногамъ вертушки не падешь
Ты пастушескомъ простосердечнымъ;
Воздержнымъ голосомъ твоимъ
Никто криклиго не хвалимъ,
Никто сердито не осужень.
Всѣмъ этимъ хвастать не сибни:
Не рѣдкій умъ на это нуженъ,
Довольно дюжинной души.

1831.

—

СХІV.

ЛАЗУРНЫЯ ОЧИ.

Люблю я красавицу
Съ очами лазурными:
О! въ нихъ не обманчиво
Душа ея свѣтится!
И если прекрасная
Съ любовію томною
На миломъ покоитъ ихъ,
Онъ мирно блаженствуетъ:
Во вѣкъ не смутитъ его
Сомнѣнье мятешное.
И кто не доверится
Сіянью ихъ чистому,
Эфирной ихъ прелести,
Небесной души ея
Небесному знамению?

Страшна мнѣ, друзья мои,
Краса черноокая;
За темной завѣсою

Душа ея кроется;
Любовникъ пылаетъ къ ней
Любовью тревожною
И взорамъ двусмысленнымъ
Не смѣетъ довѣриться.
Какой-то недобрый духъ
Качалъ колыбель ея:
Одѣлася тьмой она,
Вспылала причудою,
Закралоя въ сердце къ ней
Лукавство лукаваго.

СХV.

(Современ. 1854 г.).

Небо Итали, небо Торквата,
Ирахъ поэтической древняго Рима,
Родина нѣги, славой богата,
Будешь-ли нѣкогда мною ты зрима?
Рвется душа, нетерпѣннемъ объята,
Къ гордымъ остаткамъ падшаго Рима!
Снятся мнѣ доли, лѣса благовонны,
Снятся упавшихъ чертоговъ колонны!

CXVI.

МОЙ ЭЛИЗИЙ.

Не славь, обманутый Орфей,

Мнѣ Элизійскія селенья:

Элизій въ памяти моей

И не кропимъ водой забвенья.

Въ немъ міръ цвѣтущей старины

Умершихъ тѣни паселяютъ,

Привычки жизни сохраяютъ

И чувства оя не лишены.

Тамъ живъ ты, Дельфингъ! Тамъ за чашей

Еще со мною шутишь ты,

Поешь веселье дружбы нашей

И сердца юныя мечты.

1832.

CXVII.

Въ дни безграничныхъ увлеченій,
 Въ дни необузданныхъ страстей,
 Со мною жилъ превратный гевій
 Наперсникъ юности моей.
 Онъ жаръ восторговъ несогласныхъ
 Во мнѣ питаль и раздуваль;
 Но соразмѣрностей прекрасныхъ
 Въ душѣ носилъ я идеаль:
 Когда лишь праздниковъ смятенья
 Алкаль безумецъ молодой,
 Поэта мѣрныя творенья
 Блистали стройной красотой

Страстей порывы утихаютъ,
 Страстей мятежныя мечты
 Передо мной не затмѣваютъ
 Законовъ вѣчной красоты;
 И поэтического міра
 Огромный очеркъ я узрѣлъ,
 И жизни даровать, о лира!
 Твое согласье захотѣлъ.

СХVIII.

КЪ ЯЗЫКОВУ.

(Европеецъ 1832 г.).

Языковъ, буйства молодого
Пѣвецъ роскошный и лихой!
По волѣ случая слѣпаго
Я познакомился съ тобой
Въ тѣ осмотрительныя лѣта,
Когда смиренная діета
Нужна здоровью моему,
Когда и тошный опытъ свѣта
Меня наставилъ кой-чему,
Когда отъ бурныхъ увлеченій
Желаннымъ отдыхомъ дыша,
Для благочинныхъ размышленій
Созрѣла томная душа;
Но я люблю восторгъ удалый,
Разгульный жаръ твоихъ стиховъ.
Дай руку мнѣ: ты славный малый,
Ты въ цвѣтѣ жизни, ты здоровъ,
И неумѣренную радость,
Счастливецъ, славить ты въ правахъ;
Звучить лирическая младость

Въ твоихъ лирическихъ грѣхахъ.
Не буду строгимъ моралистомъ,
Или бездушнымъ журналистомъ;
Приходить все своимъ чредомъ.
Послушный голосу природы,
Предупредить не долженъ годы
Ты педагогическимъ перомъ;
Другаго счастья поэтомъ
Ты позже будешь, милый мой,
И самъ искушишь передъ свѣтомъ
Проказы Музы молодой.

СХІХ.

Н. Е. Б. . . . .

(Овремен. 1854 г.).

Двойною прелестью опасна,
Лицомъ задумчива, рѣчами весела,
Какъ одалиска ты прекрасна
И какъ пастушка ты мила.
Душой невольно вострепнется,
Кто на красавицу очей ни возведетъ;
Холодный старецъ улыбнется,
А пылкій юшоша вздохнетъ.

1833.

СХХ.

НА СМЕРТЬ ГЕТЕ.

Предстала, и старецъ великій смежилъ
 Орлиныя очи въ покоѣ;
 Почилъ безмятежно, зане совершилъ
 Въ предѣлѣхъ земномъ все земное!
 Надъ дивной могилой не плачь, не жалѣй,
 Что генія черепъ наслѣдье червей.

Погасъ! но ничто не оставлено имъ
 Подъ солнцемъ живыхъ безъ привѣта;
 На все отозвался онъ сердцемъ своимъ,
 Что просить у сердца отвѣта:
 Крылатою мыслью онъ міръ облетѣлъ,
 Въ одномъ безпредѣльномъ нашель ей предѣлъ.

Все духъ въ немъ питало: труды мудрецовъ,
 Искусствъ вдохновенныхъ созданья,
 Преданья, завѣты минувшихъ вѣковъ,
 Цвѣтущихъ временъ упованья;
 Мечтою по волѣ проникнуть онъ могъ
 И въ нищую хату, и въ царскій чертогъ.

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ:

Ручья разумѣль лепетанье,

И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,

И чувствовалъ травъ прозябанье;

Была ему звѣздная книга ясна,

И съ нимъ говорила морская волна.

Извѣданъ, испытанъ имъ весь человѣкъ!

И ежили жизнью земною

Творецъ ограничилъ летучій нашъ вѣкъ,

И насъ за могильной доскою,

За міромъ явленій, не ждетъ ничего:

Творца оправдаетъ могилъ его.

И если загробная жизнь намъ дана,

Онъ, здѣшней вполнѣ отдышавшій

И въ звучныхъ, глубокихъ отзвукахъ спола

Все дольное долу отдавши,

Къ Предвѣчному легкой душой возлетитъ,

И въ небѣ земное его не смутитъ.

СХХІ.

КОЛЬЦО.

О. Э—ть.

Дитя мое, она сказала,
Возмешь иль нѣтъ мое кольцо?
И головою покачала,
Съ учащемъ глядя ей въ лицо.

Знай, друга дасть тебѣ, дѣвица,
Кольцо счастливое мое:
Ты будешь думъ его царица,
Его второе бытіе.

Но договоръ судьбой ревнивой
Съ прекраснымъ даромъ сопряжонъ,
И красотѣ самолюбивой
Тяжелъ, я знаю, будетъ онъ.

Свѣтъ, къ ней суровый, не примѣтитъ
Ея привѣтливыхъ очей,
Ея улыбку хладно встрѣтитъ
И не пойметъ ея рѣчей.

Вотще ей разумъ, дарованья,
И чувствъ и мыслей прямота:

Ихъ свѣтъ оставить безъ вниманья,
Обезобразить клевета.

И долго, долго сиротою
Она по сборищамъ людскимъ
Пойдетъ съ поникшею головою,
Одна съ уныніемъ своимъ.

Но дѣвы нѣжной не обманетъ
Мое счастливое кольцо:
Ей судія ея предстанетъ,
И процвѣтетъ ея лицо.

Внимала дѣва молодая,
Невиннымъ взоромъ весела
И, тайный жребій свой рѣшая,
Кольцо съ улыбкою взяла.

Иди-жь съ надеждою веселой!
Творецъ тебя благослови
На подвигъ долгій и тяжелой
Всезабывающей любви.

И до свершенья договора,
Въ твои ненастливые дни,
Когда нужна тебѣ опора,
Мнѣ, другъ мой, руку протяни.

1835.

СХХІІ.

ЗАПУСТЪНІЕ (*).

Я посѣтилъ тебя, плѣнительная сѣнь
 Не въ дни веселые живительнаго Мая,
 Когда, зелеными вѣтвями помавая,
 Манишь ты пунтика въ свою густую тѣнь:
     Когда ты вѣешь ароматомъ
 Тобою бережно взлелѣянныхъ цвѣтовъ.
     Подъ очарованный твой кровъ
     Замедлилъ я моимъ возвратомъ.
 Въ осенней наготѣ стояли деревья
     И непривѣтливо чернѣли;
 Хрустѣла подъ ногой замерзлая трава
 И листья мертвые волнуясь шумѣли!
     Съ прохладой рѣзкою дышалъ
     Въ лицо мнѣ запахъ увяданья;
 Но не весенняго убранства я искалъ,
     А прошлыхъ лѣтъ воспоминанья.

(*) Описаніе д. Мары, Тамбовской губ. Кирсаповскаго уѣзда.

Душой задумчивый, медлительно я шель
 Съ годовъ младенческихъ знакомыми тропами;
 Художникъ опытный ихъ пѣкогда провель.
 Увы! рука его изглажена годами!
 Стези заглохшія, мечтаешь, пѣшеходъ
 Случайно протопталъ. Сошелъ я въ доль завѣтный,
 Долю, первыхъ думъ моихъ лелѣятель привѣтный!
 Пруда знакомаго искалъ красивыхъ водъ,
 Искалъ прыгучихъ водъ мнѣ памятной каскады;
     Тамъ, думалъ я, къ душѣ моей
 Толпою полетятъ видѣнья прежнихъ дней...
 Вотще! лишены хранительной преграды,
     Далече воды утекли,
     Ихъ ложе поросло травой,
 Приютъ хозяйственный въ немъ улы обрѣли;
 И легкая тропа исчезла предо мною.
 Ни въ чемъ знакомаго мой взоръ не обрѣталъ!
 Но вотъ, по прежнему, лѣсистымъ косогоромъ,
 Дорожка смѣлая ведетъ меня... обвалъ
     Вдругъ поглотилъ ее... Я сталъ
 И глубь неожиданную измѣрилъ грустнымъ взоромъ;
 Съ недоумѣніемъ искалъ другой тропы.
     Иду я: гдѣ бесѣдка тлѣветъ
 И въ прахѣ передъ ней лежатъ ея столпы,
     Гдѣ остовъ мостика дряхлѣветъ.
     И ты, величественный гротъ,
 Тяжело-каменный, постигнуть разрушеньемъ
     И угрожаешь ужъ паденьемъ.
 Бывало, въ лѣтній зной прохлады полный сводъ!
 Что-жь? пусть минувшее минуло сномъ летучимъ!

Еще прекрасенъ ты, заглохнѣй Элизей,

И обаяніемъ могучимъ

Исполненъ для души моей.

Тотъ не былъ мыслию, тотъ не былъ сердцемъ хладенъ,

Кто, безмянной нѣги жадеиъ,

Ихъ своенравный бѣгъ тропамъ симъ указалъ,

Кто, преклоняя слухъ къ таинственному шуму

Сихъ кленовъ, сихъ дубовъ, въ души своей питалъ

Ему сочувственную думу.

Давно кругомъ меня о немъ умолкнулъ слухъ,

Пріяла прахъ его далекая могила,

Мнѣ память образа его не сохранила,

Но здѣсь еще живетъ его доступный духъ;

Здѣсь, другъ мечтанья и природы,

Я познаю его вполнѣ:

Онъ (*) вдохновеніемъ волнуется во мнѣ,

Онъ славить мнѣ велить лѣса, долины, воды:

Онъ убѣдительно пророчить мнѣ страну,

Гдѣ я наследую несрочную весну,

Гдѣ разрушенія слѣдовъ я не примѣчу,

Гдѣ въ сладостной тѣни невнущихъ дубровъ,

У нескудѣющихъ ручьевъ,

Я тѣнь священную мнѣ встрѣчу.

(*) Поэтъ говоритъ о своемъ отцѣ.

СХХІІІ.

Наслаждайтесь: все проходит!
То благой, то строгій къ намъ,
Своенравно рокъ приводитъ
Насъ къ утѣхамъ и къ бѣдамъ.
Чуждъ онъ долгаго пристрастия:
Вы, чья жизнь полна красы,
На лету ловите счастья
Ненадежные часы.

Не ропщите: все проходитъ,
И ко счастью иногда
Неожиданно приводитъ
Насъ суровая бѣда.
И веселью, и печали,
На измѣнчивой землѣ,
Боги праведные дали
Одинакіе крилѣ.

СХХІV.

Къ чему невольнику мечтанія свободы?
Взгляни: безропотно текутъ рѣчныя воды
Въ указанныхъ берегахъ, по склону ихъ русла;
Ель величавая стоитъ гдѣ возросла,
Невластная сойти. Небесныя свѣтила,
Назначеннымъ путемъ, невѣдомая сила
Влечетъ. Бродячій вѣтръ неволею, и законъ
Его летучему дыханью положенъ.
Удѣлу своему и мы покорны будемъ:
Мятежные мечты смиримъ или позабудемъ;
Рабы разумные, послушно согласимъ
Свои желанія со жребіемъ своимъ,
И будетъ счастлива, спокойна наша доля.
Безумецъ! не она-ль, не выпяжи-ли воли
Даруетъ страсти намъ?.....
О, тягостна для насъ.....
Жизнь, въ сердцѣ бьющая могучею волною.
И въ грани узкія вѣснелая судьбою.

СХХV.

Сердечнымъ нѣжнымъ языкомъ
Я искушалъ ее сначала:
Она словамъ моимъ внимала
Съ тупымъ, безмысленнымъ лицомъ.
Въ ней разбудить огонь желаній
Еще надежду я хранилъ
И сладострастныхъ лобызаній
Языкъ живой употребилъ...
Она глядѣла также тупо,
Потомъ разгнѣвалась глупо.
Бѣги за нею, модный свѣтъ,
Плывайся дѣвой идеальной!
Владѣю тайной я печальной:
Ни сердца въ ней, ни пола нѣтъ.

СХХVI.

ЯЗЫКОВУ.

Бывало, свѣтъ позабывая
Съ тобою счастливымъ пѣвцомъ,
Твоя Камена молодая
Вѣнчалась гроздемъ и плющемъ
И пѣсни вѣтренныя пѣла,
И къ ней, безумна и слѣпа,
То, увлекаясь, пламенѣла
Любовью грубою толпа;
То, на свободные напѣвы
Сердяся въ ханжествѣ тупомъ,
Она ругалась чудной дѣвы
Ей непонятнымъ божествомъ.
Во взорахъ пламень вдохновенья,
Огонь восторга на щекахъ,
Быль жаръ хмѣльной въ ея глазахъ,
Или румянецъ вождельнѣя....
Она высоко рождена,
Ей много славы подобаеть:
Лишь для любовника она
Нарядъ Менады надѣваетъ;
Яви-жь, яви ее скорѣй,

Пѣвецъ, въ достойномъ блескѣ міру:
Наперсницѣ души твоей
Дай діадиму и порфиру;
Державный санъ ея открой,
Да изумитъ своей красой,
Да величавый зорьъ смущаетъ
Ея злословнаго судью,
Да въ ней хулитель твой познаетъ
Мою царицу и свою.

СХХVII.

МОНАСТЫРКЪ.

Храни свое неопасенье,
Свою неопытность лелѣй;
Передъ тобою много дней:
Еще уловишь размышленье.
Какъ въ Смольномъ цвѣтникѣ своемъ,
И въ свѣтѣ сердцу будь послушной
И монастыркой благодушной
Останься долго, долго въ немъ.
Пусть для тебя преобразаемъ
Игрой младенческой мечты,
Онъ вѣкъ не рознить съ тихимъ раемъ,
Въ которомъ разцвѣтала ты.

СХХVIII.

Когда исчезнетъ омраченье
Души болѣзненной моей?
Когда увижу разрѣшенье
Меня опутавшихъ сѣтей?
Когда сей демонъ, наводящій
На умъ мой сонъ его мертвящій,
Отыдетъ, чадный, отъ меня,
И я увижу лучъ блестящій
Всеозаряющаго дня?
Освобожусь воображеньемъ
И крылья духа подыму
И пробужденнымъ вдохновеньемъ
Природу снова обниму?
Вотще-ль мольбы? напрасны-ль пѣни?
Увижу-ль снова ваши сѣни
Сады поэзіи святой?
Увижу-ль васъ, ея свѣтила?
Вотще! Я чувствую могила
Меня живаго приняла
И, легкой даръ мой удушая,
На грудь мнѣ дума роковая
Гробовой насыпью легла.

СХХІХ.

А. А. Ф...ОЙ.

Вы-ль дочь Евы какъ другая,
 Вы-ль, передъ зеркаломъ своимъ
 Власы роскошныя вседневно убирал,
 Ихъ блескомъ шелковымъ любуясь передъ нимъ,
     Любуясь ясными очами,
     Обворожительнымъ лицомъ
     Блестящей Граціи, предъ вами
 Живописуемой услужливымъ стекломъ,
     Вы-ль угадать могли свое предназначенье?
     Какъ, вмѣсто женской суеты,
     Въ душѣ довольной красоты
     Затрепетало вдохновенье?
 Прекрасный, дивный мигъ! Возликовалъ Парнассъ,
 Хариту какъ сестру Камены окружили,
 Отъ міра мелочей вы взоры отвратили:
     Открылся новый міръ для васъ.
 Мы встрѣтились въ немъ. Блестящими стихами
 Вы обольстительно привѣтили меня.
 Я знаю цѣну имъ. Дарована судьбами
     Мнѣ искра вашего огня.
 Забуду-ли я васъ? забуду-ль ваши звуки?
 Въ душѣ признательной отозвались они.

Пусть бездну между насъ раскроетъ духъ разлуки,

Пускай летятъ за днями дни:

Пребудетъ неразлучна съ вами

Моя сердечная мечта,

Пока плѣняюся я мирными струнами,

Повуда радуется мнѣ душу красота.

СXXX.

Я не любилъ ея, я зналъ,
 Что не она пойметъ поэта,
 Что на языкъ души, душа въ ней безъ отвѣта.
 Чего-жь безумецъ въ ней искалъ?
 Зачѣмъ стихи мои звучали
 Ея восторженной хвалой,
 И малодушно возвѣщали
 Ея владычество и плѣнь постыдный мой?
 Зачѣмъ ввѣрять я съ умиленьемъ
 Ей всѣ мечты души моей?..
 Туманъ упалъ съ моихъ очей:
 Ея бѣгу я съ отвращеньемъ!
 Такъ, омраченные виномъ,
 Мы недостойному порою
 Жмемъ руку дружеской рукою,
 Привѣтствуемъ его съ ослабленнымъ лицомъ,
 Краснорѣчиво изливаемъ
 Всѣ думы сердца передъ нимъ;
 Ошибки темное сознаніе хранимъ,
 Но блажь досадную напрасно укрощаемъ
 Умомъ взволнованнымъ своимъ.
 Очнувшись, странному забвенію дивимся,
 И незаконнаго наперсника стыдимся,
 И отъ противнаго лица его бѣжимъ.

СXXXI.

Болящій духъ врачуетъ пѣснопѣнье.
Гармоніи таинственная власть
Тяжелое искупить заблужденье
И укротить бунтующую страсть.
Душа пѣвца, согласно излитая,
Разрѣшена отъ всѣхъ своихъ скорбей;
И чистоту поэзія святая,
И міръ отдастъ причастницѣ своей.

СXXXII.

О мысль! тебѣ удѣлъ цвѣтка:
Сегодня манить мотылька,
Прельщаетъ пчелку золотую,
Ему съ любовью мошка льнетъ,
И стрекоза его поетъ;
Утратилъ свѣжесть молодую
И чередой своей поблекъ,—
Гдѣ пчелка, мошка, мотылекъ?
Забить онъ роетъ ихъ летучимъ,
И никому въ немъ нужды нѣтъ;
А тутъ, зерномъ своимъ падучимъ,
Онъ зарождаетъ новый цвѣтъ.

СXXXIII.

МАДОНА.

Въ Италиі гдѣ-то, но въ полѣ пустомъ,
(Не зрѣлось жилья на полмили кругомъ)

Межъ древнихъ развалинъ стояла лачужка;
Съ молоденькой дочкой жила въ ней старушка.

Съ разсвѣта до ночи за тяжкимъ трудомъ,
А все-таки голодъ имъ часто знакомъ.

И дочка порою душой унывала;
Терпѣньемъ скудѣя, на Бога роптала.

Не плачь, не кручинься ты, солнце мое!
Тогда утѣшала старушка се.

Не плачь, перемѣнится доля крутая:
Придетъ къ намъ на помощь Мадона святая.

Да ликъ ея вѣру въ тебѣ укрѣпите:
Смотри, какъ привѣтно съ холста онъ глядитъ!

Старушка смиренная съ рѣчью такою,
Бывало, крестилась дрожащей рукою;

И съ теплою вѣрою въ сердцѣ простомъ,
Она, съ умиленнымъ и кроткимъ лицомъ,

На живопись темную взоръ подымала,
Что уголь въ лачужкѣ безъ рамъ занимала.

Но больше и больше нужда ихъ тѣснить,
Дочь плачетъ и ропщетъ, старушка молчитъ.

Съ утра по руинамъ бродилъ любопытный:
Забылся, красѣ ихъ дивясь, ненасытный.

Кровь нуженъ ему отъ полдневныхъ лучей:
Стучится къ старушкѣ и входитъ онъ къ ней.

На лавку садился пришлецъ утомленный,
Но вспрынулъ, картиною вдругъ пораженный.

„Божественный образъ! чья кисть это, чья?
О, какъ не узнать мнѣ? Корреджій, твоя!

„И въ хижинѣ этой творенье таится,
Которымъ и Царскій дворецъ возгордится!

„Старушка, продай мнѣ картину свою,
Тебѣ за нее я сто шастровъ даю“.

— Синьоръ, я бѣдна, но душой не торгую;
Продать не могу я икону святую.—

„Я двѣсти даю, согласися продать“.

— Синьоръ, Синьоръ! бѣдность грѣшно искушать.

Упрямства не могъ побѣдить онъ въ старушкѣ,
Осталась картина въ убогой лачужкѣ.

Но вскорѣ потомъ по Италіи всей
Летучая вѣсть разнеслася о ней.

Къ старушкѣ моей гость за гостемъ стучится,
И, дверь отворяя, старушка дивится.

За входъ она малую плату беретъ
И съ дочкой своею безбѣдно живетъ.

Такъ, Вѣру и Геній въ едино сливая,
Равно оправдала ихъ Дѣва святая.

СXXXIV.

КЪ Н. Л. БАРАТЫНСКОЙ (*).

О, вѣрь: ты, вѣжвая, дороже славы мнѣ.
Скажу-ль? мнѣ ипогда докучно вдохновенье:
/ Мѣшаетъ мнѣ его волненье
/ Дышать любовью въ тишинѣ!
И сердце предаю сердечному союзу:
Приди, мечты мои разсѣй;
Ласкай, ласкай меня, о другъ души моей!
И покори себѣ бунтующую Музу.

(*) Супругъ поэта.

СXXXV.

Мой неискусный карандашъ
Набросилъ видъ суровый вашъ,
Скалы Финляндіи печальной;
Средь нихъ. средь этихъ голыхъ скалъ,
Я, дни весны моей опальной
Влача, душой изнемогалъ.
Въ отчизнѣ я. Передъ собою
Я самовольною мечтою
Скалы изгнанья оживилъ
И, ихъ разсѣянно рисуя,
Теперь съ улыбкою шепчу я:
Вотъ гдѣ унылый я бродилъ,
Гдѣ, на судьбину негодую,
✓ Я вѣру въ счастье отложилъ!

СХХХVI (*).

Есть милая страна, есть уголь на землѣ,
 Куда, гдѣ-бъ ни были: средь буйственнаго стана,
 Въ садахъ Армидиныхъ, на быстромъ кораблѣ,
 Браздящемъ весело равнины океана,
 Всегда уносимся мы думою своей;
 Гдѣ, чужды низменныхъ страстей,
 Житейскимъ подвигамъ предѣль мы назначаемъ,
 Гдѣ мѣръ надѣмся забыть когда пибудь
     И вѣжды старыя сомкнуть
     Послѣднимъ, вѣчнымъ сномъ желаемъ.

. . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .

Я помню ясный, чистый прудъ;
 Подъ сѣнію березъ вѣтвистыхъ,

(*) Описаніе сельца Мураново, Москов. губ., Дмитріевскаго уѣзда, нынѣ влад. С. Л. Пугача.

Средь мирныхъ водъ его, три острова цвѣтуть.
 Свѣтлѣя нивами межъ роцъ своихъ волнистыхъ,
 За нимъ встаетъ гора, предъ нимъ въ кустахъ шумить
 И брызжетъ мельница. Деревня, лугъ широкой,
 А тамъ счастливый домъ... туда душа летить.
 Тамъ не хладѣль-бы я и въ старости глубокой!
 Тамъ сердце томное, больное обрѣло

Отвѣтъ на все чтò въ немъ горѣло
 И снова для любви, для дружбы разцвѣло

И счастье вновь уразумѣло.
 Зачѣмъ же томный вздохъ и слезы на глазахъ?
 Она (*), съ болѣзненнымъ румянцемъ на щекахъ,
 Она, которой нѣтъ, мелькнула предо мною.
 Почій, почій легко подъ дерномъ гробовымъ:

Воспоминаніемъ живымъ
 Не разлучимся мы съ тобою!
 Мы плачемъ... но прости! Печаль любви сладка,
 Отрадны слезы сожалѣнья!
 Не то холодная, суровая тоска,
 Сухая скорбь разувѣренья.

(*) Наталья Львовна Энгельгардъ сконч. чахоткой.

СХХХVII.

ПРИ ПОСЫЛКѢ БАЛА С. Э. (*)

Тебѣ-ль, невинной и спокойной,
Я приношу въ нескромный даръ
Разсказъ, гдѣ страсти педостойной
Изображень преступный жаръ?

И безобразной, и мятежной,
Онъ не плѣнить твоей мечты;
Но что? на память дружбы пѣжной
Его. быть можетъ, применишь ты.

Жилецъ семейственнаго круга,
Такъ въ даръ приѣмлетъ домосѣдъ
Отъ путешественника-друга
Пустыни дальней дикій цвѣтъ.

(*) Софья Львовна Энгельгардъ.

СХХХVIII.

К. А. ТИМАСHEВОЙ.

Вамъ все дано съ щедротою пристрастной
Благоволительной судьбой:
Владѣете вы лирой сладкогласной
И ей созвучной красотой.
Что-жь грусть поетъ блестящая пѣвица?
Что-жь томны взоры красоты?
Печаль, печаль—души ея царица,
Владычица ея мечты.
Вамъ счастья нѣтъ иль, на одно мгновение
Блеснувши, лучъ его погасъ;
Но счастливъ тотъ, кто слышитъ ваше пѣнье,
Но счастливъ тотъ, кто видитъ васъ.

СXXXIX.

Гдѣ сладкій шопоть
Моихъ лѣсовъ?
Потоковъ ропоть,
Цвѣты луговъ?
Деревья голы;
Коверъ зимы
Покрывает холмы,
Луга и доли.
Подъ ледяной
Своей корой
Ручей нѣмѣеть;
Все цѣпейѣеть;
Лишь вѣтеръ злой
Бушуетъ воеетъ
И небо кроетъ
Сѣдою мглой.

Зачѣмъ тоскуя
Въ окно слѣжу я
Мятели летъ?
Любимцу счастья

Кровь отъ ненастья
Оно даетъ.
Огонь трескучій
Въ моей печи;
Его лучи
И пыль летучій
Мнѣ веселятъ
Безпечный взглядъ.
Въ тиши мечтаю
Передъ живой
Его игрой
И забываю
Я бури вой.

О Провидѣнье,
Благодаренье!
Забуду я
И дуновенье
Бурь бытія.
Скорбя душою,
Въ тоскѣ моей,
Склонюсь главою
На сердце къ ней.
И подъ мятежной
Мятелю бѣдъ,
Любовью нѣжной
Ея согрѣтъ,
Забуду вскорѣ
Крутое горе,
Какъ въ этотъ мигъ

Забыль природы
Гробовый ликъ
И непогоды
Мятежный крикъ.

СXL.

Весна, весна! какъ воздухъ чистъ!

Какъ ясенъ небосклонъ!

Своей лазурію живой

Слѣпить мнѣ очи онъ.

Весна, весна! какъ высоко

На крыльяхъ вѣтерка,

Ласкаясь къ солнечнымъ лучамъ,

Летаютъ облака!

Шумятъ ручьи! блестятъ ручьи!

Взревѣвъ, рѣка несетъ

На торжествующемъ хребтѣ

Поднятый ею ледъ!

Еще древа обнажены,

Но въ роцѣ ветхой листь,

Какъ прежде, подъ моей ногой,

И шуметь и душисть.

Подъ солнце самое взвился

И въ яркой вышиинѣ,

Незримый, жавронокъ поетъ

Заздравный гимнъ веснѣ.

Что съ нею, что съ моей душой?
Съ ручьемъ она ручей,
И съ птичкой причка! съ нимъ журчить,
Летаетъ въ небѣ съ ней!

Зачѣмъ такъ радуеть ее
И солнце, и весна?
Ликуетъ-ли, какъ дочь стихій,
На пирѣ ихъ она?

Что нужды! счастливъ, кто на немъ
Забвенные мысли пѣть,
Кого далеко отъ нее
Онъ дивный унесетъ!

СХLІ.

Н. Л. БОРАТЫНСКОЙ (*).

Своеправное прозванье
Даль я милой въ ласку ей:
Безотчетное созданье
Дѣтской нѣжности моей;
Чуждо явнаго значенья,
Для меня оно символъ
Чувствъ, которыхъ выраженья
Въ языкахъ я не нашель.
Вспыхнувъ полною любовью
И любви посвящено,
Не хочу, чтобъ суесловью
Было вѣдомо оно:
Что въ немъ свѣту? Но сомнѣнье
Если духъ ей возмутить,
О, его въ одно мгновенье
Это имя побѣдить;
Но въ томъ мірѣ, за могилой,
Гдѣ нѣтъ образовъ, гдѣ нѣтъ

(*) Супругъ поэта.

Для узнанья, другъ мой милой,
Здѣшнихъ чувственныхъ примѣтъ,
Имъ безсмертье я привѣчу,
Къ безднамъ имъ воскликну я,
Да душѣ моей на встрѣчу
Полетитъ душа твоя

СХЛII.

Бывало, отрокъ, звонкимъ кликомъ
Лѣсное эхо я будиль,
И вѣрный откликъ въ лѣсѣ дикомъ
Меня смятенно веселилъ.
Пора другая наступила:
И рифма юношу плѣнила,
Лѣсное эхо замѣня.
Игра стиховъ, игра златая!
Какъ звуки звукамъ отвѣчая,
Бывало, нѣжили меня!
Но все проходить. Остываю
Я и къ гармоніи стиховъ:
И какъ дубровъ не окликаю,
Такъ не ищу созвучныхъ словъ.

1835—1842.

СУМЕРКИ.

СXLIII.

Князю Петру Андреевичу Вяземскому.

Какъ жизни общіе призывы,
 Какъ увлеченья суеты,
 Понятны вамъ страстей порывы
 И обаянія мечты;
 Понятны вамъ всѣ дуновенья,
 Которымъ въ морѣ бытія
 Послушна наша ладія.
 Вамъ приношу я пѣсноиѣнья,
 Гдѣ отразилась жизнь моя,
 Исполнена тоски глубокой,
 Противорѣчій, слѣпоты,
 И между тѣмъ любви высокой,
 Любви добра и красоты.
 Счастливый сынъ уединенья,
 Гдѣ сердца вѣтренные сны,
 И мысли праздныя стремленья
 Разумно мной усыплены;
 Гдѣ другу мира и свободы

Ни до фортуны, ни до моды,
Ни до молвы мнѣ нужды нѣтъ;
Гдѣ я простилъ безумству, злобѣ,
И позабылъ, какъ-бы во гробѣ,
Но добровольно, шумный свѣтъ.
Еще, порою, покидаю
Я Лету, созданную мной,
И степи міра облетаю
Съ тоскою жаркой и живой.
Ищу я васъ; гляжу, что съ вами?
Куда вы брошены судьбами.
Вы, озарившіе меня
И дружбы кроткими лучами,
И свѣтомъ высшаго огня?
Что вамъ даруетъ Провидѣнье?
Чѣмъ испытуетъ Небо васъ?
И возношу молящій гласъ:
Да длится ваше упоенье,
Да скоро минетъ скорбный часъ!

Звѣзда разрозненной Плеяды!
Такъ изъ глуши моей стремлю
И къ вамъ заботливые взгляды,
Вамъ высшей благодати молю;
Отъ васъ отвлечь судьбы суровой
Удары грозные хочу,
Хотя вамъ прозою почтовой
Лѣниво дань мою плачу.

CXLIV.

ПОСЛѢДНІЙ ПОЭТЪ.

Вѣкъ шествуетъ путемъ своимъ желѣзнымъ;
 Въ сердцахъ корысть, и общая мечта
 Часъ отъ часу насущнымъ и полезнымъ
 Отчетливѣй, безстыднѣй занята.
 Исчезнули при свѣтѣ просвѣщенья
 Поэзіи ребяческіе сны,
 И не о ней хлопочуть поколѣнья,
 Промышленнымъ заботамъ преданы.

Для ликующей свободы
 Вновь Эллада ожила,
 Собрала свои народы
 И столицы подняла.
 Въ ней опять цвѣтутъ науки,
 Носить понтъ торговли грузъ,
 Но не слышны лиры звуки
 Въ первобытномъ раѣ Музъ!

Блеститъ зима дряхлѣющаго міра,
 Блеститъ! Суровъ и блѣденъ человѣкъ,
 Но зелены въ отечествѣ Омира
 Холмы, лѣса, брега лазурныхъ рѣкъ.

Цвѣтетъ Парнасъ! Предъ нимъ, какъ въ оны годы,
Кастальскій ключъ живой струею бьетъ.

Послѣдній сынъ аттической природы,
Возникъ Поэтъ; идетъ онъ и поетъ.

Воспѣваетъ простодушной
Онъ любовь и красоту,
И науки, имъ ослушной,
Пустоту и суету:
Мимолетныя страданья
Легкомыслиемъ цѣля,
Лучше, смертный, въ дни незнанья
Радость чувствуетъ земля!

Поклопникамъ Ураніи холодной
Поетъ, увы! онъ благодать страстей:
Какъ пажити Эоль бурнопогодной,
Плодотворять онѣ сердца людей;
Живительнымъ дыханіемъ развита,
Фантазія подѣмлется отъ нихъ,
Какъ вѣкогда возникла Афродита
Изъ пѣнистой пучины водъ морскихъ.

И зачѣмъ не предадимся
Снамъ улыбчивымъ своимъ?
Гордымъ сердцемъ покоримся
Думамъ робкимъ, а не имъ!
Вѣрьте сладкимъ убѣжденьямъ
Васъ ласкающихъ очесъ
И отраднымъ откровеньямъ
Сострадательныхъ небесъ!

Суровый смѣхъ ему отвѣтомъ. Персты
 Онъ на струнахъ своихъ остановилъ,
 Сомкнулъ уста вѣщать полуотверсты,
 Но гордыя главы не преклонилъ.
 Стопы свои онъ въ мысляхъ направляетъ
 Въ вѣмую глушь, въ безлюдный край; по свѣтъ
 Ужъ празднаго вертепа не являетъ,
 И на земли уединены пѣтъ!

Человѣку непокорно
 Море синее одно:
 И свободно, и просторно,
 И привѣтливо оно;
 И лица не измѣнило
 Съ дня, въ который Аполлонъ
 Поднялъ вѣчное свѣтило
 Въ первый разъ на небосклонъ.

Оно шумить передъ скалой Левкала.
 На ней пѣвецъ мятежный, думы полнь,
 Стоитъ... въ очахъ блеснула вдругъ отрада:
 Ся скала..... тѣнь Сафо!... пѣсни волнь...
 Гдѣ погребла любовница Фаона
 Отверженной любви несчастный жаръ,
 Тамъ погребетъ питомецъ Аполлона
 Свои мечты, свой бесполезный даръ!

И по-прежнему блистаетъ
 Хладной роскошю свѣтъ;
 Серебрить и позлащаетъ

Свой безжизненный скелетъ.
Но въ смущеніе приволить
Человѣка гласъ морской,
И отъ шумныхъ водъ отходить
Онъ съ тоскующей душой!

СXLV.

Предразсудокъ! онъ обломокъ
Давней правды. Храмъ упалъ,
А руинъ его потомокъ
Языка не разгадалъ.

Гонить въ немъ нашъ вѣкъ надменной,
Не узнавъ его лица,
Нашей правды современной
Дряхлोलѣтняго отца.

Воздержи младую силу!
Дней его не возмущай;
Но пристойную могилу,
Какъ уснетъ онъ, предку дай.

СXLVI.

НОВИНСКОЕ.

А. С. Пушкину.

Опа, улыбкою своей,
Поэта въ жертвы пригласила,
Но не любовь отвѣтомъ ей,
Взоръ ясный думой осѣнила.
Нѣтъ, это былъ сей легкій сонъ,
Сей тонкій сонъ воображенья,
Что посылаетъ Аполлонъ
Не для любви, для вдохновенья.

СXLVII.

ПРИМѢТЫ.

Пока человѣкъ естества не пыталъ
 Горниломъ, вѣсами и мѣрой;
 Но дѣтски вѣщаньямъ природы внималъ,
 Ловилъ ея знаменья съ вѣрой;

Покуда природу любилъ онъ, она
 Любовью ему отвѣчала:
 О немъ дружелюбной заботы полна,
 Языкъ для него обрѣтала.

Почуя бѣду надъ его головой,
 Вранъ каркалъ ему въ опасенье,
 И замысла, въ пору смирясь предъ судьбой,
 Воздерживалъ онъ дерзповенье.

На путь ему выбѣжавъ изъ лѣсу, волкъ,
 Крутясь и подъемля щетину,
 Побѣду пророчилъ, и смѣло свой полкъ
 Бросалъ онъ на вражью дружину.

Чета голубиная, вѣя надъ нимъ,
 Блаженство любви прорицала.

Въ пустынь безлюдной онъ не былъ однимъ:
Нечуждая жизнь въ ней дышала.

Но чувство презрѣвъ, онъ довѣрилъ уму,
Вдался въ суету изысканій,
И сердце природы закрылось ему,
И нѣтъ на землѣ прорицаній.

CXLVIII.

Всегда и въ пурпурѣ и въ златѣ,
Въ красѣ негаснущихъ страстей,
Ты не вздыхаешь объ утратѣ
Какой-то младости твоей.
И юныхъ Грацій ты прелестнѣй!
И твой закатъ пышнѣй чѣмъ день!
Ты сладострастнѣй, ты тѣлеснѣй
Живыхъ, блистательная тѣнь!

СХLIX.

Увы! Творецъ не первыхъ силъ!
На двухъ статейкахъ утомилъ
Ты кой-какое дарованье!
Лишенный творческой мечты,
Уже въ жару нездравомъ ты
Коверкать сталъ правописанье!

Неаполь возмутилъ рыбарь
И, власть пріявъ, какъ мудрый царь,
Двѣнадцать дней онъ градомъ правилъ.
Но что-же? непривычный умъ,
Уставъ отъ вѣнценосныхъ думъ,
Его въ тринадцатый оставилъ!

СЛ.

НЕДОНОСОКЪ.

Я изъ племени духовъ,
Но не житель Эмпирея,
И едва до облаковъ
Возлетѣвъ, паду слабѣя.
Какъ мнѣ быть? я малъ и плохъ;
Знаю: рай за ихъ волнами
И пошусь, крылатый вздохъ,
Межъ землей и небесами.

Блещетъ солнце: радость мнѣ!
Съ животворными лучами
Я играю въ вышинѣ
И веселыми крылами
Ластюсь къ нимъ какъ облачко;
Пью счастливо воздухъ тонкой:
Мнѣ свободно, мнѣ легко,
И пою я птицей звонкой.

Но ненастье зареветь,
И до облакъ сводъ небесный,
Омрачившись, вознесетъ
Прахъ земной и листь древесный.

Бѣдный духъ! ничтожный духъ!
 Дуновенье роковое
 Бьетъ, крутитъ меня какъ пухъ,
 Мчитъ подь небо громовое.

Бури грохоть, бури свистъ!
 Вихорь хладный! вихорь жгучій!
 Бьетъ меня древесный листъ,
 Удушаетъ прахъ летучій!
 Обращусь-ли къ небесамъ,
 Оглянуся-ли на землю:
 Грозно, черно тутъ и тамъ;
 Вопль унылый я подьземлю.

Смутно слышу я порой
 Кличь враждующихъ народовъ,
 Поселянъ безпечныхъ вой
 Подь грозой ихъ переходовъ,
 Громъ войны и крикъ страстей,
 Плачь недужнаго младенца...
 Слезы льются изъ очей:
 Жаль земнаго поселенца!

Изнывающій тоской
 Я мечусь въ поляхъ небесныхъ,
 Надо мной и подо мной
 Безпредѣльныхъ - скорби тѣсныхъ!
 Въ тучу кроюсь я, и въ ней
 Мчуся, чуждъ земнаго края,
 Страшный гласъ людскихъ скорбей
 Гласомъ бури заглушая.

Міръ я вижу какъ во мглѣ;
Арфъ небесныхъ отголосокъ
Слабо слышу.... На землѣ
Оживилъ я недоносокъ.
Отбылъ онъ безъ бытія:
Роковая скоротечность!
Въ тягость роскошь мнѣ твоя,
Въ тягость твой просторъ, о вѣчность!

СЛІ.

АЛКІВІАДЪ.

Облокотясь передъ мѣдью, образъ его отражавшей,
Дланью слегка приподнявъ кудри златыя чела,
Юный красавецъ сидѣлъ горделиво задумчивъ и, смѣхомъ
Горькимъ смѣясь, на него мужи казали перстомъ;
Дѣвы, тайно любуясь челомъ благородно-открытымъ,
Нехотя взоръ отводя, хмурили брови свои.
Онъ-же и глухъ былъ, и слѣпъ; онъ не въ мѣди глядясь,
а въ грядущемъ,
Думалъ: къ лицу-ли ему будетъ лавровый вѣнокъ?

СЛН.

РОПОТЪ.

Краснаго лѣта отрава, муха досадная, что ты

Вьешься, терзая меня, льнешь то къ лицу, то къ перстамъ?

Кто одарилъ тебя жаломъ, властнымъ прервать самовольно

Мощно-крылатую мысль, жаркой любви поцѣлуй?

Ты изъ мечтателя мирнаго, нѣгъ Европейскихъ питомца,

Дикаго Скифа творишь, жаднаго смерти врага.

СЛШ.
МУДРЕЦУ.

Тщетно межъ бурною жизнью и хладною смертию, философъ,
Хочешь ты пристань найти, имя даешь ей: покой.
Намъ, изволеньемъ Зевеса брошеннымъ въ мѣръ коловратный,
Жизнь для волненья дана: жизнь и волненье одно.
Тотъ, кого миновали общія смуты, заботу
Самъ вымышляетъ себѣ: лиру, палитру, рѣзецъ.
Міра невѣжда, младенецъ, какъ будто законъ его чуя,
Первымъ стenanьемъ качать нудить свою колыбель!

CLIV.

Филида съ каждою зимою,
Зимою новою своею,
Пугаетъ большей наготою
Своихъ старушечьихъ плечей,
И, Афродита гробовая,
Подходить, словно къ ложу сна,
За ризой ризу опуская,
Къ одру послѣднему она.

CLV.

БОКАЛЪ.

Полный влагой искрометной,
Зашипѣль ты, мой бокаль!
И покрыль туманъ привѣтной
Твой озябнувшій кристалъ...
Ты не встрѣченъ братьей шумной,
Буйныхъ оргій властелинъ:
Сластолюбецъ вольнодумной,
Я сегодня пью одинъ.

Чѣмъ душа моя богата,
Все твое, о другъ Аи!
Нынѣ мысль моя не сжата,
И свободны сны мои;
За струю вдохновенной
Не разсѣянъ данникъ твой
Безтолково-оживленной,
Разногласною толпой.

Мой восторгъ неосторожный
Не обидитъ никого;
Не откроетъ дружбѣ ложной
Таинъ счастья моего;

Не смутить глупцовъ ревнивыхъ
И торжественныхъ невѣждъ,
Изліаньемъ горделивыхъ
Иль святыхъ моихъ надеждъ!

Вотъ теперь со мной бесѣдуй,
Своенравная струя!
Упоеня проповѣдуй,
Иль отравы бытія;
Сердцу милая преданья
Благодатно оживи,
Или прошлыя страданья
Мнѣ на память призови!

О, бокаль уединенья!
Не усилены тобой
Пошлой жизни впечатлѣнья,
Словно чашей круговой:
Плодороднѣй, благороднѣй,
Дивной силой будишь ты
Откровенья преисподней,
Иль небесныя мечты.

И одинъ я пью отнынѣ!
Не въ людскомъ шуму, пророкъ
Въ нѣмотствующей пустынѣ
Обрѣтаетъ свѣтъ высокъ!
Не въ безплодномъ развлеченн
Общежительныхъ страстей,
Въ одинокомъ упоенн
Мгла падетъ съ его очей!

CLVI.

Были бури, непогоды,
Да молодые были годы!

Въ день ненастный, часъ гнетучій,
Грудь подыметъ вздохъ могучій;

Бойкой пѣсню разольется:
Скорбь-невзгода распоеется!

А какъ вѣкъ-то, вѣкъ-то старой
Обручится съ лютой карой;

Грузъ двойной съ груди усталой
Ужъ не сброситъ вздохъ удалой;

Не положишь ты на голосъ
Съ черной мыслью бѣлый волосъ!

CLVII.

На что вы дни! Юдольный міръ явленья
Свой не измѣнить!

Всѣ вѣдомы, и только повторенья
Грядущее сулить.

Не даромъ ты металась и кипѣла,
Развитіемъ спѣша,
Свой подвигъ ты свершила прежде тѣла,
Безумная душа!

И тѣсный кругъ подлунныхъ впечатлѣній
Сомкнувшая давно,
Подъ вѣяньемъ возвратныхъ сновидѣній
Ты дремлешь; а оно

Безмысленно глядитъ, какъ утро встанетъ,
Безъ нужды ночь смѣня;
Какъ въ мракъ ночной бесплодный вечеръ канетъ,
Вѣнецъ пустаго дня!

CLVIII.

АХИЛЛЪ.

Влага Стикса закалила
Дикой силы полноту,
И кипящаго Ахилла
Бою древнему явила
Уязвимымъ лишь въ пяту.

Обреченъ борьбѣ верховной,
Ты-ли долею своей
Равенъ съ нимъ, боецъ духовной,
Сынъ купели новыхъ дней?

Омовенъ ея водою,
Знай, страданью надъ собою
Волю полную ты даль.
И одной пятой своею
Невредимъ ты, если ею
На живую вѣру сталь!

СЛІХ.

Сначала мысль, воплощена
Въ поэмѣ сжатую Поэта,
Какъ дѣва юная темна
Для невнимательнаго свѣта;
Потомъ, осмѣлившись, она
Уже увертлива, рѣчиста,
Со всѣхъ сторонъ своихъ видна,
Какъ искушенная жена
Въ свободной прозѣ романиста;
Болтуня старая затѣмъ
Она, подымля крикъ пахальной,
Плодитъ въ полемикѣ журнальной
Давно ужъ вѣдомое всѣмъ.

CLX а.

Еще какъ патріархъ не дровень я; моей
Главы не умастиль таинственный елей;
Непосвященныхъ рукъ бездарно возложенъе.
И я даю тебѣ мое благословенъе
Во знаменъи иномъ, о дѣва красоты!
Подъ этой розою главою склонись, о ты,
Подобіе цвѣтовъ царицы ароматной,
Въ залогъ румяныхъ дней и доли благодатной.

CLX 6.

Толпѣ тревожный день привѣтенъ, но страшна
 Ей ночь безмолвная. Боится въ ней она
 Раскованной мечты видѣній своевольныхъ.
 Не легкокрылыхъ грезъ, дѣтей волшебной тьмы,
 Видѣній дня боимся мы,
 Людскихъ суетъ, заботъ юдольныхъ.

Ощупай возмущенный мракъ:
 Исчезнетъ, съ пустотой сольется
 Тебя пугающій призракъ,
 И заблужденью чувствъ твой ужасъ улыбнется.

О сынъ фантазіи! ты, благодатныхъ Фей
 Счастливый баловень, и тамъ, въ заочномъ мірѣ
 Веселый семьянинъ, привычный гость на пирѣ
 Неосязаемыхъ властей!
 Мужайся, не слабѣй душою
 Передъ заботою земною:
 Ей исполинскій видъ даетъ твоя мечта;
 Коснися облака нетрепетной рукою,—
 Исчезнетъ; а за нимъ опять передъ тобою
 Обители духовъ откроются врата.

CLXI (*).

Здравствуй, отрокъ сладкогласной!
Твой разсвѣтъ зарей прекрасной
Озаряетъ Аполлонъ!
Честь возникшему Пигу!
Малолѣтнюю Хариту
Ранней лирой тронулъ онъ.
Съ утра дней счастливъ и славенъ,
Кто тебѣ, мой мальчикъ, равенъ?
Только жавронокъ живой,
Чуткой грудію своею,
Съ первымъ солнцемъ, полный всею
Наступающей весной.

(*) Сыну своему Льву Евг. по поводу первой его стихотворной этюды.

СЛXII.

Что за звуки мимоходомъ
 Ты поешь передъ народомъ,
 Старецъ нищій и слѣпой!
 И, какъ провъ враждебныхъ стая,
 Чернь тебя обстала злая,
 Издѣваясь надъ тобой.

А съ тобой издавна тѣсенъ
 Былъ союзъ Камены пѣсенъ,
 И бесѣдовалъ ты съ ней
 Безъимянной, роковою,
 Съ дня какъ первый разъ тобою
 Былъ услышанъ соловей.

Бѣдный старецъ! слышу чувство
 Въ сильной пѣсни... Но искусство,
 Старцевъ старѣе оно:
 Эти радости, печали,
 Музыкальныя скрижали
 Выражаютъ ихъ давно!

Опрокинь же свой треножник!
Ты избранникъ, не художникъ!
Попеченья Геній твой
Да отложить въ здѣшнемъ мірѣ:
Тамъ, быть можетъ, въ горнемъ клирѣ
Звучень будетъ голосъ твой.

СЛXIII.

Все мысль, да мысль! Художникъ бѣдный слова!
О жрецъ ея! тебѣ забвенья нѣтъ;
Все тутъ, да тутъ и человекъ, и свѣтъ,
И смерть, и жизнь, и правда безъ покрова.
Рѣзецъ, органъ, кисть! счастливъ кто влекомъ
Къ нимъ чувственнымъ, за грань ихъ не ступая!
Есть хмѣль ему на праздникъ мѣрскомъ!
Но предъ тобой, какъ предъ нагимъ мечемъ,
Мысль, острый лучъ! блѣднѣетъ жизнь земная.

CLXIV.

СКУЛЬПТОРЪ.

Глубокій взоръ вперивъ на камень,
Художникъ Нимфу въ немъ прозрѣлъ
И пробѣжалъ по жиламъ пламень,
И къ ней онъ сердцемъ полетѣлъ.

Но бесконечно вождедѣнной,
Уже онъ властвуетъ собой:
Неторопливой, постепенной
Рѣзецъ съ богини сокровенной
Кору снимаетъ за корой.

Въ заботѣ сладостно-туманной
Не часъ, не день, не годъ уйдетъ,
А съ предугаданной, съ желанной
Покровъ послѣдній не падетъ.

Повуда, страсть уразумѣя
Подъ лаской вкрадчивой рѣзца,
Отвѣтнымъ взоромъ Галатея
Не увлечетъ, желаньемъ рдѣя,
Къ побѣдѣ нѣги мудреца.

CLXV.

ОСЕНЬ.

1.

И вотъ Сентябрь! Замедля свой восходъ,
Сіянемъ хладнымъ солнце блещеть,
И лучъ его, въ зеркалѣ зыбкомъ водъ,
Невѣрнымъ золотомъ трепещеть.
Сѣдая мгла вѣется вокругъ холмовъ;
Росой затоплены равнины;
Желтѣетъ сѣнь кудрявая дубровъ,
И красенъ круглый листь осины;
Умолкли птицъ живые голоса,
Безмолвенъ лѣсъ, беззвучны небеса!

2.

И вотъ Сентябрь! и вечеръ года къ намъ
Подходить. На поля и горы
Уже морозъ бросаетъ по утрамъ
Свои сребристые узоры.
Пробудится ненастливый Эоль,
Предъ нимъ помчится прахъ легучій;
Качаяся завоюетъ роща; доль
Покроетъ листь ея падучій;

И набѣгутъ на небо облака,
И потемнѣвъ зашѣнится рѣка.

3.

Прощай, прощай, сіяніе небесъ!
Прощай, прощай, краса природы!
Волшебнаго пептанья полный лѣсъ,
Златочешуйчатая воды!
Веселый сонъ минутныхъ лѣтнихъ нѣтъ!
Вотъ эхо, въ рощахъ обнаженныхъ,
Сѣкирою тревожитъ дровосѣкъ,
И скоро, снѣгомъ убѣленныхъ,
Своихъ дубровъ и холмовъ зимній видъ
Застылый токъ туманно отразитъ.

4.

А между тѣмъ досужій селянинъ
Плодъ годовыхъ трудовъ собираетъ:
Сметавъ въ стога скошенный злакъ долины,
Съ серпомъ онъ въ поле коситъ.
Гуляетъ серпъ. На сжатыхъ бороздахъ
Снопы стоятъ въ копнахъ блестящихъ,
Иль тянутся, вдоль жнивы, на возахъ,
Подъ тяжелой ношею скрипящихъ,
И хлѣбныхъ скирдъ золотоверхій градъ
Подъемлетъ кругомъ крестьянскихъ хатъ.

5.

Дни сельскаго, святаго торжества!
Овины весело дымятся,

И цѣпь стучить, и съ шумомъ жернова
 Ожившей мельницы крутятся.
 Или зима! на строги дни себѣ
 Припасъ оратай много блага;
 Отрадное тепло въ его избѣ,
 Хлѣбъ-соль и пѣнистая брага:
 Съ семьей своей вкуситъ онъ безъ заботъ,
 Своихъ трудовъ благословенный плодъ!

6.

А ты, когда вступаешь въ осень дней
 Оратай жизненнаго поля,
 И предъ тобой во благостынѣ всей
 Является земная доля;
 Когда тебѣ житейскія бразды,
 Трудъ бытія вознаграждае,
 Готовятся подать свои плоды,
 И спѣеть жатва дорогая,
 И въ зернахъ думъ ее собираешь ты,
 Судебъ людскихъ достигнувъ полноты:

7.

Ты также-ли какъ земледѣль богатъ?
 И ты какъ онъ съ надеждой сѣялъ;
 И ты какъ онъ о дальнемъ днѣ награды
 Сны позлащенные лелѣялъ...
 Любуйся-же, гордись воставшимъ имъ,
 Считаи твои приобрѣтенія!...—
 Увы! къ мечтамъ, страстямъ, трудамъ мірскимъ
 Твоимъ скопленнымъ презрѣнья,
 Язвительный, неотразимый стыдъ
 Души твоей обмановъ и обидъ!

8.

Твой день взошелъ, и для тебя ясна
 Вся дерзость юныхъ легковѣрій;
 Испытана тобою глубина
 Людскихъ безумствъ и лицемѣрій.
 Ты, вѣкогда всѣхъ увлеченій другъ,
 Сочувствій пламенный искатель,
 Блестательныхъ тумановъ царь, и вдругъ
 Бесплодныхъ дебрей созерцатель,
 Одинъ съ тоской, которой смертный стонъ
 Едва твоей гордыней задушонъ.

9.

Но если-бы негодованья крикъ,
 Но если-бъ вопль тоски великой
 Изъ глубины сердечныя возникъ
 Вполнѣ торжественный и дикой:
 Костями-бы среди своихъ забавъ
 Содрохла вѣтреная младость,
 Играющій младенецъ, зарыдавъ,
 Игрушку-бъ выронилъ, и радость
 Покинула-бъ чело его на вѣкъ,
 И заживо-бъ въ немъ умеръ человекъ!

10.

Зови-жь теперь на праздникъ честный мѣрь!
 Спѣши, хозяинъ тароватый!
 Проси, сажай гостей своихъ за пиръ
 Затѣпливый, замысловатый!
 Что лакомству пророчить онъ утѣхъ!
 Какимъ разнообразьемъ брашенъ

Блестаетъ овь!... Но вкусъ одинъ во всёхъ,
 И какъ могила людямъ страшень:
 Садись одинъ и тризну соверши
 По радостямъ земнымъ твоей души!

11.

Какое-же потомъ въ груди твоей
 Ни водворится озаренье,
 Чѣмъ думъ и чувствъ ни разрѣшился въ пей
 Последнее вихревозвращенье:
 Пусть, въ торжествѣ насмѣшливомъ своемъ,
 Умъ бесполезный сердца трепеть
 Угнойить, и тщетныхъ жалобъ въ пемъ
 Удушить запоздалый лепеть
 И примени ты, какъ лучшій жизни кладъ,
 Даръ опыта, мертвицѣй душу хладъ.

12.

Иль, отрихнувъ видѣнія земли
 Порывомъ скорби животворной,
 Бя предѣлъ завиды певдали,
 Цвѣтуцѣй брегъ за мглою черной,
 Возмездій край, благовѣстцѣимъ спамъ
 Довѣрся чувствомъ обпоземненнымъ
 И бытія мятежнымъ голосамъ,
 Въ великомъ гимнѣ примиреннымъ,
 Внимающѣй какъ арфамъ, конхъ строй
 Превысиренній не понять былъ тобой.

13.

Предъ Промысломъ оправданнымъ ты ницъ
 Падешь, съ признательнымъ смиреньемъ,

Съ надеждою, не видящей границъ,
     И утоленнымъ разумѣнемъ:
 Знай, внутренней своей во вѣки ты
     Не передашь земному звуку
 И легкихъ чадъ житейской суеты
     Не посвятишь въ свою науку:
 Знай, горная, иль дольная она
 Намъ на землѣ не для земли дана.

14.

Вотъ буйственно несется ураганъ,
     И лѣсъ подьметъ говоръ шумной,
 И пѣвится, и ходитъ Океанъ,
     И въ берегъ бьетъ волной безумной:
 Такъ иногда толпы лѣвивый умъ
     Изъ усиленія выводитъ
 Гласъ, понилый гласъ, вѣщатель общихъ думъ,
     И звучный отзывъ въ ней находитъ;
 Но не найдетъ отзыва тотъ глаголь,
 Что страстное земное перешоль.

15.

Пускай, принявъ неправильный полетъ
     И вспять стези не обрѣтая,
 Звѣзда небесъ въ бездонность утечетъ;
     Пусть замѣнитъ ее другая:
 Не явствуетъ землѣ ущербъ одной,
     Не поражаетъ ухо міра
 Паденія ея далекий вой,
     Равно какъ въ высотахъ Эфира

Ея сестры поворожденный свѣтъ
И небесамъ восторженный привѣтъ.

16.

Зима идетъ, и тощая земля

Въ широкихъ лысинахъ безсилъ,

И радостно блиставшія поля

Златыми класами обилья,

Со смертию жизнь, богатство съ нищетою,

Всѣ образы години бывшей

Сравниются подъ снѣжной пеленою,

Однообразно ихъ покрывшей:

Передъ тобой таковъ огненный свѣтъ,

Но въ немъ тебѣ грядущей жатвы нѣтъ.

CLXVI.

Благословенъ святое возвѣстившій!
Но въ глубинѣ разврата не погибъ
Какой вибудь неправедный изгибъ
Сердце людскихъ предъ нами обнажившій
Двѣ области: сіянія и тьмы
Ислѣдовать равно стремимся мы.
Плодъ яблони со древа упадаетъ:
Законъ небесъ постигнулъ человѣкъ!
Такъ въ дикій смыслъ порока посвящаетъ
Насъ иногда одинъ его намекъ.

CLXVII.

РИФМА.

Когда на играхъ Олимпійскихъ,
 На стогвахъ Греческихъ недавнихъ городовъ,
 Онъ пѣлъ, питомецъ Музъ, онъ пѣлъ среди валовъ
 Народа жаднаго восторговъ мусикійскихъ:
 Въ немъ вѣра полная въ сочувствіе жила.

Свободнымъ и широкимъ метромъ,
 Какъ жатва, зыблемая вѣтромъ,
 Его гармонія текла.

Толпа вниманіемъ окована была
 Пока, могучимъ потрясеніемъ
 Вдругъ побѣжденная, плѣскала безъ конца

И струны звучныя пѣвца
 Дарила новымъ вдохновеніемъ.

Когда на Греческій амвонъ,
 Когда на Римскую трибуну

Ораторъ восходилъ, и славословилъ онъ,
 Или оплакивалъ народную Фортуну,
 И устремлялися всѣ взоры на него,
 И силой слова своего

Витія властвовалъ народнымъ произволомъ:
 Онъ зналъ, кто онъ; онъ вѣдать могъ,
 Какой могучій править Богъ

Его торжественнымъ глаголомъ.
Но нашей мысли торжищъ нѣтъ,
Но нашей мысли нѣтъ форумъ!..
Межъ насъ не вѣдаетъ поэтъ,
Высокъ полетъ его иль нѣтъ,
Велика-ль творческая дума?
Самъ судія и подсудимый,
Скажи: твой безпокойный жаръ—
Смѣшной недугъ иль высшій даръ,
Рѣши вопросъ неразрѣшимый.
Среди безжизненнаго сна,
Средь гробоваго хлада свѣта,
Своею ласкою поэта
Ты, Рифма! радуешь одна.
Подобно голубю ковчега,
Одна ему, съ роднаго берега,
Живую вѣтвь приносишь ты;
Одна съ божественнымъ порывомъ
Миришь его твоимъ отзывомъ
И признаешь его мечты!

1842—1843.

—
CLXVIII.

С. Н. КАРАМЗИНОЙ.

(При посылкѣ Сумерекъ).

Сближеньемъ съ вами, на мгновенье,
Я очутился въ той странѣ,
Гдѣ, въ оны дни, воображенье
Такъ сладко, складно лгало мнѣ.
На умъ, на сердце мнѣ излили
Вы благодатныя струи,
И чудотворно превратили
Въ день ясный сумерки мои.

CLXIX.

ПАМЯТЬ ПОЭТУ.

Когда твой голосъ, о Поэтъ,
Смерть въ высшихъ звукахъ остановить,
Когда тебя во цвѣтѣ лѣтъ
Неперпѣливый рокъ уловить;
Кого закатъ могучихъ дней
Во глубинѣ сердечной тронеть?
Кто въ отзывъ гибели твоей
Стѣсненной грудію возстонеть,
И тихій гробъ твой посѣтитъ,
И надъ умолкшей Аонидой
Рыдая пепель твой почтитъ
Нелицемѣрной панихидой?
Никто! но сложится пѣвцу
Канонъ намедвишнимъ Зоиломъ,
Уже кадящимъ мертвецу,
Чтобы живыхъ задѣть кадиломъ.

CLXX.

Спасибо злобѣ хлопотливой,
Хвала вамъ, недруги мои!
Я, не усталый, но лѣнивый,
Ужъ пилъ Летійскія струи;

Слегка сѣдѣющій мой волосъ
Любилъ за право на покой;
Но вотъ въ борьбѣ глухой вашъ голосъ
Меня зоветъ и будить мой.

Спасибо вамъ, я не въ утратѣ!
Какъ богоизбранный Еврей,
Остановили на закатѣ
Вы солнце юности моей!

Спасибо! молодость вторую,
И человѣческимъ сынамъ
Досель безвѣстную, пирую
И въ зависть Флакку, въ славу вамъ.

CLXXI.

Люблю я васъ, богини пѣнья,
Но вашъ чарующій находъ,
Сей сладкій трепеть вдохновенья—
Предтечей жизненныхъ невзгодъ.

Любовь Камень съ враждой Фортуны—
Одно. Молчу! Боюсь я,
Чтобъ персты, падшіе на струны,
Не пробудили-бы перуны,
Въ которыхъ спитъ судьба моя.

И отрываюсь, полный муки,
Отъ Музы ласковой ко мнѣ
И говорю: до завтра звуки,
Пусть день угаснетъ въ тишинѣ.

CLXXII.

НА ПОСѢВЪ ЛѢСА.

Опять-весна, опять смѣется лугъ,
 И весель лѣсъ своей молодой одеждой,
 И поселянь неутомимый плугъ
 Браздить поля съ покорствомъ и надеждой.

Но нѣтъ уже весны въ душѣ моей,
 Но нѣтъ уже въ душѣ моей надежды,
 Ужь дольний мѣръ уходитъ отъ очей,
 Предъ вѣчнымъ днемъ я опускаю вѣжды.

Ужь та зима главу мою сребрить,
 Чтò грѣеть сѣвъ для будущаго мѣра,
 Но прагъ земли не перешоль пить,
 Къ ея сынамъ еще взываетъ лира.

Великъ Господь! Онъ милосердь, но правъ.
 Нѣтъ на землѣ ничтожнаго мгновенья;
 Прощаетъ онъ безумію забавъ,
 Но никогда пирамъ злоумышленья.

Кого измятъ души моей норывъ,
 Тотъ вызвать могъ меня на бой кровавой,
 Но подо мной, сокрытой ровъ изрывъ,
 Свои рога вѣнчалъ онъ грозной славой!

Летѣлъ душой я къ новымъ племенамъ,
Любилъ, ласкалъ ихъ пустоцвѣтный колосъ;
Я дни извелъ, стучась въ людскимъ сердцамъ,
Всѣхъ чувствъ благихъ я подавалъ имъ голосъ.

Отвѣта пѣть! Отвергнулъ струны я,
Да хрящъ другой мнѣ будетъ плодоносецъ!
И вотъ ему несетъ рука моя
Зародыши елей, дубовъ и сосенъ.

И пусть! Простяся съ лирою моею,
Я вѣрую: ее замѣнятъ эти
Поэзіи таинственныхъ скорбей
Могучія и сумрачныя дѣта.

СЛХХІІІ.

МОЛИТВА.

Царь небесъ! Успокой
Духъ болѣзненный мой!
Заблужденій земли
Мнѣ забвенье пошли,
И на строгій Твой рай
Силы сердцу подай.

1844.

—
СLXXIV.

Н. Л. БОРАТЫНСКОЙ (*).

Когда, дитя и страсти и сомнѣнья,
 Поэтъ взглянулъ глубоко на тебя—
 Рѣшилась ты дѣлить его волненья,
 Въ немъ таинство печали полюба.

Ты, смѣлая и кроткая, со мною
 Въ мой дикій адъ сошла рука съ рукою:
 Рай зрѣла въ немъ чудесная любовь.

О, сколько разъ къ тебѣ, святой и нѣжной,
 Я приникалъ главою моею мятежной,
 Съ тобой себѣ и небу вѣря вновь.

(*) Супругъ поэта.

CLXXV.

ПИРОСКАФЪ.

Дикою, грозною ласкою полны,
Бьютъ въ нашъ корабль Средиземныя волны,
Вотъ надъ кормою сталь капитанъ.
Визгнувъ свистокъ его. Братствуя съ паромъ,
Вѣтру нашъ парусъ раздался не даромъ;
Пѣнясь глубоко вздохнулъ океанъ!

Мчимся: колеса могучей машины
Роютъ волнистое лово пучины,
Парусъ надулся. Берегъ исчезъ.
Наединѣ мы съ морскими волнами,
Только что чайка вьется за нами
Бѣлая, рѣя межъ водъ и небесъ.

Только вдали, океана жилища,
Чайкѣ подобна, водъ его птица,
Парусъ развѣвъ какъ большое крыло,
Съ бурной стихіей въ томительномъ спорѣ,
Лодка рыбачья качается въ морѣ:
Съ берегомъ набережное скрылось, ушло!

Много земель я оставилъ за мною;
Вынесъ я много смятенной душою

Радостей ложныхъ, истинныхъ золь;
Много мятежныхъ рѣшилъ я вопросовъ,
Прежде чѣмъ руки Марсельскихъ матросовъ
Подняли якорь, надежды символъ!

Съ дѣтства влекла меня сердца тревога
Въ область свободную влажнаго бога:
Жадныя длани я къ ней простиралъ!
Темную страсть мою днесъ награждая,
Кротко щадить меня немочь морская:
Пѣною здравья брызжетъ мнѣ валъ!

Нужды нѣтъ: близко-ль, далеко-ль до берега!
Въ сердцѣ къ нему приготовлена нѣга.
Вижу Тетиду: мнѣ жребій благой
Емлетъ она изъ лазоревой урны:
Завтра увижу я башни Ливурны,
Завтра увижу Элизій земной!

CLXXVI.

ДЯДЬКЪ-ИТАЛЬЯНЦУ (*).

Бѣглець Италиі, Жьячинто, дядька мой,
 Янтарный виноградъ, лимонъ ея златой
 Тревожно бросившій, корыстью уязвленный,
 И въ край, суровый край, снѣгами покровенный,
 Приставшій съ выборомъ загадочныхъ картинъ,
 Гдѣ что-то различалъ и видѣлъ ты одинъ —
 Прости нашъ здравый смыслъ: прости, мы та изъ націй,
 Гдѣ брату вашему всѣхъ меньше спекуляцій.
 Никто ихъ не купилъ. Вздохнувъ, оставилъ ты
 Въ глушь Сѣвера тебя привлекшии мечты;
 За то воскресъ въ тебѣ сей умъ, на все пригодный,
 Твой Италианскій умъ, и съ нашимъ очень сходный.
 Ты счастливъ былъ, когда тебѣ кое-что далъ
 Почтенный, для тебя богатый генералъ,
 Чтобъ, въ силу строгаго съ тобою договора,
 Ты далъ мнѣ благодать не русскаго надзора.
 Благодаря боговъ, съ тобой за этимъ въ слѣдъ,
 Другъ другу не были мы чужды двадцать лѣтъ.

Москва насъ приняла, разставшихся съ деревней.
 Ты былъ вожатый мой въ столицѣ нашей древней.

(*) Жьячинто Боргезе.

Всѣхъ макарончиковъ тогда узналъ я въ пей,
 Ментора моего полуденныхъ друзей.
 Увы! оставивъ тамъ могилу дорожную,
 Опять увидѣли мы вотчину степную,
 Гдѣ волею небесъ узналъ я бытіе,
 О сынъ Авзоніи, для бурь, какъ ты свое;
 Но гдѣ, вдали твоей отчизны знойной,
 Ты мирный кровъ обрѣлъ, и позже гробъ спокойной.

Ты полюбилъ тебя призрѣвшую семью
 И, съ жизнію ея сливая жизнь свою,
 Ея событіями въ глуши чужова края
 Былаго своего преданья заглушая,
 Безропотно сносилъ морозы нашихъ зимъ;
 Въ нашъ краткій лѣтній жаръ, тобою былъ любимъ
 Оврагъ подъ сѣнію дубовъ прохладовѣйныхъ.
 Участникъ нашихъ слезъ и праздниковъ семейныхъ,
 Въ дни траура главой сѣдой ты поникалъ;
 Но ускорялъ шаги и членами дрожалъ,
 Какъ въ утро зимнее, порой, съ предѣловъ свѣта,
 Питомца твоего, недавняго корнета,
 Къ колѣнамъ матери кибитка принесетъ,
 И скорбный взоръ ея минутно оживетъ.

Но что! Радужному предѣлу благодарной,
 Нѣтъ! ты не забывалъ отчизны лучезарной!
 Везувій, Колизей; гротъ Капри, храмъ Петра,
 Имѣлъ ты на устахъ отъ утра до утра,
 Именовалъ ты намъ и Принцевъ и Прелатовъ
 Земли, гдѣ зрѣлъ дивясь Суворовскихъ солдатовъ,
 Входящихъ (вопреки тѣхъ пламенныхъ часовъ,

Что, по твоимъ словамъ, со стогновъ гонять псовъ)
 Въ густой пыли побѣдъ, въ грозѣ небритыхъ бородъ,
 Рядами стройными въ классическій твой городъ;
 Земли, гдѣ годъ спустя, тебѣ предсталъ и онъ,
 Тогда Буонапартъ, потомъ Наполеонъ,
 Минутный Царь Царей, но дивный Кондотьери,
 Ужъ жидущій свои гигантскія потери.

Скрывая власти гладь, тогда морочилъ васъ
 Онъ звонкой пустотой революціонныхъ фразъ.
 Народъ ему зажеръ привѣтственные плашки;
 Но ты, ты не забылъ серебряныя ложки,
 Которыя, среди блестящихъ общихъ грезъ,
 Ты контрибуціи назначенной принесъ:
 Едва ты узнику печальному Британца
 Простилъ военную систему Корсиканца.

Что на твоємъ вѣку, толь благо, то-ли зло
 Возникло, при тебѣ въ преданье перешло:
 Въ Альпійскихъ молніяхъ, приемлемый опалой,
 Свой ратоборный духъ, на битвѣ не усталой,
 Въ картечи эпиграммъ Суворовъ испустилъ.
 Злодѣй твой на скалѣ пустынной опочилъ;
 Ты самъ глаза сомкнулъ, когда мірскія сѣти
 Ужъ повяли тобой взлелѣянныя дѣти;
 Когда, свидѣтели превратностей судьбы,
 Они, глубокій взоръ уставить ужъ могли,
 Забвеня чуждыя за жизненною чашей,
 На Итальянскій гробъ въ оградѣ церкви нашей.

А я, я, съ памятью живыхъ твоихъ рѣчей,
 Увидѣлъ роскоши Италиі твоей!

Во славъ солнечной Неаполь твой нагорной,
 Въ паряхъ пурпуровыхъ и въ зелени узорной,
 Неувядаемой,—амфитеатръ дворцовъ
 Надъ яркой пеленой лазоревыхъ валовъ;
 И Цицероновъ домъ, и злачную пещеру,
 Священную поднесъ Камены суетвѣру,
 Гдѣ спитъ великій прахъ властителя стиховъ,
 Того, кто въ сей землѣ волкановъ и цвѣтовъ,
 И ужасовъ и нѣгъ, взлелѣялъ Эпопею,
 Гдѣ въ мракѣ тартара открылъ онъ путь Энею,
 Явилъ его очамъ чудесный садъ утѣхъ,
 Обитель сладкую тѣней блаженныхъ тѣхъ,
 Что, крѣпки въ опытахъ земнаго тревоженья,
 Сподобились вкусить зѣирныхъ струй забвенья.

Неаполь! До него среди садовъ твоихъ
 Сердца мятежныя отыскивали ихъ.
 Сквозь занавѣсъ вѣковъ еще здѣсь помнятъ виллы
 Приюты отдоховъ и Марія и Силлы.
 И кто, безчувственный, среди твоихъ красотъ,
 Не жаждалъ въ ихъ раю обрѣсть навѣсъ, иль гротъ,
 Гдѣ-бъ скрылся (не на часъ, какъ эти полубоги,
 Здѣсь Лету пившіе, чтобъ крѣпнуть для тревоги),
 Но чтобъ незримо слить въ безсмыслии златомъ
 Сонъ нѣги сладостной съ послѣднимъ, вѣчнымъ сномъ.

И въ сей Итали, гдѣ все—каскады, розы,
 Мелезы, тополи и даже эти лозы,
 Чей безмянный листъ такъ преданно обливъ
 Давно изъ Божества разжалованный либъ,
 Потомъ съ чела его повиснулъ полусонно:—
 Все беззаботному дыханью благосклонно,

Ужиться ты не могъ, и, помня сладкій югъ,
 Духъ предалъ строгому дыханью нашихъ вьюгъ;
 Не сѣтуя о томъ, что за предѣлы міра
 Онъ улечь-бы могъ на крыліяхъ Зефира!

О тайны душъ! межъ тѣмъ какъ сумрачный поэтъ,
 Дитя Британіи, влачившій столько лѣтъ
 По знойнымъ берегамъ груди своей отравы,
 У миртовъ, у оливъ, у моря и у лавы,
 Молилъ разсѣянья отъ думы роковой,
 Владѣющей его измученной душой,
 Напрасно! (устъ его, какъ древле устъ Тантала,
 Струя желанная насмѣшливо бѣжала!)—
 Миръ сердцу твоему далъ пасмурный навѣсъ
 Метелью полгода скрываемыхъ небесъ,
 Отчизна тощихъ мховъ, степей и дровъ иглистыхъ!
 О спи! б згрязно спи въ предѣлахъ нашихъ льдистыхъ.
 Лелѣй по своему твой подземельный сонъ,
 Нашъ бурнодышущій, полночный Аквилонъ,
 Не хуже вѣющій забвеньемъ и покоемъ,
 Чѣмъ вздохи южные съ душистымъ ихъ упоемъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПОЭМЫ.

П И Р Ы.

Друзья мои! я видѣль свѣтъ,
 На все взглянулъ я вѣрнымъ окомъ.
 Душа полна была суетъ,
 И долго плылъ я общимъ токомъ....
 Безумству долгъ мой заплачонъ,
 Мнѣ что-то взоры прояснило;
 Но, какъ премудрый Соломонъ,
 Я не скажу: все въ мѣрѣ сонъ!
 Не все мнѣ въ мѣрѣ измѣнило.
 Бываль обмануть сердцемъ я,
 Бываль обмануть я разсудкомъ;
 Но никогда еще, друзья,
 Обмануть не былъ я желудкомъ.

Признаться каждый долженъ въ томъ,
 Любовникъ, иль поэтъ, иль воинъ:
 Лишь беззаботный гастрономъ
 Названья мудраго достоинъ.
 Хвала и честь его уму!
 Дарами нужными ему
 Земля усѣяна роскошно.
 Пускай герою моему,

Пускай, друзья, порою тошно,
 Зато не грустно: горя чуждъ,
 Среди веселостей всedневныхъ,
 Не знаетъ онъ душевныхъ нуждъ,
 Не знаетъ онъ и мукъ душевныхъ.

Трудясь надъ смѣсью риземъ и словъ,
 Поэты наши чуть не плачутъ;
 Своихъ почтительныхъ рабовъ
 Порой красавицы дурачутъ;
 Иной храбрець, въ отцовскій домъ
 Являсь уродомъ съ поля славы,
 Подозрѣвалъ себя глупцомъ:
 О богъ стола, о добрый Комъ,
 Въ твоихъ утѣхахъ нѣтъ отравы!
 Прекрасно лирою своей
 Добиться памяти людей;
 Служить любви еще прекраснѣй,
 Приятно драться; но ей-ей,
 Друзья, обѣдать безопаснѣй:

Какъ не любить родной Москвы!
 Но въ ней не градъ первопрестольной,
 Не золоченыя главы,
 Не гуль потѣхи колокольной,
 Не сплетни вѣстницы-молвы
 Мой умъ плѣнили своевольной.
 И въ ней люблю весельчаковъ,
 Люблю роскошное довольство
 Ихъ продолжительныхъ пировъ,
 Богатой знати хлѣбосољство

И дарованья поваровъ.
Тамъ прямо веселы бесѣды,
Вполнѣ уваженъ хлѣбосоль,
Вполнѣ торжественны обѣды,
Вполнѣ богатъ и лакомъ столъ.

Ужъ онъ накрытъ, ужъ онъ рядами
Несчетныхъ блюдъ отягощенъ
И беззаботными гостями
Съ благоговѣньемъ окруженъ.
Еще не сѣли; всѣ въ молчаньи,
И каждый гость вблизи стола
Съ веселой ясностью чела
Стоить въ роскошномъ ожиданьи.
И сквозь прозрачный легкій паръ
Сіяютъ лакомыя блюда,
Златыхъ плодовъ, десерта груды....
Зачѣмъ удѣлъ мой слабый даръ!
Но такъ весной ряды кургановъ,
При пробужденныхъ небесахъ,
Сіяютъ въ пурпурныхъ лучахъ
Подъ дымомъ утреннихъ тумановъ.

Садятся гости. Графъ и князь,
Въ застольномъ дѣлѣ всѣ удалы,
И осушаютъ не лѣнясь
Свои широкіе бокалы:
Они веселье въ сердце льютъ.
Они смягчаютъ злые толки;
Друзья мои, гдѣ гости пьютъ,
Тамъ рѣчи вздорны, но не колки.

И начались чудеса:
Смѣшались быстро голоса;
Собранье глухо зашумѣло;
Своихъ собакъ, своихъ друзей,
Пѣвцовъ, героевъ хвалятъ смѣло.
Вино разнѣжило гостей
И даже умъ ихъ разогрѣло.
Тутъ все торжественно встаетъ,
И каждый гость, какъ мужъ толковой,
Узнать въ гостиную идетъ,
Чему смѣялся онъ въ столовой.

Межъ тѣмъ однимъ-ли богачамъ
Доступны праздничныя чаши?
Не мудрены пирушки наши,
Но не уступать ихъ пирамъ.
Въ углу безвѣстномъ Петрограда,
Въ тѣни деревьевъ, во мракѣ сада,
Тотъ домикъ помните-ль, друзья,
Гдѣ наша вѣрная семья,
Оставляя скуку за порогомъ,
Соединялась въ шумный кругъ
И безъ чиновъ съ румянымъ богомъ
Дѣлила радостный досугъ?
Вино лилось, вино сверкало;
Сверкали блески острыхъ словъ,
И вѣки сердце проживало
Въ немного пламенныхъ часовъ.
Столъ покрывала ткань простая;
Не восхищались на немъ

Мы ни фарфорами Китая,
Ни драгоценнымъ хрусталемъ:
И между тѣмъ сынамъ веселья
Въ стекло простое богъ похмѣля
Лилъ черезъ край, друзья мои,
Свое любимое Аи.
Его звѣздящаяся влага
Не даромъ взоры веселитъ:
Въ ней укрывается отвага,
Какъ страсть, какъ мысль она кипитъ;
Въ игрѣ своей не терпитъ плѣна,
Рветъ пробку рѣзвою волной,
И брызжетъ радостная пѣна,
Подобье жизни молодой.
Мы въ ней зоботы потопляли,
И средь восторженныхъ затѣй
Пѣвцы, пируя, восклицали:
Слѣпая чернь благоговѣй!

Любви слѣпой, любви безумной
Тоску въ душѣ моей тая,
Насилу, милые друзья,
Дѣлить восторгъ бесѣды шумной
Тогда осмѣливался я.
Что потакать мечтѣ унылой,
Кричали вы, смѣлѣе пей!
Развеселись товарищъ милой,
Для насъ живи, забудь о ней!
Вздохнувъ, разсѣяннo послушной,
Я пилъ съ улыбкой равнодушной;

Свѣтлѣла мрачная мечта,
 Толпой скрывалися печали,
 И задрожавшія уста,
 „Богъ съ ней!“ невнятно лепетали.

И гдѣ-жъ измѣнница-любовь?
 Ахъ, въ ней и грусть—очарованье!
 Я испытать желалъ бы вновь
 Ея знакомое страданье!
 И гдѣ-жъ вы, рѣзвые друзья,
 Вы, къѣмъ жила душа моя!
 Разлучены судьбою строгой:
 И каждый съ ропотомъ вздохнулъ
 И брату руку проглянулъ
 И вдаль побрелъ своей дорогой;
 И каждый въ горести нѣмой,
 Быть можетъ, праздною мечтой
 Теперь бывшее пролетаетъ,
 Или за трапезой чужой
 Свои пиры воспоминаетъ.

О если-бъ, теплою мольбой
 Обезоруживъ гнѣвъ судьбины,
 Перенестись отъ скалъ чужбины
 Мнѣ можно было въ край родной!
 (Мечтать позволено Поэту).
 У водъ домашняго ручья
 Друзей, разбросанныхъ по свѣту,
 Соединилъ-бы снова я.
 Дубравой темной осѣненной,
 Родной отцамъ моихъ отцовъ,

Мой домъ, свидѣтель двухъ вѣковъ,
Повикнулъ кровлею смиренной.
За много лѣтъ до нашихъ дней
Тамъ въ чаши чашами стучали,
Любили пламенно друзей
И съ ними шумно пировали....
Мы, тѣже сердцемъ въ вѣкъ иной,
Сберемтесь дружеской толпой
Подъ мирный кровъ домашней сѣни:
Ты, вѣрный мнѣ, ты Дельвигъ мой,
Мой братъ по Музамъ и по лѣни,
Ты, Пушкинъ нашъ, кому дано
Пѣть и героевъ и вино
И страсти молодости пылкой,
Дано съ проказливымъ умомъ
Быть сердца вѣрнымъ знаменомъ
И лучшимъ гостемъ за бутылкой.
Вы все, дѣлившіе со мной
И наслажденья и мечтанья,
О, поспѣшите въ домикъ мой
На сладкій пиръ, на пиръ свиданья.

Слѣпой владычицей суетъ
Отъ колыбели позабытъ,
Чѣмъ угостить анахоретъ,
Въ смиренной хижинѣ укрытъ?
Его пустынный обѣдъ
Не будетъ лакомый, но сытый.
Веселый будетъ-ли, друзья?
Со дня разлуки, знаю я,
И дни и годы пролетѣли,

И разгадать у бытія
Мы много тайнаго успѣли:
Что ни ласкало встарину,
Что прежде сердцемъ ни владѣло,
Подобно утреннему сну,
Все измѣнило, улетѣло!
Увы! на память намъ придутъ
Тѣ пѣсни, за веселой чашей,
Что на Парнасѣ берегутъ
Преданья молодости нашей:
Собранье пламенныхъ замѣтъ
Богатой жизни юныхъ лѣтъ;
Плоды счастливаго забвенья,
Гдѣ воплотить умѣлъ поэтъ
Свои живыя сновидѣнья....
Не обрѣсти замѣны имъ!
Чему-же вѣру мы дадимъ?—
Пирамъ! Въ безжизненныя лѣта
Душа остылая согрѣта
Ихъ утѣшеніемъ живымъ.
Пускай на вѣкъ исчезла младость,
Пируйте, други: стукомъ чашъ
Авось приманенная радость
Еще заглянетъ въ уголь нашъ.

Э Д А.

Э Д А.

Чего робѣешь ты при мнѣ,
 Другъ милый мой, малютка Эда?
 За что, за что наединѣ
 Тебѣ страшна моя бесѣда?
 Вѣрь, не коваренъ я душой;
 Тамъ, далеко, въ странѣ родной,
 Сестру я добрую имѣю,
 Сестру чудесной красоты:
 Я нѣжно, нѣжно друженъ съ нею,
 И на нее похожа ты.
 Давно.... что дѣлать?.... но такая
 Ужъ наша доля полковая!
 Давно я, Эда, не видалъ
 Роднаго счастливаго края,
 Сестры моей не цѣловаль!
 Лицомъ она, будь сердцемъ ею;
 Мечтѣ моей не измѣни
 И мнѣ любовію твоею
 Ея любовь напояни!
 Мила ты мнѣ. Веселье, музу,
 Все жажду я дѣлать съ тобой:

Не уходи, оставь мнѣ руку!
Довѣрься мнѣ, другъ милый мой!

Съ улыбкой вкрадчивой и льстивой,
Такъ говорилъ гусаръ красивой
Финляндецъ Эдѣ. Русь была
Ему отчизной. Въ горы Фина
Его недавно завела
Полковъ бродячая судьбина.
Суровый край: его красамъ,
Пугаяся дивятся взоры;
На горы каменные тамъ
Поверглись каменные горы;
Синѣя, всходятъ до небесъ
Ихъ своенравныя громады;
На нихъ шумить сосновый лѣсъ;
Съ нихъ бурно льются водопады;
Тамъ доль очей не веселить;
Гранитной лавой онѣ облить;
Главу одѣвши въ мохъ печальный,
Огромнымъ сторожемъ стоитъ
На немъ гранить пирамидальный;
По дряхлымъ скаламъ бродить взглядъ;
Пришлецъ исполненъ смутной думы:
Не міра-ль давняго лежать
Предъ нимъ развалины угрюмы?
Въ доселѣ счастливой глуши,
Отца простаго дочь простая,
Красой лица, красой души
Блистала Эда молодая.

Прекраснѣй не было въ горахъ:
Румянецъ нѣжный на щекахъ,
Летучій станъ, власы златые
Въ небрежныхъ кольцахъ по плечамъ,
И очи блѣдно-голубые
Подобны Финскимъ небесамъ.

День гаснущъ, скалы позлащая.
Предъ хижиной своей одна
Сидѣла дѣва молодая,
Лицемъ спокойна и ясна.
Подсѣлъ онъ скромно къ дѣвѣ скромной,
Завелъ онъ кротко съ нею рѣчь;
Ея не мыслила пресѣчь
Она въ задумчивости томной,
Внимала слабымъ сердцемъ ей.
Такъ роза первыхъ вешнихъ дней
Лучамъ невѣрнымъ довѣряетъ:
Почуя теплый вѣтерокъ,
Его лобзаньямъ открываетъ
Благоуханный свой шипокъ,
И не предвидитъ хладъ суровый,
Мертваций хладъ,дохнуть готовый.

Въ рукѣ гусара моего
Давно рука ея лежала:
Въ забвеньи сладкомъ у него
Она ея не отнимала.
Онъ къ сердцу бѣдную прижалъ:
Взоръ укоризны, даже гнѣва
Тогда поднять хотѣла дѣва,

Но гнѣва взоръ не выражалъ.
 Веселость ясная сіяла
 Въ ея младенческихъ очахъ,
 И наконецъ въ такихъ словахъ
 Ему Финляндка отвѣчала:

„Ты мной давно уже любимъ:
 Зачѣмъ-же нѣтъ? Ты добродушенъ,
 Всегда заботливо послушенъ
 Малѣйшимъ прихотямъ моимъ.
 Онѣ докучливы бывали;
 Меня ты любишь, вижу я:
 Душа признательна моя.
 Ты мнѣ любезенъ: не всегда-ли
 Я угождать тебѣ спѣшу?
 Я съ каждымъ утромъ приношу
 Тебѣ цвѣты; я подарила
 Тебѣ кольцо; всегда была
 Твоимъ весельемъ весела;
 Съ тобою грустнымъ я грустила.
 Что-жь? Я и въ этомъ погрѣшила:
 Намъ строго, строго не велятъ
 Дружиться съ вами. Говорятъ
 Что вѣроломны, злобны всѣ вы;
 Что васъ бѣжать должны-бы дѣвы,
 Что какъ-то губите вы насъ;
 Что пропадешь, когда полюбишь:
 И ты, я думала не разъ
 Ты, можетъ быть, меня погубишь?

—„Я твой губитель, Эда? я?
 Тогда пускай мнѣ казнь люблюю

Поплетъ Небесный Судія!

Нѣтъ, нѣтъ я съ тѣмъ тебя цѣлую!“

—„На что? зачѣмъ? какой мнѣ стыдъ!“

Младая дѣва говоритъ.

Ужъ поздно. Встать, бѣжать готова

Съ негодованіемъ она.

Но держитъ онъ. „Постой! два слова!

Постой! ты взорами сурова:

Уже-ль ты мной оскорблена?

О, нѣтъ, останься; мигъ забвенья,

Минуту шалости прости!“

—„Я не сержуся; но пусти!“

—„Твой взоръ исполненъ оскорбленья,—

И ты лицомъ не можешь лгать:

Позволь, позволь для примиренья

Тебя еще поцѣловать“.

—„Оставь меня!“

—„Мой другъ прекрасной!

И за ребяческую блажь

Ты неизвѣстности ужасной

Меня безжалостно предашь!

И не поймешь мое страданье!

И такова любовь твоя!

Другъ милый мой, одно лобзанье,

Одно, иль ей не вѣрю я!“

И дѣва бѣдная вздохнула,

И милый ликъ свой, до того

Отвороченный отъ него,

Къ нему тихонько обернула.

Какъ онъ самимъ собой владѣлъ!
Съ какою медленностью томной,
И между тѣмъ какъ будто скромной,
Напечатлѣть онъ ей умѣлъ
Свой поцѣлуй! Какое чувство
Ей въ грудь младую влилъ онъ имъ!
И лобызаніемъ такимъ
Владѣть хладное искусство!
Ахъ, Эда, Эда! Для чего
Такое долгое мгновенье
Во влажномъ пламени его
Пила ты страстное забвенье?
Теперь полна въ душѣ своей
Желанья смутнаго заботой,
Ты освѣжительной дремотой
Ужъ не сомнешь своихъ очей;
Слетятъ на ложе сновидѣнья,
Тебѣ безвѣстныя досель,
И долго жаркая постель
Тебѣ не дастъ успокоенья.
На камняхъ розовыхъ твоихъ
Весна игриво засвѣтлѣла,
И ярко-зелень мохъ на нихъ,
И птичка весело запѣла,
И по гранитному одру
Свѣтло бѣжитъ ручей серебристой,
И лѣсъ прохладю душистой
Съ востока вѣетъ поутру;
Тамъ за горою доль таится,
Уже цвѣты пестрѣютъ тамъ;

Уже черемухъ оиміамъ
Тамъ въ чистомъ воздухѣ струится:
Своею нѣгою страшна
Тебѣ волшебная весна.
Не слушай птички сладкогласной!
Отъ сна возставшая, съ крыльца
Къ прохладѣ утренней лица
Не обращай, и въ долѣ прекрасной
Не приходи, а сверхъ всего,
Бѣги гусара твоего!

Уже пустыня сномъ объята;
Всталъ ясный мѣсяцъ надъ горой,
Сливая свѣтъ багряный свой
Съ послѣднимъ пурпуромъ заката;
Двойная, трепетная тѣнь
Отъ черныхъ сосенъ возлегаеть,
И ночь прозрачная смѣняетъ
Погасшій непримѣтно день.
Ужъ поздно. Дѣва молодая
Жарва ланитами, встаетъ
И молча, глазъ не подымая,
Въ свой уголь медленно идетъ.

Была безпечна, весела
Когда-то добренькая Эда;
Одною Эдой и жила
Когда-то дѣвичья бесѣда;
Она привѣтно и свѣтло
Когда-то всѣмъ глядѣла въ очи:
Что-жъ измѣнить ее могло?
Что-жъ это утро облекло
И такъ внезапно въ сумракъ ночи?
Она разсѣянна, грустна;
Въ бесѣдахъ вовсе не слышна;
Какъ прежде, яснаго привѣта
Ни для кого во взорахъ нѣтъ;
Вопросы долго ждутъ отвѣта,
И часто странень сей отвѣтъ;
То жарки щеки, то безцвѣтны,
И, тайной горести плоды,
Нерѣдко свѣжіе слѣды
Горючихъ слезъ на нихъ замѣтны.

Бывало, слишкомъ запалить
Неосторожный постоялецъ:
Она къ устамъ приставитъ палецъ,
Ему съ улыбкой имъ грозить.

Когда-же ей онъ подаритъ
Какойнибудь нарядъ дешевой,
Финляндка дивной ей обновой
Похвастать къ матери бѣжитъ,
Межь тѣмъ его благодаритъ
Веселымъ книксомъ. Шаловливо
На друга соннаго порой
Плеснетъ холодною водой
И убѣгаетъ торопливо,
И долго слышенъ громкій смѣхъ.
Ея трудовъ, ся утѣхъ,
Всегда въ товарищи малюткой
Бывалъ онъ призванъ съ милой шуткой.
Взойдетъ-ли утро, ночи-ль тѣнь
На усиленные холмы ляжетъ:
Ему красotka добрый день
И добру ночь привѣтно скажетъ.

Гдѣ время то? При немъ она
Какой-то робостію нынѣ
Въ своихъ движеньяхъ смущена;
Веселыхъ шутокъ и вѣщаній
Ужъ нѣтъ; незначущихъ рѣчей
Съ нимъ даже дѣва не заводитъ,
Какъ будто сталъ онъ недругъ ей;
За то порой съ его очей
Очей задумчивыхъ не сводитъ;
За то порой наединѣ
Къ груди гусара вся въ огнѣ
Вѣдняжка грудью припадаетъ,

И, страсти гибельной полна,
 Сама уста свои она
 Къ его лобзаньямъ обращаетъ;
 А въ ночь бессонную одна,
 Одна съ раскальемъ напраснымъ,
 Сама волненіемъ ужаснымъ
 Души своей утрачена,
 Уныло шепчетъ: что со мною?
 Мнѣ съ каждымъ днемъ грустнѣй, грустнѣй.
 Ахъ гдѣ ты, миръ души моей!
 Куда пойду я за тобою!
 И слезы дѣтскія у ней
 Невольно льются изъ очей.

Она была не безъ надзора.
 Отецъ ея, крутой старикъ,
 Отчасти въ сердце къ ней проникъ.
 Онъ подозрительнаго взора
 Съ несчастной дѣвы не сводилъ;
 За нею слѣдомъ онъ бродилъ;
 И подсмотрѣлъ-ли что такое,
 Но только молодой шалунъ
 Разъ видѣлъ, слышалъ, какъ ворчунъ
 Взадъ и впередъ въ своемъ покоѣ
 Ходилъ сердито; какъ потомъ
 Ударилъ сильно еулакомъ
 Онъ по столу, и Эдѣ бѣдной,
 Предъ нимъ трепещущей и блѣдной,
 Сказалъ рѣшительно: „Повѣрь,
 Не сдобровать тебѣ съ гусаромъ!

Вы за углами съ нимъ педаромъ
 Всегда встрѣчаетесь. Теперь
 Ты рада слушать негодя.
 Худому выучить. Бѣда
 Падеть на дуру. Мнѣ тогда
 Забота будетъ небольшая:
 Кто мой обычай ни порочь,
 А потаскушка мнѣ не дочь“.
 Тихонько слезы отирая
 У грустной Эды: „Что ворчать?“
 Сказала съ кротостію мать;
 „У насъ смиренная такая
 До сей поры была она.
 И въ чемъ теперь ея вина?
 Грѣшишь, бѣдняжку обижая“.
 —„Да, молвить онъ, ласкай ее,
 А я сказала уже свое“.

День послѣ, въ комнаткѣ своей
 Уже вечернею порою
 Одна съ привычною тоскою
 Сидѣла Эда. Передъ ней
 Святая библія лежала.
 На длань склоненная челомъ,
 Она разсѣяннымъ перстомъ
 Разсѣянно перебирала
 Ея измятые листы
 И въ дни сердечной чистоты
 Невольной думой улетала.
 Возопеть онъ съ пасмурнымъ лицомъ,

Въ молчаньи сѣлъ, въ молчаньи руки
 Сжалъ на груди своей крестомъ;
 Примѣты скрытой, тяжелой муки
 Въ немъ все являло. Наконецъ:
 — „Долгъ отъ меня, сказалъ хитрецъ,
 Съ тобою требуетъ разлуки.
 Теперь услышать милый гласъ,
 Увидѣть милыя мнѣ очи
 Я прихожу въ послѣдній разъ:
 Покроетъ землю сумракъ ночи
 И навсегда разлучитъ насъ.
 Виною твой отецъ суровой:
 Его укоры слышалъ я;
 Нѣтъ, нѣтъ, тебѣ любви моя
 Не нанесетъ печали новой!
 Прости!“ Чуть дышуща, блѣдна,
 Гусара слушала она.
 „Что говоришь? Возможно-ль? Нынѣ?
 И навсегда, любезный мой!...“
 — Бѣгу отселѣ; но душой
 Останусь въ милой мнѣ пустынѣ.
 Съ тобою видѣть я любилъ
 Потоки тѣ-же, тѣ-же горы;
 Къ тому-же небу возводилъ
 Съ небесной радостію взоры:
 Съ тобой въ разлукѣ, свѣту дня
 Уже не радовать меня!
 Я волю даль любви несчастной
 И погубилъ, довѣрся ей,
 За мигъ летящій, мигъ прекрасной

Всю красоту грядущихъ дней.
Но слушай! Срокъ остался краткой:
Пугался ревнивыхъ глазъ,
Вездѣ преслѣдующихъ насъ,
Доселѣ мелькомъ и украдкой
Видались мы; моей мольбой
Не оскорбись. На разставанье
Позволь, позволь имѣть съ тобой
Мнѣ безмятежное свиданье!
Лишь мраки ночи низойдутъ,
И снова глубокимъ до денницы
Отяжелѣлыя зеницы
Твои домашніе сомкнуть,
Приду я къ тихому пріюту
Моей любезной: о, покинь
Дѣвичій страхъ и на минуту
Затвори досадный отодвинь!
Прильну въ безмолвіи печальномъ
Къ твоимъ устамъ, о жизнь моя,
И въ лобызаніи прощальномъ
Тебѣ оставлю душу я!“

Прискорбно дѣва поглядѣла
На обольстителя; не смѣла,
Сама не зная почему,
Она довѣриться ему:
Бѣдою что-то ей грозило;
Какой-то страхъ въ нее проникъ;
Ей смутно сердце говорило,
Что не былъ простъ его языкъ.

Святая книга, какъ сначала,
 Еще лежавшая предъ ней,
 Ей долгъ ея напоминала.
 Ко груди трепетной своей
 Прижавъ ее: „Нѣтъ, нѣтъ, сказала,
 Зачѣмъ со злобою такой
 Играть моею простотой?
 Иль мало было прегрѣшеній?
 Еще-ль, еще-ль охотный слухъ
 Склоню на голосъ искушеній?
 Оставь меня, лукавый духъ!
 Оставь, безъ новыхъ угрызений“.

Но вправду врагъ ему едва-ль
 Не помогаль: съ такою силой
 Излилъ онъ ропотъ свой, печаль
 Столь горько выразилъ, что жалъ
 Гусара стало дѣвѣ милой:
 И слезы падали у ней
 Въ тяжелыхъ капляхъ изъ очей.
 И въ то же время, то моленья,
 То пѣни расточаль хитрецъ.
 — „Что медлишь? Дороги мгновенья!“
 Къ ней приступилъ онъ наконецъ:
 „Дай слово!“ — „Всею душой тоскуя,
 „Какое слово дать могу я?“
 Сказала: „сжался надо мной!
 „Владѣю-ль я сама собой! •
 „И что я знаю!“ Пылко, живо
 Тутъ къ сердцу онъ ее прижалъ.
 „Я буду, жди меня!“ сказалъ,

Сказаль и скрылся торопливо.

Уже и холмы и поля
Покрты мраками густыми.
Смиранный ужинъ раздѣля
Съ неприхотливыми родными,
Взошла дѣвица въ уголь свой;
На дверь задумчиво взглянула:
„Повѣрь, опасенъ гость ночной!“
Ей совѣсть робкая шепнула,
И дверь ея заложена.
Въ бумажки мягкія она
Златые кудри завернула,
Снять поспѣшила какъ нибудь
Дня одѣянія пеловки,
Тяжелодышущую грудь
Освободила отъ шнуровки,
Легла и думала заснуть.
Ужъ поздно, полночь; но рѣсницы
Сонъ не смыкаетъ у дѣвицы:
„Стучаться будетъ онъ теперь.
Зачѣмъ задвинула я дверь?
Я своенравна въ самомъ дѣлѣ.
Пущу его: вѣдь мигъ со мной
Пробудеть здѣсь любезный мой,
Потомъ навѣкъ уйдетъ отсель“.
Такъ мнить ужъ дѣвица и вотъ
Съ одра тихохонько встанетъ,
Ко двери съ трепетомъ подходитъ,
И вотъ задвижки роковой
Уже касается рукой;

Вотъ руку медленно отводить,
 Вотъ приближаетъ руку вновь;
 Желѣзо двинулось: вся кровь
 Застыла въ дѣвухкѣ несчастной,
 И сердце сжала ей тоска.
 Тогда же чуждая рука
 Дверь пошатнула: „Другъ прекрасной,
 Не бойся, Эда, это я!“
 И отъ смятенья духъ тая,
 Полна невѣдомаго жара,
 Дѣвица бѣдная моя
 Уже въ объятіяхъ гусара.

Увы! досталась въ эту ночь
 Ему желанная побѣда:
 Чувствъ упоенныхъ превозмочь
 Ты не могла, бѣдняжка Эда.

Заря багрянить сводъ небесъ.
 Восторгъ обманчивый исчезъ;
 Съ нимъ улетѣлъ и призракъ счастья;
 Открылась бездна нищеты:
 Слезами скорби платишь ты
 Уже за слезы сладострастья!
 Стыдись пылающаго дня,
 На краѣ ложа роковаго
 Сидишь ты, голову склоня.
 Взгляни на друга молодаго!
 Внимай ему: нѣтъ, нѣтъ, съ тобой
 Онъ не снесетъ разлуки злой;
 Тебѣ всѣ дни его и ночи;

Отецъ его не утѣшитъ:
Онъ подозрѣнья усыпитъ,
Обманетъ бдительныя очи;
Твой будетъ онъ, покуда живъ....
Напрасно все; она не внемлетъ,
Очей на друга не подѣмлетъ,
Уста безмолвныя раскрывъ,
Потупя въ землю взоръ незрячій;
Ей то же друга разговоръ,
Что вѣтръ безсмысленно свистающій
Среди ущелинъ Финскихъ горъ.

Не долго, дѣва красоты,
Предателя чуждалась ты,
Томяся грустью безотрадной!
Ты уступила сердцу вновь:
Простила нѣжная любовь
Любви коварной и нещадной.
Идетъ посиѣшно день за днемъ.
Гусару дѣва молодая
Уже покорствуетъ во всемъ.
За нимъ она, какъ лань ручная,
Новсюду ходить. То четой
Пріемлетъ ихъ въ полдневный зной
Густая сѣнь дубовы сонной,
То завоетъ дремучій боръ,
То приглашаютъ гроты горъ
Въ свой сумракъ нѣги благосклонной;
Но чаще сходятся они
Въ долу сосѣдственномъ, глубокомъ;

Въ густой рябиновой сѣни,
 Надъ быстро льющимся потокомъ,
 Они садятся на траву.
 Порой любовникъ въ томной лѣни
 Послушной дѣвѣ на колѣни
 Кладетъ безпечную главу
 И легкимъ сномъ глаза смыкаетъ.
 Духъ притаивъ, она внимаетъ
 Дыханью друга своего;
 Древесной вѣткой отвѣдаетъ
 Докучныхъ мошекъ отъ него;
 Его волнистыми власами
 Играетъ дѣтскими перстами.
 Когда-жъ подыметъ луна,
 И дикій край подъ ней задремлетъ,
 Въ приютъ укромный свой она
 Къ себѣ на одръ его приемлетъ.

Но дѣва нѣжная моя
 Томится тайною тоскою.
 Разъ обыкновенною порою
 У водъ любимаго ручья
 Они сидѣли молчаливо.
 Любовникъ въ тихомъ забытїи
 Глядѣлъ на свѣтлыя струи,
 Предъ нимъ бѣгущія игриво.
 Дорогой сорванный цвѣтокъ
 Онъ какъ-то бросилъ въ быстрый токъ.
 Вдохнула дѣва молодая;
 На друга голову склоня,
 „Такъ (прошептала) и меня,

Мигъ полелѣя, полаская,
 Такъ на погибель бросишь ты!“
 Уста незлобной красоты
 Улыбкой милой улыбнулись,
 Но скорбь взяла-таки свое:
 И на рѣсницахъ у нее
 Невольно слезы навернулись.
 Она косынкою своей
 Ихъ отерла и веселѣй
 Гладѣть старалася на друга:
 „Прости! Безумная тоска!
 Сегодня жизнь моя сладка,
 Сегодня я твоя подруга,
 И завтра будешь ты со мной,
 И день еще, и, статься можетъ,
 Я до разлуки роковой
 Не доживу, Господь поможетъ!“

Невинной нѣжностью не разъ
 Она любовника смущала,
 И сожалѣнье въ немъ подчасъ
 И угрызенье пробуждала;
 Но чаще, чаще онъ скучалъ
 Ея любовію тоскливой
 И мигъ разлуки призывалъ
 Ужъ какъ свободы мигъ счастливой.
 Не тщетно!

Буйный Шведъ опять
 Не соблюдаетъ договоръ:
 Вновь хочетъ съ Русскимъ испытать
 Неравный жребій бранныхъ споровъ.
 Ужъ переходятъ за Кюмень

Передовыя ополченья:

Война, война! Грядущій день—

День роковаго разлученья.

Нѣтъ слезъ у дѣвы молодой.

Мертва лицомъ, мертва душой,

На суету походныхъ сборовъ

Глядитъ она: всему конецъ!

На ней встревоженный хитрецъ

Остановить не смѣетъ взоровъ.

Сгустилась ночь. Въ глубокой сонъ

Все погрузилось. Унылой

Въ послѣдній разъ идетъ онъ къ милой,

Ей утѣшенья шепчетъ онъ,

Ее лобзаетъ онъ напрасно.

Внимаетъ, чувства лишена;

Даетъ лобзать себя она,

Но безотвѣтно, безучастно!

Мечтанья всѣ бѣжали прочь.

Они томительную ночь

Въ безмолвной горести проводятъ.

Ужъ въ путь зоветъ сіянье дня,

Уже ретиваго коня

Младому воину подводятъ,

Ужъ онъ садится. У дверей

Пустынной хижины своей

Она стоитъ, мутна очами.

Дѣвица бѣдная, прости!

Ужъ по далекому пути

Онъ поскакалъ. Ужъ за холмами

Не видѣвъ онъ твоимъ очамъ....

Согнувъ колѣна, къ небесамъ
Она сперва воздѣла руки,
За нимъ простерла ихъ потомъ
И въ прахъ поверглася лицомъ
Съ глухимъ стечаньемъ смертной муки.

Сковаль потоки зимній хладъ,
И надъ стремпирами своими
Съ гранитныхъ горъ уже висятъ
Они горами ледяными.
Изъ-подъ одежды снѣговой,
Кой-гдѣ вставая головами,
Скалы чернѣютъ за скалами.
Во мглѣ волнистой и сѣдой
Исчезло небо. Запумѣли,
Завыли зимнія мятели.
Что съ бѣдной дѣвницей моей?
Потухъ огонь ея очей;
Въ ней Эды прежней нѣтъ и тѣни:
Изнемогаетъ въ цвѣтѣ дней,
Но чужды слезы ей и нѣни.
Какъ небо зимнее блѣдно,
Въ молчаньи грусти безнадежной,
Сидитъ недвижно у окна,
Сидитъ, и бури вой мятежной
Упыло слушаетъ она,
Мечтая: „Нѣтъ со мною друга;
Ты мяѣ постылъ, печальный свѣтъ!
Конца дождусь-ли я, или нѣтъ?
Когда, когда сметешь ты, вьюга,
Съ лица земли мой легкій слѣдъ?“

Когда, когда на сонъ глубокой
Мнѣ дастъ могила свой пріютъ,
И на нее сугробъ высокій
Бушуя вѣтры нанесутъ?"

Кладбище есть. Тѣснятся тамъ
Къ холмамъ холмы, кресты къ крестамъ,
Однообразные для взгляда;
Ихъ (межъ кустами чуть видна,
Изъ круглыхъ камней сложена)
Обходитъ низкая ограда.
Лежитъ уже давно за ней
Могила дѣвicy моей.

И кто теперь ее отыщетъ,
Кто съ нѣжной грустью навѣститъ?
Кругомъ все пусто, все молчитъ;
Порою только вѣтеръ свищетъ
И можжевеликъ шевелитъ.

ТЕЛЕМА И МАКАРЪ.

ТЕЛЕМА И МАКАРЪ.

СКАЗКА.

(Соч. Вольтера).

«Телема» по гречески значить—желаніе; «Макаръ»—очастіе.

Непостоянна, своевольна,
 Ничѣмъ Телема не довольна;
 Всегда душа ея полна
 Младенческаго безпокойства;
 Любила толстяка она
 Совсѣмъ инаго съ нею свойства:
 Макаръ не тужить ни о чемъ,
 Ему покой всего дороже;
 Съ весельемъ шумнымъ незнакомъ,
 Онъ незнакомъ со скукой тоже;
 Заснетъ онъ ночью крѣпкимъ сномъ,
 Едва глаза свои зажмурить;
 Поутру встанетъ молодцомъ,
 День цѣлый послѣ балагурить.
 Въ любви причудливой своей
 Къ Макару, часто нестерпимой
 Была Телема: милымъ ей
 Хотѣлось быть боготворимой.

Однажды, чѣмъ-то оскорбясь,
 Увлечшись живостью сердечной,
 Въ упрекахъ горькихъ излилась
 Предъ нимъ она. Макарь безпечной
 Повинуль бѣдную смѣясь.
 Безъ друга скучно и уныло
 Тянулись дни. Изъ края въ край
 За нимъ бѣжать она давай:
 Жить безъ Макара тошно было.

Надежды вѣтренной полна,
 Приходить ко Двору она.
 Того-ли встрѣтить иль другаго:
 „Не здѣсь-ли милый мой дружокъ?
 Макара нѣтъ-ли дорогаго?“
 Никто безъ хохота не могъ
 Услышать имени такого.
 —Какой Макарь тобой любимъ?
 Какъ разлучилася ты съ нимъ?
 Что онъ, голубушка, за диво?—
 Она въ отвѣтъ нетерпѣливо:
 „Нѣтъ лучше друга моего;
 Онъ добродушень, доброхотень,
 Веселоправень, беззаботень,
 Не ненавидитъ никого
 И самъ никѣмъ не ненавидимъ“.
 —Ступай, отвѣтствовали ей,
 Здѣсь нѣтъ его: такихъ людей
 Мы при Дворѣ совсѣмъ не видимъ.—

Рѣшилась далѣе идти
 Моя бѣглянка молодая;
 Зашла въ обитель по пути,
 Макара мирнаго найти
 Въ сей мирной пристани мечтаю.
 Игумень ей: „Сказать-ли вамъ?
 Его мы долго поджидали;
 Но, признаюсь, по пустякамъ!
 Приютъ отъ бурь житейскихъ намъ
 Въ замѣну стѣны наши дали“.
 Одинъ задумчивый чернецъ
 Сказалъ вертушкѣ наконецъ:
 „О чемъ вы слѣпо возмечтали?
 Найдется-ль полно вашъ бѣглець?
 На томъ онъ свѣтъ, мы слышали“.

Телему набожный мудрецъ
 Чуть не забѣсилъ такимъ привѣтомъ.
 „Его найду я, мой отецъ,
 Не безпокойтесь объ этомъ.
 Нѣтъ! о Макаръ дорогомъ
 Не понапрасну я тоскую:
 Одна я жизнь ему дарую;
 Не можетъ быть онъ въ мірѣ томъ,
 Когда я въ этомъ существую!“

„Но гдѣ-же встрѣчу друга я?“
 Мечтаетъ странница моя.
 „Въ столицѣ? что-же? не чудесно:
 Между пѣвцами вѣрно онъ,
 Которыми изображонъ

Онъ столь искусно и прелестно“.
 Одинъ изъ нихъ ей молвилъ такъ:
 „Вы обманулися никакъ:
 Не появлялся, къ сожалѣнью,
 И между нами вашъ чудакъ;
 Его поёмъ мы кое-какъ
 По одному воображенью!

Вотъ магистратъ: она предъ нимъ
 Глаза зажмурила и далѣ.
 „О нѣтъ! съ возлюбленнымъ моимъ
 Не встрѣчусь я въ судейской залѣ!
 Тамъ нѣтъ его. Не спорю въ томъ,
 Прельститься могъ-бы онъ Дворомъ:
 Дворъ полонъ чуднаго угара:
 Но за присутственнымъ столомъ
 Въ вѣкъ не увижу я Макара“.
 Надѣясь друга повстрѣчать,
 Телема стала навѣщать
 Гулянья, зрѣлища столицы,
 Ко всѣмъ заглядывала въ лица—
 По пустякамъ! Приглашена
 Въ дома блестящія она,
 Гдѣ тѣ счастливыцы председають,
 Которыхъ свѣтскимъ языкомъ
 Людми съ утонченнымъ умомъ,
 Людми со вкусомъ называютъ:
 Они привѣтливы лицомъ,
 Рѣчами веселы, свободны,
 И съ милымъ сердцу бѣглецомъ

Ей показались очень сходны.
Но чѣмъ съ Макаромъ дорогимъ
Похожѣй быть они старались,
Тѣмъ отъ прямаго сходства съ нимъ
Они замѣтнѣй удалялись!
Тоска, печаль ее взяла;
Наскуча бѣгать по-пустому
Изъ мѣста въ мѣсто, побрела
Она тихохонько до дому.
Въ давно покинутый пріютъ
Приходить странница, и что-же?
Уже Макаръ съ улыбкой тутъ
Подругу ждалъ на брачномъ ложѣ:
„Со мною въ мирѣ и любви“,
Онъ молвилъ, „съ этихъ поръ живи;
Живи, о лишнемъ не тоскуя,
И коль разстаться вновь со мной
Не хочешь, права тишиной
Себѣ пріязнь мою даруя,
Отъ угожденья моего
Не требуй болѣе того,
Что я даю, что дать могу я“.

БАЛЪ.

БАЛЪ.

Глухая полночь. Строемъ длиннымъ,
Осеребренныя луной,
Стоять кареты на Тверской
Предъ домомъ пышнымъ и стариннымъ.
Пылаеть тысячью огней
Обширный залъ; съ высокихъ хоровъ
Ревуть смычки; толпа гостей,
Гуль танца съ гуломъ разговоровъ.
Въ роскошныхъ перьяхъ и цвѣтахъ,
Съ улыбкой мертвой на устахъ,
Обыкновенной рамой бала,
Старушки свѣтскія сидятъ
И на блестящій вихорь зала
Съ тупымъ вниманіемъ глядятъ.
Кружатся дамы молоды,
Не чувствуютъ себя самихъ:
Драгими камнями у нихъ
Горятъ уборы головные;
По ихъ плечамъ полунагимъ
Златые ловоны летаютъ;
Одежды легкія, какъ дымъ,

Ихъ легкій станъ обозначаютъ.
 Вокругъ плѣнительныхъ харитъ
 И суетится и кипитъ
 Толпа поклонниковъ ревнивыхъ;
 Толкуеть, ловитъ каждый взглядъ;
 Шутя, несчастныхъ и счастливыхъ
 Вертушки милыя творять.
 Въ движеньи все. Горя добиться
 Вниманья лестнаго красы,
 Гусарь крутитъ свои усы,
 Писатель чопорно острится,
 И оба правы: говорятъ,
 Что въ то же время можно дамамъ,
 Мѣняя съ лѣва взглядъ на взглядъ,
 Смѣяться съ права эпиграммамъ.
 Межъ тѣмъ и въ лентахъ и въ звѣздахъ,
 Порою, съ картами въ рукахъ,
 Выходятъ важные бояры,
 Вставъ изъ-за ломберныхъ столовъ,
 Взглянуть на мчащіяся пары
 Подъ гулъ порывистый смычковъ.

Но гости глухо зашумѣли,
 Вся зала шопотомъ полна:
 „Домой уѣхала она!
 Вдругъ стало дурно ей“. Ужели?
 — Въ кадрили весело вертятся,
 Вдругъ помертвѣла! — Что причиной?
 Ахъ, Боже мой! скажите, князь,
 Скажите, что съ княгиней Ниной,

Женою вашею? — Богъ вѣсть,
Мигрень конечно!... Въ сюрсахъ шесть.
— Что съ шей, кузина? танцовали
Вы въ ближней парѣ, видѣли я? —
„Въ кругу пристойномъ не всегда-ли
Она какъ будто не своя?“

Злословье правду говорило.
Въ Москвѣ, межъ умницъ и межъ дурь,
Моей княгинѣ черезъ чуръ
Слыть Пенелопой трудно было.
Презрѣнья къ мнѣнію полна,
Надъ добродѣтелию женской
Не насмѣхается-ль она,
Какъ падъ ужимкой деревенской?
Кого въ свой домъ она манить:
Не записныхъ-ли вологитъ,
Не повичковъ-ли миловидныхъ?
Не утомленъ-ли слухъ людей
Молвой побѣдъ ея безстыдныхъ
И соблазнительныхъ связей?

Но какъ влекла къ себѣ всеильно
Ея живая красота!
Чьи непорочныя уста
Такъ улыбалися умильно!
Какая-бы Людмила ей,
Смирясь, лучей благочестивыхъ
Своихъ лазоревыхъ очей
И свѣжести ланить стыдливыхъ
Не отдала-бы сей-же часъ

За яркій глянецъ черныхъ глазъ,
 Облитыхъ влагой сладострастной,
 За пламя жаркое ланить!
 Какая Феѣ самовластной
 Не уступила-бъ изъ Харитъ!

Какъ въ близкихъ сердцу разговорахъ
 Была плѣнительна она!
 Какъ угодительно-нѣжна!
 Какая ласковость во взорахъ
 У ней сіяла! Но порой,
 Ревнивымъ гнѣвомъ пламенѣя,
 Какъ зла въ словахъ, страшна собой,
 Являлась новая Медея!
 Какія слезы изъ очей
 Потомъ катилися у ней!
 Терзая душу, проливали
 Въ нее томленье слезы тѣ:
 Кто-бъ не отеръ ихъ у печали,
 Кто-бъ не оставилъ красотѣ!

Страшися прелестницы опасной,
 Не подходи: обведена
 Волшебнымъ очеркомъ она;
 Кругомъ ея заразы страстной
 Исполненъ воздухъ! Жалокъ тотъ,
 Кто въ сладкій чадъ его вступаетъ:
 Ладью пловца водоворотъ
 Такъ на погибель увлекаетъ!
 Бѣги ее: нѣтъ сердца въ ней!
 Страшися вкрадчивыхъ рѣчей

Одурѣвающей приманки;
Влюбленныхъ взглядовъ не лови:
Въ ней жаръ упившейся Вакханки,
Горячки жаръ — не жаръ любви.

Такъ, не сочувствія примаго
Могуществомъ увлечена,
На грудь роскошную она
Звала счастливецъ молодого:
Онъ пересозданъ былъ на мигъ
Ея живымъ воображеньемъ;
Ей своенравный зрѣлся ликъ;
Она ласкала съ упоеньемъ
Одно видѣнїе свое,
И гасла вдругъ мечта ее:
Она вдалась въ обманъ досадной,
Ея прельститель ей смѣшонъ,
И средъ толпы Лансѣ хладной
Ужъ не примѣтенъ будетъ онъ.

Въ часы томительные ночи,
Утѣхъ естественныхъ чужда,
Такъ чародѣйка иногда
Себѣ волшебствомъ тѣшитъ очи:
Надъ ней слились изъ облаковъ
Великолѣпные чертоги;
Она на тронѣ изъ цвѣтовъ,
Ей угождаютъ полу-боги.
На мигъ одинъ восхищена
Живымъ видѣнїемъ она;
Но въ умъ приходитъ съ изумленьемъ,
Смѣется сердца забытью

И съ тьмой сливается мановеньемъ
Мечту блестящую свою.

Чей образъ кисть нарисовала?
Увы! тѣ дни ужъ далеко,
Когда княгиня такъ легко
Воспламенялась, остывала!
Когда питомицѣ прямой
И Эпикура и Ниновы,
Легучей прихоти одной
Ей были вѣдомы законы!
Посланникъ рока ей предсталъ:
Смущенный взоръ очаровалъ,
Поработилъ воображенье,
Сліялъ всѣ мысли въ мысль одну
И пролилъ страстное мученье
Въ глухую сердца глубину.

Красой изнѣженной Арсеній .
Не привлекалъ къ себѣ очей:
Слѣды мучительныхъ страстей,
Слѣды печальныхъ размышлений
Носилъ онъ на челѣ; въ очахъ
Безпечность мрачная дышала,
И не улыбка на устахъ,
Усмѣшка праздная блуждала.
Онъ не задолго посѣщаль
Края чужіе; тамъ искалъ,
Какъ слышно было, развлеченья,
И снова родину узрѣлъ;

Но, видно, сердцу изцѣленья
Дать не возмогъ чужой предѣль.

Предсталъ онъ въ домъ мой Лайсы,
И остряковъ задорный полкъ
Не знаю какъ предъ нимъ умолкъ —
Главой поникли Адописы.
Онъ въ разговорѣ поражалъ
Людей и свѣта знаньемъ рѣдкимъ,
Глубоко въ сердце проникалъ
Лукавой шуткой, словомъ ѣдкимъ;
Судилъ разборчиво пѣвца,
Зналъ цѣну кисти и рѣзца,
И, сколько ни былъ хладно-сжатымъ,
Привычный складъ его рѣчей,
Казался чувствами богатымъ
Онъ въ глубинѣ дупи своей.

Неодолимо какъ судьбина,
Не знаю что въ игрѣ лица,
Въ движеніи каждомъ приплеча,
Къ нему влекло тебя, о Нйна!
Съ него ты не сводила глазъ....
Онъ былъ учтивъ, но хладенъ съ нею;
Ее смущалъ онъ много разъ
Улыбкой опытной своею;
Но, жрица давняя любви,
Она-ль не знала, какъ въ крови
Родить мятежное волненье,
Какъ въ чувства дикій жаръ вдохнуть!...

И всемогущее мгновенье
Его повергло къ ней на грудь.

Мои любовники дышали
Согласнымъ счастьемъ два-три дни;
Черезъ день другой потомъ они
Несходство въ чувствахъ показали.
Забвенья страстнаго полна,
Полна блаженства жизни новой,
Свободно, радостно она
Къ нему ласкалась; но суровой,
Унылой часто зрѣлся онъ:
Предъ нимъ леталъ мятежный сонъ;
Всегда разсѣянный, судьбину,
Казалось, въ чемъ-то онъ винилъ,
И, прижимая къ сердцу Нину,
Отъ Нины сердце онъ таилъ.

Неблагодарный! Имъ у Нины
Всѣ мысли были заняты:
Его любимыя цвѣты,
Его любимыя картины
У ней являлися. Не разъ
Блистали новые уборы
Въ ея покояхъ, чтобъ на часъ
Ему прельстить, потѣшить взоры.
Быль втайнѣ убранъ кабинетъ,
Гдѣ сладострастный полу-свѣтъ,
Богинь роскошныхъ изваянья,
Куреній сладкихъ легкій паръ,

Животворило всё желанья,
Вливало въ сердце томный жарь.

Вотще! Онъ преданъ былъ печали.
Однажды (до того дошло)
У Нины вспыхнуло чело
И очи ярко заблистали.
Страстей противныхъ бѣглый споръ
Лицо явило. „Что съ тобою“,
Она сказала: „что твой взоръ
Все полонъ мрачною тоскою?
Досаду давнюю мою.
Я болѣ въ сердцѣ не таю:
Печаль съ тобою неразлучна;
Стыжусь, но ясно вижу я:
Тебѣ тяжка, тебѣ докучна
Любовь безумная моя!

„Скажи, за что твое презрѣнье?
Скажи, въ сердечной глубинѣ
Ты не чувствителенъ ко мнѣ,
Иль недовѣрчивъ? Подозрѣнье
Я заслужила. Старины
Мнѣ тяжело воспоминанье:
Тогда всечастной новизны
Алкало у меня мечтанье;
Одинъ кумиръ на долгій срокъ
Поработить его не могъ;
Любовь сегодняшняя трудно
Жила до завтрашняго дня.

Мнѣ ввѣрить сердце безразсудно;
Ты правъ, но выслушай меня.

„Бѣги со мной: земля велика!
Чужбина скроетъ насъ легко,
И тамъ, безвѣстно, далеко,
Ты будешь полный мой владыка.
Ты мнѣ Италію порой
Хвалишь съ блестящимъ увлеченьемъ;
Страну, любимую тобой,
Узнала я воображеньемъ:
Тамъ солнце пышно, тамъ луна
Восходитъ, сладости полна;
Тамъ вьются лозы винограда,
Шумятъ лавровые лѣса:
Туда, туда! съ тобой я рада
Забыть родныя небеса.

„Бѣги со мной! Ты безотвѣтенъ!
Отвѣтствуй, жребій мой рѣши.
Иль нѣтъ! зачѣмъ? Твоей души
Упорный холодъ мнѣ примѣтенъ:
Молчи-же! не нуждаюсь я
Въ словахъ обманчивыхъ—довольно!
Любовь несчастная моя
Мнѣ выше казнь... но больно, больно!...“
И зарыдала. Возмущенъ
Ея тоской: „Безумный сонъ
Тебя увлекъ“, сказалъ Арсеній:
„Невольный мракъ души моей—

Слѣдъ прежнихъ, жалкихъ заблужденій
И прежнихъ гибельныхъ страстей.

„Его со временемъ разсѣтъ
Твоя волшебная любовь:
Нѣтъ не тревожься, если вновь
Тобой сомнѣнье овладѣтъ;
Моей печали не вини“.
День послѣ, мирною четою
Сидѣли на софѣ они.
Княгиня томною рубою
Обняла друга своего
И прилегла къ плечу его.
На ближней столѣткѣ, въ думѣ скрытной
Облокотясь, Арсеній нашъ
Межь тѣмъ по карточкѣ визитной
Водилъ небрежный карандашъ.

Давно былъ вечеръ. Съ легкимъ трескомъ
Горѣли свѣчи на столѣ,
Кумировъ мраморъ, въ дальней мглѣ,
Кой-гдѣ блистала невѣрнымъ блескомъ,
Молчала Арсеній, Нина тожъ.
Вдругъ, тайнымъ чувствомъ увлеченный,
Онъ восклицаетъ: „Какъ похожъ!“
Проснулась Нина. „Другъ безцѣнный,
Пожошъ! Уже-ли? мой портретъ!
Взглянуть позволъ.... Что-жъ это? Нѣтъ!
Не мой: жеманная дѣвчонка
Со сладкой глушостью въ глазахъ,

Въ кудряхъ мохнатыхъ, какъ болонка,
Съ улыбкой сонной на устахъ!

„Скажу, красавица такая
Меня затмила-бы совсѣмъ...“
Лицо княгини между тѣмъ
Покрыла блѣдность гробовая.
Ея дыханье отошло,
Уста застыли, посинѣли;
Увлажилъ хладный потъ чело;
Непомертвѣлые блестяли
Глаза одни. Вѣщать хотѣлъ
Языкъ мятежный, но коснѣлъ:
Слова сливались въ лепетанье.
Мгновенье долгое прошло,
И наконецъ ея страданье
Свободный голосъ обрѣло:

„Арсеній, видишь, я мертвѣю;
Арсеній, дашь-ли мнѣ отвѣтъ?
Знакомъ ты съ ревпостію?... Нѣтъ?...
Такъ вѣдай, я знакома съ нею,
Я къ ней способна! Встарину,
Межъ многихъ рѣдкостей Востока,
Себѣ я выбрала одну....
Вотъ перстень.... съ нимъ я выше рока!
Арсеній! мнѣ въ защиту данъ
Могучій этотъ талисманъ:
Знай, никакое злоключенье
Меня при немъ не устрашить.“

Въ глазахъ твоихъ недоумѣнью,
Дивишься ты? Онъ ядъ таить“.

У Нины руку взялъ Арсеній;
„Спокойна совѣсть у меня“,
Сказалъ, „но дожилъ я до дня
Тяжелыхъ сердцу откровеній.
Внимай-же мнѣ. Съ чего начну?
Не предавайся гнѣву, Нина!
Другой дышалъ я встарину:
Хотѣла то сама судьбина.
Росли мы вмѣстѣ. Какъ мила
Малютка Олинъка была!
Ее мгновеньями иными
Еще я вижу предъ собой,
Съ очами темно-голубыми,
Съ темно-кудрявой головой.

„Я называлъ ее сестрою,
Съ ней игры дѣтства я дѣлилъ;
Но годъ за годомъ уходилъ
Обыкновенной чередою.
Исчезло дѣтство. Притекли
Дни непонятнаго волненья,
И другъ на друга возвели
Мы взоры полные томленья.
Обманчивъ разговоръ очей,
И, руку Олинъки моей
Сжимая робкою рукою,
Скажи, шепталъ я иногда,

Скажи, любимъ-ли я тобою?

И слышалъ сладостное да.

„Въ счастливый домъ, себѣ на горе,
Тогда я друга ввелъ. Лицомъ
Онъ былъ пріятель, живъ умомъ;
Обворожилъ онъ Ольгу вскорѣ.
Всегда встрѣчались взоры ихъ,
Всегда велся межъ ними шопотъ.
Я мукъ извительницъ моихъ
Не снесъ: излилъ ревнивый ропотъ.
Какой же ждалъ меня успѣхъ?
Мнѣ былъ отвѣтомъ дѣтскій смѣхъ!
Ее покинулъ я съ презрѣньемъ,
Всю боль души въ душѣ тая.
Сказалъ прости всему; но мщеньемъ
Сопернику поклялся я.

„Всечасно, колкими словами
Скучалъ я, досаждалъ ему,
И по желанью моему
Вскипѣла ссора между нами.
Стрѣлялись мы. Въ крови упавъ,
На вѣкъ я думалъ мѣръ оставить;
Съ одра возсталъ я тѣломъ здравъ,
Но сердцемъ боленъ. Что прибавить?
Бѣжалъ я въ дальніе края:
Увы! подъ чуждымъ небомъ я
Томился тою-же тоскою.
Родимый край узрѣвъ опять,

Я только съ милою тобою
Душою началъ оживать“.

Умолкъ. Безмысленно глядѣла
Она на друга своего,
Какъ будто повѣсти его
Еще вполне не разумѣла;
Но отъ руки его потомъ
Освободивъ тихонько руку,
Вдругъ содрогнулась лицомъ,
И все въ немъ выразило муку.
И обезсиленна, томна,
Главой попикинула она.
„Что, что съ тобою, другъ безцѣнный!“
Вскричала Арсеній. Слухъ его
Внялъ только вздохъ полустѣсенный.
„Другъ милый, что-ты?“— „Ничего“.

Еще на крыльяхъ торопливыхъ
Промчалось нѣсколько недѣль
Въ размовкахъ бурныхъ, какъ досель,
И въ примиреньяхъ несчастливыхъ;
Но что-же, что-же напоследъ?
Сегодня друга нѣтъ у Нины,
И завтра, послѣ завтра нѣтъ!
Напрасно, полная кручины,
Она съ дверей не сводитъ глазъ
И мнить: онъ будетъ черезъ часъ!
Онъ позабылъ о Нинѣ страстной;
Онъ не вошелъ, вошелъ слуга,

Письмо ей подалъ... мигъ ужасный!
Сомнѣнья нѣтъ: его рука!

„Что медлить“, къ ней писалъ Арсеній,
„Открыться должно.... Небо! въ чемъ?
Едва владѣю я перомъ,
Ищу напрасно выраженій.
О Нина! Ольгу встрѣтилъ я;
Она понынѣ дышетъ мною,
И ревность прежняя моя
Была неправой и смѣшною.
Удѣлъ рѣшенъ. По старинѣ
Я вѣренъ Ольгѣ, вѣрной мнѣ.
Прости! твое воспоминанье
Я сохраню до позднихъ дней:
Въ немъ попесу и наказанье
Ошибокъ юности моей“.

Для своего и для чужова
Незрима Нина: всѣмъ одно
Твердитъ швейцаръ ся давно:
Не принимаетъ, нездорова!
Ей нужды нѣтъ ни въ комъ, ни въ чемъ:
Питье и пищу забывая,
Въ покоѣ дальнемъ и глухомъ
Она недвижная, нѣмая
Сидитъ и съ мѣста одного
Не сводитъ взора своего.
Глубокой муки сонъ печальный!
Но двери пашутъ растворясь:

Мужъ, не весьма сантиментальный,
Сморкаясь громко, входитъ князь.

И вотъ садится. Въ размышленье
Сначала молча погружонъ,
Ногой потряхиваетъ опъ;
И наконецъ: „Съ тобой мученье!
Безъ всякой грусти ты грустишь;
Какъ погляжу, совсѣмъ больна ты.
Ей, ей! съ трудомъ выразишь,
Какъ вы причудами богаты!
Опомнись тебѣ пора!
Сегодня балъ у князь-Петра;
Забудь фантази пустыя
И отъ людей не отставай:
Тамъ будутъ наши молодые,
Арсеній съ Ольгой. Поѣзжай!

„Ну что, поѣдешь-ли?“—„Поѣду,
Сказала, странно оживясь
Княгиня. „Дѣло“, молвилъ князь,
„Прощай, снѣшу я въ клубъ къ обѣду“.
Что Нина бѣдная съ тобой?
Какое чувство овладѣло
Твоей болѣзненной душой?
Что оживить ее умѣло?
Уже-ль надежда? Торопясь
Часы летять; уѣхалъ князь;
Пора готовиться княгинѣ.
Нарядами окружена,

Давно не бывшими въ поминѣ,
Передъ трюмо стоитъ она.

Ужь газъ на ней, струясь, блистаетъ;
Роскошно, сладостно очамъ
Рисуетъ грудь, потомъ къ ногамъ
Съ гирляндой яркой упадаетъ.
Алмазъ мелькающихъ серегъ
Горитъ за черными кудрями;
Жемчугъ чело ея облегъ
И межъ обильными косами
Рукой искусной пронущошь,
То видимъ, то невидимъ онъ.
Надъ головою перья вѣютъ;
Но томной прихоти своей,
То ей лицо они лелѣютъ,
То дремлютъ въ локонахъ у ней.

Межъ тѣмъ (къ какому разрушенью
Ведетъ сердечная гроза!)
Ея потухшіе глаза
Окружены широкой тѣнью,
И на щекахъ румянца нѣтъ!
Чуть видѣвъ въ образѣ прекрасномъ
Красы бывалой слабый слѣдъ!
Въ стеклѣ живомъ и безпристрадномъ
Княгиня бѣдная моя,
Глядяся, мнить: „И это я!
Но пусть на страшное видѣнье
Онъ взоръ смущенный возведетъ:

Пускай узреть свое творенье
И всю вину свою пойметъ!“

Другое тяжкое мечтанье
Потомъ волнуется душа ей:
„Уже-ль соперницѣ моей
Отдамся я на поруганье!
Уже-ль спокойно я снесу,
Какъ, торжествуя надо мною,
Свою цвѣтущую красу
Съ моей увядшею красою
Сравнить насмѣшливо она!
Надежда есть еще одна:
Слѣды печали я сокрою
Хоть въ половину, хоть на часть...“
И Нина трепетной рукою
Лицо румянить въ первый разъ.

Она явилася на балѣ.
Что-жъ возмутило душу ей?
Толпы-ли вѣтрелыхъ гостей
Въ ярко-блестящей, пышной залѣ,
Безпечный лепетъ, мирный смѣхъ?
Порывы-ль музыки веселой.
И, словомъ, этотъ вихрь утѣхъ,
Большимъ душою столь тяжелой?
Или двумысленно взглянуть
Посмѣлъ на Нину кто нибудь?
Иль лишнимъ счастьемъ блистало
Лицо у Ольги молодой?

Чтобъ ни было, ей дурно стало,
Она уѣхала домой.

Глухая ночь. У Нины въ спальнѣ,
Лѣнливо споря съ темнотой,
Передъ иконою золотой
Лампада точитъ свѣтъ печальной.
То пропадетъ во мракѣ онъ,
То заиграетъ на окладѣ;
Кругомъ глубокий, мертвый сонъ!
Межъ тѣмъ въ блистательномъ нарядѣ,
Въ богатыхъ перьяхъ, жемчугахъ,
Съ румянцемъ страннымъ на щекахъ,
Ты-ль это, Нина, мною зрима?
Въ переливающейся мглѣ,
Зачѣмъ сидишь ты недвижима,
Съ недвижной думой на челѣ?

Дверь заскрипѣла: слышитъ ухо
Походку чью-то на полу;
Передъ иконою, въ углу,
Сталь и закашлялъ кто-то глухо.
Сухая, дряхлая рука
Изъ тьмы къ лампадѣ потянулась;
Свѣтильню тронула слегка,
Свѣтильня сонная очнулась,
И свѣтъ неожиданный и живой
Вдругъ озаряетъ весь покой:
Княгини мамушка сѣдая
Передъ иконою стоитъ,

И вотъ ужъ, набожно вздыхая,
Земной поклонъ она творить.

Вотъ поднялась, перекрестилась;
Вотъ поплелась было домой:
Вдругъ видить Нину предъ собой,
На пол-пути остановилась,
Глядитъ печально на нее,
Качаетъ старой головою:
„Ты-ль это, дитяtko мое,
Такою позднею порою?...
И не смыкаешь очи сномъ,
Горюя, Богъ знаетъ, о чемъ!
Вотъ такъ-то ты свой вѣкъ проводишь,
Хоть отъ ума, да не умно:
Ну, право, ты себя уходишь,
А вѣдь грѣшно, куда грѣшно!

„И что въ судьбѣ твоей худаго?
Какъ погляжу я, полонъ домъ
Не перечестъ какимъ добромъ;
Ты роду-званія большаго,
Твой князь пріятнаго лица;
Душа въ немъ кроткая такая:
Всечасно Вышняго Творца
Благословляла-бы другая!
Ты позабыла Бога.... да,
Не ходишь въ церковь никогда:
Повѣрь, кто Господа оставитъ,
Того оставитъ и Господь;

А Онъ-то духомъ напимъ править,
Онъ охраняеть нашу плоть!

„Не осердись, моя родная;
Ты знаешь мало-ли о чемъ
Мелю я старымъ языкомъ:
Прости, дай ручку мнѣ“. Вздыхая,
Къ рукѣ влягивниной она
Устами ветхими прильнула:
Рука ледяно-холодна.
Въ лицо ей съ трепетомъ взглянула:
На немъ поспѣшный смерти ходъ;
Глаза стоять, и въ пѣнѣ ротъ....
Судьбина Нины совершилась,
Нѣтъ Нины! Ну такъ что-же? нѣтъ!
Какъ видно, ядомъ отравилась,
Сдержала страшный свой обѣтъ!

Уже билеты роковые,
Билеты съ черною каймой,
На коихъ брешности людской
Трофен, модой приняты,
Печально поражаютъ взглядъ;
Гдѣ сухощавые Сатурны
Съ косами грозными сидятъ,
Склонясь на траурныя урны;
Гдѣ кости мертвыя крестомъ
Лежатъ разительнымъ гербомъ
Подъ гробовыми головами,—

О смерти Нины должну вѣсть
Узаконенными словами
Спѣшать по городу разнести.

Въ урочный день, на выносъ тѣла,
Со всѣхъ концовъ Москвы большой,
Одва карета за другой
Къ хоромамъ князя полетѣла.
Обсѣвъ гостиную кругомъ,
Сначала важное молчанье
Голпа хранила; но потомъ
Возникло томное жуужанье.
Оно росло, росло, росло.
И въ шумный говоръ перешло.
Объятый счастливымъ забвельемъ,
Самъ князь за дѣло принялся
И жаркимъ богословскимъ преньемъ
Съ ханжой какимъ-то занялся.

Богатый гробъ несчастной Нины,
Священствомъ пыльнымъ окруженъ,
Былъ въ землю мирно опущенъ.
Свѣтъ не узналъ ея судьбины.
Князь, безъ особаго труда,
Свой жребій Вышней волѣ предалъ.
Поэтъ, который завсегда
По четвергамъ у нихъ обѣдалъ,
Никакъ съ желудочной тоски
Скропалъ на смерть ея стишки.

Обильна слухами столица;
Молва какая-то была,
Что ихъ законная страница
Въ Журналѣ Дамскомъ приняла.

ПЕРЕСЕЛЕНІЕ ДУШЪ.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ДУШЪ.

Зевесъ, любя семью людскую,
 Попарно души сотворилъ
 И напередъ одну мужскую
 Съ одною женскою согласилъ.
 Хвала всевышней благостынѣ!
 Но въ ней намъ мало пользы нынѣ:
 Глядите! нынѣ родъ людской,
 Размножась, облилъ паръ земной.
 Куда пойду? мечтаешь съ горемъ,
 На хладный Сѣверъ, знойный Югъ?
 За Бѣлымъ, иль за Чернымъ моремъ
 Блуждаешь ты, желанный другъ?
 Не все. Задача есть другая.
 Шатаясь по свѣту, порой
 Столкнешься съ родственной душой
 И радъ; но вотъ бѣда какая:
 Душа родная—носъ чужой
 И посторонній подбородокъ!...
 Враждуютъ чувства межъ собой:
 Признаться, способъ мировой
 Находкой былъ-бы изъ находокъ!

Но онъ потерянь между насъ,
О немъ живетъ одинъ разсказъ.

Въ землѣ, о коей справедливо
Намъ чудеса вѣщаетъ старь,
Въ Египтѣ, жилъ-былъ славный Царь,
Имѣлъ онъ дочь—творенья диво,
Красотъ подсолнечныхъ алмазъ,
Любовь души, веселье глазъ:
Челомъ бѣлѣе лилій Нила;
Коралла пышнаго морей
Устами свѣжими алѣй;
Яснѣе днѣвнаго свѣтила
Улыбкой ясною своей.
Въ предѣлахъ самыхъ отдаленныхъ
Носилася ея хвала
И женихами привела
Къ ней полкъ Царей иноплеменныхъ.
И Мемфисъ-градъ заликовалъ,
Въ немъ пиръ за пиромъ возставалъ.
Свѣтла, прелестна, возсѣдая
Въ кругу любовниковъ своихъ,
Моя царевна молодая
Совсѣмъ съ ума сводила ихъ.
И все-бы ладно шло; но что-же?
Всегда веселая, она
Вдругъ стала пасмурна, грустна,
Такъ что на дѣло не похоже.
Къ своимъ высокимъ женихамъ
Вниманье вовсе прекратила

И кромѣ колкихъ эпиграммъ
Имъ ничего не говорила.

Какая-же была вина,
Что измѣнилась такъ она?—
Любовь. Случайною судьбою,
Державный пиръ ея отца
Украсить лирною игрою
Призвали юнаго пѣвца:
Не восхвалялъ онъ Озирида,
Не славилъ Аписа-быка,
Любовь онъ пѣлъ, о Зораида!
И пѣснь его была сладка,
Какъ водъ согласное журчанье,
Какъ нѣжныхъ горлицъ воркованье.
Какъ томный ропотъ вѣтерка,
Когда въ полудень воспаленный,
Лобзаетъ онъ изъ-подтипка
Цвѣтокъ, роскошно усыпленный.
Свершился вышній приговоръ.
Свершился! никакою силой
Неотразимый, съ этихъ поръ
Предъ ней носился образъ милой;
Съ тѣхъ поръ въ душѣ ея звучалъ,
Звучалъ всечасно голосъ нѣжной,
Ее питалъ, упоевалъ
Тоскою сладкой и мятужной!
„Какъ глупы эти дикари,
Разноплеменные Цари!
И какъ прелестень онъ!“ вздыхая,
Мечтала дѣва молодая.

Но между тѣмъ летѣли дни,
 Рѣшенья гости ожидали;
 Рѣшенья не было. Они
 Уже сердиться начинали.
 Самъ Царь досадою вскипѣлъ;
 Онъ не охотникъ былъ до шутокъ
 И жениха, чрезъ трое сутокъ,
 Избрать Царевнѣ повелѣлъ.

Была какъ громомъ рѣчью гнѣвной
 Младая дочь поражена.
 На что-жъ, въ судьбѣ своей плачевной,
 Рѣшилась бѣдная она?
 Рыдала долго Зораида,
 Взрывала сердце ей обида;
 Взрывала сердце ей печаль;
 Вдругъ мысль въ умѣ ея родилась:
 Лицомъ Царевна прояснилась
 И шепчетъ: „Ахъ, едва-ль, едва-ль....
 Но что мы знаемъ? статья можетъ,
 Онъ въ самомъ дѣлѣ мнѣ поможетъ.

Вамъ рассказать я позабылъ,
 Что въ эту пору, мой читатель,
 Столѣтній магъ въ Мемфисѣ былъ,
 Изиды вѣщій толкователь.
 Онъ, если не лгала молва,
 Проникъ всѣ тайны естества.
 На то и жилъ почтенный дядя
 Отвергнувъ міра суету,;

Не пилъ, не ѣлъ, не спалъ онъ, глядя
 Въ глаза священному коту.
 И въ немъ-то было упованье;
 Къ нему-то, милые друзья,
 Рѣшилася на совѣщанье
 Идти красавица моя.

Едва рѣдѣетъ мгла ночная,
 И пробуждаться начиная,
 Едва румянится Востокъ;
 Еще великой Мемфисъ дремлетъ,
 И утро не хотя приѣмлетъ,
 А ужъ, покинувъ свой чертогъ,
 Въ простой и чуждой ей одеждѣ,
 Но страха тайнаго полна,
 Довѣрять вѣтренной надеждѣ,
 Выходить за городъ она.
 Передъ очами Зораиды
 Пустыня та, гдѣ пирамиды
 За пирамидами встаютъ
 И (величавыя гробницы)
 Гигантскимъ кладбищемъ ведутъ
 Къ стопамъ огромной ихъ Царицы.
 Себѣ чудакъ устроилъ тутъ
 Философическій пріютъ.
 Блуждаетъ дѣва молодая
 Среди столицы гробовой:
 И вотъ примѣтенъ кровъ жилой,
 Надъ коимъ пальма вѣбовая
 Стоитъ, роскошно помавая

Широколиственной главой.
 Царевна видитъ предъ собой
 Обитель старца. Для чего-же
 Остановилася она,
 Внезапно взоромъ смущена
 И чуткимъ ухомъ на-сторожь?
 Что дланью трепетной своей
 Объемлетъ сердце? что такъ пышетъ
 Ея лицо? и грудь у ней
 Что такъ неровно, сильно дышетъ?
 Приносить пѣснь издалека
 Ей дуновенье вѣтерка.

Пѣсня.

Зачѣмъ отъ ранняго разсвѣта
 До поздней ночи я пою,
 Безумной птицей, о Ніята!
 Красу жестокую твою?

Чужда, чужда ты сожалѣнья:
 Звѣзда взойдетъ, звѣзда зайдетъ;
 Сурова ты, а мнѣ забвенья
 Безсильный лотосъ не даетъ.

Люблю, любя въ могилу сиду;
 Несокрушима цѣнь моя;
 Я видѣлъ диво-Зораиду
 И не забылъ Ніяты я.

Чей это голосъ? Вседержитель!
 Она-ль его не узнаеть!

Пѣвецъ, души ея плѣнитель,
 Другую пламенно поеть!
 И вотъ что боги ей судили!
 Ужъ ей колѣна измѣнили,
 Ужъ меркнетъ свѣтъ въ ея очахъ.
 Безъ чувствъ упала-бы во прахъ,
 Но нашей дѣвѣ въ то мгновенье
 Предстало чудное видѣнье.
 Глядитъ: въ одеждѣ шутовской
 Бредеть къ ней старецъ гробовой,
 Паясъ торжественной и дикой,
 Бѣлобородой, желтоликой,
 Въ какой-то острой шапкѣ онъ;
 Пестрѣтъ множествомъ каракуль
 На немъ широкій балахонъ:
 То былъ почтенный нашъ Оракуль.
 Къ Царевнѣ трепетной моей
 Подходить онъ; на темя ей
 Привѣтно руку налагаетъ,
 Глядитъ съ улыбкою въ лицо,
 И ободрительно вѣщаетъ:
 „Прими чудесное кольцо:
 Ты имъ, о дѣва! уничтожишь
 Хитросплетенный узелъ твой;
 Кому на персть его возложишь,
 Съ тѣмъ помѣняешься звѣздой.
 Иди, и мудрость Озирида
 Наставитъ свыше мысль твою.
 Я даромъ симъ, о Зораида,
 Тебѣ за вѣру воздаю.“

Возвращена въ свои чертоги,
Душою полная тревоги,
Царевна думаетъ: „Во снѣ
Все это чудилось мнѣ?
Но нѣтъ, не сновидѣнье это!
Кольцо на палецъ мой надѣто
Почтеннымъ старцемъ: вотъ оно.
Какую-жъ пользу въ немъ найду я?
Онъ говорилъ, его даруя,
Такъ безтолково, такъ темно“.
Опять Царевна унываетъ,
Недоумѣнія полна;
Но вотъ невольница призываетъ
И отыскать повелѣваетъ
Свою соперницу она.

По повелѣнію другому,
Какъ будто къ празднику большому,
Ея чертоги убраны:
Вездѣ легли ковры богаты,
И дорогіе ароматы
Во всѣхъ кадилахъ возжены;
Всѣ водометы пущены;
Блестаютъ рѣдкими цвѣтами
Ряды узорчатыхъ кошницъ,
И полонъ воздухъ голосами
Дальноземельныхъ, чудныхъ птицъ;
Все нѣгой сладостною дышетъ,
Все дивной роскошію пышетъ.
На тронѣ, радостнымъ вѣнцомъ,

Порфирой свѣтлою блистая,
Сидитъ Царевна молодая,
Окружена своимъ дворомъ.
Вотще прилежно наблюдаетъ
Ея глаза смущенный дворъ,
И угадать по нимъ желаетъ,
Что знаменуетъ сей позоръ.
Она въ безмолвіи глубокомъ,
Какъ сномъ объятая, сидитъ
И неподвижнымъ, мутнымъ окомъ
На двери дальнія глядитъ.
Придворные безмолвны тоже.
Дверь отворилась: „Вотъ она!“
Лицомъ блѣднѣе полотна,
Царевна вскрикнула. Кого-же
Узрѣла, скорбная душой,
Въ толпѣ невольницъ предъ собой?
Кого? пастушку молодую,
Собой довольно не дурную,
Но очень смуглую лицомъ,
Глазами бойкую и влую,
Съ нахмуреннымъ, упрямымъ лбомъ.
Царевна смотритъ и мечтаетъ:
„Она-ли мнѣ предпочтена!“
Но вотъ придворныхъ высылаетъ
И остается съ ней одна.

Царевна перваго привѣта
Искала долго, наконецъ
Печально молвила: „Ніета!

Ты видишь: пышенъ мой дворецъ,
 Въ жемчугъ и злато я одѣта,
 На мнѣ порфира и вѣнецъ;
 Я красотою диво свѣта,
 Очарованіе сердець!
 Я всею славою земною
 Надѣлена моей звѣздою:
 Чего желать могла-бы я?
 И что-жь, Ніэта, въ скорби чудной,
 Милѣ мнѣ твой жребій скудной,
 Милѣ мнѣ звѣзда твоя.
 Ніэта, хочешь-ли, съ тобою
 Я помѣняюся звѣздою?^а
 Мудренъ Царевнинъ былъ привѣтъ,
 Но не застѣнчива природно:
 „Какъ вашей милости угодно“,
 Ніэта молвила въ отвѣтъ.
 Тогда на палецъ ей надѣла
 Царевна дивное кольцо.
 Закрѣпить смущенное лицо
 Руками бѣдная хотѣла;
 Но что-же? въ мигъ волшебный сей
 Моя Царевна оживилась
 Душой Ніэтиной, а въ ней
 Душа Царевны очутилась.
 И быстрымъ чудомъ бытіе
 Перемѣнивъ, лицо свое
 Закрѣпила дурочка степная;
 Царевна-же наоборотъ
 Спустила руки на животъ,

Ротъ удивленный разѣвая.
Гдѣ Зораида, гдѣ она?
Осталась тѣнь ея одна.
Когда-жь лицо свое явила
Ніэта, руки опустя,
(О какъ обѣихъ ихъ шута
Одна минута измѣнила!),
Блистало дивной красотой
Лицо пастушки молодой:
Во взорахъ чувство выражалось,
Горѣла нѣжная мечта,
Для слова милаго, казалось,
Сей-часъ откроются уста:
Ніэта та-же, да не та.
Такъ изъ-за тучъ луна выходитъ,
Вдругъ озаряя небеса;
Такъ зелень свѣжую наводитъ
На рощи пыльные роса.

Съ главою поникшею Ніэта,
Съ невольнымъ пламенемъ лица,
Тихонько вышла изъ дворца
И о судьбѣ ея до свѣта
Не доходилъ ужъ слухъ потомъ.
Такъ что-жь? о счастіи прямомъ
Провѣдать людямъ не удобно;
Мы знаемъ, свойственно ему
Любить хранительную тьму,
И, драгоценное, подобно
Въ томъ драгоценному всему.

Гдѣ искрометныя рубины,
 Гдѣ перлы свѣтлыя нашли?
 Въ глубокихъ пропастяхъ земли,
 На темномъ днѣ морской пучины.

А что съ Царевною моею? —
 Она съ плотнѣйшимъ изъ Князей
 Великолѣпно обвѣнчалась.
 Онъ съ нею ладно жилъ, хотя
 Въ иное время не шутя
 Его супруга завиралась,
 И даже подъ сердитый часъ,
 Она, возвыся бойкой гласъ,
 Совсѣмъ ругательски ругалась.
 Онъ не ропталъ на то ничуть,
 Любилъ житье-бытье простое,
 И самъ, гдѣ надо, завернуть
 Не забывалъ словцо лихое.
 По-своему до позднихъ дней
 Душою въ душу жилъ онъ съ ней.

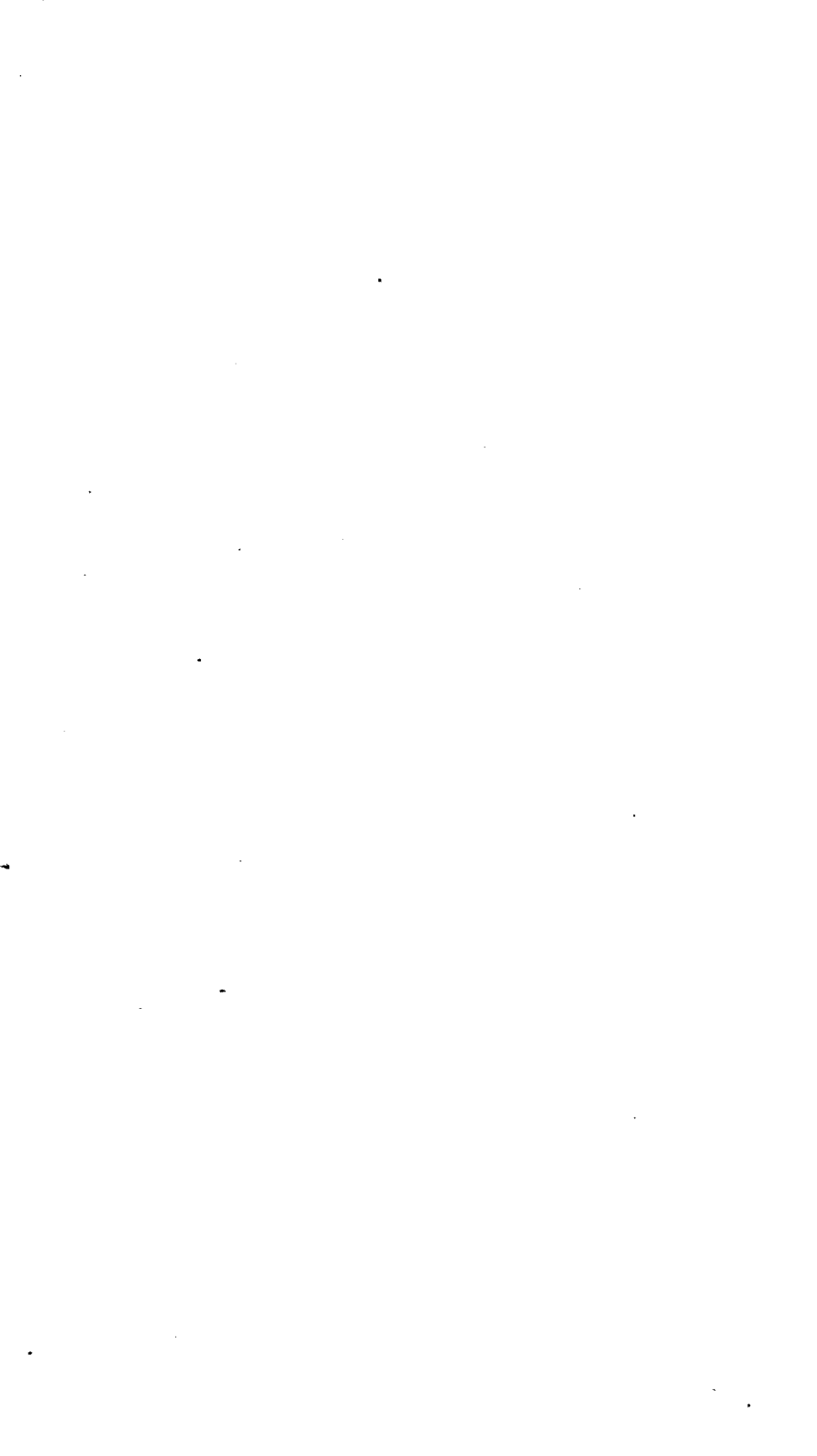
Что я прибавлю, другъ мой нѣжной!
 Жизнь непоудою мятежной,
 Ты знаешь, встрѣтила меня;
 За бѣдствомъ бѣдство подымалось;
 Ввѣвъ надъ главою моею, казалось,
 Не взыдетъ радостнаго дня.
 Порой смирялъ я пѣснопѣньемъ
 Порывъ болѣзненныхъ страстей;
 Но мнѣ тяжелымъ вдохновеньемъ

Была печаль души моей.
Явилась ты, мой другъ безцѣнный,
И прояснилась жизнь моя:
Веселой Музой вдохновенный,
Веселый вздоръ болтаю я.
Прими мой трудъ непринужденный!
Счастливымъ свѣтомъ озаренный
Души, свободной отъ заботъ,
Онъ—твой достатокъ справедливой:
Онъ первый плодъ мечты игривой,
Онъ новой жизни первый плодъ.

ЦЫГАНКА.

ЦЫГАНКА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сочиненіе, представляемое теперь публикѣ, одно изъ тѣхъ, которыя журналисты наши обыкновенно называютъ безнравственными, хотя обвиненіе въ безнравственности довольно странно въ государствѣ, имѣющемъ цензуру, и гдѣ „печатать позволяется“, являющееся на первомъ листѣ книги, уже ручается за безвредность ея содержанія.

Странно также, что г-да журналисты, позволяя себѣ столь неприличныя обвиненія, называя развратными произведеніями: Руслана, Онѣгина, Цыганъ, Нулина, Эду, Балъ, и потому имѣя полное право помѣстить въ тотъ же разрядъ и Наложницу (*), до сихъ поръ не опредѣлили, въ чемъ, по ихъ мнѣнію, состоитъ нравственность или безнравственность литературныхъ произведеній.

Постараемся рѣшить вопросъ равно важный для писателей и для читателей.

Журналисты наши выразили нѣкоторыя положительныя требованія. Воспѣвайте добродѣтели, а не пороки, говорили они; изображайте лица достойныя подражанія; пи-

---

(*) Поема „Цыганка“ была напечатана первоначально подъ заглавіемъ „Наложница“.

шите для назидательной, нравственной цѣли, не замѣчая, что каждое изъ сихъ требованій противорѣчить другому.

Изобразить какую нибудь добродѣтель значить заставить ее дѣйствовать; слѣдственно подвергнуть испытаніямъ, искушеніямъ, т. е. окружить еѣ пороками. Гдѣ нѣтъ борьбы, тамъ нѣтъ и заслуги. Слѣдственно лицо, достойное подражанія, не можетъ выказаться иначе, какъ между лицами ему противоположными.

Что такое нравственная цѣль литературнаго произведенія? Въ чемъ состоитъ она? Есть люди, называющіе нравственными сочиненіями только тѣ, въ которыхъ наказывается пороки и награждается добродѣтель. Мнѣніе это нѣкоторымъ образомъ противно нравственности, истинѣ и религіи. Ежели-бы добродѣтель всегда торжествовала, въ чемъ было бы ея достоинство? Этому не хотѣло Провидѣніе, и здѣшній міръ есть міръ испытаній, гдѣ большею частью добродѣтель страждетъ, а пороки блаженствуютъ. Изъ этого наружнаго безпорядка въ видимомъ мірѣ и еологи и философы выводятъ необходимость другой жизни, необходимость загробныхъ наградъ и наказаній, обѣщаемыхъ намъ Откровеніемъ.

Нравственное сочиненіе не состоитъ-ли въ выводѣ какой нибудь философической мысли, вообще полезной человѣчеству? Но чтобы въ самомъ дѣлѣ быть полезною, мысль должна быть истинною, слѣдственно извлеченною изъ общаго, а не изъ частнаго. Какъ же, изображая только добродѣтель, играющую довольно второстепенную роль въ свѣтѣ, и минуя торжествующій пороки, я достигну этого вывода? Я скажу мысль блестящую, но необходимо-ложную, слѣдственно вредную.

Нѣтъ, скажутъ наши противники, мы не требуемъ, чтобы вы изображали одну добродѣтель; изображайте и по-

рокъ, но первую привлекательною, второй отвратительнымъ.

Мы погрѣшимъ противъ истины: не всѣ пороки имѣють видъ рѣшительно гнусный. По большей части наши добрыи и злыя начала такъ смежны, что нельзя провести раздѣляющей линіи между ними. Въ этомъ случаѣ отмѣнно-истинны шуточные стихи Панара:

- „Trop de froideur est indolence,
- „Trop d'activité turbulence,
- „Trop de vigueur est dureté,
- „Trop de finesse est artifice,
- „Trop d'économie avarice,
- „Trop d'audace témérité,
- „Trop de complaisance est bassesse,
- „Trop de bonté devient faiblesse,
- „Trop de fierté devient hauteur, etc.

Вотъ естественная причина той привлекательности, которую имѣють иные пороки: мы обмануты сходствомъ ихъ со смежными имъ добродѣтелями; но должно замѣтить, что въ самомъ увлеченіи нашемъ мы поклоняемся добродѣтели, а не злему.

Нѣтъ чловѣка совершенно добродѣтельнаго, т. е. чуждаго всякой слабости, ни совершенно порочнаго, т. е. чуждаго всякаго добраго побужденія. Жалѣть объ этомъ нечего: одинъ былъ добродѣтелецъ по необходимости, другой пороченъ по той-же причинѣ; въ одномъ не было-бы заслуги, въ другомъ вины, слѣдственно ни въ томъ, ни въ другомъ ничего нравственнаго.

Характеры смѣшанные, именно тѣ, которые такъ пелюбы г-дамъ журналистамъ, одни естественны, одни нравственны:

ихъ двойственность и составляетъ ихъ нравственность. Одно и то же лицо является намъ попеременно добродѣтельнымъ и порочнымъ, попеременно ужасаетъ насъ и привлекаетъ. Федра, оплакивающая незаконную страсть свою, и Федра ей уступающая, двѣ противоположныя Федры: мы любимъ добродѣтельную, ненавидимъ порочную, и здѣсь мы не можемъ ошибиться, не можемъ принять добродѣтель за порокъ и порокъ за добродѣтель. Дѣйствія не смѣшаны какъ характеры; дѣйствіе добродѣтельное совершенно прекрасно, дѣйствіе порочное совершенно безобразно, и нравственный выводъ, о которомъ такъ хлопочуть г-да журналисты, хлопочуть до того, что ради онаго предлагаютъ намъ удалиться отъ истины, изображая лица неестественныя—этотъ нравственный выводъ внушаетъ намъ, безъ всякихъ постороннихъ соображеній, всякое лицо, вѣрно снятое съ природы.

Но не безнравственно-ли, скажутъ они, то участіе, которое возбуждаетъ въ насъ герой трагедіи, романа, поэмы даже, въ ту минуту, когда онъ уступаетъ преступному побужденію? Не говорить-ли намъ наше сердце, что и мы охотно совершили-бы тоже преступленіе, надѣясь возбудить тоже участіе? Если означенное лицо безъ борьбы уступаетъ искушенію, оно не возбуждаетъ участія, не возбуждаетъ его и тогда, когда мы чувствуемъ, что оно не употребило всего могущества воли своей на побѣду преступной наклонности и позволило побороть себя, а не пало подъ силою обстоятельствъ, превышающихъ нравственную его силу. Побѣжденные Трояне возбуждаютъ наше участіе потому, что они защищались до послѣдней крайности; побѣжденные, они не ниже побѣдителей; расчетливая сдача какой нибудь крѣпости не восхищаетъ насъ подобно падшей Троѣ, и ни-

кто не сравниваетъ ея коменданта съ божественнымъ Гекторомъ.

Должно прибавить, что творенія, развивающія чувствительность, въ то же время просвѣщаютъ совѣсть. Ежели они располагаютъ насъ къ лишнему числу искушеній, они развиваютъ въ насъ лишніе способы противостоятъ имъ.

Разсматривая литературныя произведенія по правиламъ нашихъ журналистовъ, всякую книгу найдемъ мы безнравственною. Что, напримѣръ, хуже Квинта Курція? Онъ изображаетъ привлекательно неистоваго честолюбца, жаднаго битвъ и побѣдъ, стоящихъ такъ дорого роду человѣческому; кровь его не ужасаетъ: чѣмъ болѣе ее прольетъ, тѣмъ онъ будетъ счастливѣе; чѣмъ далѣе простретъ онъ опустошеніе, тѣмъ онъ будетъ славнѣе; и эту книгу будутъ читать юные властители.—Что хуже Гомера? Въ первомъ стихѣ Илиады онъ уже показываетъ безнравственную цѣль свою, намѣреніе воспѣвать пороки:

„Гнѣвъ, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына!“

Раскроемъ даже Ивана Выжигина, твореніе г. Булгарина, писателя, который всѣхъ настоятельнѣе требуетъ нравственной цѣли отъ современныхъ сочиненій. Найденышъ воспитывается въ домѣ Бѣлорусскаго помѣщика, который кормитъ его и одѣваетъ довольно скудно, но и это благодѣяніе для подкидыша. Онъ за это платитъ ему неблагодарностью, помогаетъ какому-то удалцу увезти дочь своего благодѣтеля и самъ за нею слѣдуетъ. Потомъ ведетъ жизнь бродяги, негодяй и порядоченъ, смотря по обстоятельствамъ; получаетъ толчекъ отъ одного офицера, за который не сердится; присвоиваетъ себѣ чужое имя, наконецъ наслѣдуетъ два миліона денегъ, женится по любви и живетъ въ совершенномъ

благополучіи. Что заключите вы изъ подобнаго романа? Какую нравственную мысль вы изъ него извлечете, если даже узнаете, что онъ отъменно хорошо раскупился? Ничто не придетъ вамъ на умъ кромѣ старой русской пословицы: не родись ни хорошъ, ни уменъ, а родись счастливъ; но что въ ней назидательнаго?

Читатель видитъ, что подобнымъ образомъ можно неопровержимо доказать вредное вліяніе всякаго сочиненія и, изъ слѣдствія въ слѣдствіе, заключить съ логическою основательностью, что въ благоустроенномъ государствѣ должно запретить литературу.

Въ такомъ случаѣ должно запретить и человѣка. Но природа одарила его разумомъ не для невѣжества, одарила словомъ не для молчанія. Какой незваный критикъ рѣшится воспретить ему дозволенное Провидѣніемъ и тѣмъ явно противорѣчить Его цѣли? Запретить человѣку пользоваться своимъ разумомъ, значить унижить его до животныхъ, его лишенныхъ.

Сами г-да журналисты вѣроятно на это не согласятся: ихъ постигла-бы общая участь человѣчества.

Чѣмъ согласиться критику на уничтоженіе литературы, слѣдственно на уничтоженіе человѣка, не благоразумнѣе-ли взглянуть на нее съ другой точки зрѣнія: не требовать отъ нея положительныхъ нравственныхъ поученій, видѣть въ ней науку, подобную другимъ наукамъ, искать въ ней свѣдѣній, а ничего инаго? Знаю, что можно искать въ ней и прекраснаго, но прекрасное не для всѣхъ; оно непонятно даже людямъ умнымъ, но не одареннымъ особою чувствительностью: не всякій можетъ читать съ чувствомъ, каждый съ любопытствомъ. Читайте - же романъ, трагедію, поэму, какъ вы читаете путешествіе. Странство-

ватель описываетъ вамъ и веселый югъ и суровый сѣверъ, и горы, покрытыя вѣчными льдами, и смѣющіяся долины, и рѣки прозрачныя, и болота поросшія тиною, и цѣлебныя и ядовитыя растенія. Романисты, поэты изображаютъ добродѣтели и пороки, ими замѣченные, злыя и добрыя побужденія, управляющія человѣческими дѣйствіями. Ищите въ нихъ того-же, чего въ путешественникахъ, въ географахъ: извѣстій о любопытныхъ вамъ предметахъ; требуйте отъ нихъ того-же, чего отъ ученыхъ: истины показаній.

Читайте землеописателей и, не выходя изъ вашего дома, вы будете имѣть понятіе объ отдаленныхъ, разнообразныхъ краяхъ, которыхъ, можетъ быть, вамъ не случится увидѣть собственными глазами. Читайте романистовъ, поэтовъ, и вы узнаете страсти, вами или не вполне, или совсѣмъ не испытанныя, нравы, выраженіе которыхъ, можетъ быть, вы бы сами не замѣтили; узнаете положенія, въ которыхъ вы не находились; обогатитесь мыслями, впечатлѣніями, которыхъ вы безъ того-бы не имѣли, приобщите къ опытамъ вашимъ опыты всѣхъ прочтенныхъ вами писателей и бытіемъ ихъ пополните ваше.

Ежели показанія ихъ вѣрны, впечатлѣніе вами полученное будетъ непремѣнно нравственно: ибо зрѣлище дѣйствительной жизни, развитіе прекрасныхъ и безобразныхъ страстей, дозволенное въ ней Провидѣніемъ, конечно не развратительно, и міръ дѣйствительный никого еще не заставилъ воскликнуть: какъ прекрасенъ порокъ! какъ отвратительна добродѣтель!

Изъ этого слѣдуетъ, что нравственная критика литературнаго произведенія ограничивается простымъ изслѣдованіемъ: справедливы или несправедливы его показанія?

Критика можетъ жаловаться также на неполноту ихъ, ибо самое полное описаніе предмета есть въ то же время и самое вѣрное. Можно сказать недостаточную правду. Есть истины относительныя, которыхъ отдѣльное выраженіе внушаетъ ложное понятіе.

Иностранныя литературы имѣютъ книги, по счастью, неизвѣстныя въ нашей: это подробныя откровенія всѣхъ своихъ чувственности, подробныя хроники развращенія. Не смотря на то, что всѣ ихъ показанія справедливы, книги сіи конечно развратительны, но это потому, что ихъ показанія не полны. Въ дѣйствительной жизни, за часами развратнаго упоенія слѣдуютъ часы тяжелой усталости; какое отращеніе возбуждаютъ тогда въ развратникѣ воспоминанія нечистыхъ его наслажденій! Выразите также полно чувство послѣдующее, какъ полно выразили предъидущее, и картина ваша не будетъ безнравственною: одно впечатлѣніе уравновѣситъ другое. Ежели вы изобразили первые шаги разврата, изобразите и послѣдніе. Описавъ любовнаго страстіе, злоупотребляющее силами юности, опишите и слѣдствія злоупотребленія. Представьте намъ раннюю, болѣзненную старость сластолюбца, раннюю неспособность его не только къ тѣмъ наслажденіямъ, которыхъ несетъ онъ наказаніе, но и къ обыкновеннымъ, дозволеннымъ, ранній упадокъ умственныхъ его способностей. Что будетъ поучительнѣе изображенія преждевременно посѣдѣвшаго разврата, въ страданіяхъ благопріобрѣтеннаго недуга, смѣшащаго не природнымъ, но заслуженнымъ тупоуміемъ? И въ этомъ изображеніи не будетъ ничего насильственнаго. Невоздержность тѣлесная пріемлетъ мзду свою еще въ здѣшней жизни; временное тѣло обрѣтаетъ ее во времени, между тѣмъ какъ неумиращій духъ находитъ ее только въ вѣчности.

Съ твореніями, о которыхъ мы говорили, не должно смѣшивать эротическія стихотворенія, вакхическія и застольныя пѣсни. Не упоминая уже о томъ, что изъ похвалъ красотъ не слѣдуетъ позволительности разврата, въ эротической поэзіи чувственность обыкновенно уравнивается чувствомъ, и большая разница: живописать красоту, обладаніе которой можетъ быть безпорядочнымъ, и живописать своенравія разврата, которыя нельзя удовлетворить безъ преступленія. Славить вино и обѣды не значить проповѣдывать пьянство и обжорство. Каждый это разумѣетъ. Державинъ, воспѣвавшій иногда красоту и пиршества, Дмитриевъ, говорящій иногда о винѣ и поцѣлуяхъ, Богдановичъ, который

«Киприду иногда являлъ безъ покрывала»;

Батюшковъ, Пушкинъ, написавшіе нѣсколько эротическихъ элегій и вакхическихъ пѣсней, конечно не безнравственные писатели. Не говоря уже о томъ, что сіи писатели не ограничивались выраженіемъ одного чувства; что подражатель Анакреона въ тоже время пѣвецъ Фелицы, пѣвецъ Бога; что авторъ стихотворенія: Счетъ поцѣлуевъ въ тоже время творецъ Ермака и переложитель высокихъ пѣсней Давида; что Дупенька изобилуетъ не однѣми сладострастными картинами; что между шаловливыми стихотвореніями Батюшкова есть и унылыя, есть и высокія; что авторъ Руслана въ тоже время авторъ Годунова; и что никто не принуждаетъ читателя въ цѣлой книгѣ стихотвореній твердить одно для него соблазнительное, когда, перевернувъ страницу, онъ найдетъ другое, впечатлѣніе котораго исправить впечатлѣніе перваго: вообще несправедливо быть строже къ писателю, нежели къ человѣку; и если дѣйствіе не вредитъ

добрѣй славѣ одного, еще менѣе его описаніе можетъ вредить доброй славѣ другаго.

Тѣмъ менѣе, что выборъ предмета не столько зависитъ отъ самого писателя, сколько отъ свойства его дарованій; что упрекать въ развратѣ эротическаго поэта также несправедливо, какъ упрекать въ жестокости поэта трагическаго. Неужели вы думаете, что Анакреонъ не желалъ быть Гомеромъ, Проперцій — Виргиліемъ, Шолье — Расиномъ и т. д.? Чѣмъ обширнѣе гевій писателя, тѣмъ онъ полнѣе и разнообразнѣе въ своихъ твореніяхъ, тѣмъ онъ вѣрнѣе отражаетъ дѣйствительность и тѣмъ онъ нравственнѣе. Но только Гомеры, Шекспиры являютъ намъ полный міръ въ своихъ твореніяхъ. Дарованія одностороннія обрекаютъ другихъ на изображеніе частныхъ. Произведеніе одного имѣетъ нужду быть поясненнымъ, пополненнымъ произведеніемъ другаго, и писатели сего рода только въ своей совокупности доставляютъ намъ то нравственное впечатлѣніе, которое производитъ одинъ многообразный писатель.

Или не читайте, или читайте всё: иначе вы будете всегда въ заблужденіи. Читать одного автора съ частнымъ дарованіемъ все равно что читать одну страницу въ писателѣ многообъемлющемъ. Раскройте Шекспира на монологъ злодѣя, искусными софизмами ободряющаго себя къ преступленію, остановитесь на немъ — и Шекспиръ будетъ для васъ проповѣдникомъ злодѣянія; но прочтите все твореніе, прочтите всего Шекспира, и самая эта страница будетъ наставительна: такъ и книга односторонняя занимаетъ не лишнее мѣсто въ бібліотекѣ.

Журналисты наши говорятъ часто о юныхъ читателяхъ и юныхъ читательницахъ, которымъ можетъ быть вредно та-

кое-то и такое-то произведеніе. Кто съ этимъ спорить? Но нянька не позволяетъ ребенку играть ножомъ. Благоразумные наставники не даютъ воспитанникамъ книги, несообразной съ ихъ лѣтами. Когда-жъ мы уже вышли изъ-подъ надзора, вступили въ свѣтъ, и можемъ все видѣть и все слышать, мы можемъ и всё читать, и какъ не мѣръ, а мы сами виновны, когда злоупотребляемъ жизнію, такъ не писатели, а мы сами виновны, когда злоупотребляемъ чтеніемъ.

До сихъ поръ мы говорили о книгахъ, преимущественно посвященныхъ изображенію лицъ и нравовъ, выраженію страстей чувствъ и впечатлѣній, но не говорили о книгахъ, писанныхъ съ положительною нравственною цѣлью.

Книги сего рода подлежатъ тому-же изслѣдованію, что и первыя. Мнѣніе тогда только полезно и нравственно, когда оно справедливо, но всякій чувствуетъ (не говоря уже о вредѣ, наносимомъ совершенно-ложнымъ нравственнымъ понятіемъ, и который нельзя сравнить со вредомъ, причиняемымъ невѣрнымъ изображеніемъ характера, страсти или картины), всякій чувствуетъ, что въ подобныхъ книгахъ развитіе односторонней истины можетъ имѣть особенно пагубное вліяніе. Сколько преступленій, сколько бѣдствій народныхъ произошло отъ превратныхъ нравственныхъ мнѣній, отъ частныхъ истинъ, принятыхъ за общія! Не буду исчислять ихъ. Скажу только, что мало истинъ не относительныхъ; слѣдственно мало книгъ, писанныхъ съ нравственною цѣлью, т. е. посвященныхъ выраженію одной избранной мысли, которыхъ исключительное чтеніе не было-бы вредно и вліяніе которыхъ не было-бы нужно уравнивать чтеніемъ другихъ, имъ противорѣчащихъ.

Заклучимъ, и надѣмся, такъ заклучить съ нами и читатель, что въ книгѣ безнравственна только ложь, вредна только односторонность; но ни лжи, ни односторонности не существуетъ тамъ, гдѣ литература дѣятельна, гдѣ ложное показаніе тотчасъ рождаетъ улику, гдѣ рѣшеніе нравственнаго вопроса тотчасъ вызываетъ изслѣдованія и противорѣчія, гдѣ публика не осуждена на чтеніе одной указанной книги.

Просимъ читателя судить о нравственномъ достоинствѣ Наложницы по правиламъ, нами изложеннымъ, а не по правиламъ, исповѣдуемымъ г-дами журналистами, по нашему мнѣнію довольно необдуманномъ.

ЦЫГАНКА.

Передѣланная въ 1842 году (*).

Глава I.

Прощай, Елецкой: ты не весель,
И разсвѣтаетъ ужь давно;
Пошло мнѣ въ прокъ твое вино:
Ухъ! я встаю насилу съ кресель!
Не правда-ль, братцы, по домамъ!
—Нѣтъ! пусть пошлетъ прежде намъ
Его Цыганка, Ангель-Сара,
Ну что? потѣшить насъ нельзя-ль?
Ступай, я сяду за рояль.
—Могу сказать, васъ будетъ пара:
Ты охмѣленъ, и въ сонъ она
Уже давно погружена!
Прощайте, господа....

Гуляки

Встаютъ, шатаясь на ногахъ;
Берутъ на стульяхъ, на столахъ,

(*) Въ изд. 1835 г. поэма эта посвящена Алексію Андреевичу Елагину.

Свои разбросанные фраки,
 Свои мундиры, сюртуки;
 Но, доброй волѣ вопреки,
 Не споры сборы. Шляпу на лобъ
 Надвинувъ, держитъ предъ собой
 Стаканъ недопитый иной
 И разсуждаетъ: Надлежало-бъ...
 Умомъ и тѣломъ недвижимъ,
 Онъ долго простоятъ надъ нимъ.
 Другой предъ зеркаломъ на шею
 Свой галстукъ вяжетъ, но рука
 Его тяжка и не ловка:
 Все какъ-то врозь идутъ подъ нею
 Концы проклятаго платка.
 Къ свѣчѣ приставя трубку задомъ,
 Ждетъ третій пасмурный чудакъ,
 Когда закурится табакъ.
 Лихія шутки сыплютъ градомъ.
 Но полно: вонъ валитъ кабакъ.
 „Прощай, Елецкой, до свиданья!“
 — Прощайте, братцы, добрый путь!
 И, сокращая провожанья,
 Дверь поспѣшаетъ онъ замкнуть.

Одинъ оставшися, Елецкій
 Брюзгливымъ окомъ обзрѣлъ
 Покой, гдѣ праздникъ молодецкій
 Порой недавнею гремѣлъ.
 Онъ чувство возбуждалъ двойное:
 Великолѣпье отжилое,

Штофъ полинялый на стѣнахъ;
Межъ оконъ зеркала большія,
Но всё и въ пятнахъ и въ лучахъ;
Въ пыли завѣсы дорогія,
Давно не чищенный паркетъ;
Къ тому-же буйнаго разгуля
Всегдашній, безобразный слѣдъ:
Тутъ опрокинутыя стулья,
Вездѣ табачная зола,
Ставаны среди стола
Съ остатками задорной влаги;
Тарелки жирныя кругомъ;
И вотъ, на выпускѣ печномъ,
Строй догорѣвшихъ до бумаги
И въ блескѣ утреннихъ лучей
Уже блѣднѣющихъ свѣчей.

Отрывъ разсѣянной рукою
Окно, Елецкой взоръ тупой,
Взоръ отуманенный мечтой
Уставилъ прямо предъ собою.
Предъ нимъ, свѣтло озарена
Наставшимъ утромъ, ото сна
Москва торжественно вставала.
Подъ раннею лазурной мглой,
Блестящей влагой блескъ дневной
Рѣка мѣстами отражала;
Аркада длиннаго моста
Блѣбла ярко. Чуденъ, пышенъ,
Московскихъ зданій красота,

Надъ всѣми зданьями возвышень,
Огнемъ востока Кремль алѣлъ.
Зажгли лучи его живые
Соборовъ главы золотыя;
Межъ ними царственно горѣлъ
Иванъ Великій. Садъ красивой,
Кругомъ твердыни горделивой
Віся, живо зеленѣлъ.
Но онъ на пышную столицу
Глядѣлъ съ душевною враждой.
За что? О томъ въ главѣ другой
Найдутъ особую страницу.
Онъ былъ воскормленъ сей Москвой.
Минувшихъ дней воспоминанья
И дней грядущихъ упованья—
Все заключалъ онъ въ ней одной;
Но странной доли несъ онъ бремя,
И былъ ей чуждымъ въ то же время,
И чуждымъ больше, чѣмъ другой.

Глава II.

Отца и матери Елецкой
Лишился въ годы тѣ, когда
Обыкновенно жизни свѣтской
Намъ наступаетъ чередъ.
И свѣтъ узналъ онъ, и сначала
Являлся въ вечеръ на три бала;
Съ визитной карточкой порой
Летѣлъ на выѣздъ городской.
Согласно съ общимъ заведеньемъ,
Онъ въ праздникъ Пасхи, въ Новый годъ,
Къ дядямъ и въ теткамъ съ поздравленьемъ
Скакалъ съ прихода на приходъ.

Живѣ жизнью насладиться
Алкалъ безумецъ молодой
И началъ съ первыхъ дней томиться
Предѣловъ свѣтскихъ тѣснотой.
Ему въ гостинныхъ стало душно:
То было глупо, это скучно.
Изъ нихъ Елецкой мой исчезъ,
И на желанномъ имъ просторѣ
Житьемъ онъ новымъ зажилъ вскорѣ
Между буйновъ и повѣсь.

Развратныхъ, своевольныхъ правилъ
 Несчастный кодексъ онъ составилъ;
 Всегда ссылалось на него
 Его блажное болтовство.
 Имъ проповѣдуемыхъ мнѣній,
 Иль половины ихъ большой,
 Навѣрно чуждъ онъ былъ душой,
 Причастной лучшихъ вдохновеній;
 Но мысли буйствомъ увлеченъ,
 Вдвойнѣ молву озлобилъ онъ.

Съ Москвою и Русью онъ разстался,
 Края чужіе посѣтилъ;
 Тамъ промотался, проигрался,
 И въ путь обратный поспѣшилъ.
 Своимъ Пенатамъ возвращенный,
 Всему рѣшительнымъ вѣнцомъ,
 Цыганку взялъ къ себѣ онъ въ домъ,
 И, общимъ мнѣньемъ пораженный,
 Самъ рушилъ онъ, надъ нимъ смѣясь,
 Со свѣтомъ остальную связь.

Тутъ нашей повѣсти начало.
 Недѣля Свѣтлая была
 И подъ Новинское звала
 Гражданъ Московскихъ. Все бѣжало,
 Все торопилось: старъ и младъ,
 Жильцы лачугъ, жильцы палатъ,
 Живою смѣшанной толпою,
 Туда, гдѣ, словно самъ собою,

На краткій срокъ, въ единый мигъ,
Блестая пестрыми дворцами,
Шумя цвѣтными флюгерами,
Средь града новый градъ возникъ—
Столица легкая бездѣля
И безчиновнаго веселья,
Досуга русскаго кумирь!
Тамъ цѣлый день разгульный пиръ;
Тамъ раздаются звуки трубны,
Звенять, гремѣть литавры, бубны;
Паясы съ зыбкихъ галлерей
Зовутъ, манятъ къ себѣ гостей.
Тамъ клеперъ знаетъ чѣтъ и нѣчетъ;
Ножи проворные вѣнцомъ
Кругомъ себя Индѣецъ мечетъ
И бисеръ нижетъ языкомъ.
Гордѣсь лихими сѣдоками,
Тамъ одноколки, застучавъ,
Съ потѣшныхъ горъ летятъ стремглавъ.
Своими длинными шестами
Качели крашенныя тамъ
Людей уносятъ къ небесамъ.
Волшебный праздникъ довершая,
Межъ тѣмъ, съ веселымъ торжествомъ,
Кареть блестящихъ цѣпь тройная
Катится медленно кругомъ.

Межъ балагановъ оживленныхъ,
Ежеминутно осажденныхъ
Нетерпѣливою толпой,

Давно бродилъ Елецкой мой.
Окинувъ взорами собранье,
Въ одномъ остановилъ вниманье
Онъ на дѣвицѣ молодой.
Своими чистыми очами,
Своими дѣтскими устами,
Своей спокойной красотой,
Одушевленной выраженьемъ
Сей драгоцѣнной тишины,
Она сходна была съ видѣньемъ
Его разборчивой весны.
Давно онъ зналъ ее заочно.
Съ его глазами ненарочно
Глазами встрѣтилась она;
Ихъ выраженьемъ смущена,
Покрылась краскою живою
И отвела тихонько взоръ.
Охваченъ бѣдственной межою,
Не зрѣлъ Елецкой съ давнихъ поръ
Румянца этого святаго.
Упадшій духъ подъемля въ немъ,
Онъ былъ для путника ночнаго
Денницы розовымъ лучемъ.
Онъ къ милой думой умиленной
Летить. Межъ тѣмъ она встаетъ;
Дѣвицѣ руку подаетъ
Ея сосѣдъ, старикъ почтенной;
Изъ балагана идутъ вонъ—
И ихъ въ толпѣ теряетъ онъ.

Узнать, душою не въ покоѣ,
Онъ жаждетъ имя дорогое!
И незнакомка названа.
Гражданка сферы той она,
Того злопамятнаго свѣта,
Съ кѣмъ въ опрометчивыя лѣта,
Въ избыткѣ гордомъ юныхъ силъ,
Самъ въ бой неровный онъ вступилъ.
Смягчить-ли идолъ оскорбленной
Онъ жертвой позднею своей?
Противъ него предубѣжденной,
Предстать осмѣлится-ли ей?
И всѣхъ преградъ онъ самъ виною!
Межъ тѣмъ въ борьбѣ его съ молвою
Прошло, промчалось много дней.
Елецкой мыслилъ промежуткомъ;
Полнѣй другихъ созрѣлъ разсудкомъ
Онъ въ самомъ опытѣ страстей,
И наконецъ среди пороковъ,
Кипѣвшихъ роемъ вокругъ него,
И ядовитыхъ ихъ уроковъ,
И омраченья своего,
Въ душѣ сберегъ онъ чувства пламя.
Елецкой битву проигралъ,
Но побѣжденный спасъ онъ знамя
И предъ самимъ собой не палъ.

Глава III.

Незамѣчаемъ и невѣдомъ,
 За милою бродилъ онъ слѣдомъ;
 Въ тѣни задумчивыхъ дубровъ
 Прекрасныхъ Прѣсенскихъ прудовъ,
 Въ аллеяхъ стриженныхъ бульвара,
 Между красавицъ городскихъ
 Искаль онъ дѣвы думъ своихъ.
 Не для блистательнаго дара
 Актеровъ нашихъ, посѣщаль
 Онъ душный театральнй залъ:
 Елецкой, сцену забывая,
 Съ той ложи не сводилъ очей,
 Въ которой Вѣра молодая
 Сидѣла, изрѣдка встрѣчая
 Взоръ остановленный на ней.
 Вкусивъ неполное свиданье,
 Елецкой приходилъ домой,
 Исполненъ мукою двойной;
 Но, полюбивъ свое страданье,
 Такой-же встрѣчи съ новымъ днемъ
 Искаль въ безуміи своемъ.

Однажды... Погасаль, свѣжѣя,
 Юльскій день. Бульваръ Тверской

Дремалъ подѣ нисходящей мглой;
Пустѣла длинная аллея;
Царица тишины и сна,
Высоко поднялась луна.
Но со знакомыми своими
Еще, въ болтливомъ забытьѣ,
Сидѣла Вѣра на скамьѣ.
Въ сосѣдствѣ, не замѣченъ ими,
За липой темной и густой,
Стоялъ влюбленный нашъ герой.
Перчатку Вѣра уронила.
Поспѣшно поднялъ онъ еѣ
И подалъ ей. Лицо свое
Къ нему съ испугомъ обратила
Младая дѣва. Разговоръ
Прервавъ, на немъ остановила
Встревоженный, но долгій взоръ.
Судьбу, душой своей довольной,
Онъ и за то благодарилъ.
Елецкой Вѣру поразилъ
Своей услугой своевольной,
И хотъ на часъ ея мечта
Имъ вѣрно будетъ занята.

Что-жъ! и сомнительное счастье
Мгновенныхъ, бѣдныхъ этихъ встрѣчъ
Ему осеннее ненастье
Не позамедлило пресѣчь.
Покрылось небо облаками;
Дождь безконечный ливня лиль;

И вотъ морозъ его смѣнилъ.
 Застыли воды, снѣгъ клоками
 На мостовую повалилъ:
 Пришла зима. Свистя крутится
 Мятель на Прѣсенскихъ прудахъ;
 На обнаженныхъ деревьяхъ
 Бульвара иней серебрится.
 Тамъ, гдѣ недавнею порой
 Гуляли граціи толпой,
 Какой нибудь жандармъ усатый,
 Шагая, шпорами стучить;
 Съ метлой стоитъ мужикъ брадатый,
 Иль школьникъ съ сумкою бѣжить.
 Для баловъ, вечеровъ при этомъ
 Театръ оставленъ моднымъ свѣтомъ.
 Елецкой мраченъ и сердитъ.....

Но вотъ въ извѣстномъ маскарадѣ
 Должна быть Вѣра. Ожилъ опъ
 И въ полнадеждѣ, въ полдосадѣ
 Лелѣетъ дѣятельный сонъ.

Живая музыка играетъ;
 Кадрилы вьются ей подъ ладъ,
 Кишитъ, пестрѣетъ маскарадъ.
 Въ его затѣю не вступаетъ
 И къ стати большинство гостей:
 Въ тѣни ихъ онъ еще виднѣй.
 Призраки всѣхъ вѣковъ и націй,
 Гуляютъ Феи, Визирь,
 Полишинели, дикари,

Ихъ мучить бѣсъ мистификацій;
 Но не выходитъ хитрыхъ фразъ:
 „Я знаю васъ! я знаю васъ!“
 Ни у кого для продолженья
 Не достаетъ воображенья.
 Признаться надобно: не намъ,
 Сугробовъ сѣверныхъ сынамъ,
 Припоровляться къ дѣтямъ Юга!
 Мятелей духъ не создалъ насъ
 Для ихъ блистательныхъ проказъ.
 Къ чему неловкая натуга?
 Мы сохраняемъ холодъ свой
 Въ приемахъ живости чужой.

Елецкой изъ ряду выходитъ
 И Вѣру чуть съ ума не сводить.
 Успѣлъ развѣдать онъ о ней
 Довольно этихъ мелочей,
 Въ которыхъ тайны роковыя
 Дѣвицы видятъ молодыя.
 Въ словахъ запутанныхъ своихъ
 Онъ намекаетъ ей о нихъ;
 И удивленья, и смущенья
 Полна, горитъ она лицомъ,
 И вотъ выходитъ изъ терпѣнья.
 „Я какъ обманутая сномъ!
 Скажите, ради Бога, кто вы?“

Елецкой.

Вы любопытны какъ дитя.
 И такъ со мною не шутя

Вы познакомиться готовы?
 Нежданнымъ именемъ моимъ
 Я испугаю васъ.

ВЪРА.

Какъ скучно!

Все шутки.

Елецкой.

Я не склоненъ къ нимъ,
 И остерегъ васъ добродушно:
 Я духъ... и нѣтъ глуши, жилья,
 Гдѣ-бъ я незримый не былъ съ вами.
 Все чуткимъ ухомъ слышу я,
 Все вижу зоркими очами.
 Не бойтесь! слушаю, гляжу
 Я съ полной преданностью дружбы;
 Неожидаемыя службы
 Я вамъ догадливо служу:
 Однажды передъ ваши очи
 Я въ видѣ смертнаго предсталъ;
 Въ ту пору сумракъ лѣтней ночи
 Мнѣ образъ видимый давалъ...
 Вы узнаете?

ВЪРА

Ваши сказки

Вы продолжите до утра.
 Смотрите: всѣ снимаютъ маски,
 Снимите-же свою, пора!

Елецкой.

Не мнѣ. Оставьте убѣжденья:

Я не исполню вашъ приказъ.
Лицо открылъ-бы я для васъ
Безъ выраженья, безъ значенья.
Нѣтъ, нѣтъ; я вспомню веселѣй
Сей разговоръ непринужденный,
Почти нежданно-уловленный
Счастливей маскою моею,
Чѣмъ взоръ холоднаго смущенья,
Который на лицо мое
Вперите вы, когда ее
Сниму я вамъ изъ угожденья.
Нѣтъ, я-бъ не могъ его снести!
Прощайте; я не здѣшній житель;
Въ мою безвѣстную обитель
Я долженъ во-время сойти.

Елецкой тихо удалился;
Ужъ былъ у выхода, и залъ
Совсѣмъ, казалось, покидалъ,
Но у дверей остановился:
Взглянуть онъ разъ еще желалъ
На Вѣру... Тихій взоръ онъ встрѣтилъ,
Мольбу нѣмую въ немъ замѣтилъ,
Укоръ въ немъ дружескій постигъ,
И скинулъ маску. Въ этотъ мигъ
Предъ нимъ лицо другое стало,
Очами гнѣвными сверкало,
И дико поднятой рукой
Грозило Вѣрѣ, и пропало
Съ Елецкимъ вмѣстѣ за толпой.

Глава IV.

Едва веселыми лучами
День новый окна озлатилъ,
Елецкой скорыми шагами
Уже по комнатѣ ходилъ.
Порой, въ забвеніи глубокомъ
Остановясь, прилежнымъ окомъ
Во что-то всматривался онъ.
Во взорахъ счастье выражалось;
Передъ душой его, казалось,
Леталъ веселый, свѣтлый сонъ.
Черезъ мгновенье пробужденный,
Онъ тѣмъ-же чувствомъ озаренный,
Свою прогулку продолжалъ,
И скоро снова прерывалъ.
Въ покоѣ томъ-же, занимая
Диванъ, Цыганка молодая
Сидѣла, блѣдная лицомъ.
Усталость выражали очи:
Казалось, въ продолженъе ночи
Ихъ Сара не смыкала сномъ.
Она порывисто чесала
Густые, черные власы
И ихъ на темные красы

Нагихъ плечей своихъ метала.
 Она склонялась головой,
 Но на Елецкаго порой
 Взоръ изъ-подлобья подымала.
 Какую злобой онъ дышалъ!
 Другой мечты душою полонъ,
 Подруги онъ не замѣчалъ;
 Къ ней напоследокъ подошелъ онъ:
 „Что это смотришь ты совой?“
 Сказалъ онъ: „Сара, что съ тобой?
 Да молви слово!“

САРА.

Ахъ, мой Боже!
 Ты ждешь отвѣта моего.
 Вотъ онъ: я знаю отчего
 Ты такъ доволенъ!

Елецкой.

Отъ чего-же?

САРА.

Меня ты думалъ обмануть,
 Когда вчера, кривя душою,
 Ты мнѣ съ заботою такою
 Скорѣй совѣтовалъ заснуть!
 „Устала, Сара? дремлешь Сара?
 Лягъ, Сара, спать!“ И я легла,
 Да ужъ нарочно не спала! --
 Давно грозить мнѣ эта кара!
 Давно я брошена тобой!
 Ты сутки цѣлые порой

Двухъ словъ со мной не произносишь,
Любимыхъ пѣсенъ пѣть не просишь!

Да и по комъ твоя душа
Ужъ такъ смертельно заболѣла?
Ее вчера я разглядѣла:
Совсѣмъ, совсѣмъ не хороша!

Елецкой.

Такъ вотъ въ чемъ дѣло!

Сара.

Сара знаетъ,

Какая ждетъ ея судьба
За то, что служить, угождаетъ
Тебѣ по волѣ какъ раба:
Со знатной барышней своею
Ты обвѣнчаешься, а съ нею
Простишься, и ее на дворъ
Метлою выметутъ какъ соръ.

Елецкой.

Ты совершенно сумасбродишь!
Какія странныя мечты!
По пустыкамъ горюешь ты
И на меня тоску наводишь.

Сара.

А кто, бывало, говорилъ,
Ко мнѣ ласкаясь то и дѣло:
„Тебя, я Сара, полюбилъ.
Жить одному мнѣ надоѣло,

Будь мнѣ подругою! со мной
 Живи подъ кровлею одной!
 Я правомъ весель; живо, шумно,
 Въ пирахъ и пѣсняхъ завсегда,
 Мы будемъ проводить года“.
 Я согласилася безумно.—
 Что-жъ вышло?

Елецкой.

Изъ моихъ рѣчей

Тобой забыта половина.
 Я говорилъ: твоя судьбина
 Не будетъ скована съ моей!
 Покуда любо жить со мною,
 Живи! наскучило,—прощай,
 Былую радость поминай!
 Съ твоей свободой той порою
 Я выговаривалъ мою.
 Но я тебя не узнаю!
 И сердце будущимъ тревожа,
 Ты на Цыганку не похожа.
 Вашъ родъ безпечень

Сара.

Проклять онъ!

Онъ чловѣчества лишонъ!
 Намъ чужды всѣ края мірскіе!
 Мы на обиды рождены!
 Забавить прихоти чужія
 Для пропитанья мы должны.
 Я о себѣ молчу: Цыганка

Вамъ не подруга, а служанка!
Она пляши и распѣвай,
А сердцу воли не давай.

Елецкой.

Оставь пустыя опасенья:
Не разлучимся мы съ тобой.
Хотя другаго поколѣнья,
Родня я вашему судьбой.
И я, какъ вы, отвержень свѣтомъ,
И мнѣ враждебенъ сердца гласъ...
Не распадется, вѣрь мнѣ, въ этомъ,
Цѣпь сопрягающая насть.

Когда съ Цыганкой молодою
Судьба Елецкаго свела,
Своей разгульною душою
Она мила ему была.
„Я горя знать не буду съ нею.
Какихъ тяжелыхъ, черныхъ думъ,
Мнѣ иногда гнетущихъ умъ,
Свободной рѣзвостью своею
Не удалить она сейчасъ?
Кому при блескѣ этихъ глазъ
Приснятся мрачныя печали?“
Такъ думалъ онъ; но дни мелькали;
Къ ея душѣ своей душой
На продолжительное время
Не могъ пристать Елецкой мой.
Ему потомъ ужъ стали въ бремя
Затѣи дѣвы удалой.

Не принимая въ нихъ участя,
Ужъ онъ желалъ другаго счастья:
Души, съ которой могъ-бы онъ
Дѣлиться всей своей душою.
Надеждой темной увлеченъ,
Онъ Сарѣ пробовалъ порою
Передавать свои мечты;
Но образованнаго чувства
Языкъ для дикой красоты
Былъ полонъ странной темноты.
Она, не вѣдая искусства,
Подъ рѣчи друга своего
Безъ всякой совѣсти зѣвала,
Иль въ сѣромъ времени его
Сторонней шуткой прерывала;
Но смутно трогалась, и ей
Невразумительныхъ рѣчей
Цыганка голосъ понимала.
Подругѣ вѣтренной своей
Онъ ежедневно былъ милѣй;
Но къ ней хладѣлъ по той-же мѣрѣ.
Когда, любовью вспыхнувъ къ Вѣрѣ,
Онъ нравомъ сталъ еще мрачнѣй,
Она развлечь его хотѣла,
Она родныя пѣсни пѣла,
Она по стульямъ, по столамъ
Съ живыми вликами скакала;
Она при немъ по пустякамъ
Какъ можно громче хохотала;
Но завсегда ее смущалъ

Въ то время взоръ его брюзгливый:
Предъ нимъ порывъ ея игривый
Въ одно мгновенье упадалъ.
Она сердилась и роптала,
И грусть давила сердце ей,
И тщетно Сара призывала
Покой и радость прежнихъ дней.

Глава V.

Какъ часто въ серединѣ бала,
Когда ужъ музыка играла
Иль попури иль котильонъ,
И Вѣра, со своимъ танцоромъ
Наскуча пошлымъ разговоромъ,
Погружена въ сторонній сонъ,
Глазами молча провожала
Среди блистательнаго зала
Предъ нею вьющіяся четы,—
Елецкой рѣчию своею,
Нежданно слышимой за нею,
Вдругъ прерывалъ ея мечты.
Довольно холодно сначала
Съ нимъ въ разговоръ она вступала;
Но оживлялася потомъ,
И ободренъ ея вниманьемъ,
Онъ былъ заманчивымъ свиданьемъ
Къ свиданью новому влекомъ.

Однажды онъ за стуломъ Вѣры
Средь вихря бальнаго сидѣлъ.
Въ своихъ рѣчахъ ужъ не умѣлъ

Онъ соблюдать холодной мѣры;
 Она исчезнула. Лишёнъ
 Надъ пылкимъ сердцемъ всякой власти,
 Ужъ говорилъ открыто онъ
 Съ ней языкомъ мятежной страсти.
 Кончая: „Дайте мнѣ отвѣтъ!“
 Онъ молвилъ: „Многое во вредъ
 Мнѣ городская злоба трубить;
 Сжился я со враждой молвы;
 Но вы? что думаете вы
 О томъ, который васъ такъ любить?“

ВЪРА.

Что всѣ другіе; даже мнѣ
 Еще извѣстнѣе, какъ права
 О васъ разсѣянная слава,
 Какъ должно вѣрить ей вполнѣ.

Елецкой.

„Вамъ всѣхъ извѣстнѣй? Вы всѣхъ строже?
 Но почему-же, отъ чего-же?“

ВЪРА.

— Когда глаза мои въ тотъ разъ
 Меня въ обманъ не приводили,
 Словами вашими сейчасъ
 Двухъ, не одну вы оскорбили.

Елецкой.

„Я вашей искренности радъ.
 Уже въ судьбѣ моей стократъ

Я съ вами жаждалъ объясненья!
Примите исповѣдь мою:
Весьма во многомъ, нѣтъ сомнѣнья,
Останусь я безъ извиненья;
Но ничего не утаю“.

Елецкой въ тягостную повѣсть
Минувшихъ дней своихъ вступилъ,
Свою запутанную совѣсть
Онъ передъ Вѣрой обнажилъ;
Повѣрилъ ей безъ украшенья
Свои былыя заблужденья,
Къ которымъ впрочемъ былъ влекомъ
Онъ меньше сердцемъ, чѣмъ умомъ.
Съ ея случайною знакомкой,
Своею смуглой однодомкой
Свое сближенье передалъ,
Какъ самъ его онъ понималъ:
Однимъ внушеніемъ унылымъ
Души, томимой пустотой;
Союзомъ столько-же постылымъ
Теперь ему, какъ ей самой.
„Къ ней обратиться“, онъ прибавилъ,
Безумный мигъ меня заставилъ;
Ошибся я въ себѣ и въ ней.
Нѣтъ, нѣтъ! я не былъ съ нею друженъ!
Я для души ея не пуженъ,—
Нужна другая для мосѣ“.

И тихо рѣчь его журчала
За Вѣрой, ей одной слышна.

Но что? вникала-ли она
 Въ слова его? Она молчала;
 Была чуть-чуть обращена
 Къ нему щека ея одна;
 Но это легкое движенье
 Замѣтить было мудрено:
 Злословье самое оно
 Не привело-бы въ искушенье.
 Ей измѣняло лишь одно:
 Вниманье къ балу притупѣло,
 И краснощевій офицеръ,
 Тогдашній Вѣринъ кавалеръ,
 Ее въ то время то и дѣло
 Къ порядку танца пробуждалъ,
 И ей фигуры толковалъ.

Природа Вѣру сотворила
 Съ живою, нѣжною душой;
 Она ей чувствовать судила
 Съ опасной въ жизни полнотою.
 Недавно дѣва молодая,
 Красною свѣжею блистая,
 Вступила въ вихорь городской.
 Она еще не разсудила,
 Не поняла души своей;
 Но темною мечтою въ ней
 Она уже проговорила.
 Странна ей суетность была;
 Она плѣниться не могла
 Ея несвязною судьбиной;

Хотѣло-бъ сердце у нее
Себѣ избрать кумирь единой
И тѣмъ осмыслить бытіе.
Тутъ романическія встрѣчи
Съ героемъ повѣсти моей,
Его задумчивыя рѣчи
Тревожить стали душу ей.
Одно, быть можетъ, впечатлѣнье
Ей берегло воображенье...
Его разсѣялъ онъ. Съ какой
Благополучною душой
Съ тѣхъ поръ она ему внимала!
Съ какою сладостью о немъ
Въ невольномъ забытіи своемъ
Уединенная мечтала!
Какъ, новой жизнію дыша,
Легко ей было! Какъ блистала,
Какъ ликовала въ ней душа!
Дѣвица юная не знала,
Живаго счастія полна,
Что такъ довѣрчиво она
Одной отравой въ немъ дышала;
Что сей привѣтный вѣтерокъ,
Ее ласкающій такъ нѣжно—
Грозы погибельной пророкъ;
Что вдругъ дохнетъ она мятежно,
И міръ въ глазахъ ея затмитъ;
И всѣ красы его разрушитъ,
И всѣ цвѣты его изсушитъ,
И жизни путь опустошитъ.

Глава VI.

Летѣли дни. Свои свиданья
Елецкой съ Вѣрой продолжалъ,
И съ каждымъ больше упованья
Любви своей онъ обрѣталъ.
Увы! старательно скрывая
Заботу сердца, между тѣмъ
Навѣрно дѣва молодая
Съ нимъ не обмолвилась ничѣмъ;
Но не владѣла выраженьемъ
Лица невиннаго она:
На немъ со всѣмъ ея смятеньемъ
Была душа ея видна.
„Любимъ я!“ съ ропотомъ и мукой
Елецкой самъ себѣ твердилъ.
Великой постъ ужъ подходилъ
И съ Вѣрой скорою разлукой,
Разлукой долгою грозилъ!
„Нѣтъ!“ мыслить онъ, „до разставанья,
Во что-бы ни было, должна
Рѣшить судьбу мою она!“

Онъ ждетъ удобнаго мгновенья;
И Вѣра, время разлученья

Предвидя, днями дорожить,
И ихъ считаетъ и груститъ.
Уѣхалъ дядя. Въ тихой залѣ,
При свѣтѣ двухъ свѣчей, одна
Твердила на своемъ роялѣ
Урокъ докучливый она;
Полна душой другой заботы,
Насильно всматривалась въ ноты....
Вдругъ.... протянувшись передъ ней
Закрыла ихъ рука чужая.
Вѣтръ пошатнулъ огонь свѣчей;
Вздогнула дѣва молодая,
Оборотилась, глядитъ:
Елецкой передъ ней стоитъ.
„Не беспокойтесь, ради Бога!
Какая странная тревога
У васъ написана въ глазахъ!
Я васъ прошу, не уходите!
Чего боитесь вы? сидите:
Я все скажу вамъ въ двухъ словахъ“.

ВѢРА.

Я не могу остаться съ вами!
Подите. Разговоръ такой
Мнѣ не приличенъ. Боже мой!
Одна я, видите вы сами!
Подите.

ЕЛЕЦКОЙ.

Напередъ я зналъ,
Что я застаю васъ одною:

Одну я видѣть васъ желалъ.
Остаться должно вамъ со мною,
Вамъ. должно выслушать меня.

Въра.

Оставьте до другаго дня,
Я умоляю васъ, подите!
Мой дядя будетъ сей-же часъ.

Елецкой.

Одинъ вопросъ: люблю я васъ,
Вы это знаете. Скажите:
Я равнодушенъ вамъ, иль нѣтъ?

Въра.

На всё, на всё одинъ отвѣтъ:
Подите!.....

Елецкой.

Вы-ли говорили?

Я-ль слышалъ васъ? и не во снѣ!
Я не любимъ... Зачѣмъ-же мнѣ
Давно вы это не внушили?
Своей холодности зачѣмъ
Вы мнѣ тотчасъ не показали?
Зачѣмъ, скажите, мнѣ внимали
Вы такъ привѣтно между тѣмъ?
Зачѣмъ, глаза мои встрѣчая,
Не отводили вашихъ глазъ?
Зачѣмъ дышала всякій разъ
Въ нихъ дума нѣжна ^и такая?

Дитя! Кокетки записной
 Постигнувъ опытную ролю,
 Признайтесь: вы играли въ волю
 Моей безумною душой!
 Кто-бъ могъ подумать! въ ваши лѣта!
 Мою любовь мнѣ не забыть;
 Желалъ-бы я ея предмета
 Не презирать. Но, такъ и быть,
 Прощайте!

ВѢРА.

НѢтъ! такого мнѣнны

Я не оставлю ни за что!
 Не правы ваши заключенья.
 Я прямодушна. Я не то
 Сказать хотѣла.... НѢтъ.... Просите
 Руки моей, и если...

Елецкой.

Вы?

Вы мнѣ объ этомъ говорите?
 А восклицанья всей Москвы!
 На нашъ союзъ вашъ дядя строгой
 Не согласится никогда;
 Молитвы будутъ безъ плода.
 НѢтъ, ВѢра, нѢтъ! другой дорогой
 Идти намъ должно. Для вѣнца
 Сегодня ночью у крыльца
 Я ждать васъ буду. Все готово:
 Бѣжать со мною дайте слово!

Любовь слѣпая мнѣ нужна.

Рѣшитесь.

Вѣра.

Я изумлена

Такимъ неожиданнымъ предложеньемъ.

Нѣтъ, это будетъ преступленьемъ!

Нѣтъ, я и думать не хочу!

Я такъ ужасно огорчу

Того, который....

Елецкой.

Все забудеть

Онъ, нашимъ счастьемъ счастливъ,

И напослѣдокъ справедливъ.

Онъ и ко мнѣ навѣрно будетъ.

Ему (вамъ нужно-ль обѣщать?)

Я буду сыномъ самымъ нѣжнымъ.

Страдалъ я долго безнадежнымъ—

Ахъ, Вѣра! снова-ли страдать!

Меня вы любите: судьбиной

Оставленъ намъ исходъ единой.

Ахъ, Вѣра, Вѣра! сердце въ васъ

Сей мигъ рѣшительный измѣрить:

Меня печально разувѣрить

Въ немъ малодушный вашъ отказъ.

Всѣ, всѣ онъ кончитъ между насъ!

Бѣгите, Вѣра! дайте руку....

Не на ужасную разлуку,

Съ которой не сживуся я,

Но на союзъ святой и вѣчный.

Мой милый другъ, мой другъ сердечный!
Скажи: неправда-ль? ты моя?

ВѢРА.

Люблю, люблю я васъ.... Но что-же?
Что предлагаете вы мнѣ?
На что рѣшиться! Боже, Боже!
Подумать дайте въ тишинѣ!

ЕЛЕЦКОЙ.

Я знаю, горестная мѣра;
Но—ты-ль не видишь? нѣтъ иной!
Рѣшись!

ВѢРА.

Не нынче!

ЕЛЕЦКОЙ.

Нынче, Вѣра;

Сегодня, другъ безцѣнный мой!

Не долго дѣва молодая

Еще противилась ему.

Онъ нѣжно къ сердцу своему

Прижалъ её. Лицомъ пылая,

Потупя взоръ, склонивъ главу,

Она умомъ изнемогала,

И, ни во снѣ, ни на яву,

Свое согласье прошептала.

Елецкой ликоваль душой;

По темной улицѣ домой

Онъ шель походкою веселой.
 Но у порога сооего
 Остановился; умъ его
 Смутился думою тяжелой:
 Тамъ Сара!—Въ головѣ своей
 Уже Елецкой принялъ мѣры,
 Чтобъ неприличной встрѣчѣ съ ней
 Вновь не подвергнуть милой Вѣры.
 Москву съ невѣстой въ эту ночь
 Покинетъ онъ; обрядъ вѣнчальной
 Онъ совершитъ въ деревнѣ дальней;
 Онъ все предвидѣлъ, всё точь въ точь
 Обдумалъ. Сары онъ не знаетъ;
 Любовью въ ней не почитаетъ
 По немъ расчетливой любви,
 Не вѣрять въ ней ревнивой мукѣ.
 „Изъ нихъ люблю призови—
 „Всѣ тверды въ нужной имъ наукѣ!“
 Такъ мыслилъ онъ. Но въ этотъ мигъ....
 Иль Сару лучше онъ постигъ
 При наступающей разлукѣ?
 Упрекъ въ душѣ его возникъ.
 Его докучное внушенье
 Онъ опровергъ въ умѣ своемъ
 И, отряхнувъ недоумѣнье,
 Вошелъ въ свой домъ, гдѣ въ то мгновенье
 И Сара думала о немъ.

Глава VII.

Грустила брошенная Сара;
Но въ этотъ вечеръ было ей
Еще грустнѣй, еще тошнѣй.
Почти болѣзненнаго жара
Была тоска ея полна.
Въ своемъ волненіи она
Платкомъ въ лицо себѣ махала,—
Прохлады воздухъ не давалъ,
Но кровь ей пуще волновалъ.
Иглу къ работѣ принуждала,—
Колола пальцы ей игла.
Гадать цыганка начала,—
Еще тошнѣе: карты ввали,
Когда ей счастье предрекали,
И наводили страхъ, когда
Въ нихъ выходила ей бѣда.
Ихъ со стола она столкнула.
Шитье отбросила, вздохнула,
На столъ локтями опершись,
Цыганка стиснула руками
Чело.... и смятыми кольцами
Вкругъ пальцевъ кудри обвѣдись.

Закрывъ глаза, она сидѣла...
 Вдругъ шепчуть: Сара, Сара!—Къ ней
 Въ покой изъ боковыхъ дверей
 Цыганка старая глядѣла.

САРА.

Ненила, ты? войди скорѣй;
 Я заждалась тебя, Ненила;
 Совсѣмъ я брошена, совсѣмъ!
 Не угрожу ему ничѣмъ.
 Хотя-бы ты мнѣ услужила!
 Что, принесла-ли?

СТАРУХА.

Принесла.

Да ужъ насилу добрела,
 Мятель такая закрутила!
 Гляди-ка: вотъ твое вино!
 Ужъ удружить тебѣ оно;
 Спасибо скажешь.

САРА.

Ахъ, Ненила!

Вѣрь: ты мнѣ душу воротила!
 Я полюблюсь ему опять?
 Да полно, правда-ль?

СТАРУХА.

Что мнѣ лгаты!

Лишь дай испить, сама увидишь!
 Онъ обвинчается съ тобой
 И заживешь ты госпожой,
 А тамъ старухи не обидишь.

Ты мнѣ повѣрь, моя красотка,
Придутъ благія времена!

Сара.

Какъ я тобой одолжена!
Но тамъ идти.... его походка;
Поставь подарковъ свой на столъ,
Да и прощай, уйди отсель,
Уйди скорѣе!

Въ самомъ дѣлѣ

Елецкой въ комнату вошелъ.
Въ глазахъ его была суровость,
Предъ Сарой молча онъ ходилъ;
Рѣчь наконецъ къ ней обратилъ.
„Тебѣ сказать я долженъ новость:
Съ тобой я скоро расстаюсь.
Послушай, Сара! я женюсь“.

Лицо у Сары поблѣднѣло
И загорѣлось въ тотъ-же мигъ.
Ножъ острый въ сердце ей проникъ:
Оно то стыло, то кипѣло;
Хотѣла-бъ смертная тоска
Излиться воплемъ и слезами....
Рвались бурными волнами
У ней попреки съ языка....
Но эти первыя движенья
Она въ себѣ перемогла,
И голосъ мирный обрѣла,
Хотя дрожащій отъ волненья.
„Давно я этого ждала!

Не удивишь меня разлукой“,
 Сказала Сара.—„Долгой мукой
 Я приготовлена была.
 А скоро-ль свадьба“?

Елецкой.

Въ домѣ этомъ

Я не ночую; не жалѣй
 О старинѣ. Въ судьбѣ твоей
 Я обязуюсь отвѣтомъ,
 И ужъ подумалъ я о ней;
 Довольна будешь.

Сара.

Мнѣ не нужно

Постылыхъ милостынь твоихъ.
 Не безпокойся, и безъ нихъ
 Съ тобой разстануся я дружно.
 Пѣнять не буду я тебѣ.
 Жила я весело, счастливо;
 Теперь не то,—какое диво?
 Не всё стоять одной судьбѣ!
 У насъ вѣрна одна могила;
 А кто на свѣтѣ долго милъ?
 Какъ ты сегодня разлюбилъ,
 Такъ я бы завтра разлюбила;
 За что сердиться?

Елецкой.

Очень радъ.

Дай руку, Сара! Предъ тобою

Я совершенно виновать.
 Я вижу, выше ты душою;
 Чѣмъ полагалъ доселѣ я:
 Ты не притворщица пустая.
 Обыкновенье ваше зная,
 Я ждалъ упрековъ, слезъ, вытья...
 Спасибо, нѣтъ ихъ; безъ сомнѣнья,
 Простимся дружно мы съ тобой.
 Мила ты, Сара!

САРА.

Плачь и вой

Въ душѣ.... Но что до сокрушенья!
 Въ слезахъ и вопляхъ толку нѣтъ.
 Мы разстанемся? Власть Господня!
 Простимся весело. Сегодня
 Я именинница, мой свѣтъ!
 Въ послѣдній разъ мое здоровье
 Ты долженъ выпить.... но до дна!
 Какъ въ старину; смотри-жь: условие!
 Не то, сейчасъ заплачу.... На!

Блещкой.

Твое здоровье? Радъ душою.....
 И вотъ—ни капли нѣтъ на днѣ.
 Надѣюсь, ты довольна мною?

САРА.

Спасибо! Сядь теперь ко мнѣ,
 Поговоримъ по старинѣ.

И съ равнодушнымъ послушаньемъ
 Къ ней на диванъ Елецкой сѣлъ,
 Но, далеко уже мечтаньемъ,
 Онъ на часы свои глядѣлъ.

— Скажи мнѣ, Сара продолжала,
 Судьбою новою своей
 Доволенъ ты?

Елецкой.

А что?

Сара.

Ей, ей!

Я коротко твой нравъ узнала:
 Не перемѣнишься ты въ немъ...
 Привыкъ ты къ беззаботной долѣ,
 Разгульной жизни, вольной волѣ,
 Стопнишь порядочнымъ житьемъ.
 Наскучить, твердо предрекаю,
 Тебѣ и милая твоя:—
 Тебѣ наскучила же я!
 Жаль бѣдной! По себѣ я знаю,
 И слишкомъ знаю, каково!
 Какъ я бы выла, да рыдала,
 Когда-бы въ тайнѣ не питала
 Одной надежды!

Елецкой,

Полно, что-ты?

Всѣ были кончены расчеты,—
 Что за надежда?

САРА.

Брежу я.

И какъ равняться я посмѣю
Съ невѣстой счастливой твоею!
О ней единой мысль твоя;
Ты ею дышешь. Ахъ, царица,
Царица свѣтлая она!
Я передъ нею пылъ одна.
Но... въ умъ придетъ-же небылица!
Забудь любовь свою на часъ:
Какая разница межъ насъ?—
Что я Цыганкой уродилась?
Что нѣтъ за мною селъ, хоромъ?
Что говорить не научилась
Я иностраннымъ языкомъ?
Вотъ всё. Не шутка, очень знаю!
Но сердцемъ я не уступаю
Твоей невѣстѣ. Чѣмъ она
Любовь понинѣ доказала?
Какія слезы проливала?
Что перенести была должна?
А я... что слѣзъ я источила,
Какихъ обидъ не проглотила,
Молчанье горькое храня!
Ты разлюбилъ, я все любила;
Ты гналъ безжалостно меня,—
Къ тебѣ я злобному ласкалась,
Какъ собаченка. Разсмотри
Меня получше: говори,
Такая-ль я тебѣ досталась?—

Глаза потухнули отъ слезъ;
 Лицо завяло, грудь изсохла;
 Я только, только-что не сдохла!...
 Ты все молчишь?

Елецкой.

Тебѣ нанесь

Я много горя... Я не вѣдалъ,
 Когда другой мой жребій предалъ,
 Что ты... Но что со мною?... Свѣтъ
 Въ глазахъ темнѣеть... все кружится...
 Мнѣ дурно, Сара, дурно ...

Сара.

Нѣтъ!

Я знаю, что въ тебѣ творится.
 Въ душѣ мятущейся твоей
 Я чуднымъ чудомъ оживаю:
 Разлучницы проклятой въ ней
 Бѣсовскій образъ погашаю.
 Блѣднѣешь ты... Не мудрена
 Измѣна мнѣ, а ей страшна!
 Будь ей теперь моя судьбина!
 Томись она, крушись она!
 Съ тоски изсохни какъ лучина!
 Умри она! ты мой: приди,
 Прижмись опять къ моей груди!
 Очнись отъ лютаго угара,
 Приди, и все забуду я.
 Узнай меня, узнай: я Сара!
 Я Сара прежняя твоя.

Цыганка страстными руками
Его рыдая обвила
И жадно къ сердцу повлекла.
Глядѣлъ онъ мутными глазами,
Но не противился. Главой
Онъ даже тихо приклонился
Къ ея плечу; на немъ нѣмой,
Казалось, томно позабылся.—
По грозной бурѣ, тишина
Влилась отраднo въ сердце Сары.
„Онъ мой! подѣйствовали чары!“
Съ восторгомъ думала она.
Но время долгое проходитъ—
Онъ все лежитъ, онъ все молчитъ;
Едва дыханье переводитъ
Цыганка. „Милый мой!... Онъ спитъ.
Проснись, красавецъ!“ Зовъ бесплодный;
Мигъ страшной истины насталь:
Она вглядѣлась—трупъ холодный
Въ ея объятіяхъ лежалъ.

Глава VIII.

Стояла ночь уже давно.
 Градскія стогны опустѣли;
 Въ домахъ уснувшихъ ни одно
 Не озарялося окно,
 Всѣ одинаково чернѣли.
 Луна не свѣтитъ, всё молчитъ;
 Лишь вѣтеръ воетъ и свиститъ,
 Мятель до кровель воздымая.
 Обѣту своему вѣрна,
 До самой улицы одна
 Доходитъ Вѣра молодая;
 Ни кѣмъ не встрѣчена она!
 Въ лицо суровый и холодный
 Ей дуетъ вѣтеръ непогодный,
 И ночь ненастная черна.
 Она стоитъ; она мгновенья
 Считаетъ, полная волненья.....
 Бѣгутъ мгновенья! Вѣра ждетъ—
 Онъ не приходитъ; не придетъ!
 Въ ней сердце замерло.... дѣвицу
 Приемлетъ снова прежній кровъ.
 Ужъ ранній вой колоколовъ

Порою той будиль столицу,
И въ городъ, сквозь ночную тѣнь,
Ужъ голубья крался день.

Холмъ, подъ которымъ спить Елецкой,
Гдѣ онъ забылъ любовь, вражду,
Гдѣ равнодушень онъ къ суду
Толпы и свѣтской и не свѣтской,—
Ужъ не однажды поросталъ
Весенней, новою травою,
И снѣгъ пушистой пеленою
Его не разъ ужъ покрывалъ.
Но долго-ль юноша несчастный
Жилъ въ сердцѣ Вѣры? Много-ль слезъ,
Ея сердечныхъ первыхъ грезъ,
У ней исторгъ обманъ ужасный?—
Въ ту-жъ зиму съ дядей—старикомъ
Покинувъ городъ, возвратилась
Она лишь два года потомъ.
Лицомъ своимъ не измѣнилась;
Блится тою-же красой;
Но строже смотреть за собой.
Въ знакомство тѣсное не входитъ
Она ни съ кѣмъ. Всегда отводитъ
Чуть-чуть короткій разговоръ.
Подчинены ея движенья
Холодной мѣрѣ. Вѣринъ взоръ,
Не измѣняя выраженья,
Не выражаетъ ничего.
Блестящій юноша его

Не оживить, и нетерпѣнья
Въ немъ не замѣтить старый шутъ;
Ее смѣшливья подруги
Въ нескромный смѣхъ не вовлекутъ;
Раздѣлены ея досуги
Между роялемъ и канвой;
Въ раздумьѣ праздномъ не видали
И никогда не засгавали
Съ романомъ Вѣры Волховской.
Дѣвицей самой совершенной
Въ устахъ у всѣхъ она слывсть.
Что-жь эту скромность ей даетъ?
Увы! тоскою потаенной
Еще-ль душа ея полна?
Еще-ли носить въ ней она
О прошломъ вѣрное мечтанье,
И равнодушна ко всему,
Что не относится къ нему,
Что не его воспоминанье?
Или, созрѣвъ умомъ своимъ,
Уже теперь постигла имъ
Она безумство увлеченья?
Уразумѣла, какъ смѣшно
И легкомысленно оно,
Какъ правы принятыя мнѣнья
О романическихъ мечтахъ?
Или теперь въ ея глазахъ
За общій очеркъ, въ мигъ забвенья
Полусвершенный ея шагъ
Сталъ дѣтской шалостью одною,

И съ утонченностью такою,
Осмотрю свѣтскому вѣрна,
Его сама передъ собою
Желаеть искупить она?

Одно-ль, другое-ль въ ней виною
Страстей безвременной тиши:
Утраченъ Вѣрой молодою
Иль жизни цвѣтъ иль цвѣтъ души.

Куда, заснувшею столицей,
При яркомъ блескѣ зимнихъ звѣздъ
Въ саняхъ несется вереницей
Весельчаковъ ея поѣздъ?
Къ Цыганамъ. Предъ знакомымъ домомъ
Остановились. Въ двери съ громомъ
Стучать; привычною рукой
Имъ отворилъ Цыганъ сѣдой.
Въ хоромахъ спящихъ тѣма густая,
Но путь знакомъ. Толпа лихая
Спѣшитъ проныгнуть въ тотъ покой,
Гдѣ, ночи шумной ожидая,
Еще съ вечерней первой мглой
Въ свои постели пуховыя
Легли Цыганки молодыя.
Ужъ гости вѣтренные тамъ,
Ужъ кличутъ дѣвъ по именамъ.
Но все Египетское племя
Кругомъ пріѣзжихъ въ то же время

Съ веселымъ шумомъ собралось,
И свѣтъ сіянье разлилось.
Дремоту дѣвы покидаютъ,
Встаютъ на общій громкій зовъ,
Платками плечи прикрываютъ,
Ногами ищутъ башмаковъ,
И вотъ ужъ весело болтаютъ,
И таборъ къ пѣнію готовъ.
Одна Цыганка на постели
Сидитъ недвижно. На гостей
Глядитъ сердито. Роемъ къ ней
Подруги смуглыя подсѣли;
Свой дикій взглядъ она хранитъ,
Устами молча шевелитъ,
Или безмысленно порою
Вздохнувъ качаетъ головою.
Но грянулъ своенравный хоръ:
Блеснулъ ея туманный взоръ,
Уста улыбка озарила;
Воскреснувъ въ кривѣ хоровомъ,
Она, веселая лицомъ,
Съ нимъ голосъ яркій согласила.
Умолкнулъ хоръ, и вновь она
Сидитъ сурова и мрачна.
Такъ воротилась въ таборъ Сара.
Судьби послѣдняго удара
Цыганка вынести не могла,
И разумъ въ горѣ погребла.
Вотще родимые напѣвы
Уносятъ душу бѣдной дѣвы

Въ былые, лучшіе года!
Такъ рѣзвый вѣтеръ иногда
Листокъ упавшій подымаетъ,
Съ нимъ вьется въ свѣтлыхъ небесахъ,
Но вдругъ утихнувъ, опускаетъ
Его опять на дольний прахъ.

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ПРОЗА.

О ЗАБЛУЖДЕНІЯХЪ И ИСТИНѢ.

(Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія 1821 г. № 1, стр. 25).

Что называемъ мы заблужденіемъ? Что называемъ мы истиной? Я не говорю объ истинахъ историческихъ, математическихъ и нравственныхъ; нѣтъ, я говорю о минутныхъ соображеніяхъ разума, основанныхъ на какихъ либо мнѣніяхъ, почитаемыхъ нами за истинныя, вслѣдствіе которыхъ мы такъ или иначе принимаемъ впечатлѣнія окружающихъ насъ предметовъ. Я спрашиваю: почему однѣ впечатлѣнія, или родившіяся отъ нихъ мысли, мы называемъ истинными, а другія ложными?

Ежели въ прекрасный вечеръ, смотря на заходящее солнце, послѣдними лучами озлащающее зеленые холмы, — полный тихимъ спокойствіемъ засыпающей природы, я воскликну въ минуту восторга: какъ величественно, какъ прекрасно твореніе! Никто не подумаетъ назвать заблужденіемъ чувство, которое заставило меня изъясниться такимъ образомъ.—Дитя ловитъ бабочку и, поймавъ ее, восклицаетъ: какъ прекрасна бабочка! какъ я радъ, что поймалъ ее! Мы говоримъ, съ чувствомъ собственнаго превосходства: прелестный возрастъ! бабочка составляетъ твое счастье; но придетъ время и заблужденіе исчезнетъ!

Почему заблужденіе? потому-ли, что оно проходчиво? Но что-же въ мірѣ не проходчиво? Природа въ цѣломъ не существуетъ для дитяти: въ ней существуетъ для него только бабочка. Намъ восхищаетъ природа, но бабочка уже для насъ не существуетъ. Много-ли мы выиграли въ обманѣ? и кто поручится, что мы теперь видимъ яснѣе, нежели видѣли прежде?

Молодость называютъ временемъ слѣпоты и заблужденій; самовластная старость умѣла опредѣлить ее такимъ образомъ: „Юноши, говоритъ намъ ворчунья: страсти ослѣпляютъ васъ, мечты ваши украшаютъ всѣ предметы, воображеніе устилаетъ цвѣтами бездну, готовую разступиться подъ стопами вашими, но поживите съ мое, и вы увидите истину безъ покрова“.

— Бабушка, я-бы отвѣчалъ ей: твои уроки мнѣ-бы досадили въ другое время, но сегодня я не расположенъ сердиться, и тебѣ совѣтую отвыкнуть отъ твоего брюзгливаго ворчанья. Но, послушай: глаза твои слабѣютъ—а ты хочешь лучше меня видѣть! чувства твои завяли—а ты хочешь лучше меня чувствовать! Какъ? потому что годы, лишивъ тебя зрѣнія, накинули мрачное покрывало на окружающіе тебя предметы, я долженъ вѣрить, что они въ самомъ дѣлѣ одѣты туманомъ! Какъ? потому что твое воображеніе угасло, я назову мечтательными цвѣты, которые вижу при свѣтѣ своего собственнаго воображенія! Я не могу сомнѣваться въ ихъ существованіи потому, что ихъ вижу; а вижу потому, что имѣю хорошее зрѣніе. Ты лишена и глазъ и чувства; займи ихъ у меня, моя милая, и ты почувствуешь всю вѣтренность твоихъ заключеній.

— Я думала, какъ ты, въ твои лѣта, мнѣ отвѣчаетъ старушка: опытъ разрушилъ мои воздушные замки; годы отнимаютъ глаза, но дѣлаютъ зоркимъ разсудокъ.

— Я не знаю, что ты понимаешь подѣ словомъ разсудокъ? Я думаю, что это ничто иное, какъ то чувство, которое вслѣдствіе пріобрѣтенныхъ мною понятій, чрезъ различныя впечатлѣнія, заставляетъ меня видѣть предметы въ томъ порядкѣ, въ какомъ я въ сію минуту ихъ вижу. И могу-ли я ихъ видѣть иначе? Могу-ли отдѣлять отъ себя мечты и страсти, составляющія необходимую часть самого меня? Ты мнѣ говоришь объ опытѣ; но я не знаю еще, что такое опытъ. Онъ или прибавитъ что нибудь къ существу моему, или уничтожитъ нѣкоторую часть его: въ обоихъ случаяхъ я перестану быть самимъ собою—я перемѣнюсь одинъ, предметы не перемѣнятся. И зачѣмъ мнѣ промѣнять мечты свои на твой разсудокъ? Ты сказала въ какой-то книгѣ:—суди о человѣкѣ по его поступкамъ; нельзя-ли сказать тоже: суди о правилахъ по ихъ послѣдствіямъ?—Суди же моя радость: ты печальна, а я веселъ; ты подозрительна, а я довѣрчивъ; ты сердишься и кашляешь, а я смѣюсь и напѣваю шутивную пѣсню; я умнѣе потому, что счастливѣе.

— Но было время, когда ты строилъ карточные замки, забавлялся восковою куклою, сваряжалъ бумажные корабли:—игрушки для тебя уже стали игрушками; скоро и мечты для тебя будутъ мечтами.

— Не спорю! Но со временемъ я и самъ умру; всему есть границы; но не замки изъ мраморныхъ превратились въ карточные, не корабли изъ деревянныхъ превратились въ бумажные; я одинъ лишился чувства, которое или меня

обманывало, или заставляло лучше видѣть. По крайней мѣрѣ наслажденія были истинными.

— Ты печаянно согласился, что есть предметы, существующіе для одного только воображенія; слѣдственно — мечтательные.

— Мечтательные потому, что существуютъ для одного только воображенія! Забавное заключеніе. Почему довѣрятъ одному чувству болѣе, нежели другому? Звуки существуютъ для одного только слуха; слѣдственно звуки не существуютъ! Неужели природа дѣлаетъ что нибудь безъ цѣли? Воображеніе есть такое-же свойство, какъ и другія свойства. Ты скажешь, что оно измѣняетъ намъ прѣдѣ, нежели другія способности; что опытъ разрушаетъ призраки его. Согласенъ; но мы нѣсколько позже лишаемся зрѣнія, слуха, иногда и разума! Не все-ли равно лишиться физически способности видѣть, или метафизически—способности воображать? Ты говоришь, что меня обманываютъ мечты мои: я въ правѣ сказать, что тебя обманываютъ твои умозрѣнія. Послушай: дѣтство забавляется мечтами, старость забавно важничаетъ мнимою своею мудростью, и каждый играетъ свойственною ему игрушкою.

Я нѣсколько отдалился отъ своего предмета; по крайней мѣрѣ вы видѣли, что невозможно заставить человѣка перемѣнить свои мысли, не заставивъ его самого перемѣниться, т. е. что нибудь потерять, или что нибудь пріобрѣсти.—Остается опредѣлить: въ какихъ точно случаяхъ мы пріобрѣтаемъ и въ какихъ лишаемся! Я ничего не утверждаю, и потому сдѣлаю только нѣсколько вопросовъ.

Что вы почитаете вѣрнѣйшимъ способомъ къ отысканію истины?—Разсудокъ и опытъ.—Согласенъ. Но положимъ,

что вы имѣли одни только горестные опыты; что въ дѣтствѣ вы зависѣли отъ своеправнаго наставника; что въ юности вамъ измѣнила любовница, измѣнилъ другъ, измѣнила надежда; что въ старости вы остались одинокимъ и печальнымъ. Какъ вы опишете жизнь? Дѣтство для васъ будетъ временемъ рабства и безсилія; юность временемъ мятежныхъ сновъ и безумныхъ желаній; старость—торжественнымъ срокомъ, когда является истина и съ насмѣшкой погашаетъ свѣчу въ китайскомъ фонарѣ воображенія.

Относительно къ себѣ вы совершенно правы; напротивъ, въ дѣтствѣ я ничего не зналъ кромѣ радостей: добрая мать мнѣ была спиходительною наставницею. Теперь имѣю веселыхъ, любезныхъ друзей, всею душою мнѣ преданныхъ; быть можетъ, буду еще имѣть подругу милую и вѣрную; надѣюсь, что старость моя согрѣется воспоминаніями о прежней разнообразной, полной жизни; что и въ преклонныхъ лѣтахъ сохраню еще любовь къ прекрасному, хотя не такъ живо его буду чувствовать; что сквозь очки еще съ наслажденіемъ буду смотрѣть на румяную молодость, а подъ-часъ и самъ буду забавлять ее разказами про старое время.

Положимъ, что такова будетъ жизнь моя; не правдали, что, подобно вамъ, руководствуясь разсудкомъ и опытомъ, я сдѣлаю заключеніе, совершенно противное вашему, и не будемъ-ли мы здраво судить каждый въ свою очередь?

Ежели вѣтренная молодость все украшаетъ, все очаровываетъ блестящимъ своимъ воображеніемъ: — брюзгливая старость не слишкомъ-ли все очерняетъ своею холодною недовѣрчивостію, и есть-ли минута въ жизни, въ которую мы совершенно чужды того или другаго предубѣжденія?

Въ какомъ случаѣ мы приобретаемъ, и въ какомъ лишаемся? Истина (ежели въ самомъ дѣлѣ есть какое-то отвлеченное благо, которое мы называемъ истиною) не должна-ли быть нѣкоторымъ верховнымъ наслажденіемъ, способнымъ замѣнить намъ всѣ прочія мечтательныя или, лучше сказать, недостаточныя наслажденія? Но мы видимъ совершенно противное. Мы теряемъ, удостовѣряясь въ томъ, что привыкли называть истиною; мы уважаемъ аксіомы опыта и между тѣмъ часто сожалѣемъ о прелестныхъ заблужденіяхъ, которыя нѣкогда составляли наше счастье.

Старость имѣетъ только то преимущество предъ молодостію, что приходитъ послѣ; она ко всему равнодушна потому, что не имѣетъ страстей; она видитъ въ чернѣ всѣ предметы потому, что не способна ихъ видѣть иначе; она изъ всего выводитъ печальныя заключенія потому, что сама печальна и, не бывъ еще лишена способности мыслить, должна присвоить себѣ какія либо мнѣнія. Но кто поручится за ихъ безпристрастіе?

Мы называемъ старость временемъ благоразумія и мудрости. Но положимъ, что она-же со своею опытностію будетъ первымъ періодомъ нашей жизни; что за нею послѣдуетъ мужество, юность и наконецъ дѣтство. Старецъ, чувствуя новую жизнь, проливающуюся въ его сердце, новыя ясныя мысли, которыя мало по малу освѣжаютъ его голову и разглаживаютъ морщины на челѣ его, — не заключить-ли довольно правдоподобно, что существо его начинаетъ усовершенствоваться? Онъ слышитъ голосъ славы и честолюбія, летитъ на поле брани, слѣшитъ въ совѣтъ къ согражданамъ; онъ снова знакомится съ прежними мечтами и думаетъ: я опровергалъ разсудкомъ то, что теперь ясно

понимаю посредствомъ страстей и воображенія; я заблуждался, но время открываетъ истину. Приходить и пора любви: онъ видитъ прекрасную женщину и удивляется, что до сихъ поръ не примѣчалъ, что существуютъ женщины; онъ во многихъ предметахъ усматриваетъ то, чего не усматривалъ до сей минуты. Онъ вспоминаетъ прежнія свои предубѣжденія и думаетъ: Безумецъ! я хотѣлъ понять холоднымъ разумомъ то, что можно только понять сердцемъ и чувствомъ: ясно вижу свое заблужденіе. Наконецъ въ дѣтствѣ, пуская мыльные пузыри, онъ скажетъ, увидя за книгою старика—новаго жителя міра: посмотри, это гораздо полезнѣе твоей книги.

Въ заключеніяхъ чудака, переходящаго отъ старости къ дѣтству, вы найдете почти болѣе логики, нежели въ заключеніяхъ отрока, переходящаго отъ дѣтства къ старости.

Поэтому нѣтъ истины? Кто вамъ говоритъ чтонибудь подобное? Но истина не есть-ли она до крайности относительная? Каждый возрастъ, каждая минута нашей жизни не имѣетъ-ли собственныя, ей одной свойственныя, истины? Предметы, насъ окружающіе, не также-ли относятся къ нашему разуму, какъ солнечные лучи ко внутреннему расположенію нашихъ глазъ? Не безумно-ли отречься отъ пріятнаго чувства потому только, что другіе называютъ его заблужденіемъ? Не безумно-ли называть человѣка безразсуднымъ потому только, что поступки его намъ кажутся безразсудными? Не странно-ли писать разсужденіе объ истинѣ, когда доказываешь, что каждый изъ насъ имѣетъ собственныя свои истины?

ИСТОРИЯ КОКЕТСТВА.

(Съв. Цв. 1825 г. стр. 109—118).

Венера почитается матерью богини кокетства. Отцемъ ея называютъ Меркурія, и Аполлона, и Марса, и даже Вулкана. Говорятъ, что передъ ея рожденіемъ непостоянная Киприда была въ равно короткой связи со всѣми и, разрѣпившись отъ бремени, каждая поздравила на ухо счастливымъ отцемъ новорожденной богини.

Малютка, въ самомъ дѣлѣ, съ каждымъ имѣла нѣкоторое сходство. Вообще была она подобіемъ своей матери; но въ глазахъ ея, не смотря на ихъ нѣжность и томность, было что-то лукавое, принадлежащее Меркурію. Тонкимъ вкусомъ и живымъ воображеніемъ казалась она обязанною Аполлону. Марсу нравились ея свободныя движенія, доказывающія, по словамъ его, что отецъ ея былъ человекъ военный; добрый же Вулканъ не обнаруживалъ своихъ замѣчаній, но ласкалъ малютку съ истинною родительскою нѣжностью.

Всѣ они имѣли одинаковое право принимать нѣкоторое участіе въ будущей судьбѣ новой богини, съ равнымъ усердіемъ старались о ея воспитаніи. Жители Олимпа удивлялись быстрымъ ея успѣхамъ и превозносили необыкновенныя ея дарованія. Одна Паллада усмѣхалась имъ подозрѣ-

тельно, да иногда Амуръ поглядывалъ на молодую богиню съ видомъ безпокойства и недовѣрчивости.

Многіе недостатки были въ ней замѣтны, особенно непо-мѣрное тщеславіе. Она болѣе любила выказывать свои зна-нія, нежели любила самыя науки; въ угодительномъ ея обхожденіи съ богами было болѣе желанія казаться любез-ною, нежели истиннаго благоправія. Ко всему имѣла она нѣкоторое расположеніе, ни къ чему настоящей склонности, и потому ни къ чѣму и ничѣму не могла заниматься долго. Непостоянство ея, можетъ быть, происходило отъ ея гене-алогіи, но усовершенствовалось своевольнымъ ея воспита-ніемъ. „Наставники ея недалъновидны, говорила иногда Паллада (которая, кстати и не кстати, любила-таки по-хващать своимъ глубокомысліемъ и мѣрною прозою про-износить торжественныя изрѣченія), наставники ея недалъ-новидны: поверхностное обо всемъ понятіе составить уди-вительный хаосъ въ головѣ ея. Они стараются усовершен-ствовать ея дарованія, образовать вкусъ и развить вообра-женіе, по некому просвѣтить ея разума и наставить сердца. По моему, она не доставитъ особенной чести Олимпу“.

Давно уже достигнувъ совершеннолѣтія, пресытась одно-образными похвалами боговъ ея остроумію, красотѣ и лю-безности, можетъ быть нѣсколько позавидуя Граціямъ, по-мраченнымъ ею сначала, по которымъ мало по малу стали отдавать справедливость—новая богиня упала къ ногамъ Юпитера и выпросила себѣ дозволеніе переселиться на землю.

Въ послѣдній день ея пребыванія на Олимпѣ, пригла-сила она боговъ на прощальное торжество. Привѣтливость ея при угощеніи, соединенная съ нѣкоторою задумчивостью,

тронула безсмертныхъ: всѣ оставили ее съ нѣкоторою грустью; правда, каждому изъ нихъ дала она почувствовать, что одна разлука съ нимъ заставляетъ её жалѣть объ Олимпѣ.

Богиня сначала поселилась въ Греціи, однакожь не имѣла въ ней храмовъ. Народы, принявшіе ее за любезность ея, поздно замѣтили свою ошибку и стали подозрѣвать существованіе новой богини. Въ обхожденіи пѣкоторыхъ прелестницъ, въ блестящихъ, но неосновательныхъ сочиненіяхъ многихъ софистовъ, ощутительно стало ея вліяніе. Раздоры, возгорѣвшіеся между наслѣдниками Александра Македонскаго, раздоры, наполнившіе Грецію ужасомъ и кровію, отвлекли ихъ вниманіе, и самую богиню принудили искать другаго убѣжища: она переселилась въ Римъ.

Худо её приняли въ Римѣ. Извѣженность ея нрава и слишкомъ вольное обращеніе не полюбились строгимъ республиканцамъ. При Триумвирахъ было ей лучше, по не многимъ: буйный развратъ столько-же противорѣчилъ ея свойству, сколько чрезмѣрно строгіе обычаи.

Дикія племена, завоевавшія Римъ, изгнали ее изъ сей столицы вселенной. Здѣсь исторія её становится тѣмною; иные говорятъ, что, до самаго ея возвращенія въ Европу, странствовала она по Азіи и Африкѣ; другіе, что она провела это время въ уединеніи, придумывая способы для будущаго своего величія.

Какъ-бы то ни было, но въ XVIII вѣкѣ торжественно явилась она въ Италиіи и во Франціи съ молодою прелестною дочерью, не уступающею своей матери въ непостоянствѣ, своенравіи и проворствѣ: дочь сія была—М о д а. Подобно Юпитеру, отцу Паллады, богиня зачала её въ го-

ловѣ своей, и также счастливо разрѣшилась отъ бремени. Народы приняли её съ восторгомъ. Воздвиглися храмы и воскурились жертвы. Обрадованная усердіемъ Галловъ, богиня основала свое пребываніе между ними.

На берегахъ Сены, посреди великолѣпнаго сада, возвышается столичный храмъ ея. Витыя золотыя колонны поддерживаютъ его куполь. На барельефахъ изображены разныя двусмысленныя аллегоріи, понынѣ еще неразгаданныя; на примѣръ, въ одномъ мѣстѣ представлена она подающею руку Амуру, вмѣсто дурачества, которому грозитъ пальцемъ, чтобъ оно молчало; въ другомъ—побѣждающею богиню красоты; въ третьемъ—наряжающею Граціей, и проч. Многіе приняли сіи аллегоріи въ выгодномъ значеніи для богини, другіе совершенно напротивъ.—Кто вѣсть, говорили они, какой путеводитель выгоднѣе для Амура,—дурачество увлекало его силою, кокетство завлекаетъ обманомъ: что лучше? Искусство превышаетъ природу! Жаль, ежели это правда!—Наряженныя Граціи похожи на прелестницъ, и тому подобное. Внутри храма, въ зеркальной, освѣщенной кенкетами залѣ, таится непонятная богиня. Мечты блестящія, но почти неизмѣющія образа (такъ быстро онѣ переходятъ изъ одного въ другой), вьются, волнуются передъ нею. Мусикійскія орудія, отличительные знаки всѣхъ искусствъ, разныя игрушки, выдуманная прихоть, небрежно около ея разбросаны. Тутъ-то проводить она время, примѣряя наряды, вымышленные ея дочерью, и приучая лицо свое къ разнаго рода выраженіямъ. Въ извѣстные дни принимаетъ она своихъ обожателей и издаетъ свои прорицанія. Ласковость ея обхожденія привлекаетъ каждаго; разнообразныя дарованія, полученныя ею отъ Олимпійскихъ ея наставни-

ковъ, заслужили ей уваженіе людей всякаго состоянія, всякихъ понятій, всякаго нрава: даже два великіе, хотя разнородные геніи послѣдняго времени, Фридрихъ II и Вольтеръ, не пренебрегали ея совѣтами, не говоря уже о женщинынахъ: кокетство можно назвать политикою прекраснаго пола.

По прошествіи нѣкотораго времени, богиня замѣтила однакожь разительное охлажденіе въ мужеской половинѣ своихъ поклонниковъ; ужасъ объялъ ея сердце, но умъ ея, богатый вымыслами, скоро внушилъ ей способъ оживить усердіе. Она удвоила свою привѣтливость, даже казалась нѣжною наединѣ со многими. Новаго рода надежда закрадась въ ихъ сердце и совершенно его взволновала, когда въ приѣмной залѣ богини увидѣли посѣтители нѣсколько новыхъ картинъ довольно замѣчательнаго содержанія; на нихъ изображены были нѣкоторыя приключенія жителей Олимпа, гдѣ они являлись довольно благосклонными къ бѣднымъ смертнымъ: Діана, посѣщающая Эндиміона; Киприда, ласкающая Адониса и проч. Внизу надписано было: для любви не существуетъ разницы между смертными и богами. Хитрость сія удалась богинѣ; охлажденные поклонники превратились въ пламенныхъ искателей, и хотя никому еще не сдержала она нѣжнаго своего обѣщанія, но всѣ надѣются, что она сдержитъ его нѣкогда,—и храмъ ея никогда не бываетъ празденъ.

Ученый Антикварій, собравшій матеріалы для сей достоверной исторіи, собралъ ихъ прежде Французской революціи и, содѣлавшись жертвою ея, не могъ продолжать занимательнаго труда своего. Если вѣрить слухамъ, то ужасы возмущенія сильно и благодѣтельно подѣйствовали на

сердце богини; говорятъ, что она отеклась отъ божества своего и даже сама сдѣлалась набожною. Живетъ уединенно, читаетъ полезныя книги и вздыхаетъ о прежнихъ своихъ заблужденіяхъ. Время покажетъ, справедливы-ли сіи слухи и чистосердечно-ли ея обращеніе.

РАЗБОРЪ ТАВРИДЫ.

(Таврида. А. Муравьева. М. 1827 г. въ 12, 148 стр.).

(Моск. Телегр. 1827, ч. XIII, № 4).

Полезна критика строгая, а не ѣдкая. Тотъ не любитъ искусства, кто разбираетъ произведеніе съ эпиграмматическимъ остроуміемъ. Болѣе или менѣе отзываясь недоброжелательствомъ, оно заставляетъ подозрѣвать критика въ пристрастіи и удаляетъ его отъ настоящей его цѣли: увѣрить читателя въ справедливости своего мнѣнія. Еще замѣчу, что, разбирая сочиненіе, не одной публикѣ, но и автору (разумѣется, ежели онъ имѣетъ дарованіе) нужно показать его недостатки, а этого никогда не достигнешь, ежели будешь расточать болѣе насмѣшки, нежели доказательства, болѣе будешь стараться пристыдить, нежели убѣдить сочинителя.

Ежели строго разбирать стихотворенія г-на Муравьева, конечно многое и очень многое найдешь достойнымъ осужденія; но въ то же время увидишь красоты, ручающіяся за истинное дарованіе. Г-нъ М. поэтъ неопытный, но поэтъ, и это главное. Во всѣхъ его пьесахъ небрежность слога доведена до крайности; но почти во всѣхъ ощутительно возвышенное вдохновеніе. Онъ еще не написалъ ничего истинно хорошаго, но подаетъ прекрасныя надежды.

Книга г-на Муравьева заключаетъ въ себѣ описательную поэму, подъ названіемъ: Т а в р и д а и нѣсколько мелкихъ стихотвореній.

Таврида—произведеніе совершенно ученическое. Созданіе ея бѣдно или, лучше сказать, въ ней нѣтъ никакого созданія. Это риторическое распространеніе двухъ стиховъ Пушкина къ Б. Ф:

Гдѣ скрылись Ханы? гдѣ Гаремъ

Кругомъ всё пусто, все уныло....

Ежели мы прибавимъ, что въ поэмѣ г-на Муравьева нѣтъ ни одной строфы, сначала до конца написанной истинно хорошими стихами, достоинство ея будетъ весьма не велико. Таврида, кажется, первый опытъ г-на Муравьева; но ежели въ ней еще не видно искусства, то видны уже силы. Таврида писана небрежно, но не вяло. Неточныя ея описанія иногда ярки, и необработанные стихи иногда дышутъ какимъ-то безповойствомъ, похожимъ на вдохновеніе. Не привожу примѣровъ, ибо сказанное мною чувствительнѣе въ цѣломъ сочиненіи, нежели въ его частностяхъ.

Въ мелкихъ стихотвореніяхъ дарованіе г-на М. гораздо зрѣлѣе. Каждая пьеса уже заключаетъ въ себѣ болѣе или менѣе полное созданіе и отъ времени до времени встрѣчаются прекрасные стихи. Приведемъ отрывокъ изъ стихотворенія: Ермакъ, которое одно изъ хорошихъ въ разбираемой нами книгѣ. Остякъ рассказываетъ путнику о завоеваніи Сибири, по темнымъ преданіямъ, сохранившимся въ его племени.

Вотъ видишь, путникъ: много, много

Прошло холодныхъ, бурныхъ зимъ,

Съ тѣхъ поръ, какъ бранною тревогой

Иртышъ великій былъ грозимъ.
 Отволь? зачѣмъ? я не открою;
 Но бурной вьюгой притекли
 Сюда, къ убійственному бою,
 Другаго племя Остяки;
 Они другъ друга убивали,
 Вездѣ лишь кровь текла одна;
 Снѣга съ полей ужъ не смывали
 Войны багроваго пятна.
 И вотъ однажды ночь застала
 Здѣсь, на Иртышскихъ берегахъ,
 Припельцевъ. Все межъ ними спало,
 Забывъ о мстительныхъ врагахъ.
 Они-жъ стрѣлами разбудили
 И смертью отогнали сонъ!
 Но челноки припельцевъ плыли
 Среди кипящихъ, грозныхъ волнъ.
 Ихъ вождь былъ скованъ изъ желѣза,
 И нашей смерти чуждъ онъ былъ!
 Въ Иртышъ, добыча мрачной грезы,
 Прыгнувъ, проснулся и поплылъ,
 И близокъ былъ къ ладьямъ союзнымъ,
 Быть можетъ ихъ бы досягнулъ,
 Иртышу показался грузнымъ:
 Иртышъ взревѣлъ—онъ потонулъ!

Другаго племя Остяки, и нашей смерти чуждъ онъ былъ, Иртышу показался грузнымъ. Прекрасно! Но сколько недостатковъ въ этомъ отрывкѣ! Я не открою—нужно я не знаю; они другъ друга убивали, т. е. воины Ермака другъ друга убивали, по

смыслу стиховъ: это-ли хотѣлъ сказать сочинитель? Снѣга съ полей ужъ не смывали войны багроваго пятна, слишкомъ изыскано для Остяка. Забывъ о мстительныхъ врагахъ: мстительныхъ ненужный эпитетъ. Они-жъ стрѣлами разбудили.... Кого? Все четверостипіе дурно. Въ Иртышѣ, добыча мрачной грезы... Почему знаетъ Остякъ, что Ермаку въ это время что нибудь грезилось? Лучше было сказать: полусонный. Надобно замѣтить, что я разбираю хорошее у г-на Муравьева...

Не буду говорить особо о каждомъ стихотвореніи г-на Муравьева: это-бы заняло слишкомъ много времени. Не могу однакожъ оставить безъ вниманія стихотвореніе его: Стихи, которое мнѣ кажется лучшимъ изъ всего собранія, какъ по созданію, такъ и по исполненію. Я приведу его въ новое доказательство и прекраснаго дарованія г-на М., и великихъ его недостатковъ.

Я съ духомъ бесѣдовалъ дивихъ пустынь!

Предъ юношей, съ мрачнаго трона,

Клубящимся вихремъ возсталъ исполинъ;

Земли разступилося лоно!

Онъ эхомъ раздался, онъ вѣтромъ завылъ,

И юношу тучею праха покрылъ.

Строфа сія звучна и живописна; но гдѣ-же логика? Къ чему: земли разступилося? Г-нъ Муравьевъ изобразилъ уже своего духа вставшаго съ мрачнаго трона; слѣдовательно, тронъ этотъ ему видимъ; слѣдовательно, онъ не въ глубинѣ земли; и ежели не такъ, то прежде нежели явится духъ, земля должна разступиться. Сколько несообразностей! Послѣдніе два стиха прекрасны.

Я съ духомъ бесѣдовалъ бурныхъ валовъ!
 Завили широкія волны;
 Онъ съ пиршества шель поглощенныхъ судовъ,
 Утопшихъ отчаяньемъ полный!
 И много о тайнахъ бездонныхъ ревѣлъ,
 И юноша пѣной его посѣдѣлъ.

Завили широкія волны... вставка. Слѣдующіе три стиха красоты превосходной. Ежели-бъ г-нъ Муравьевъ всегда облекалъ въ подобные стихи картины своенравнаго воображенія, мы бы уже поздравили себя съ великимъ поэтомъ. И юноша пѣной его посѣдѣлъ: дурно, потому что изыскано. Надобно было сказать: И юношу пѣной своею покрывъ. Лирическая поэзія любитъ простоту выраженій.

Я съ духомъ бесѣдовалъ горныхъ зыбей,
 Съ лазурнымъ владыкой ээира!
 И онъ, улыбаясь во звукъ рѣчей,
 Открылъ мнѣ всѣ прелести міра;
 Меня облаками, смѣясь, одѣвалъ—
 И юноша свѣжесть ээира вдыхалъ!

Въ этой строфѣ хорошъ одинъ только стихъ: Меня облаками, смѣясь, одѣвалъ. Что такое значить: во звукъ рѣчей открыть всѣ прелести міра? Прочтите, кому угодно, эти два стиха; каждый будетъ ихъ толковать по своему и можетъ быть никто не угадаетъ настоящей мысли автора. Къ тому-же, духъ ээира долженъ говорить только о своей области, а не о цѣломъ мірѣ; а не то г-ну Муравьеву не для чего бесѣдовать особо съ каждымъ стихійнымъ духомъ: довольно поговорить съ воздушнымъ, который всевѣдущъ.

Я съ духомъ бесѣдовалъ вѣчныхъ огней!
 Гулъ дальняго грома раздался!
 Не могъ усидѣть онъ на тучѣ своей,
 Палящій, клубами свивался,
 И съ трескомъ слѣдилъ свой убійственный путь,
 И юношѣ бросилъ онъ молнію въ грудь!

Отъ чего духъ огня не могъ усидѣть на своей тучѣ (не говорю уже о низкомъ выраженіи: у с и д ѣ т ь?) Чего онъ испугался? Можно-ли писать такимъ образомъ и никогда не повѣрять воображенія разсудкомъ? Для пользы искусства почти досадно, что г-нъ Муравьевъ человекъ съ дарованіемъ.

Я духомъ напитаю ревущихъ стихій,
 Онѣ и съ младенцемъ играли;
 Вокругъ колыбели моей возлегли,
 И бурной рукою качали;
 Я помню ихъ дикую пѣснь падо мной,
 Но какъ передамъ ей звукъ громовой?

Эта строфа сначала до конца прекрасна, кромѣ рѣймъ: стихій и возлегли, которыя черезчуръ не точны. Еще: и бурной рукою качали кого, что? Должно подразумѣвать колыбель, но это не сказано: мѣстоименіе здѣсь необходимо.

Скажемъ вообще о г-нѣ Муравьевѣ, что богатому жаромъ и красками, ему недостаетъ обдуманности и слога, слѣдственно очень многого. Истинные поэты потому именно рѣдки, что имъ должно обладать въ тоже время свойствами, совершенно противорѣчащими другъ другу: пламенемъ воображенія творческаго и холодомъ ума повѣряющаго. Что касается до слога, надобно помнить, что мы для

того пишемъ, чтобы передавать другъ другу свои мысли; если мы выражаемся не точно, насъ понимаютъ ошибочно, или вовсе не понимаютъ: для чего-жъ писать? Надѣмся, что г-нъ Муравьевъ въ будущихъ сочиненіяхъ исполнитъ наши ожиданія и порадуетъ насъ красотами, не затемненными столькими недостатками.

ПЕРСТЕНЬ.

(Европеецъ 1832 г. № 2, стр. 165).

Въ деревушкѣ, состоящей не болѣе какъ изъ десяти дворовъ (не нужно знать, какой губерніи и уѣзда), нѣкогда жилъ небогатый дворянинъ Дубровинъ. Умѣренностью, хозяйствомъ, онъ замѣнялъ въ быту своемъ недостатокъ роскоши. Сводилъ расходы съ приходами, любилъ жену и ежегодно умножающееся семейство, словомъ, былъ счастливъ; но судьба позавидовала его счастью. Пошли неурожай за неурожаями. Не получая почти никакого дохода и почитая долгомъ помогать своимъ крестьянамъ, онъ вошелъ въ большіе долги. Часть его деревушки была заложена одному скупому помѣщику, другую оттягивалъ у него безпокойный сосѣдъ, извѣстный ябедникъ. Скупому не былъ онъ въ состояніи заплатить своего долга; противъ дѣльца не могъ поддержать своего права, конечно безспорнаго, но скуднаго наличными доказательствами. Заимодавецъ протестовалъ вексель, проситель съ жаромъ преслѣдовалъ дѣло, и бѣдному Дубровину приходилось до зарѣза.

Всего нужнѣе было заплатить долгъ; но гдѣ найти деньги? Не питая никакой надежды, Дубровинъ рѣшился однакожь испытать всѣ способы къ спасенію. Онъ бросился по сосѣдямъ, просилъ, умолялъ; но вездѣ слышалъ тотъ-же

учтивый, а иногда и неучтивый отказъ. Онъ возвратился домой съ раздавленнымъ сердцемъ.

Утопающій хватается за соломинку. Не смотря на свое отчаяніе, Дубровинъ вспомнилъ, что между сосѣдами не посѣтилъ одного, правда ему незнакомаго, но весьма богатаго помѣщика. Онъ у него не былъ, и тому причиною было не одно знакомство. Опальскій (помѣщикъ, о которомъ идетъ дѣло) былъ человѣкъ отмѣнно странный. Имѣя около полуторы тысячи душъ, огромный домъ, великолѣпный садъ, имѣя доступъ ко всѣмъ наслажденіямъ жизни, онъ ничѣмъ не пользовался. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, онъ пріѣхалъ въ свое помѣстье, но не заглянулъ въ богатый домъ, не прошелъ по прекрасному саду, ни о чемъ не спрашивалъ своего управителя. Вдали отъ всякаго жилья, среди обширнаго, дикаго лѣса, онъ поселился въ хижинѣ, построенной для лѣснаго сторожа. Управитель, безъ его приказанія и почти насильно, пристроилъ къ ней двѣ комнаты, которыя съ третьею, прежде существовавшею, составили его жилище. Въ сосѣдствѣ были о немъ разные толки и слухи. Многіе приписывали уединенную жизнь его скупости; въ самомъ дѣлѣ Опальскій не проживалъ и тридцатой части своего годоваго дохода, питался самою грубою пищею и пилъ одну воду; но въ то же время онъ вовсе не занимался хозяйствомъ, никогда не являлся на деревенскія работы, никогда не повѣрялъ своего управителя, къ счастью отмѣнно-честнаго человѣка. Другіе довольно остроумно заключили, что, отличаясь образомъ жизни, онъ отличается и образомъ мыслей, и подозрѣвали его дерзкимъ философомъ, вольнодумнымъ естествоиспытателемъ, тѣмъ болѣе, что, по слухамъ, не занимаясь лѣченіемъ, онъ то и дѣло варилъ невѣдомыя травы и корни,

что въ домѣ его было два скелета, и страшный желтый черепъ лежалъ на его столѣ. Мнѣнію ихъ противорѣчила его набожность. Опальскій не пропускалъ ни одной церковной службы и молился съ особеннымъ благоговѣніемъ. Нѣкоторые люди, и въ томъ числѣ Дубровинъ, думали однакожь, что какалъ нибудь горестная утрата, а можетъ быть и угрызенія совѣсти были причиною странной жизни Опальскаго.

Какъ-бы то ни было, Дубровинъ рѣшился къ нему ѣхать. — „Прощай, Саша!“ сказалъ онъ со вздохомъ женѣ своей, „еще разъ попробую счастья“, обнялъ ее и сѣлъ въ телѣгу, запряженную тройкою.

Помѣстье Опальскаго было верстахъ въ пятнадцати отъ деревушки Дубровина; часа черезъ полтара онъ уже ѣхалъ лѣсомъ, въ которомъ жилъ Опальскій. Дорога была узкая и усѣяна кочками и пнями. Во многихъ мѣстахъ не проходила его тройка, и Дубровинъ принужденъ былъ отпрягать лошадей. Вообще нельзя было ѣхать иначе какъ шагомъ. Наконецъ онъ увидѣлъ отшельническую обитель Опальскаго.

Дубровинъ вошелъ. Въ первой комнатѣ не было никого. Онъ окинулъ еѣ глазами и удостовѣрился, что слухи о странномъ помѣщикѣ частью были справедливы. Въ углахъ стояли извѣстные скелеты, стѣны были обвѣшаны пучками сушеныхъ травъ и корней, на окнахъ стояли бутылки и банки съ разными настоями. Некому было о немъ доложить: онъ рѣшился войти въ другую комнату, отворилъ двери и увидѣлъ пожилаго человѣка, въ изношенномъ халатѣ, сидящаго къ нему задомъ и глубоко занятого какимъ-то математическимъ вычисленіемъ. Дубровинъ догадался, что это былъ самъ хозяинъ. Молча стоялъ онъ у дверей,

ожидал, чтобы Опальскій кончилъ или оставилъ свою работу; но время проходило, Опальскій не прерывалъ сѣ. Дубровинъ нарочно закашлилъ, но кашель его не былъ примѣченъ. Онъ шаркалъ ногами. Опальскій не слышалъ его шарканья. Бѣдность застѣнчива; Дубровинъ находился въ самомъ тяжеломъ положеніи. Онъ думалъ, думалъ и, ни на что не рѣшаясь, вертѣлъ на рукѣ своей перстень, наконецъ уронилъ его, хотѣлъ подхватить его на лету; но только подбилъ, и перстень, перелетѣвъ черезъ голову Опальскаго, упалъ на столъ передъ самымъ его носомъ.

Опальскій вздрогнулъ и вскочилъ съ своихъ креселъ. Онъ глядѣлъ то на перстень, то на Дубровина и не говорилъ ни слова. Онъ, взявъ со стола перстень, съ судорожнымъ движеніемъ прижалъ его къ своей груди, остановивъ на Дубровинѣ взоръ, выражавшій попеременно торжество и опасеніе. Дубровинъ глядѣлъ на него съ замѣшательствомъ и любопытствомъ. Онъ былъ высокаго роста; рѣдкіе волосы покрывали его голову, коей обнаженное темя лоснилось. Живой румянецъ покрывалъ его щеки. Онъ въ одно и тоже время казался моложавъ и старообразенъ. Прошло еще нѣсколько мгновеній. Опальскій опустилъ голову и казался погруженнымъ въ размышленіе. Наконецъ сложилъ руки, поднялъ глаза къ небу, лицо его выразило глубокое смиреніе, безпредѣльную покорность.—„Господи, да будетъ воля Твоя!“ сказалъ онъ.—„Это вашъ перстень“, продолжалъ Опальскій, обращаясь къ Дубровину: „и я вамъ его возвращаю.... Я могъ-бы не возвратить его—что прикажете?“

Дубровинъ не зналъ что думать; но, собравшись съ духомъ, объяснилъ ему свою нужду, прибавя, что въ немъ его единственная надежда.

— „Вамъ надобно десять тысячъ“, сказалъ Опальскій, „завтра-же я вамъ ихъ доставлю; что вы еще требуете?“

— „Помилуйте“, вскричалъ восхищенный Дубровинъ, „что я могу еще требовать!—Вы возвращаете мнѣ жизнь неожиданнѣмъ вашимъ благодѣяніемъ. Какъ мало людей вамъ подобныхъ! Жена, дѣти опять съ хлѣбомъ; я, она, до гробовой доски будемъ помнить....“

— „Вы ничѣмъ мнѣ не обязаны“, прервалъ Опальскій. Я не могу отказать вамъ ни въ какой просьбѣ. Этотъ перстень....“ (тутъ лицо его снова омрачилось), „этотъ перстень даетъ вамъ безпредѣльную власть надо мною..... Давно не видалъ я этого перстня... онъ былъ моимъ.... но что до этого? Ежели я вамъ болѣе не нуженъ, позвольте мнѣ докончить мою работу. Завтра я къ вашимъ услугамъ“.

Бѣдучи домой, Дубровинъ былъ въ неописанномъ волненіи. Неожиданная удача, удача, спасающая его отъ неизбѣжной гибели, конечно его радовала, по нѣкоторыя слова Опальскаго смутили его сердце.—„Что это за перстень?“—думалъ онъ. Нѣкогда принадлежалъ онъ Опальскому; мнѣ подарила его жена моя. Какія сношенія были между нею и моимъ благодѣтелемъ? Она его знаетъ! Зачѣмъ-же всегда таила отъ меня это знакомство? Когда она съ нимъ познакомилась?“ Чѣмъ онъ болѣе думалъ, тѣмъ онъ становился безпокойнѣе; все казалось страннымъ и загадочнымъ Дубровину.

— „Опять отказъ?“ сказала бѣдная Александра Павловна, видя мужа своего, входящаго съ лицомъ озабоченнымъ и пасмурнымъ. „Боже! что съ нами будетъ!“ Но не желая умножить его горести, „утѣшясь, прибавила она го-

лосомъ болѣе мирнымъ, „Богъ милостивъ, можетъ быть мы получимъ помощь откуда не чаемъ“.

— „Мы счастливы, нежели ты думаешь, сказалъ Дубровинъ: „Опальскій даетъ десять тысячъ... Все слава Богу“.

— „Слава Богу! отчего-же ты такъ печаленъ?

— „Такъ... ничего... ты знаешь этого Опальскаго?

— „Знаю, какъ ты, по слухамъ... но ради Бога...“

— „По слухамъ... только по слухамъ.—Скажи, какъ достался тебѣ этотъ перстень?“

— „Что за вопросы! Мнѣ подарила его моя пріятельница Анна Петровна Кузмина, которую ты знаешь: что тутъ удивительнаго?“

Лицо Александры Павловны было такъ спокойно, голосъ такъ свободенъ, что всѣ недоумѣнія Дубровина исчезли. Онъ разсказалъ женѣ своей всѣ подробности своего свиданія съ Опальскимъ, признался въ невольной тревогѣ, исполнившей его душу, и Александра Павловна, посердясь немного, съ нимъ помирилась. Между тѣмъ она сгорала любопытствомъ.—„Непремѣнно напишу къ Аннѣ Петровнѣ“, сказала она. „Какая скрытная, никогда не говорила мнѣ объ Опальскомъ. Теперь поневолѣ признается, видя, что мы знаемъ уже половину тайны!“

На другой день, рано поутру, Опальскій самъ явился къ Дубровину, вручилъ ему обѣщанныя десять тысячъ и на всѣ выраженія его благодарности отвѣчалъ вопросомъ: „что еще прикажете?“

Съ этихъ поръ Опальскій каждое утро пріѣзжалъ къ Дубровину и „что прикажете“, было всегда его первымъ словомъ. Благодарный Дубровинъ не зналъ какъ отвѣчать ему, наконецъ привыкъ къ этой странности и не обращалъ

на нее вниманія. Однакожь онъ имѣлъ многіе случаи удостовѣриться, что вопросъ этотъ не былъ одною пустою поговоркою. Дубровинъ разсказалъ ему о своемъ дѣлѣ, и на другой-же день явился къ нему стражчій и подробно освѣдомился о его тяжбѣ, сказавъ, что Опальскій велѣлъ ему хлопотать о ней. Въ самомъ дѣлѣ, она въ скоромъ времени была рѣшена въ пользу Дубровина.

Дубровинъ прогуливался однажды съ женою и Опальскимъ по небольшому своему помѣстью. Они остановились у роши надъ рѣкою, и видъ на деревни, по ней разсыпанныя, на зеленый лугъ, разстилающійся передъ нею, на необъятное пространство, былъ прекрасенъ.—„Здѣсь-бы, по настоящему, должно было построить домъ“, сказалъ Дубровинъ, „я часто объ этомъ думаю. Хоромы мои плохи, кровля течетъ, надо строить новыя, и гдѣ-же лучше?“—На другое утро крестьяне Опальскаго начали сносить мѣсъ на мѣсто, избранное Дубровинымъ, и вскорѣ поднялся красивый, свѣтлый домикъ, въ который Дубровинъ перешелъ съ своимъ семействомъ.

Не буду разсказывать, по какому именно поводу Опальскій помогъ ему развести садъ, заготовить тѣмъ и другимъ; дѣло въ томъ, что каждое желаніе Дубровина было тотъ же часъ исполнено.

Опальскій былъ какъ свой у Дубровиныхъ и казался имъ весьма умнымъ и ученымъ человекомъ. Онъ очень любилъ хозяина, но иногда выражалъ это чувство довольно страннымъ образомъ. Напримѣръ, сжимая руку благодѣтельствувавшему имъ Дубровину, онъ говорилъ ему съ умиленіемъ, отъ котораго навертывались на глаза его слезы: „Благодарю васъ, вы ко мнѣ очень снисходительны“.

Анна Петровна отвѣчала на письмо Александры Павловны. Она не понимала ея намековъ, увѣряла, что и во снѣ не видывала никакого Опальскаго, что перстень былъ подаренъ ей одною изъ ея знакомокъ, которой принесъ его дворовый мальчикъ, нашедшій его на дорогѣ. Такимъ образомъ любопытство Дубровинныхъ осталось неудовлетвореннымъ.

Дубровинъ спрашивалъ объ Опальскомъ въ его помѣстьѣ. Никому не было извѣстно, гдѣ и какъ онъ провелъ свою молодость; знали только, что онъ родился въ Петербургѣ, былъ въ военной службѣ, наконецъ, лишившись отца и матери, прибылъ въ свои помѣстья. Единственный крѣпостной служитель, находившійся при немъ, скоропостижно умеръ дорогою, а наемный слуга, съ нимъ пріѣхавшій и котораго онъ тотчасъ отпустилъ, ничего объ немъ не вѣдалъ.

Народные слухи были занимательнѣе. Покойный приходскій дьячекъ рассказывалъ женѣ своей, что однажды, исповѣдуясь въ алтарѣ, Опальскій говорилъ такъ громко, что каждое слово до него доходило. Опальскій каялся въ ужасныхъ преступленіяхъ, въ чернокнижествѣ; признавался, что ему отъ роду 450 лѣтъ; что долгая эта жизнь дана ему въ наказаніе, и неизвѣстно, когда придетъ минута его успокоенія. Многія другія были рассказы, однѣ другихъ замысловатѣе и нелѣпѣе; но ничто не объясняло таинственнаго перстня.

Безпрестанно навѣщаемый Опальскимъ, Дубровинъ почиталъ обязанностію навѣщать его по возможности столь-же часто. Однажды, не заставъ его дома (Опальскій собиралъ травы въ окрестности), онъ сталъ перебирать лежація на

столѣ его бумаги. Одна рукопись привлекла его вниманіе. Она содержала въ себѣ слѣдующую повѣсть:

„Антоніо родился въ Испаніи. Родители его были люди знатные и богатые. Онъ былъ воспитанъ въ гордости и роскоши: жизнь могла для него быть однимъ долгимъ праздникомъ..... Двѣ страсти: любопытство и любовь довели его до гибели.

„Не смотря на набожность, въ которой его воспитывали, на ужасъ внушаемый инквизиціей (это было при Филиппѣ II), рано предался онъ преступнымъ изысканіямъ; тайно бесѣдовалъ съ учеными Жидами, рылся въ кабалистическихъ книгахъ, долго, безуспѣшно; наконецъ край завѣсы началъ передъ нимъ приподыматься.

„Тутъ увидѣлъ онъ въ первый разъ Дону Марію, прелестную Марію, и позабылъ свои гаданія, чтобы покориться очарованію ея взоровъ. Она замѣтила любовь его и сначала казалась благосклонною, но мало по малу стала холоднѣе и холоднѣе. Антоніо былъ въ отчаяніи, и оно дошло до изступленія, когда онъ увѣрился, что другой, а именно донъ Педро-де-ла-Савина, владѣлъ ея сердцемъ. Съ бѣшенствомъ уприскалъ онъ Марію въ ея перемѣнѣ. Она отвѣчала однѣми шутками; онъ удалился, но не оставилъ надежды обладать ею.

„Онъ снова принялся за свои изысканія, испытывалъ всѣ порядки магическихъ словъ, испытывалъ всѣ чертежи волшебныя, пріобщалъ къ показаніямъ ученыхъ собственныя свои догадки, и упрямство его наконецъ увѣнчалось несчастнымъ успѣхомъ. Однажды вечеромъ, одинъ въ своемъ покоѣ, онъ испытывалъ новую магическую фигуру. Работа приходила къ концу, онъ провелъ уже послѣднюю линію:

напрасно!.... фигура была недѣйствительна. Сердце его кипѣло досадою. Съ горькою внутреннею усмѣшкою, онъ увѣнчалъ фигуру безсмысленнымъ своенравнымъ знакомъ. Этого знака не доставало.... Покой его наполнился страннымъ жалобнымъ свистомъ. Антоніо поднялъ глаза.... Легкій прозрачный духъ стоялъ передъ нимъ, вперивъ на него тусклые, но пронзительныя свои очи.

„Чего ты хочешь?“ сказалъ онъ ему голосомъ тихимъ и тонкимъ, но отъ котораго кровь застыла въ его сердцѣ и волосы стали у него дыбомъ. Антоніо колебался, но Марія предстала ему со всѣми своими прелестями, съ лицомъ привѣтливымъ, съ глазами полными любовію.... Онъ призвалъ всю свою смѣлость. „Хочу быть любимъ Марією“ отвѣчалъ онъ голосомъ твердымъ.

— „Можешь, но съ условіемъ“.

„Антоніо задумался. „Согласенъ!“ сказалъ онъ наконецъ, „но для меня этого мало. Хочу любви Маріи, но хочу власти и знанія: тайна природы будетъ мнѣ открыта?“

— „Будетъ“ отвѣчалъ духъ. „Слѣдуй за своею тѣнью“. Духъ исчезъ. Антоніо всталъ. Тѣнь его чернѣла у дверей. Двери отворились: тѣнь пошла,—Антоніо за нею.

„Антоніо шелъ какъ безумный, повинуюсь безмолвной своей путеводительницѣ. Она привела его въ глубокую уединенную долину и внезапно слилась съ ея мракомъ. Все было тихо, ничто не певелилось.... наконецъ земля подъ нимъ вздрогнула.... Яркіе огни стали вылетать изъ нея одни за другими; вскорѣ наполнился ими воздухъ: они метались около Антоніо, метались милліонами; но свѣтъ не разогналъ тьмы его окружающей: вдругъ пришли они въ порядокъ и безчисленными правильными рядами окру-

жили его на воздухѣ. „Готовъ-ли ты?“ спросилъ его голосъ, выходящій изъ-подъ земли. „Готовъ“, отвѣчалъ Антонію.

„Огненная купель предъ нимъ возникла. За нею поднялся безобразный бѣсъ въ жреческомъ одѣяніи. По правую свою руку онъ увидѣлъ огромную вѣдму, по лѣвую тако-го-же демона.

„Какъ описать ужасный обрядъ, совершенный надъ Антонію, эту уродливую насмѣшку надъ священнѣйшимъ изъ обрядовъ! Вѣдма и демонъ занимали мѣсто кумы и кума и отрекались за неофита Антонію отъ Бога, добра и спасенія; адскій хохоть раздавался по временамъ вмѣсто пѣнія; страшны были знакомыя слова спасенія, превращенныя въ заклятія гибели. Голова кружилась у Антонію, наконецъ прежній свистъ раздался; всё исчезло. Антонію упалъ въ обморокъ, утро возвратило ему память, онъ взглянулъ на Божій міръ глазами Демона; такъ онъ постигнулъ тайну природы, ужасную, бесполезную тайну; онъ чувствовалъ, что всё ему вѣдомо и подвластно, и это чувство было адскимъ мученіемъ. Онъ старался заглушить его, думая о Маріи.

„Онъ увидѣлъ Марію. Глаза ея обращались къ нему съ любовію; шли дни—и скорый бракъ долженъ былъ ихъ соединить навѣки.

„Лаская Марію, Антонію не оставлялъ свои кабалистическія занятія; онъ трудился надъ составленіемъ талисмана, которому хотѣлъ укрѣпить свое владычество надъ жизнью и природой; онъ хотѣлъ подѣлиться съ Маріей выгодами, за которыя заплатилъ душевнымъ спасеніемъ, и вылилъ этотъ перстень, впоследствии ему послужившій наказа-

ніемъ, быть можетъ, легкимъ въ сравненіи съ его преступленіями.

„Антоніо подарилъ его Маріи; онъ ей открылъ тайную его силу. „Отнынѣ нахожусь я совершенно въ твоёмъ подданствѣ“, сказалъ онъ ей: „какъ всё земное, я самъ подвластенъ этому перстню; не употребляй во зло моей довѣренности: люби, о люби меня, моя Марія!“

„Напрасно. На другой-же день онъ нашель её сидящую рядомъ съ его соперникомъ. На рукѣ его былъ магическій перстень. „Что, проклятый чернокнижникъ“, закричалъ Донъ Педро, увидя входящаго Антоніо? „ты хотѣлъ разлучить меня съ Маріей, но попалъ въ собственныя сѣти. Вонъ отсюда, жди меня въ передней!“

„Антоніо долженъ былъ повиноваться. Какимъ униженіямъ подвергнулъ его Донъ Педро! Онъ исполнялъ у него самыя тяжелыя рабскія службы. Марія стала супругою его повелителя. Одно горестное утѣшеніе оставалось Антоніо: видѣть Марію, которую любилъ, не смотря на ужасную ея измѣну. Донъ Педро это замѣтилъ. „Ты слишкомъ заглядываешься на жену мою“, сказалъ онъ, присутствіе твое мнѣ надоѣло: я тебя отпускаю“. Удаляясь Антоніо остановился у порога, чтобы еще разъ взглянуть на Марію, „Ты еще здѣсь“, закричалъ Донъ Педро: „ступай, ступай, не останавливайся!“

„Роковыя слова! Антоніо пошелъ, но не могъ уже остановиться; двадцать разъ въ продолженіи ста пятидесяти лѣтъ обошелъ онъ землю. Грудь его давила усталость; голодъ грызъ его внутренность. Антоніо призывалъ смерть, но она была глуха къ его моленіямъ: Антоніо не умиралъ, и ноги его все шагали. „Постой!“ закричалъ ему наконецъ

какой-то голосъ. Антоніо остановился, къ нему подошелъ молодой путешественникъ. „Куда ведетъ эта дорога?“ спросилъ онъ его, указывая направо рукой, на которой Антоніо увидѣлъ свой перстень. „Туда-то....“ отвѣчалъ Антоніо. „Благодарю“, сказалъ учтиво путешественникъ и оставилъ его. Антоніо отдыхалъ отъ полуторавѣковаго похода, но скоро замѣтилъ, что положеніе его не было лучше прежняго:—онъ не могъ ступить съ мѣста, на которомъ остановился. Вяла трава; обнажались деревья, стлѣи воды, зимніе снѣга падали на его голову, морозы сжимали воздухъ: Антоніо стоялъ неподвижно. Природа оживилась, у ногъ его таялъ снѣгъ, цвѣли луга, жаркое солнце палило его темя.... Онъ стоялъ, мучился адской жаждою, и смерть не прерывала его мученія. Пятьдесятъ лѣтъ провелъ онъ такимъ образомъ. Случай освобождалъ его отъ одной казни, чтобы подвергнуть другой тягчайшей. Наконецъ....“

Здѣсь прерывалась рукопись. Всего страннѣе было сходство нѣкоторыхъ ея подробностей съ народными слухами объ Опальскомъ. Дубровинъ нисколько не вѣрилъ колдовству. Онъ терялся въ догадкахъ. „Какъ я глупъ“, подумалъ онъ напоследокъ: „это переводъ какой нибудь изъ этихъ модныхъ повѣстей, въ которыхъ чепуху выдаютъ за геніальное своенравіе“.

Онъ остался при этой мысли; прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Наконецъ Опальскій, являвшійся ежедневно къ Дубровину, не пріѣхалъ въ обыкновенное свое время. Дубровинъ послалъ его провѣдать. Опальскій былъ очень боленъ.

Дубровинъ готовился ѣхать къ своему благодѣтелю, но въ ту же минуту остановилась у крыльца его повозка.

— „Марья Петровна, вы-ли это?“ вскричала Александра Павловна, обнимая вошедшую довольно пожилую женщину. „Кавими судьбами?“

— „Бду въ Москву, моя милая, и хотя ты въ семидесяти верстахъ въ сторонѣ, заѣхала съ тобой повидаться. Вотъ тебѣ дочь моя, Дашинька“, прибавила она, указывая на пригожую дѣвицу, вошедшую вмѣстѣ съ нею. „Не узнаешь? ты оставила её почти ребенкомъ. Здравствуйте Владимірь Ивановичъ, привелъ Богъ еще разъ увидѣться!“

Марья Петровна была давняя дорогая пріятельница Дубровиныхъ. Хозяева и гости сѣли. Стали вспоминать старину; мало по малу дошли и до настоящаго. „Какой у васъ прекрасный домъ“, сказала Марья Петровна: „вы живете господами“.—„Слава Богу!“ отвѣчала Александра Павловна, „а чуть было не пошли по міру. Спасибо этому доброму „Опальскому“.—„И моему перстню“, прибавилъ Владимірь Ивановичъ.—„Какому Опальскому? какому перстню? вскричала Марья Петровна. Я знала одного Опальскаго, помню и перстень... Да нельзя-ли мнѣ видѣть?“

Дубровинъ подаль ей перстень. „Тотъ самый“, продолжала Марья Петровна, „перстень этотъ мой, я потеряла его назадъ тому лѣтъ восемь..... О, этотъ перстень напоминаетъ мнѣ много проказъ! Да что за чудеса были съ вами?“ Дубровинъ глядѣлъ на неё съ удивленіемъ, но передалъ ей свою повѣсть въ томъ видѣ, въ какомъ мы представляемъ её нашимъ читателямъ. Марья Петровна помирала со смѣху.

Всѣ объяснилось. Марья Петровна была Дона Марья, а самъ Опальскій, превращенный изъ Антонова въ Антонію, страдальцемъ таинственной повѣсти. Вотъ какъ было дѣло:

полкъ, въ которомъ служилъ Опальскій, стоялъ нѣкогда въ ихъ окологдѣ. Марья Петровна была въ то время молодой прекрасной дѣвицей. Опальскій, который тогда - же былъ нѣсколько слабъ головою, увидѣлъ её въ первый разъ на святкахъ одѣтою Испанкою, влюбился въ неё и даже начиналъ ей нравиться, когда она замѣтила, что мысли его были не совершенно здравы; разговоръ о тайнствахъ природы, сочиненія Эккертсгаузена навели Опальскаго на предметъ его помѣшательства, котораго до той поры не подозревали самые его товарищи. Это открытіе было для него пагубно. Всеобщія шутки развили несчастную склонность его воображенія; но онъ совершенно лишился ума, когда замѣтилъ, что Марья Петровна благосклонно слушаетъ одного изъ его сослуживцевъ Петра Ивановича Савина (Донъ Педро-де-ла-Савина), за котораго она потомъ и вышла за мужъ. Онъ рѣшительно предался магіи. Офицеры и нѣкоторые изъ сосѣдственныхъ дворянъ выдумали непростительную шутку, описанную въ рукописи: дворовый мальчикъ явился духомъ, Опальскій до извѣстнаго мѣста въ самомъ дѣлѣ слѣдовалъ за своею тѣнью. На это употребили очень простой способъ: сзади его несли фонарь. Марья Петровна въ то время была довольно вѣтрена и рада случаю посмѣяться. Она согласилась притвориться въ него влюбленною. Онъ подарилъ ей свой таинственный перстень; посредствомъ его разнымъ образомъ издѣвались надъ бѣднымъ чародѣемъ: то посылали его верстъ за двадцать пѣшкомъ съ какимънибудь порученьемъ, то заставляли простоять цѣлый день на морозѣ; всего рассказывать не нужно: читатель догадается, какъ онъ пересоздалъ всѣ эти случаи своимъ воображеньемъ и какъ тяжелыя минуты казались ему годами. Нако-

нецъ Марья Петровна надъ нимъ сжалилась, приказала ему выдти въ отставку, ѣхать въ деревню и въ ней жить какъ можно уединеннѣе.

— „Возмите-же вашъ перстень“, сказалъ Дубровинъ: „съ чужаго коня и среди грязи долой“.—„И, батюшка, что мнѣ въ немъ?“ отвѣчала Марья Петровна.—„Не шутите имъ“, прервала Александра Павловна, „опъ принесъ намъ много счастья: можетъ быть и съ вами будетъ тоже.—„Я колдовству не вѣрю, моя милая, а ежели уже на то пошло, отдайте его Дашиньѣ: ея бѣдѣ одно чудо поможетъ“.

Дубровины знали въ чемъ было дѣло: Дашинька была влюблена въ одного молодого человѣка, тоже страстно въ неѣ влюбленнаго, но Дашинька была небогатая дворяночка, а родные его не хотѣли слышать объ этой свадьбѣ; оба равно тосковали, а дѣлать было нечего.

Тутъ прискакалъ посланный отъ Опальскаго и сказалъ Дубровину, что его баринъ желаетъ какъ можно скорѣе его видѣть. „Какое Антонъ Исаичъ?“ спросилъ Дубровинъ.— „Слава Богу“, отвѣчалъ слуга: „вчера вечеромъ и даже сегодня утромъ было очень дурно, но теперь онъ здоровъ и спокоенъ“.

Дубровинъ оставилъ своихъ гостей и поѣхалъ къ Опальскому. Онъ нашелъ его лежащаго въ постели. Лицо его выражало страданіе, но взоръ былъ ясенъ. Онъ съ чувствомъ пожалъ руку Дубровина: „Любезный Дубровинъ“, сказалъ онъ ему, кончина моя приближается: мнѣ предвѣщаетъ еѣ внезапная ясность моихъ мыслей. Отъ какого ужаснаго сна я проснулся!.... Вы вѣрно замѣтили разстройство моего воображенія.... благодарю васъ: вы не употребили его во зло, какъ другіе—вы утѣшили вашу дружбою бѣднаго безумца“.

Онъ остановился и замѣтно было, что долгая рѣчь его утомила. „Преступленія мои велики“, продолжалъ онъ, послѣ долгаго молчанія. „Такъ, хотя воображеніе мое было разстроено, я вѣдалъ, что дѣлаю. Я знаю, что я продалъ вѣчное блаженство за временное..... Но и мечтательныя страданія мои были велики! Ихъ возложить на вѣсы свои Богъ милосердый и праведный!“

Вошелъ священникъ, за которымъ было послано въ то же время какъ и за Дубровинымъ. Дубровинъ оставилъ его наединѣ съ Опальскимъ.

„Онъ скончался“, сказалъ священникъ, выходя изъ комнаты, „по успѣлъ совершить обязанности христіанина. Господи, пріими духъ его съ миромъ!“

Опальскій умеръ. По истеченіи законнаго срока, пересмотрѣли его бумаги и нашли завѣщаніе. Не имѣя наслѣдниковъ, онъ отдалъ имѣніе свое Дубровину, то называя его по имени, то означая его владѣтелемъ такого-то перстня; словомъ, завѣщаніе было написано такимъ образомъ, что Дубровинъ и владѣтель перстня могли имѣть безконечную тяжбу.

Дубровины и Дашинька, тогдашняя владѣтельница перстня, между собою не ссорились и раздѣлили поровну неожиданное богатство.—Дашинька вышла за мужъ по выбору сердца и поселилась въ сосѣдствѣ Дубровиныхъ. Оба семейства не забываютъ Опальскаго, ежегодно по немъ совершаютъ панихиду и молятъ Бога помиловать душу ихъ благодѣтеля.

МАТЕРІАЛЫ ДЛІА БІОГРАФІИ

Е. А. БАРАТЫШСКАГО.

Евгеній Абрамовичъ Баратынскій (правильнѣе Боратынскій) родился 19 февраля 1800 г., въ помѣстьи своего отца, генералъ-адъютанта Абрама Андреевича Баратынскаго, Тамбовской губерніи, Кирсановскаго уѣзда, въ селѣ Вязлѣ, пожалованномъ Абраму Андреевичу Императоромъ Павломъ. Мать поэта, Александра Ѳеодоровна, рожденная Черепанова, была одна изъ лучшихъ воспитанницъ Смольнаго монастыря, и по выпускѣ отсюда поступила фрейлиной къ Императрицѣ Марьѣ Ѳеодоровнѣ.

Первоначальное дѣтское воспитаніе Евгеній Абрамовичъ получилъ дома, при матери. Онъ еще въ дѣтскомъ возрастѣ лишился отца, 1810 года. Первымъ дядькой его былъ италіанецъ Боргезъ, который умеръ, принявъ православную вѣру и похороненъ въ церковной оградѣ села Вязли. Къ нему относится посланіе: „Къ дядькѣ - Италіянцу“ написанное поэтомъ за двѣ недѣли до своей кончины въ Неаполѣ. Лѣтъ двѣнадцати Баратынскій обучался въ нѣмецкомъ пансіонѣ въ С.-Петербургѣ, откуда черезъ полгода поступилъ въ Пажескій корпусъ, сожалѣя впоследствии, что не пробылъ долѣе въ пансіонѣ, гдѣ только-что начиналъ говорить по-нѣмецки. За незнаніемъ этого языка, онъ былъ помѣщенъ въ корпусѣ въ классъ, не соответство-

вавший прочимъ его познаніямъ и потому имѣлъ много свободнаго времени. Около 1815 г. онъ былъ исключень изъ Пажескаго корпуса, вмѣстѣ съ другимъ пажемъ Х.....мъ, съ запрещеніемъ быть опредѣленными въ службу, развѣ по желанію въ военную — рядовыми. Въ письмѣ къ Жуковскому, ходатайствовавшему за него, поэтъ входитъ въ подробности обстоятельствъ, навлекшихъ на него это строгое наказаніе. Изъ этого письма видно, что онъ вступилъ въ кругъ товарищей, бывшихъ не на лучшемъ счету въ заведеніи, нарушавшихъ правила корпусной дисциплины, и въ чалу ребяческаго раздраженнаго воображенія, проступки ихъ представлялись ему не въ томъ свѣтѣ, въ которомъ онъ увидѣлъ ихъ впоследствии. Заблужденія его въ эти школьные годы тягостно повліяли на судьбу его. Мысль о томъ, съ какою строгостью общественное мнѣніе могло поразить эти корпусныя проказы, тревожила его всю жизнь. „Я сто разъ былъ готовъ лишиться себя жизни“, пишетъ онъ къ Жуковскому; но глубокая привязанность его къ матери, кротость и нѣжность ея къ нему, врожденныя теплота и благородство чувствъ, проявлявшіяся столько же въ его жизни, сколько въ произведеніяхъ поэзіи, возвратили бодрость душѣ его. До достиженія совершенныхъ лѣтъ для вступленія въ службу Евгеній Абрамовичъ жилъ частью у своей матери въ Тамбовской губерніи, частью у дяди, брата отца: адмирала Богдана Андреевича Баратынскаго, Смоленской губерніи, Бѣльскаго уѣзда, въ сельцѣ Подвойскомъ, къ которому относится стихотвореніе, озаглавленное: „Д е р е в н я“

„Я возвращуся къ вамъ, поля моихъ отцовъ,
„Дубравы мирныя, священный сердцу кровь!“

Въ 1818 г. Баратынскій пріѣхалъ въ Петербургъ опредѣляться въ службу и вступилъ рядовымъ въ Гвардейскій Егерскій полкъ, 1819 г.; тутъ онъ познакомился съ барономъ Дельвигомъ, Плетневымъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ. Меланхолическая прелесть и эллинская грація идилической музы Дельвига, вполнѣ русской въ народныхъ его стихотвореніяхъ, такъ привлекательно облакавшей простонародный языкъ въ свойственныя ему поэтическія формы, не могли не возбудить глубокаго восторга въ душѣ поэта; взаимное уваженіе скрѣпило ихъ дружбу. Дельвигъ, котораго Баратынскій въ своей поэмѣ „П и р ы“ называетъ:

„Мой братъ по Музамъ и по лѣни“,

первый оцѣнилъ поэгическій талантъ его. Дружба съ Дельвигомъ была великимъ утѣшеніемъ для Евгенія Абрамовича въ злополучіяхъ его молодости.

„Ты помнишь-ли (говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ посланій къ нему), съ какой судьбой суровой

„Боролся я, почти лишенный силъ?

„Я погибалъ: ты духъ мой оживилъ

„Надеждою возвышенной и новой:

„Ты ввелъ меня въ семейство добрыхъ Музъ;

„Дѣля досугъ межъ ими и тобою,

„Я-ль чувствовалъ ея свинцовый грузъ

„И передъ ней унизился душою?

Первыя стихотворенія поэта начали появляться около 1819 года; они были напечатаны Дельвигомъ, безъ вѣдома его. Къ числу стихотвореній, появившихся въ этомъ году, принадлежитъ:

„Взгляните: свѣжестью молодой

„И въ осень лѣтъ она плѣняется;

„И у нея летунъ сѣдой
 „Ланитныхъ розъ не похищаетъ:
 „Самъ побѣжденный красотой,
 „Глядитъ—и путь не продолжаетъ.

Это стихотвореніе написано Баратынскимъ къ родной его теткѣ: Марьѣ Андреевнѣ Панчулидзевой, рожденной Баратынской; оно было напечатано въ 1819 г., въ Благонамѣренномъ. Въ томъ-же году, въ Сыпѣ Отечества, помѣщено посланіе къ Дельвигу:

„Такъ, любезный мой Горацій,
 „Такъ, хотъ радъ, хотя не радъ,
 „Но теперь я Музъ и Грацій
 „Промѣнялъ на вахтпарадъ“ и проч.

Хотя новое литературное поприще, на которое вступалъ Баратынскій, улыбалось ему, однако онъ испыталъ тягостное впечатлѣніе, какъ говорилъ впоследствии, когда увидѣлъ свои стихотворенія и имя свое въ первый разъ напечатанными.—Въ это-же время, въ Петербургѣ, Евгенийъ Абрамовичъ познакомился съ нѣкоторыми изъ Декабристовъ, съ Кюхельбекеромъ ближе чѣмъ съ прочими; но ни онъ, ни Дельвигъ, не были посвящены въ тайны существовавшаго уже тогда политическаго общества, хотя Баратынскій, въ молодыхъ годахъ, не раздѣляя ихъ цѣли, со всѣмъ увлеченіемъ своихъ лѣтъ, сочувствовалъ тому, что заключается великодушнаго въ обширномъ, неопредѣленномъ и гибкомъ значеніи слова: „с в о б о д а“.

Вотъ нѣсколько стиховъ, дошедшихъ до насъ по воспоминанію, на эту тему, внушенныхъ ему на одномъ изъ ужиновъ этой молодежи:

„Съ неба чистая, золотистая,
 „Къ намъ слетѣла ты;
 „Все прекрасное, все опасное
 „Намъ пропѣла ты!“

Судьба рано разъединила его съ этими товарищами его первой молодости, какъ сказано имъ:

„Я братьевъ зналъ, но сны младые
 „Соединили насъ на мигъ:
 „Далече бѣдствуютъ иные,
 „И въ мѣръ нѣтъ уже другихъ“.

Въ 1820 г., при производствѣ въ унтеръ-офицеры, Баратынскій переведенъ въ Нейшлотскій полкъ, расположенный въ Финляндіи, въ укрѣпленіи Кюмени и окрестностяхъ его. Въ полковомъ командирѣ своемъ, полковникѣ Лутковскомъ, поэтъ нашелъ стариннаго знакомаго, сосѣда по имѣнію и друга своего семейства, чрезвычайно къ нему расположеннаго и къ которому онъ очень привязался. Къ нему относится посланіе:

„Влюбился я, полковникъ мой,
 „Въ твои военные рассказы“.

Къ концу своего пребыванія въ Финляндіи, въ 1824 году, Баратынскій познакомился съ Н. В. Путятой и съ А. А. Мухановымъ, которые были тогда адъютантами у графа А. А. Закревскаго, Финляндскаго генераль-губернатора. Осенью 1824 года, съ разрѣшенія генерала Закревскаго, Евгенийъ Абрамовичъ находился нѣсколько мѣсяцевъ при корпусномъ штабѣ въ Гельзингфорсѣ, гдѣ жизнь его была разнообразнѣе и оживленнѣе, чѣмъ въ Кюменьскихъ укрѣпленіяхъ; въ Гельзингфорсѣ онъ ближе познакомился съ Путятой и тѣсно подружился съ нимъ. Финляндія вну-

пила Баратынскому многія стихотворенія; тамъ, между прочимъ, написаны имъ: „Финляндія“ и поэма „Эда“.

Весной 1825 г. Евгений Абрамовичъ произведенъ въ офицеры и вскорѣ потомъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ женился 9 іюня 1826 г. на старшей дочери генераль-маіора Льва Николаевича Энгельгардта, Настасьѣ Львовнѣ. Настасья Львовна была одарена утонченнымъ вкусомъ въ литературныхъ произведеніяхъ; поэтъ часто удивлялся ея тонкимъ замѣчаніямъ и справедливымъ возраженіямъ, вѣрности ея критическаго взгляда. Онъ находилъ въ ней ободряющее сочувствіе его вдохновеніямъ и спѣшилъ прочитывать только-что вышедшія изъ подъ пера его произведенія. Приведемъ здѣсь одно изъ стихотвореній, посвященныхъ имъ женѣ, написанное въ Парижѣ въ 1844 году:

„Когда, дитя и страсти и сомнѣнья,
 „Поэтъ взглянулъ глубоко на тебя—
 „Рѣшилась ты дѣлать его волненья,
 „Въ немъ таинство печали люблюя.
 „Ты, смѣлая и кроткая, со мною
 „Въ мой дикій адъ сошла рука съ рукою:
 „Рай зрѣла въ немъ чудесная любовь!
 „О, сколько разъ къ тебѣ, святой и нѣжной,
 „Я приникалъ главою моею мятежною,
 „Съ тобой себѣ и Небу вѣря вновь.

Выписываемъ изъ отрывка, найденнаго въ бумагахъ Настасьи Львовны, послѣ кончины ея, нѣсколько строкъ, написанныхъ ея рукою, чрезвычайно вѣрно воспроизводящихъ характеръ поэта: „Сколько ни замѣчательно поэтическое достоинство его произведеній, однако они еще не вполне высказываютъ тотъ міръ изящнаго, который носилъ во

„глубинѣ души своей. Рожденный для искренняго круга
 „семьи и друзей, необыкновенно-чувствительный къ сочув-
 „ствію людей ему близкихъ, онъ охотно и глубоко высказы-
 „вался въ дружескихъ бесѣдахъ, и тѣмъ заглушалъ въ се-
 „бѣ иногда потребность выражаться для публики. Изливъ
 „свою задушевную мысль въ дружескомъ разговорѣ, живомъ,
 „разнообразномъ, невыразимо-увлекательномъ, исполненномъ
 „счастливыхъ словъ и многозначительныхъ мыслей, согрѣ-
 „томъ теплотою чувства, проникнутомъ изяществомъ вкуса,
 „умною, всегда умѣстною шуткою, дальновидностью тон-
 „кихъ замѣчаній, поразительною оригинальностью мыслей
 „и особенно поэзіей внутренней жизни, Евгенийъ Абрамовичъ
 „часто довольствовался живымъ сочувствіемъ своего близка-
 „го круга, менѣе заботясь о возможно-далекихъ читателяхъ“.

Однажды спрашивали у Баратынскаго: что такое поэзія?—онъ отвѣчалъ: „поэзія есть полное ощущеніе извѣст-
 ной минуты“. Нѣкоторые упрекали его въ частой передѣл-
 кѣ стиховъ уже напечатанныхъ и имѣвшихъ успѣхъ; замѣ-
 чено однако, что многія стихотворенія, имъ передѣланныя,
 являлись въ печати съ новымъ оттѣнкомъ мысли и полу-
 чали чрезъ это характеръ совершенно свѣжихъ произведе-
 ній. Поэтъ былъ чрезвычайно строгъ къ самому себѣ: ус-
 пѣхъ не удовлетворялъ его, ежели онъ чувствовалъ воз-
 можность чего либо усовершенствованнаго. Онъ съ боль-
 шую легкостью выражался стихами, сразу набрасывалъ
 свои стихотворенія. Передѣлывая ихъ впоследствии, онъ
 большею частію значительно сокращалъ ихъ и многое вовсе
 откидывалъ: сжатость формы и выраженія—отличительная
 черта въ его произведеніяхъ. Ему случалось импровизиро-
 вать. Вотъ четверостишіе изъ стихотворенія, набросаннаго

имъ у себя на вечерѣ, въ Москвѣ, по случаю посѣщенія его живописцемъ Брюловымъ:

„Принесъ ты мирныя трофеи
 „Съ собой, въ отеческую сѣнь,
 „И былъ Послѣдній день Помпеи
 „Для Русской кисти первый день“.

Будучи строгимъ къ самому себѣ, Баратынскій также безпристрастно и велицепріятно выражалъ свое мнѣніе относительно всякаго рода литературныхъ произведеній, которыя ему случалось разсматривать. Любя поэзію отъ всей души и радуясь болѣе чѣмъ кто либо появленію истиннаго таланта, онъ придерживался правила: не щадить ошибокъ, которыя, при указаніи ихъ опытнымъ литераторомъ, могутъ быть столь полезны молодому начинающему писателю. Онъ говорилъ, что первыя свои произведенія должно посвящать богамъ, предавая ихъ всеожженію.

Баратынскій поступилъ въ Москвѣ въ Межевую Канцелярію, но не долго прослужилъ въ ней и вскорѣ вышелъ въ отставку. Послѣ того какъ онъ женился, онъ большею частью жилъ въ Москвѣ; иногда однако отлучался оттуда. Въ тридцатыхъ годахъ нѣсколько времени жилъ онъ въ Казани, куда въ то-же время пріѣзжалъ А. С. Пушкинъ, собиравшій матеріалы для исторіи Пугачевского бунта. Въ Казани Баратынскій получилъ горестное извѣстіе о кончинѣ Дельвига. Князь Вяземскій до переѣзда своего въ С.-Петербургъ жилъ въ Москвѣ, напротивъ квартиры Баратынскаго, часто видѣлся съ нимъ и находился въ самыхъ дружескихъ съ нимъ отношеніяхъ. Д. В. Давыдовъ, тоже жившій тогда въ Москвѣ, былъ близокъ съ Баратынскимъ и по родству съ женою его и по взаимному сочувствію. Баратын-

скій бывалъ съ ними въ обществѣ патріарха нашихъ поэтовъ И. И. Дмитріева. Одно изъ первыхъ знакомствъ Баратынскаго въ Москвѣ было съ С. А. Соболевскимъ, съ которымъ онъ постоянно оставался въ дружескихъ отношеніяхъ. Скоро Баратынскій подружился и съ другими Московскими литераторами, особенно съ И. Кирѣевскимъ, Языковымъ, Хомяковымъ; бывалъ также часто у Павловыхъ. Баратынскій поддерживалъ письменно свои сношенія съ Пушкинымъ, Жуковскимъ, Плетневымъ, также съ кн. Вяземскимъ, когда послѣдній переѣхалъ въ Петербургъ. Всѣ они, за исключеніемъ Плетнева, жившаго тогда безвыѣздно въ Петербургѣ, бывали по временамъ въ Москвѣ. Извѣстіе о кончинѣ Пушкина, убитаго на дуэли въ 1837 году, застало Баратынскаго въ Москвѣ. Зимой 1839 года онъ ѣздилъ на нѣсколько дней въ Петербургъ. Въ письмахъ своихъ къ женѣ поэтъ говоритъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него Петербургскимъ обществомъ. Съ осени 1839 г. по осень 1843 г. Евгеній Абрамовичъ съ семействомъ жилъ постоянно въ деревнѣ: одинъ годъ въ Тамбовской губерніи, въ селѣ Вяжлѣ у своей матери, а остальное время въ подмосковной, въ селѣцѣ Мурановѣ. Поэтъ любилъ деревню и даже предпочиталъ сельскій бытъ городскому, хотя изрѣдка любилъ общество. Занимаясь хозяйствомъ, постройкой дома въ деревнѣ, Баратынскій издалъ въ то же время собраніе нѣкоторыхъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: „Сумерки“ 1842 г. Въ эту книгу вошли стихотворенія, написанныя имъ въ промежуткѣ времени отъ 1835 по 1842 годъ включительно. Тогда-же, но послѣ изданія Сумерекъ, написаны имъ стихотворенія: „С. Н. Карамзиной (при посылкѣ Сумерокъ)“, „Память поэту“, „Мои

перуны“, „Спасибо злобѣ хлопотливой“, „На посѣвъ лѣса“, „Молитва“.

Осенью 1843 г. Евгеній Абрамовичъ осуществилъ давнишее желаніе: предпринялъ путешествіе за границу. Несправедливо (какъ утверждали въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ), что это путешествіе было предпринято имъ по причинѣ разстроеннаго здоровья: онъ въ то время не былъ боленъ и былъ вообще крѣпкаго сложенія. Зимніе мѣсяцы 1843 и 1844 г. Баратынскій провелъ въ Парижѣ, гдѣ имѣлъ случай видѣться со многими изъ извѣстнѣйшихъ французскихъ литераторовъ. Весною 1844 г. онъ отправился чрезъ Марсель въ Неаполь. Переѣздъ изъ Марселя въ Неаполь былъ первымъ его путешествіемъ по морю. Во время этого переѣзда написано имъ стихотвореніе „Проскафъ“, напечатанное въ 1844 г. въ Современникѣ, издававшемся въ то время Шлетневымъ.—Италія болѣе прочихъ странъ привлекала поэта. Живые рассказы о ней дядьки Итальянца, о которомъ уже говорено, еще съ дѣтства глубоко запечатлѣлись въ его воображеніи и навсегда сохранились въ памяти его. Историческія воспоминанія, роскошная природа и памятники искусствъ этой страны всегда манили его къ себѣ. Однажды, еще въ Москвѣ, онъ воскликнулъ экспромтомъ:

„Небо Италіи, небо Торквата,
 „Прахъ поэтической древняго Рима,
 „Родина нѣги, славой богата,
 „Будешь-ли нѣкогда мною ты зрима?
 „Рвется душа, нетерпѣньемъ объята,
 „Къ гордымъ остаткамъ падшаго Рима.

„Снятся мнѣ горы, лѣса благовонны,
„Снятся упавшихъ чертоговъ колонны!

Передъ отъѣздомъ изъ Парижа Баратынскій былъ боленъ простудой. Парижскій докторъ не совѣтоваль ему ѣхать въ Неаполь, опасаясь для него вреднаго вліянія знойнаго Неаполитанскаго климата. Эти опасенія, повидимому, не были безъ основанія: Евгеній Абрамовичъ былъ склоненъ къ сильнымъ головнымъ болямъ. Безпокойство объ исходѣ болѣзни жены, заболѣвшей незадолго до его кончины, вѣроятно также способствовало къ усиленію оказавшейся у него при этомъ случаѣ головной боли. На другой день послѣ появленія ея, рано утромъ, онъ почувствовалъ стѣсненіе въ дыханіи и до прибытія доктора скончался скоропостижно $\frac{29 \text{ іюня}}{11 \text{ іюля}}$, въ день Апостоловъ Петра и Павла, 44 лѣтъ отъ роду. Тѣло покойнаго перевезено въ Петербургъ. Поэтъ погребенъ 30 августа 1845 г. въ Александро-Невскомъ монастырѣ, на такъ называемомъ Лазаревомъ кладбищѣ, близъ гробницъ Гнѣдича и Крылова.

Собранія стихотвореній Е. А. Баратынскаго вышли въ печати двумя изданіями: первое собраніе ихъ появилось въ 1827 г., второе 1835 года; въ напечатанномъ выше спискѣ М. Н. Лонгинова подробно означено: въ которомъ году и въ какихъ журналахъ и періодическихъ изданіяхъ помѣщаются были его сочиненія.

ПИСЬМА Е. А. БАРАТЫНСКАГО.

НѢСКОЛЬКО ПИСЕМЪ ДѢТСТВА И ЮНОШЕСТВА ЕВГЕНІЯ АБРА- МОВИЧА БАРАТЫНСКАГО.

1.

1808 г.

ПРИ ВСТУПЛЕНІИ ВЪ ПАНСИОНЪ.

Ma chère maman,

Je viens de recevoir votre lettre et je vous en remercie, je me porte bien, Dieu merci. Oh maman,—quel plaisir, la Néva est à présent toute débarrassée de glaces, que de chaloupes et de voiles, que de vaisseaux, mais avec tout cela maman, sans vous, tout me semble insipide; lorsque je parlais, je ne sentais pas encore tout le chagrin que me causait notre séparation, je ne la connaissais pas, mais à présent maman, quelle différence,—Pétersbourg n'avait frappé par sa beauté, tout me semblait heureux, mais tous avaient leurs mères ici; je croyais qu'avec mes camarades je pourrais être joyeux, mais non, chacun joue avec l'autre comme avec un joujou, sans amitié, sans rien! Quelle différence lorsque nous étions avec vous! Les derniers jours, quoique j'étais triste, mais je sentais le plaisir d'être encore avec vous et pour vous dire franchement, je pensais en parlant que je m'amuserai beaucoup plus avec des garçons de mon âge qu'avec maman, parceque c'est une grande personne, mais hélas maman, je m'étais bien trompé; je croyais trou-

ver l'amitié, mais je ne trouvais qu'une politesse froide et affectée, une amitié intéressée: lorsque j'avais une pomme ou quelque chose d'autre, tous étaient mes amis, mais après, après, tout était comme perdu, mais aussi maman, je n'ai pas le temps de vous écrire davantage, adieu, portez vous bien, j'embrasse tout le monde.

2.

1811 года.

Ma chère maman,

Je vous demande mille et mille pardons de ne vous avoir pas écrit de si longtemps. Je m'en vais réparer maintenant ma faute et j'espère que rien n'interrompera plus notre correspondance. Voilà le printemps qui s'approche, toutes les rues sont sèches à Pétersbourg et l'on peut se promener à son aise. C'est vraiment un grand plaisir que d'observer comme le printemps embellit par degrés toute la nature. On goûte une si grande joie quand on aperçoit quelques brins d'herbe qui commencent à croître. Que je voudrais être maintenant avec vous à la campagne! O! que votre présence augmenterait mon bonheur. La nature me paraîtrait plus riante, le jour plus brillant. Ah, quand arrivera cet instant fortuné? Est-ce en vain que je le hâte de mes vœux? Pourquoi, ma chère maman, est ce que les hommes ont inventé les lois de la bienséance qui nous séparent. Ne vaudrait-il pas mieux être un ignorant heureux qu'un savant malheureux? En ignorant ce qu'il y a de bon dans les sciences, j'ignorerais les raffineries du vice? Je ne saurais rien ma chère maman, mais à quel haut degré je porterais la science de vous aimer? Et cette science ne vaut-elle pas mieux que toutes les autres? mon coeur me dit que oui, car c'est la science du bonheur; sans doute, ma chère maman, vous direz que ces sentiments sont faux, que l'on ne saurait être heureux en se regardant seulement, que l'on s'ennuirait bientôt. Je le crois, je me le répète à moi même, mais le coeur parle—il déraisonne, tout cela est vrai, mais

son langage est si doux... C'est le chant d'une Sirène. Adieu, ma chère maman, portez vous bien. Ayez la bonté de me permettre d'acheter des dictionnaires. J'embrasse mes petites soeurs et mon frère.

3.

1814 г.

Ma chère maman,

Nous venons d'apprendre avec le plus grand chagrin la mort de notre grand-maman. Je n'ai pas eu le bonheur de la connaître. Je conçois votre douleur, mais pensez, ma chère maman, que c'est la loi de la nature. Nous naissons pour mourir et quelques heures plus tôt ou plus tard, il faudra toujours quitter ce petit atôme de boue qu'on nomme terre. Espérons que dans un meilleur monde nous pourrons revoir ceux que nous avons chéris. Dieu nous aime et Il ne voudra pas sans doute nous offrir une malheureuse éternité après une vie traversée de tant d'infortunes. Nous allons aujourd'hui rendre le dernier devoir à la mémoire de notre grand-maman. Si ces cérémonies peuvent être utiles, c'est sans doute une grande consolation pour le cœur. C'est une erreur peut être, mais je l'aime, elle me console dans mes chagrins. Adieu, ma chère maman, je désire que cette perte ne vous affecte pas trop, je n'ose pas dire de l'oublier, je sais que cela coûte trop à un cœur sensible.

4.

ИЗЪ ПАЖЕСКАГО КОРПУСА.

Ma très chère maman,

Je viens de recevoir votre lettre et je ne saurais vous dire tout le plaisir que j'ai éprouvé en voyant que vous m'aimez toujours et que vous me pardonnez mes fautes. J'avais véritablement

grand besoin de cette consolation. Elle vient de me rendre la paix avec moi même et je vois clairement combien elle est préférable à tous les plaisirs de la dissipation. Je vais passer chaque fête chez mon oncle (*) qui a eu la bonté de me donner un maître de mathématiques et j'y suis assez avancé (**). Oserai-je vous répéter encore ma prière relativement à la marine. Je vous supplie ma chère maman de m'accorder cette grâce. Mes intérêts qui vous sont si chers, dites vous, le commandent impérativement. Je sais combien il doit coûter à votre coeur de me voir dans un service aussi périlleux. Mais dites moi, connaissez vous un endroit dans l'univers excepté le règne de l'Océan où la vie de l'homme ne soit exposée à mille dangers, où la mort n'ait ravi un fils à sa mère, un père, une soeur? partout le plus petit souffle est capable de détruire le ressort fragile que nous nommons notre existence. Quoique vous disiez, ma chère maman, il est des choses qui dépendent de nous, il y en a d'autres dont la conduite est confiée à la Providence! Nos actions, nos pensées dépendent de nous, mais je ne saurais croire que notre mort dépende du choix que nous ferons du service de terre ou de mer. Quoi? serait-il possible que la destinée, qui m'a marqué la fin de ma carrière, remplirait son arrêt sur la mer Caspienne et ne saurait m'atteindre à Pétersbourg. Je vous supplie, ma chère maman, de ne pas contraindre mon inclination. Je ne saurais servir à la garde; on la ménage trop. Si l'on fait la guerre, elle ne fait rien et reste dans une honteuse oisiveté. Et vous appelez cela exister? Non, ce n'est pas une existence qu'une tranquillité sans mélange. Croyez moi, ma chère maman, que l'on peut s'habituer à tout excepté à la tranquillité et à l'ennui. J'aimerais mieux être parfaitement malheureux que parfaitement tranquille; le

---

(*) Петръ Андреевичъ Баратынскій.

(**) Е. А. Баратынскій былъ очень хорошій математикъ; съ малолѣтства въ немъ выказалась большія способности къ этой наукѣ.

sentiment de mes maux me rappellerait que j'existe. Et véritablement je sens qu'il me faut toujours quelque chose de dangereux dont je m'occupe; sans cela je m'ennuie. Représentez vous, ma chère maman, une furieuse tempête et moi debout sur le tillac qui semble commander à la mer irritée, une planche entre moi et la mort, les monstres marins qui admirent l'instrument merveilleux, enfant du génie humain et qui commande aux éléments. Et puis je vous écrirai le plus souvent possible tout ce que j'aurai vu de beau. Songez encore, ma chère maman, qu'au lieu de nous revoir dans cinq ans, nous nous reverrons dans deux ans. Dans deux ans, ma chère maman, je vous embrasserai, je vous regarderai, je vous parlerai, ma chère maman, concevez vous mon bonheur! y seriez vous insensible? Je ne saurais le croire, — et si même la destinée me condamnerait à périr sur la mer dans peu d'années, je vous aurai vu, j'aurai goûté ce bonheur. Quelques moments de joie semblables ne sont-ils pas préférables à une longue suite d'années ennuyeuses? Ainsi ma, chère maman, j'espère que vous ne me refuserez pas cette grâce. Vous dites que vous êtes bien contente de mon goût pour les ouvrages de l'esprit, mais vous avouerez qu'il n'y a rien de si ridicule, qu'un jeune homme qui vous fait le pédant, qui se croit auteur, parcequ'il a traduit deux ou trois pages d'Estelle de Florian, avec une trentaine de fautes d'orthographe, d'un style empouillé, qu'il croit être fleuri, qui se croit en droit de critiquer tout, ne sachant pas distinguer ni sentir les beautés qu'il admire; parceque les autres les trouvent admirables, il les loue avec enthousiasme, tandis qu'il ne les a jamais lues. Vraiment, ma chère maman, j'ai ce défaut et je tâche de m'en corriger. Bien souvent j'ai loué l'Illiade quoique je l'aie lu à Moscou et dans un âge si tendre que je ne pouvais non seulement en sentir les beautés, mais même en comprendre le contenu. J'entends partout la louer et je la loue comme un singe. Je connais des personnes qui ne se donnent pas la peine de penser et qui laissent à l'opinion publique à fixer leur

opinion et vraiment ces gens là, sans en excepter ma seigneurie, ressemblent beaucoup à ces automates qui sont mus par des ressorts cachés dans leur corps. Mais voilà une bien longue lettre, je crains de vous ennuyer trop. Adieu, ma chère maman. Dieu veuille que nous puissions bientôt nous revoir. Je reste votre très humble et très obéissant serviteur selon la mode et votre obéissant, votre tendre, reconnaissant fils selon mon coeur.

5.

1816 г.

СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ ИЗЪ СЕЛЦА ПОДВОЙСКАГО.

Ma chère maman,

Nous passons ici le temps très agréablement, on chante, on rit, tout semble respirer le bonheur et la joie. Il n'y a qu'une seule idée qui ternisse à mes yeux tout cet appareil de plaisir, c'est le peu de durée qui leur appartient et que je me verrai bientôt arraché à tous ces délices.

Je sens que j'ai un bien méchant caractère et qui fait en quelque sorte mon malheur, c'est de prévoir de trop loin tout ce qui peut m'arriver de désagréable. Il fut un temps où je n'y pensais pas! Mais ce temps il s'est envolé comme un songe ou du moins il fut aussi court que les instants de bonheur accordés à la vie humaine. Ma chère maman, l'on a beaucoup disputé sur le bonheur, ne semble-t-il pas voir des mendiants qui raisonnent la pierre philosophale?

Tel homme, au milieu de tout ce qui semble le rendre heureux, porte un venin caché qui le ronge et le rend incapable de tout sentiment de plaisir; un esprit chagrin, un fond d'ennui et de tristesse: voilà ce qu'il porte dans le tumulte de la vie, et je connais bien cet homme. Le bonheur ne serait-il pas par hasard une certaine combinaison d'idées qui nous rend incapable de penser à

autre chose qu'à ce qui remplit notre cœur, qui serait rempli de manière qu'il ne puisse pas réfléchir à ce qu'il sent? L'insouciance ne serait-elle pas encore le bonheur? N'appartient-il pas à l'Être des êtres de rendre l'âme susceptible de ce sentiment lorsqu'il veut récompenser quelques uns de ces petits atômes qui arrachent quelques brins à la boue, notre mère commune? O atômes d'un jour! O mes compagnons dans l'infinie petitesse,—avez-vous jamais pu apercevoir cette main invisible qui nous dirige dans cette fourmilière du genre humain?—Qui de nous a pu anatomiser ces instants si courts dans la vie humaine? Pour moi je n'y ai jamais songé.

- Il le faut avouer, telle est la vie humaine,
- Chacun a son lutin qui toujours le promène
- Des chagrins aux amusements.
- Des cinq sens tout au plus, malgré moi, je dépens,
- L'homme est fait, je le sens, d'une pâte divine,
- Nous serons tous un jour des esprits glorieux,
- Mais dans ce monde-ci l'âme est un peu machine.
- La nature change à nos yeux,
- Et le plus triste Héraclite,
- Quand ses affaires vont mieux,
- Redevient un Démocrite.

Ces vers sont d'un certain hérétique qui a toujours tort avec certaines gens, mais dont les vers sont souvent remplis de vérité et de force, je veux dire de Voltaire. Il me semble que c'est ce qu'on a écrit de mieux sur cette controverse mystique. Mais je crois que je vous ennuirai bientôt avec ma philosophie. La passion de raisonner n'est pas l'un de mes plus petits défauts et je ne pense pas à m'en corriger.

Pour finir tout ce fatatras, je vous dirai que j'étais de très mauvaise humeur en commençant ma lettre jusqu'à la fin de la seconde page où je me suis interrompu pour aller prendre du café avec mes tantes et maintenant je ne suis pas du tout d'humeur à parler des maux physiques ni moraux.

6.

1816 г.

..... Nous aurons tous nos parents cet automne. Mon oncle Петръ Андреевичъ promet aussi de vous rendre visite. Bon Dieu, que de bonheur à la fois! Je crains de me réjouir trop et comme ce général romain qui priaît Jupiter de lui envoyer un petit malheur pour contrebalancer l'ivresse de ses triomphes, je voudrais être du moins un peu malade, alors je serais plus tranquille. Quoiqu'il en soit il est toujours bon d'espérer et comme dit Voltaire que l'espérance:

«..... Même en nous trompant donne de vrais plaisirs» il faut profiter même de ce qui semble un défaut dans la nature humaine. Que de choses dont le but nous est caché par la Providence et dont nous osons accuser le Créateur! Adieu, ma chère maman, que j'aurais désiré que ce fut la dernière lettre que j'eusse à vous écrire.

7.

Того же года.

Par où commencer, ma chère maman, est-ce par mon arrivée ou par mon départ? Le dernier est assez triste, je ne vous parlerai donc que du premier, parcequ'il faut toujours choisir les objets les plus agréables. Sachez donc qu'après une semaine du plus heureux voyage nous sommes arrivés à Podvoiskoe; ce n'est pas le plus beau; monsieur Pantchoulidseff qu'on attendait depuis longtemps, était arrivé une heure avant nous. Il faudrait imaginer une réunion aussi joyeuse. La soirée s'est passée dans une gaieté folle. Le général est l'homme le plus aimable que j'aie vu: il a, je ne sais quelle loyauté, je ne sais quelle franchise qui tient de l'ancienne chevalerie. Il parle extrêmement haut et il semble qu'il aurait voulu que chacun puisse voir au fond de son coeur. Que bien peu de gens auraient formé un pareil voeu! Je l'ai appelé chevalier sans peur et sans

reproche] et je ne sais qui me dit qu'il doit mériter ce titre. Je ne vous parlerai point de quelle manière je fus reçu ici. Vous connaissez cette amitié incomparable de ces personnes encore plus incomparables. Tout ce qu'ils font pour moi, tout ce que je sens pour eux est audessus de toute expression. Je crois qu'en détaillant des sentiments trop énergiques on les affaiblit.—Oh ma chère maman, le plaisir de se voir aimé vaut tous les plaisirs du monde!

8.

1817 г.

Любезный дядюшка,

Петръ Андреевичъ!

Я не знаю, чѣмъ вамъ когда нибудь доказать мою благодарность за всѣ милости, коими я вамъ обязанъ. Будьте увѣрены, любезный дядюшка, что слова ваши никогда не изгладятся изъ моей памяти. Нужно быть болѣе развращеннымъ или лучше сказать совсѣмъ безъ души и сердца, чтобы не чувствовать всю цѣну вашихъ наставленій. Они всегда будутъ за мною слѣдовать, всегда будутъ мнѣ напоминать мой долгъ, честь, добродѣтель и когда жестокая совесть будетъ укорять меня, то примирять меня съ собою. Любезный дядюшка! Нѣтъ истиннаго счастья безъ добродѣтели и если кто въ семь не признается, то духъ гордости ослѣпляетъ его, и я это хорошо знаю! Когда пылкія страсти молодости перестанутъ ослѣплять опытную старость, какимъ ужаснымъ сномъ кажутся протекшіе дни нашей жизни, какъ смѣшны кажутся всѣ предпріятія радости и печали! Горе тому, кто можетъ вспоминать одни заблужденія! Извините меня, любезный дядюшка, что я пишу вамъ

это, что можетъ быть несвойственно ни моей неопытности, ни лѣтамъ, но я это живо чувствую, а чувствомъ своимъ повелѣвать не можно. Прощайте, любезный дядюшка! Будьте увѣрены, что я никогда не позабуду, что вы столько времени были мяѣ отцомъ, наставникомъ и учителемъ, и если когда нибудь измѣню чувствамъ моимъ, то пусть Тотъ, Который все знаетъ, Который наказываетъ злыхъ и неблагодарныхъ,—накажетъ и меня вмѣстѣ съ ними.

ПИСЬМА Е. А. БАРАТЫНСКАГО ИЗЪ ФИНЛЯНДИИ
КЪ А. В. БАРАТЫНСКОЙ.

1.

Nous allons quitter Rotschensalm, ma chère maman. Закревскій, à la prière de mon colonel, lui a permis de venir occuper une grande et belle maison à Кюмень, maison appartenant à la couronne. Ce n'est qu'à sept verstes de nos premiers quartiers. Le colonel me prend avec lui pour l'aider à vivre. Ce qu'il y a de remarquable, c'est que j'occuperai dans cette maison les deux petites chambres qui furent autrefois occupées par Souvoroff lorsqu'il batissait le fort de Кюмень. Nous n'y serons qu'au commencement d'octobre. Les lettres peuvent être adressées à Rotschensalm comme auparavant.

Je mène une vie très douce, très tranquille et très réglée. Je travaille un peu le matin chez moi, je vais diner chez le colonel et ordinairement je passe la soirée chez lui à jouer au boston avec les dames à un sol la fiche: il est bien vrai que je perds toujours; mais, du moins j'ai l'air d'être galant, au reste par distraction.

Nous avons un bien bel automne, il a l'air de nous récompenser du mauvais été que nous avons eu. J'aime l'automne. La nature

est touchante dans sa beauté d'adieu. C'est un ami qui est prêt à nous quitter et l'on jouit de sa présence avec un amour mélancolique qui remplit toute l'âme.

Mon colonel a reçu une lettre de Ржевъ, qui contient des nouvelles extraordinaires. La disette y a produit une véritable insurrection. Les paysans quittent leurs foyers et s'en vont. Plus de trois mille personnes ont quitté le district. Tous serfs. Les déménagements ne se font pas sans violence. Ils commencent par s'emparer de tout ce qu'ils peuvent trouver dans les maisons de leurs maîtres, ils s'assemblent par troupes, prêtent serment les uns aux autres, les uns contre leurs seigneurs, les autres contre le Gouvernement..... C'est une mauvaise plaisanterie. En avez vous des nouvelles?.....

2.

le 10 février.

C'est de Кюмень que je vous écris, ma bonne maman, où mon bon Лутковскій et sa femme m'ont reçu avec leur ancienne amitié. Je les ai revus avec un plaisir sensible et pouvais-je faire autrement? J'ai passé cinq années avec eux, toujours comblé de leurs bontés, toujours reçu comme un de leurs meilleurs amis. C'est à eux que je dois tous les adoucissements de mon exil.

Le général m'a fait ses adieux de la manière la plus gracieuse, il m'a promis de faire tout ce qui dépendra de lui pour me faire avancer. Je crois qu'il tiendra parole. Si même il ne réussit pas, malgré toute sa bonne volonté, je lui conserverai toujours une vive reconnaissance pour tous les agréments de mon séjour à Helsingfors. Les trois mois que j'y ai passés seront toujours d'un agréable souvenir pour moi.

Je suis parti un jour après lui avec Madame. Rien de plus gai que ce petit voyage que nous avons fait ensemble. Nous avons avec nous cette Miss dont je vous ai parlé et un des aides de camp, jeune homme de beaucoup d'esprit. Nos diners et nos soupers étaient

on ne peut plus agréables. Nous nous sommes quittés en très bons amis, et ce voyage m'a donné du moins pour quelques instants, un très grand goût pour le sort des aventuriers. Comment va votre santé, ma bonne maman? Il y a longtemps que je ne vous ai écrit; mais c'est que les voyages causent toujours des lacunes dans les correspondances. Il se passera aussi bien du temps avant que je ne reçoive des nouvelles de Mara (*).

Adieu, ma chère maman, que Dieu vous donne une bonne santé et tranquillise votre âme: c'est mon vœu de tous les jours et c'est par habitude autant que par sentiment que je le répète dans mes lettres.

3.

Vous avez été sans doute étonnée de recevoir le bonnet invisible cacheté comme une lettre.—Je lui avais préparé une meilleure enveloppe; mais on ne reçoit point de paquets lourds ici.—Nous n'avons de poste que pour les lettres et c'est à titre de lettre aussi qu'on a reçu le talisman de ma soeur. Je viens de faire mes dévotions aussi dévotement que je l'ai pu, et voilà Pâques qui arrive.—Je vous félicite de tout mon coeur.—Les fêtes seront magnifiques chez vous, le printemps est déjà fort avancé et je m'imagine le beau ciel et le beau soleil que vous devez avoir. Nous ne sommes pas aussi bien partagés, les belles journées ne nous viennent pas encore et les vents qui soufflent du côté de la mer rendent l'air froid et humide.—Cela me désespère, car j'aime le printemps et suis à guetter son arrivée.—Je passe mon temps d'une manière assez uniforme; mais je suis loin de m'ennuyer: je suis vos conseils, je marche beaucoup.—Je m'amuse à gravir nos rochers qui commencent à devenir aussi beaux qu'ils le peuvent—la mousse verte qui les couvre, est d'un très bel effet, lorsque le soleil donne dessus.

(*) М а р а, названіе оврага, около котораго расположена усадьба Баранскихъ въ селѣ Вижлѣ.

Pardon si je ne vous parle que du temps qu'il fait; mais je vous avouerai que c'est ce qui m'occupe le plus ici: étant presque seul avec la nature, c'est elle qui est ma véritable compagne et je vous en parle à Rotschensalm comme je vous aurais parlé de Delvig à Pétersbourg. Je continue à lire l'allemand. Dieu sait si je fais des progrès, du moins j'ennuie tous les officiers qui possèdent cette langue, par mes questions et par ma fureur de la parler.

Ces Messieurs sont de drôles de gens: tout allemands qu'ils sont, ils ne savent que parler leur langue, mais ils ne sont pas en état de la lire et je suis obligé de laisser là les endroits que je n'ai pu comprendre à force de dictionnaire; rarement ils peuvent m'aider.—C'est ainsi que les jours s'en vont et ce qui me fait plaisir, c'est que plus ils s'en vont, plus je suis près de mon but,—du jour où je pourrai ajouter au plaisir d'avoir vu la Finlande, le plaisir de la quitter pour longtemps.—Adieu, ma chère maman, je vous suppose très occupée maintenant de vos arbres et de votre potager, et je me l'imagine, avec satisfaction, car c'est une jouissance pour vous.

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ СЪ БАРОНОМЪ ДЕЛЬВИГОМЪ (*).

1.

8-го января 1826 г. С.-Петербургъ.

Отеликнись, милый другъ, перестань писать мнѣ, что тебѣ нѣкогда писать къ Дельвигу и разговорись попрежнему. Ужели ты нашелъ другаго повѣреннаго въ поэзи и любви; или уже не товещь-ли въ пронасти пустоты Мос-

(*) Собственная переписка Баратынскаго съ Дельвигомъ не сохранилась. Баратынскій и Пушкинъ, послѣ кончины Дельвига, выпросили свою переписку съ нимъ и сожгли ее, не желая, чтобы она сдѣлалась достояніемъ публики. Изд.

ковской? Письма ко мнѣ могутъ послужить тебѣ досвою, за которую хватаются утопающіе. Надѣюсь, что воспомина- ніе о товарищѣ разнообразной и живой жизни можетъ иног- да пробуждать Евгенія къ дѣятельности сердечной. Никог- да подобнаго не случилось. Ежели ты боленъ, хоть-бы ми- лому М. сказалъ, чтобы онъ что нибудь написалъ объ тебѣ. Кстати, напиши мнѣ какъ зовутъ М. . . . ва? Онъ такъ былъ добръ ко мнѣ, что я при всей лѣности горю желаніемъ благодарить его письменно и притомъ мнѣ нужно будетъ возвратить ему нѣсколько стиховъ, не вошедшихъ въ составъ Сѣверныхъ Цвѣтовъ, съ изъясненіемъ причинъ.—Кланяйся ему покамѣсть. Въ самомъ дѣлѣ, есть-ли надежда съ то- бою скоро увидѣться? Есть-ли и когда? Что ты хочешь съ собою дѣлать и что дѣлаешь? Что твои? Всѣ это всегда за- нимало и всегда будетъ занимать меня. Что стихи твои, льются-ли все какъ ручьи любви или сдѣлались просто ру- чьями чернильными, какъ, съ позволенія сказать, у большей части стихомарателей? Сохрани тебя Богъ и помилуй! не заразись!

Ежели Плетневъ не доставилъ тебѣ мелкихъ стихотво- реній Пушкина, то на дняхъ доставить. Напиши мнѣ о Московскомъ Парнасѣ. Нашъ погибаетъ. . . . . И дѣло-ли мирныхъ Музъ вооружаться пламенниками на- роднаго возмущенія? Бунтовали-бы на трагическихъ под- мосткахъ для удовольствія мирныхъ гражданъ, проливали бы рѣки чернилъ въ журнальныхъ битвахъ и спокойно-бы вѣрили законодателямъ классической или романтической школы и исключительно великому Распорядителю всего. Прости, душа моя, обнимаю, цѣлую тебя миллионъ разъ, бла-

гословляю тебя во имя Феба и святыхъ Ореста и Пилада; цвѣти, мой прекрасный цвѣтъ, пѣвцовъ очарованье.

2.

Того же года изъ Петербурга.

Милый другъ Евгений! слава Богу, послѣднее письмо твое и М . . . . ва успокоили меня: письма мои стали доходить до тебя. Пишу тебѣ о дѣлѣ; слушай! Настоящій издатель твоихъ сочиненій тотъ же кто и Пушкина: Плетневъ. Лучше корректора трудно найти. Во всей Эдѣ значительная ошибка: „когда смятешь ты въ юга“. Четыре стиха, которые тебѣ кажутся очень нужными для смысла, выкинула цензура. Мы совѣтовались съ Жуковскимъ и прочими братьями, и намъ до сихъ поръ кажется, что безъ нихъ смыслъ не теряется; напротивъ, видно намѣреніе автора дать читателю самому вообразить соблазнительную сцену всей поэмы. Монахъ и Смерть Андре Шенье перебѣсили нашу цензуру: она совсѣмъ готовую книжку остановила и принудила насъ перепечатать по ея волѣ листокъ Пировъ. Напрасно мы хотѣли поставить точки или сказать:

„Оно и блещетъ и кипитъ,

„Какъ дерзкій умъ не терпитъ плѣна.

Нѣтъ. На всѣ наши просьбы суровый отказъ былъ отвѣтомъ. Взгляни на свой экземпляръ, потряси его, — листокъ этотъ выпадетъ. Пришли поскорѣй свои тетради: нужно очень спѣшить издаваемъ. Черезъ недѣлю получишь Цвѣты. Д . . . . въ задержалъ ихъ до сихъ поръ, переписывался съ Одессой и лѣнился. За то высидѣлъ большую и прекрасную статью. Прощай, мой другъ! обнимаю тебя; нѣтъ мѣста болѣе писать.

3.

Изъ Харькова.

Брату Евгению здравія и спасенія и поэтического вдохновенія желаетъ пустынный братъ Антонъ.—1-е) Поздравляю тебя и милую жену твою съ наступающимъ праздникомъ Воскресенія Христова. 2-е) Увѣдомляю тебя, что въ городѣ Харьковѣ грязь классическая съ наблюденіемъ трехъ единствъ, изъ коихъ самое нестерпимое называется скукой. 3-е) Пишешь ты ко мнѣ рѣдко и ничего не говоришь о портретѣ твоёмъ: готовъ-ли онъ? Если готовъ, то похожъ-ли? Если похожъ, то держи его до моего пріѣзда. 4-е) Я начинаю говѣть и прошу у васъ прощенья. 5-е) Письмо мое съ виду покажется постороннему человѣку очень порядочнымъ, но ты знаешь меня, и параграфы мои тебя не обманутъ. 6-е) Какъ началъ такъ и кончу, соблюдая принятую мною форму. 7-е) Кланяйся отъ меня Николаю Алексѣвичу Полевому и брату его. 8-е) Пишу сіе въ губернскомъ городѣ Харьковѣ. 9-е) Желая и прошу Бога помочь мнѣ вырваться отсюда и поскорѣй обнять васъ, милые друзья мои. 10-е) Обнимаю и цѣлую тебя.

Твой Дельвигъ.

4.

1828 г.

Душа моя! я получилъ письмо твое какъ не знаю что-то радостное, драгоценное. Теперь только понимаю, какую цѣну имѣли для тебя мои письма въ Финляндіи. Понимаю и каюсь, что рѣдко писалъ къ тебѣ. Не наказывай меня тѣмъ же. Заплати за зло добромъ и будешь мною поставленъ вы-

ше всѣхъ угодниковъ Божіихъ. Вообрази, я на чужой сторонѣ, занять повѣркою счетовъ и допросами по цѣлымъ днямъ и когда кончу не знаю. Пиши ко мнѣ всякую недѣлю и молись о свиданьи. Благодаря Бога, читаю изрѣдка журналы ваши и люблюсь издалека на игру страстишекъ журнальныхъ. Какъ это ты, живучи въ Москвѣ, не приучилъ къ повиновенію. . . . . и имъ подобныхъ. Докажи имъ, что статья о литературѣ 1827-го года совершенно школьническая и какая! Даже Б. . . . . правъ, говоря о ней. Не напоминаю уже, что, писавши по-русски, надо знать по-русски; не худо сказать имъ, что съ должнымъ почтеніемъ, не оцѣнивъ отжившихъ и современныхъ писателей, нельзя кидать взора на будущее, или онъ будетъ не дальновиденъ. Скажи Ш., что мы въ немъ видимъ талантъ въ переводахъ съ Шиллера, въ свободѣ писать хорошіе стихи, но ничуть не въ вымыслахъ вдохновенныхъ. Изысканность въ подобіяхъ, можетъ быть, будетъ еще смѣшнѣе плаксивости Карамзинской и разувѣренія вѣва Жуковскаго. Скажи ему, что онъ смѣшонъ, укоряя меня въ невѣжествѣ: онъ еще азбукѣ не учился, когда я зналъ, что романъ, повѣсть, Геснерава идиллія, не смотря на форму, суть произведенія поэзіи.

Порядка въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ не перемѣню по тому же, почему никто изъ славныхъ поэтовъ не перемѣшивалъ вмѣстѣ своихъ повѣстей, стихами и прозою писанныхъ, почему большая часть нѣмецкихъ издателей альманаховъ не смѣшиваетъ прозы со стихами и такъ далѣе. Сужденіе же его о твоей Последней Смерти вовяетъ глупою посредственностью. Аминь. Обмываю виндзорскимъ мыломъ руки и чистый подхожу къ ручкѣ милой Настасьи Львовны. Желаю вамъ здоровья, дѣтей, стиховъ и той же дружбы ко мнѣ.

5.

Душа моя Евгений! Пушкинъ вѣрно сказалъ тебѣ, что я не имѣлъ силъ писать къ тебѣ: такъ занемогъ и трудно поправляюсь. Жду погоды и не дождусь. Сѣверные Цвѣты прошлаго года доставь Василью Львовичу. Подснѣжникъ выйдетъ на дняхъ. Я напечаталъ твои стихи къ К. З. . . . ъ. Она согласна была, а ты дай кому обѣцалъ ихъ другую пьесу. Я печатаю мои стихи, къ Пасхѣ выйдутъ; въ нихъ ты прочтешь новую мою идиллію. — „Борскому“ подъ-стать вышелъ Выжигинъ. Пошлая и скучная книга, которая лѣтъ черезъ пять присоединится къ разряду твореній Ельника. П. . . . .скому говорить нечего. . . . Онъ при легкости писать гладкіе стихи. . . . . принесть мнѣ Борскаго цензурированнаго и просилъ совѣтовъ. Я посовѣтывалъ напечатать: другаго ничего не оставалось дѣлать. . . . . Развѣ лѣта его обработаютъ. Дай Богъ! Поцѣлуй за меня П. . . . . и Р. . . . въ лобъ и попроси ихъ продолжать, какъ пачали, свои похвалы твореніямъ ничтожнымъ. Прощай, душа моя! трудно писать, цѣлую тебя и Пушкина. Буду не осенью, а весной къ вамъ. Книги, при семъ приложенныя, доставь К. Вяземскому. Поцѣлуй ручки у Настасьи Львовны.

6.

1829 г. изъ Петербурга.

Милый другъ! посылаю тебѣ шивель непромокаемую для твоего теста и желаю, чтобы письмо мое нашло тебя спокойнѣе, чтобы дѣти твои были здоровы. Ужели ты не знаешь, что болѣзнь очень частый гость у малютокъ? Надобно только заботиться о нихъ, но не упадать душою. Вы-

ростутъ—объ насъ будутъ заботиться. За то какъ мы подгуляемъ, выдавая твоихъ дочекъ замужъ! — Я чувствую нынѣшній годъ себя лучше. Еслибы не бессонница, то уже давно бы прыгаль. Ты пишешь—буду-ли я издавать Сѣверные Цвѣты? Буду и прошу не оставлять ихъ. Твой же запасъ желаль-бы прочесть поскорѣе. Ужели ты думаешь, что твои стихи мнѣ только надобны для Альманаха? Мнѣ нужно для души почитать ихъ: она бѣдная голодна и сидитъ на журнальныхъ сухарикахъ. Сжался! Я тоже пишу кое-что и надѣюсь прислать къ тебѣ, что сдѣлаю, да мнѣ писать трудно. . . . . — Цѣлую ручки у милой жены твоей и цѣлую твоихъ дѣточекъ. Жена моя вамъ кланяется. Она вѣроятно-бы приписала сама, но я пишу не изъ дома, а въ квартирѣ Сомова, который тебѣ кланяется. Плетневъ также. Обнимаю тебя, душа моя! надѣюсь до сентября-то увидѣть тебя. Господь съ тобою; будьте здоровы и веселы.

ТРИ ПИСЬМА Е. А. БАРАТЫНСКАГО КЪ А. С. ПУШКИНУ.

1.

1826 г.

Посылаю тебѣ Уранію, милый Пушкинъ! не велико сокровище; но блаженъ, кто и малымъ доволенъ. Намъ очень нужна философія. Однакожъ, позволь тебѣ указать на піесу подъ заглавіемъ: Я смѣхъ.—Сочинитель мальчикъ лѣтъ восемнадцати и, кажется, подаетъ надежду. Слогъ не всегда точенъ, но есть поэзія, особенно сначала. На концѣ метафизика, слишкомъ темная для стиховъ. Надо тебѣ ска-

зять, что московская молодежь помѣшана на трансцендентальной философіи. Не знаю хорошо-ли это или худо: я не читалъ Канта и, признаюсь, не слишкомъ понимаю новѣйшихъ эстетиковъ. Галичь выдалъ пѣстику на нѣмецкій ладъ. Въ ней поновлены откровенія Платоновы и съ нѣкоторыми прибавленіями приведены въ систему. Не зная нѣмецкаго языка, я очень обрадовался случаю познакомиться съ нѣмецкой эстетикой. Нравится въ ней собственная ея поэзія, но начала ея мнѣ кажется можно опровергнуть философически.— Впрочемъ какое о томъ дѣло—особливо тебѣ.—Твори прекрасное, и пусть другіе ломаютъ надъ нимъ голову.—Какъ ты отдѣлалъ элегиковъ въ своей эпиграммѣ!—Тутъ и мнѣ достается—да и по дѣломъ; я прежде тебя спохватился и въ одной ненапечатанной пьесѣ говорю, что стало очень приторно:

„Вытѣ жеманное поство въ нашихъ лѣтъ.—“

Мнѣ пишутъ, что ты затѣваешь новую поэму „Ермака“. Предметъ истинно поэтический, достойный тебя. Говорятъ, что когда это извѣстіе дошло до Парнасса, и Камозенсъ вытираетъ глаза.—Благослови тебя Богъ и укрѣпи мышцы твои на великій подвигъ!

Я часто вижу Вяземскаго. На двѣхъ, мы вмѣстѣ читали твои мелкія стихотворенія. Думали пробѣжать нѣсколько пьесъ и прочли всю книгу. Что ты думаешь дѣлать съ Годуновымъ?—Напечатася-ли его или попробуешь его прежде на театрѣ? Смерть хочется его узнать. Прощай, милый Пушкинь, не забывай меня!

Того же года.

Благодарю тебя за письмо, милый Пушкинъ! оно меня очень обрадовало, ибо я дорожу твоимъ воспоминаніемъ. Вниманіе твое къ моимъ рифмованнымъ бездѣлкамъ заставило бы меня много думать объ ихъ достоинствахъ, ежели бы я не зналъ, что ты столько-же любезенъ въ своихъ письмахъ, сколько высокъ и трогателенъ въ своихъ стихотворныхъ произведеніяхъ.

Не думай, чтобы я до такой степени былъ маркизомъ, чтобы не чувствовать красоту романтической трагедіи. Я люблю героевъ Шекспировыхъ, почти всегда естественныхъ, всегда занимательныхъ, въ настоящей одеждѣ ихъ времени и съ сильно означенными лицами. Я предпочитаю ихъ героямъ Расина, но отдаю справедливость великому таланту французскаго трагика. Скажу болѣе: я почти увѣренъ, что Французы не могутъ имѣть истинно романтической трагедіи. Не правила Аристотеля валагаютъ на нихъ оковы: легко отъ нихъ освободиться;—но они лишены важнѣйшаго способа къ успѣху: изящнаго языка простонароднаго. Я уважаю Французскихъ классиковъ: они знали свой языкъ, занимались тѣми родами поэзіи, которые ему свойственны и произвели много прекраснаго. Мнѣ жалки ихъ новѣйшіе романтики: мнѣ кажется, что они садятся въ чужіе сани.

Жажду имѣть понятіе о твоемъ Годуновѣ. Чудесный вашъ языкъ ко всему способенъ: я это чувствую, хотя не могу привести въ исполненіе. Онъ созданъ для Пушкина, а Пушкинъ для него. Я увѣренъ, что трагедія твоя исполнена красотъ необыкновенныхъ. Иди, довершай начатое, ты,

въ комъ поселился Геній!—Возведи Русскую поэзію на ту степень между поэзіями всѣхъ народовъ, на которую Петръ Великій возвелъ Россію между державами. Соверши одинъ, что онъ совершилъ одинъ; а наше дѣло признательность и удивленіе.

Вяземскаго нѣтъ въ Москвѣ, но я на дняхъ ѣду въ Остафьево и исполню твое порученіе. „Духовъ Кюхельбекера“ читаль. Не дурно—да и не хорошо. Веселость его не весела, а поэзія бѣдна и косноязычна. Эду для тебя не переписываю, потому что она на дняхъ выйдетъ изъ печати. Дельвигъ, который въ Петербургѣ смотритъ за изданіемъ, тотчасъ доставитъ тебѣ экземпляръ и пожалуй два, ежели ты не полѣнишься сдѣлать для меня, что сдѣлалъ для Рылѣва. Посѣтитъ тебя живѣйшее мое желаніе, но Богъ вѣсть, когда это мнѣ удастся. Случая-же вѣрно не пропущу. Покаместъ будемъ мѣняться письмами. Пиши, милый Пушкинъ!—а я въ долгу не останусь, хотя пишу къ тебѣ съ тѣмъ затрудненіемъ, съ которымъ обыкновенно пишутъ къ старшимъ.

Прощай, обнимаю тебя! На что ты Левушку называешь Львомъ Сергѣевичемъ?—онъ тебя искренно любитъ и ежели по вѣтренности какъ нибудь провинился передъ тобою—твое дѣло быть снисходительнымъ.—Я знаю, что ты давно на него сердисься; но долго сердиться не хорошо. Я вмѣшиваюсь въ чужое дѣло..... но ты простишь это моей привязанности къ твоему брату.

Преданный тебѣ.

Адресъ мой: въ Москвѣ, у Харитона въ Огородникахъ, домъ Мясоѣдовой.

3.

1828 г.

Давно-бы я писалъ къ тебѣ, милый Пушкинъ, ежели-бы зналъ твой адресъ и ежели-бы не поздно пришла мнѣ самая простая мысль написать: Пушкину въ Петербургъ. Я бы это навѣрно сдѣлалъ, ежели-бъ отъѣзжающій Вяземскій не доставилъ мнѣ случай писать къ тебѣ—при сей вѣрной оказіи. Въ моемъ Тамбовскомъ уединеніи я очень о тебѣ беспокоился. У насъ разнесся слухъ, что тебя увезли, а какъ ты человѣкъ довольно увозимый, то я этому повѣрилъ. Спустя нѣкоторое время я съ радостью услышалъ, что ты увозилъ, а не тебя увозили. Я теперь въ Москвѣ сиротствующій. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, очень чувствительно твое отсутствіе. Дельвигъ погостилъ у меня короткое время. Онъ много говорилъ мнѣ о тебѣ: между прочимъ передалъ мнѣ одну твою фразу, и ею меня нѣсколько опечалилъ.— Ты сказалъ ему: „Мы нынче не переписываемся съ Баратынскимъ, а то бы я увѣдомилъ его“—и проч.—Неужели, Пушкинъ, короче прежняго познакомясь въ Москвѣ, мы стали съ тѣхъ поръ болѣе чуждыми другъ другу?—Я, по крайней мѣрѣ, люблю въ тебѣ по-старому и человѣка, и поэта.

Вышли у насъ еще двѣ пѣсни Онѣгина; но большее число его не понимаютъ. Ищутъ романтической завязки, ищутъ обыкновеннаго и, разумѣется, не находятъ. Высокая простота созданія кажется имъ бѣдностію вымысла; они не замѣчаютъ, что старая и новая Россія, жизнь во всѣхъ ея измѣненіяхъ, проходитъ передъ ихъ глазами, *mais que le diable les emporte et que Dieu les bénisse!* Я думаю, что у насъ

въ Россіи поэтъ только въ первыхъ незрѣлыхъ своихъ опытахъ можетъ надѣяться на большой успѣхъ: за него всѣ молодые люди, находящіе въ немъ почти свои чувства, почти свои мысли, облеченныя въ блистательныя краски. Поэтъ развивается, пишетъ съ большею обдуманностью, съ большимъ глубокомысліемъ: онъ скученъ офицерамъ, а бригадиры съ нимъ не мирятся, потому что стихи его все-таки не проза. Не принимай на свой счетъ этихъ размышленій: они общія. Портретъ твой въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ чрезвычай-но похожъ и прекрасно гравированъ. Дельвигъ далъ мнѣ особый оттискъ. Онъ виситъ теперь у меня въ кабинетѣ, въ благопристойномъ окладѣ. Василій Львовичъ пишетъ романтическую поэму. Спроси о ней у Вяземскаго. Это совершенно балладическое произведеніе. Василій Львовичъ представляется мнѣ Парнасскимъ Громобоемъ, отдавшимъ душу свою романтическому бѣсу. Нельзя-ли пародировать балладу Жуковскаго? Между тѣмъ прощай, милый Пушкинь! Пожалуйста не поминай меня лихомъ.

ПИСЬМА КЪ Н. Л. БАРАТЫНСКОЙ.

1839 г.

Изъ Петербурга въ Москву.

1.

..... Продолжаю мой Петербургскій журналъ ..... Въ субботу по-утру ѣздилъ съ визитами. Былъ у Плетнева, у Жуковскаго, Вяземскаго; никого не засталъ. Мой добрый, мой милый Плетневъ часовъ въ семь послѣ обѣда пріѣхалъ ко мнѣ. Ни въ чемъ не измѣнился: ни въ дружбѣ ко

мнѣ, ни въ общемъ своемъ святомъ добродушіи. Звалъ меня во вторникъ обѣдать вдвоемъ. Не правда-ли, что этотъ зовъ цѣлая характеристика. Говорилъ мнѣ о своей дочери, вздыхаетъ по старымъ товарищамъ.—„Теперь, послѣ долгихъ трудовъ, я имѣю независимость и даже болѣе; все есть, что я желалъ, да не съ кѣмъ подѣлиться этимъ благосостояніемъ“. Звалъ меня на житье въ Петербургъ. Вяземскій, въ отвѣтъ на мою карточку, написалъ мнѣ нѣсколько милыхъ словъ, предлагая ко мнѣ пріѣхать. Было уже поздно, и мы согласились съѣхаться у Одоевскихъ....
..... также познакомился тамъ съ Мятлевымъ, котораго ты знаешь нѣсколько шутовскихъ стиховъ „Тараканъ какъ въ стаканъ“. Я думалъ найти молодаго повѣсу. Чтожъ? это человѣкъ важный, лѣтъ сорока пяти. Жуковскій сталъ меня спрашивать о своихъ. Познакомился съ Лермонтовымъ, который прочелъ новую, прекрасную пьесу; человѣкъ безъ сомнѣнія съ большимъ талантомъ, но мнѣ морально не понравился. Что-то нерадушное. Мятлевъ читалъ свое путешествіе Курдюковой по чужимъ краямъ, въ стихахъ, въ перемежку русскаго съ французскимъ. Много веселости; онъ мастерски читаетъ. Потомъ тѣшилъ всѣхъ разнаго рода анекдотами, но меня менѣе другихъ, потому что напоминалъ мнѣ брата Льва, который рѣшительно его превосходитъ. Мятлевъ заключилъ вечеръ.

2.

....S. Карамзина чрезвычайно мила; мы съ нею тотчасъ вошли въ нѣкоторую короткость; говорятъ, что и я былъ очень любезенъ. У Карамзиныхъ въ полномъ смыслѣ salon. Въ продолженіи двухъ часовъ, которые я тамъ про-

вель, явилось и исчезло человекъ двадцать. Тутъ былъ Вяземскій, пріѣхаль Блудовъ. Вяземскій напомнилъ ему о старомъ его знакомствѣ со мною. Онъ очень мило притворился, что не забылъ, говоря, что мы вмѣстѣ слушали въ первый разъ Бориса Годунова. Это неправда, но разумѣется я ему не противорѣчилъ. Споръ, завязавшійся у Одоевскихъ, продолжался у Карамзинныхъ и былъ главный предметъ разговора. На другой день (вчера) я былъ у Жуковскаго, провелъ у него часа три, разбирая ненапечатанныя новыя стихотворенія Пушкина. Есть красоты удивительной, вовсе новыхъ и духомъ и формой. Всѣ послѣднія пьесы его отличаются силою и глубиною. Что мы сдѣлали, Россіяне, и кого погребли! слова Теофана на погребеніе Петра Великаго. У меня нѣсколько разъ навертывались слезы художническаго энтузіазма и горькаго сожалѣнія.

Въ тотъ же день поѣхали во французскій театръ, въ ложу К. Абамелевъ. Давали L. Lectrice, играла M-me Allan; хороша, но не чрезвычайно. Говорятъ, она была не въ духѣ, и за кулисами ее кто-то обидѣлъ. Поздній вечеръ провелъ со своими. Вотъ тебѣ не письмо, а журналъ. Меня уже тянетъ домой, хотя провожу время очень пріятно.

3.

.....Съ княземъ и княгиней хорошо познакомился. Съ обоими я въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Въ театрѣ были вмѣстѣ, гдѣ она меня познакомила съ графинею Лаваль. О Тальони не стану говорить. Все выше всякаго чаянія. Смѣсь страсти и граціи, которыхъ нельзя описать. Надобно видѣть неожиданность, прелесть, правду позъ. Духъ

захватываетъ. У Карамзиныхъ видѣлъ почти все Петербургское общество. Встрѣтилъ вдову Александра Пушкина. Вяземскій меня къ ней подвелъ, и мы возобновили знакомство. Все также прелестна и много выиграла отъ привычки къ свѣту. Общій тонъ общества истинно удовлетворяетъ идеалу, который составляешь себѣ о самомъ изящномъ въ молодости по книгамъ. Полная непринужденность и учтивость, обратившіяся въ нравственное чувство. Въ Москвѣ объ этомъ и понятія не имѣютъ. Съ S. Карамзиной въ полной дружбѣ. Вчера Жуковскій раздражилъ ее до слезъ. Эта маленькая сцена была очень мила и забавна. Въ ней истинное оживленіе и непритворное баловство, граціозно умѣренномъ некоторымъ уваженіемъ приличій.

4.

Въ субботу былъ въ Академіи Художествъ и видѣлъ Послѣдній день Помпеи Брюлова. Все прежнее искусство блѣднѣетъ передъ этимъ произведеніемъ; но одно искусство, а не сущность живописи. Колоритъ, перспектива, округлость тѣлъ, фигуры, выходяція какъ будто вопль изъ полотна, все это выше всякаго описанія; но думаю, что изучающій Рафаэля, Микель-Анжела, Тиціана, найдетъ въ нихъ больше мысли, больше красоты. На лицахъ Брюлова однообразное выраженіе ужаса, и нѣтъ ни одной фигуры идеально-прекрасной. Видѣлъ прекрасный портретъ Жуковскаго, Брюлова и нѣсколько начатыхъ картинъ. Самого его не видаль: онъ боленъ. Обѣдалъ у Христофора Лазарева. Отъ Лазаревыхъ поѣхалъ во французскій театръ, въ ложу къ нашимъ; съ ними была и К. Одоевская. Давали *le Gamin de Paris*, пьеса, которая въ Москвѣ мнѣ вовсе не

правилась и которую здѣсь я нашель очень умной и милой. Вечерь провелъ у Одоевскихъ. Въ воскресенье обѣдалъ у дяди вмѣстѣ съ братомъ Иракліемъ. Въ четыре часа мы были уже свободны, и я побѣжалъ къ брату, гдѣ въ первый разъ, съ тѣхъ поръ какъ я въ Петербургѣ, мнѣ удалось съ часикъ заснуть послѣ обѣда. Въ 8 часовъ былъ у одного чудака Ш.....а, съ которымъ познакомилъ меня Вяземскій у Дюме. Онъ богатый человекъ, незнающій никакого языка, кромѣ русскаго, умный и смѣтливый. Прикидывается простякомъ. Принимаетъ гостей своихъ (гостей высшего круга) въ чекменѣ, любитъ попить и погулять; у него пѣли и плясали цыгане, и самъ онъ пѣлъ и плясалъ вмѣстѣ съ ними. En résumé было скучно. Вечерь провелъ у Карамзинныхъ очень пріятно. Чувствую благорасположеніе всего здѣшняго общества, и ты знаешь какъ это сильно дѣйствуетъ. Со всѣмъ тѣмъ устаю. Жизнь, которую я здѣсь веду, мнѣ не по силамъ.

5.

Вчерашнее утро провелъ я у Вяземскаго. Говорили о Пушкинѣ. Вяземскій входилъ въ подробности свѣтскихъ сношеній, принудившихъ Пушкина къ дуэли. Ничего не сказалъ новаго. Предложилъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ къ его вдовѣ, говоря, что она очень признательна, когда старые друзья ея мужа ее посѣщаютъ. Я намѣренъ у нея быть. Она живетъ чрезвычайно уединенно. Бываетъ только у Карамзинныхъ и то очень изрѣдка. Разговорились не знаю какъ о здоровьѣ.—„Vous êtes un peu malade imaginaire“—сказалъ мнѣ Вяземскій; я засмѣялся и спросилъ почему онъ это знаетъ?—„Говорили это во время холеры, впро-

чемъ я самъ склоненъ къ этому". Тѣмъ и кончился разговоръ очень для меня любопытный. Я сказалъ ему однакожь, что я вовсе не склоненъ преувеличивать воображеньемъ какую либо немощь; напротивъ, можетъ быть, слишкомъ не заботливъ и не люблю лѣчиться. Отъ Вяземскаго поѣхалъ къ Вельгорскому, къ Сологубу, наконецъ къ Вязмитиновой. Остальное утро провелъ у Ираклія, который совсѣмъ уже оправился. Обѣдалъ у своихъ, а вечеромъ былъ въ собраніи. Видѣлъ Наслѣдника, Великаго Князя Михаила Павловича, Лейхтенбергскаго, который не такъ хорошъ какъ на портретѣ, но все-таки очень хорошъ и кажется еще лучше, когда вступишь, нежели съ перваго взгляда. Государя, къ сожалѣнію моему, не было. Я поѣхалъ въ собраніе въ особенности для того, чтобы видѣть Царскую фамилію. Встрѣтилъ Московскаго знакомаго Брусилова; онъ мнѣ обрадовался. Жалѣеть о Москвѣ. Встрѣтилъ... онъ здѣсь играетъ важную роль, разумѣется, не по стихамъ, а по службѣ и старается это дать замѣтить благородною неторопливостью манеровъ. Скажи П...у, что, благодаря Бога, здѣсь еще меньше заботятся объ отечественной литературѣ нежели въ Москвѣ.

6.

Вчера я провелъ день вовсе безалаберно. Утромъ сдѣлалъ нѣсколько визитовъ, никого не заставая дома, потомъ обѣдалъ у Дюме съ молодежью, въ числѣ коей былъ однакожь Вяземскій. Пѣли цыгане. Всѣ мы порядочно подгуляли. Пили мое здоровье. Это меня тронуло. Впрочемъ обѣдъ былъ прекрасный, и заплатили мы дорого. Вяземскій за обѣдомъ сѣлъ возлѣ меня и былъ очень любезенъ.

Я узналъ въ немъ прежняго Вяземскаго. Вообще онъ бодрѣе чѣмъ въ послѣдній разъ въ Москвѣ. Корилъ новое поколѣнiе въ неумѣннiи пить и веселиться. Въ это время племянникъ его Карамзинъ, немного навеселѣ, бросилъ на полъ рюмку, которая не расшиблась. „Видите“, сказалъ Вяземскій, „могъ уронить, а разбить силы не стало“. Сегодня бенефисъ Тальони. Ираклій обѣщаль достать мнѣ билетъ. Мнѣ начинаетъ быть скучно. Я не привыкъ къ этому безпрестанному мытарству, въ которомъ кружусь. Постоянная жизнь въ Петербургѣ была-бы пріятна, имѣя между двумя днями разсѣянiя хотя одинъ день отдыха. Хочется домой, и я бы готовъ уѣхать хоть сегодня. Петербургъ пріятенъ отсутствіемъ непріятныхъ впечатлѣній. Но въ немъ веселиться потому, что это Петербургъ.... —слишкомъ молодо!

ТОГО ЖЕ ГОДА.

ИЗЪ МОСКВЫ.

1.

....Былъ на обѣдѣ у Гоголя. Напелъ всю братію вромѣ Кирѣевскаго и Павлова. Съ Орловымъ сошелся опять очень дружески. Вообще не получилъ ни одного непріятнаго впечатлѣнiя. Спѣшу отослать эти строки на почту.... а письмо все-таки не говово, и я оставляю его до завтра.

2.

То, что я накомерилъ В.....му, принесло наилучшіе плоды. Отъ Гоголя уѣхали мы вмѣстѣ. Я ему сказалъ: наша жизнь раздѣляется на двѣ половины: какъ быть съ людь-

ми, которыхъ любишь, какъ быть съ людьми равнодушными? Можетъ быть, я это узнаю въ чужихъ краяхъ. J'ai eu bien du fil à retordre! Онъ одобрительно промычалъ. Разстались хорошо. Ч. у Гоголя сталъ тоже со мною экспликоваться и приглашалъ меня къ себѣ. „В....“, сказалъ онъ мнѣ, m'a fait un commérage amical; mais un commérage inamical a du le précéder“— et (au milieu de toute la société) я ему отвѣчалъ: ce qu'il y a de mieux à faire, c'est de suivre le précepte de M-me Genlis, de s'en tenir aux relations réciproques et ne pas écouter les cancans. Я не думалъ бытъ остроумнымъ и говорилъ отъ души, но мнѣ послѣ сказали, что я былъ очень золъ. Видно, ничего нѣтъ злѣе правды.

ПИСЬМА КЪ Н. В. ПУТЯТЪ (*).

1824—1844.

1.

Весною 1824-го года, Финляндскій генераль-губернаторъ А. А. Закревскій дѣлалъ инспекторскій смотръ нѣкоторымъ войскамъ, расположеннымъ въ Финляндіи, и въ томъ числѣ Нейшлотскому пѣхотному полку, въ которомъ Ю. А. Баратынскій служилъ въ это время унтеръ-офицеромъ. Смотръ происходилъ близъ г. Вильманстранда, на берегахъ пустынного озера. Я шелъ вдоль строя за генераломъ Закревскимъ

(*) Перепечатываются изъ Рус. Архива 1867 г. вѣстѣ съ примѣчаніями Н. В. Путятъ, обозначающими время, мѣстность и обстоятельства, въ которыхъ письма писаны. Такимъ образомъ и письма, и примѣчанія представляютъ собою нѣсколько подлинныхъ чертъ для біографіи Баратынскаго.

(у коего былъ адъютантомъ), когда мнѣ указали Баратынскаго. Онъ стоялъ въ знаменныхъ рядахъ. Баратынскій родился съ вѣкомъ, слѣдовательно ему было тогда 24 года. Онъ былъ худощавъ, блѣденъ, и черты его выражали глубокое уныніе. Въ продолженіи смотра я съ нимъ познакомился и разговаривалъ о его Петербургскихъ пріятеляхъ. Послѣ онъ заходилъ ко мнѣ, но не засталъ меня дома и оставилъ прилагаемую записку:

«25-го Мая 1824 года

Баратынскій былъ у васъ, желая засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе и благодарить за участіе, которое вы такъ благородно принимаете въ немъ и въ судьбѣ его. Когда лучшая участь дастъ ему право на болѣе короткое знакомство съ вами, чувство признательности послужить ему предлогомъ рѣшительно напрашиваться на ваше доброе расположение; а покуда онъ остается вашимъ покорнѣйшимъ слугою“.

II.

Нейшлотскій полкъ, по окончаніи смотра и ученій, возвратился въ укрѣпленіе Кюмень и окрестности, гдѣ имѣлъ постоянное квартированіе. Баратынскій жилъ тутъ вмѣстѣ съ своимъ полковымъ командиромъ Лутковскимъ, который очень его любилъ. Полковникъ Лутковскій былъ отлично храбрый офицеръ, доброй и простой души человѣкъ; онъ убитъ или умеръ, не помню навѣрное, во время Польской войны. — Осенью 1824 года я увѣдомилъ Баратынскаго, что генераль Закревскій позволяетъ ему пріѣхать въ Гельзингфорсъ и находится при корпусномъ штабѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ я приглашалъ его остановиться у меня. Слѣдующее письмо есть отвѣтъ на мое приглашеніе:

„Получилъ я письмо ваше и не умѣю иначе благодарить васъ за благосклонное ваше предложеніе, какъ принимая его съ живѣйшею благодарностью. Меня точно бы пугала ваша столица, ежели-бъ вы не подавали мнѣ надежды найти въ васъ наставника и защитника. Впрочемъ, что-бы меня ни ожидало въ Гельзингфорсѣ, случай, доставляющій мнѣ удовольствіе провести нѣсколько дней съ вами и утвердить столько-же для меня лестное, сколько пріятное знакомство, я почитаю очень счастливымъ случаемъ въ моей жизни“.

III и IV.

Скоро потомъ Баратынскій къ намъ пріѣхалъ, прожилъ со мною въ Гельзингфорсѣ нѣсколько мѣсяцевъ, и мы тѣсно подружились. Онъ написалъ въ это время Бурю, Черепъ (напечатанъ въ первый разъ подъ заглавіемъ Могила), Аврорѣ III. . . . (Аврорѣ Карловнѣ Шернваль, бывшей замужемъ за П. Н. Демидовымъ и потомъ за А. Н. Карамзинимъ), и нѣкоторыя другія пьесы. Началъ тогда-же писать Эду.

Въ началѣ февраля 1825-го года, я уѣхалъ въ Петербургъ, а оттуда въ Москву, гдѣ и получилъ два слѣдующихъ письма отъ Баратынскаго, возвратившагося въ это время въ Кюмень. Онъ послалъ со мною письмо къ В. К. Кюхельбекеру и нѣсколько стихотвореній для напечатанія.

Февраль 1825-го г.

Въ шумной Москвѣ ты не забылъ Финляндскаго отшельника, милый Путята! Спасибо тебѣ; да благо ти будетъ и долгодѣтенъ будешь на земли! Жаль мнѣ, что ты не за-

сталъ Кюхельбекера: онъ человѣкъ занимательный по многимъ отношеніямъ и рано или поздно въ родѣ Руссо очень будетъ замѣтенъ между нашими писателями. Онъ съ большими дарованіями, и характеръ его очень сходенъ съ характеромъ Женевскаго чудака: та же чувствительность и недовѣрчивость, то же безпокойное самолюбіе, влекущее къ неумѣреннымъ мнѣніямъ, дабы отличиться особеннымъ образомъ мыслей, и порою та же восторженная любовь къ правдѣ, къ добру, къ прекрасному, которой онъ все готовъ принести въ жертву; человѣкъ вмѣстѣ достойный уваженія и сожалѣнія, рожденный для любви къ славѣ (можетъ быть и для славы) и для несчастія. Спасибо тебѣ за попеченіе твое о моихъ стихотворныхъ дѣткахъ: ты всѣхъ ихъ пристроилъ пристойнымъ образомъ. Очень меня обяжешь, ежели исполнишь свое обѣщаніе и пришлешь *Горе отъ ума*. Не понимаю, за что Москвичи сердятся на Грибоѣдова и на его комедію: титулъ ея очень для нихъ утѣшительнъ и содержаніе отрадно. Что сказать тебѣ о моей Кюменской жизни? Гельзингфорскія воспоминанія наполняютъ пустоту ея. Съ удовольствіемъ привожу себѣ на память нѣкоторые откровенные часы, проведенные съ тобою и съ Мухановымъ (*). Испоминаю и пр. Я заболтался, да не мудрено заболтаться. Прощай, мой милый! кружись въ вихрѣ большаго свѣта Московскаго; но не забывай уединеннаго друга, которому твое воспоминаанье очень дорого.

(*) Александръ Алексѣевичъ Мухановъ служилъ въ это время адъютантомъ А. А. Закревскаго. Это былъ человѣкъ замѣчательныхъ дарованій. Онъ сконч. въ 1835 г. неожиданно, почти наканунѣ давно желаннаго брака, къ прискорбію друзей своихъ, въ числѣ которыхъ былъ между прочимъ А. С. Хомяковъ, всегда съ особеннымъ чувствомъ вспоминавшій о немъ.

Получилъ второе письмо твое изъ Москвы, милый Путья! спасибо тебѣ; съ живымъ участіемъ прочелъ я его первыя строки. Ежели мое сравненіе удачно, то твое распространеніе трогательно (*); но холодъ гробницы не совѣмъ еще умертвилъ твою душу: она жива для дружбы и для всего добраго и прекраснаго. Заблужденія нераздѣльны съ человѣчествомъ, и иныя изъ нихъ дѣлають больше чести нашему сердцу, нежели преждевременное понятіе о нѣкоторыхъ истинахъ.

Намъ надобны и страсти и мечты:

Въ нихъ бытія условіе и пища.

Не подчинишь однимъ законамъ ты

И свѣта шумъ, и тишину кладбища.

Зачѣмъ-же раскаляться въ сильномъ чувствѣ, которое ежели сильно потрясло душу, то можетъ быть развило въ ней много способностей дотолѣ дремавшихъ? Не хочешь-ли видѣть предметы съ новой точки зрѣнія и вмѣсто нашей гробницы, не вспомнишь-ли ты Шекспировъ плугъ, раздрающій и плодотворящій землю?

Но не кончишь, когда дѣло пойдетъ на сравненія. Фея твоя возвратилась уже въ Гельсингфорсъ. Кн. Л. провожалъ ее. Въ Фридрихсгамѣ росписалась она въ почтовой книгѣ такимъ образомъ: *Le prince Chou-cheri, héritier présomptif du royaume de la lune, avec une partie de sa cour et la moitié de son sérail (**)*. Веселость природная или судорожная нигдѣ ея не оставляетъ.

(*) Это относится къ одному выпущенному нами мѣсту предъидущаго письма.

(**) Въ Финляндіи путешественники сами записываютъ свои имена въ заведенныхъ для того книгахъ на стаціяхъ,

Видѣлся я съ генераломъ (*) при проѣздѣ его чрезъ Фридрихсгамъ. Кажется, мнѣ мало надежды на производство; но такъ и быть! Мухановъ оставилъ Гельзингфорсъ, и корпусная квартира потеряла для меня половину своей при- манчивости. Ты одинъ теперь у меня тамъ остаешься.

Не заѣдешь-ли ты ко мнѣ въ Кюмень? Я живу въ домѣ полковаго командира, имѣю особую комнату. То-то бы ты меня обрадоваль!

Пишу новую поэму. Вотъ тебѣ отрывокъ описанія бала въ Москвѣ:

Блещаетъ тысячью огней
 Обширный залъ; съ высокихъ хоровъ
 Гудятъ смычки; толпа гостей,
 Съ приличной важностію взоровъ;
 Въ чепцахъ узорныхъ, распашныхъ,
 Рядъ нестрой барынъ пожилыхъ
 Сидитъ. Причудницы отъ скуки
 То поправляютъ свой нарядъ,
 То на толпу, сложивши руки,
 Съ тупымъ вниманіемъ глядятъ.
 Кружатся дамы молодыя,
 Шылаютъ нѣгой взоры ихъ;
 Огнемъ каменье въ дорогихъ
 Блещатъ уборы головные.
 По ихъ плечамъ полунагимъ
 Златые локоны летаютъ;
 Одежды легкія какъ дымъ
 Ихъ легкій станъ обозначаютъ;
 Вокругъ плѣнительныхъ Харитъ

(*) А. А. Закревскимъ.

И суетится и кишеть
 Толпа поклонниковъ ревнивыхъ;
 Съ волненьемъ ловятъ каждый взглядъ.
 Тутъ несчастливыхъ и счастливыхъ
 Изъ нихъ волшебницы творятъ.
 Въ движеніи все. Горя добиться
 Вниманья лестнаго красы,
 Кавалеристъ крутитъ усы,
 Франтъ штатскій чопорно острится.

V.

29 Марта.

Я поклепалъ на тебя въ моемъ сердцѣ, милый Путь-та! думалъ, что ты проѣхалъ уже въ Гельзингфорсъ не повидавшись со мною. Письмо твое много меня порадовало. Приѣзжай, приѣзжай! обниму тебя съ нѣжнѣйшею дружбою.

По какому случаю ты ждешь письма отъ генерала? чтобъ возвратиться въ корпусную квартиру? Неужели и ты хочешь оставить Финляндію? На кого-же ты меня оставишь? сколько перемѣнъ произошло въ два мѣсяца!

Благодарю тебя за похвалы моему отрывку. Въ самой поэмѣ ты узнаешь Гельзингфорскія впечатлѣнія. Стиховъ 200 уже у меня написано. Приѣзжай! посмотришь и посудишь, и мнѣ не найти лучшаго и законнѣйшаго критика.

Московская цензура либо невинна, какъ пятилѣтняя дѣвочка, либо весела какъ пьяная . . . ; можно-ли позволить напечатать такую нецрстойную поэму какъ Леда! (*) Неу-

---

(*) Леда была напечатана въ Миemosиѣ, журналѣ, издававшемся княземъ Одоевскимъ и Кюхельбекеромъ (1824, ч. 4-я, стр. 221), безъ имени; но не вошла въ собранія сочиненій Баратынскаго.

жели Одоевскій вытиснилъ подъ ней мое имя? Сохрани Боже! Мнѣ нельзя будетъ показать глазъ читающимъ дамамъ. Пиши послѣ этого! Леда моя публично цѣлуется со своимъ Лебедемъ, а Бурѣ шумѣть не позволено (*). Неисповѣдимы судьбы твои, цензура Русская!

На Руси много смѣшнаго, но я не расположенъ смѣяться. Во мнѣ веселость—усиліе гордаго ума, а не дитя сердца. Съ самаго моего дѣтства я тяготился зависимостью и былъ угрюмъ, былъ несчастливъ. Въ молодости судьба взяла меня въ свои руки. Все это служить пищею генію; но вотъ бѣда: я не геній. Для чего-же все было такъ, а не иначе? На этотъ вопросъ захохотали-бы всѣ черти.

И этотъ смѣхъ служилъ-бы отвѣтомъ вольнодумцу; но не мнѣ и не тебѣ. Мы вѣримъ чему-то. Мы вѣримъ въ прекрасное и добродѣтель. Что-то развитое въ моемъ понятіи для лучшей оцѣнки хорошаго, что-то улучшенное во мнѣ самомъ—такія сокровища, которыя не купить ни богачъ за деньги, ни счастливецъ счастіемъ, ни самый геній худо направленный.

Прощай, милый Пугачъ! обнимаю тебя отъ всей души.

VI.

Весной 1825 г. я возвратился въ Гельсингфорсъ и по пути посѣтилъ Баратынскаго въ Кюмени; привезъ ему приказъ о производствѣ его въ офицеры, что очень его обрадовало и оживило. Между тѣмъ Нейшлотскій полкъ долженъ былъ готовиться идти на лѣто въ Петербургъ, для содержанія тамъ карауловъ.

(*) Стихотвореніе Бури не было ни тогда, ни послѣ вполне дозволено въ печати (изд. 1835, I, 10).

«Кюмень 15-го Мая 1825 г.

Спасибо, Путята, за пересланные письма, а особенно за твое собственное. Ты въ немъ сказалъ почти все, что могло мнѣ быть занимательнымъ. Чѣмъ отплату тебѣ? Одною живою благодарностью. Получилъ я письмецо отъ Муханова: онъ остается въ Петербургѣ до 20-го іюля; и такъ я надѣюсь съ нимъ увидѣться. Заочно ты будешь съ нами. Порадуемся и погорюемъ вмѣстѣ. Скажу тебѣ между прочимъ, что я уже щеголяю въ Нейшлотскомъ мундирѣ: это довольно пріятно; но вотъ что мнѣ не по нутру—хожу всякій день на ученье и чрезъ два дня въ караулъ. Не рожденъ я для службы царской. Когда подумаю о Петербургѣ, меня трясеть лихорадка. Нѣтъ худа безъ добра и пѣтъ добра безъ худа. Скажи, ежели можешь, Н. . . . , что я сердечно признателенъ за ея участіе. Она не покидаетъ моего воображенія. Напиши мнѣ, какую роль играетъ Мефистофель. Я часто переносусь мысленно въ вашъ кругъ; но, можетъ быть, онъ уже не похожъ на кругъ мнѣ прежде знакомый. Мы скоро выступаемъ въ походъ; адресуй мнѣ свои письма на имя и проч. . . . . Прощай, душа моя, обнимаю тебя отъ всего сердца!“

VII.

Изъ Петербурга, идъ Баратынскій находилъ съ полкомъ.

Виновать! милый Путята, виновать, но не сердцемъ, истинно къ тебѣ привязаннымъ, а правомъ безопаснымъ и лѣнвымъ! Давно не писалъ къ тебѣ, но не переставалъ о тебѣ думать, не переставалъ вспоминать о нашей Гельсингфорской жизни и о дружескомъ твоёмъ появленіи въ Кюмени.

Ты можешь себѣ вообразить, какъ меня изумило и обрадовало неожиданное свиданіе съ Н. Н., съ К. А., которая вовсе было вышла изъ моей памяти. Я уже два раза ихъ видѣлъ. Въ сентябрѣ думаю побывать въ Гельзингфорсѣ, чтобы поблагодарить генерала за мое воскрешеніе и пожить съ тобою.

Многія подробности оставляю до первой почты.

Проводилъ я М. . . . . въ Москву: онъ поѣхалъ безпокойный и грустный и будетъ таковымъ повсюду. Какой несчастный даръ, воображеніе слишкомъ превышающее разсудокъ! Какой несчастный плодъ преждевременной опытности, сердце жадное счастья, но уже неспособное предаться одной постоянной страсти и теряющееся въ толпѣ безпредѣльныхъ желаній! Таково положеніе М. . . . . и мое и большей части молодыхъ людей нашего времени.

Черезъ нѣсколько дней мы возвращаемся въ Финляндію. Я этому почти радъ: мнѣ надоѣло постоянное разсѣянiе, мнѣ нужно войти въ себя, а вошедъ въ себя я навѣрно встрѣчусь съ тобою и чаще стану къ тебѣ писать. Ты, я думаю, видишь по слогу этого письма въ какомъ беспорядкѣ мои мысли. Прощай, милый Путята, до досуга, до здраваго смысла, и наконецъ до свиданья! Спѣшу къ ней. Ты будешь подозрѣвать, что я нѣсколько увлеченъ: нѣсколько—правда; но я надѣюсь, что первые часы уединенья возвратятъ мнѣ разсудокъ. Напишу нѣсколько элегій и засну спокойно. Поэзія чудесный талисманъ: очаровывая сама, она обезсиливаетъ чужія вредныя чары. Прощай! обнимаю тебя.

По возвращеніи съ полкомъ изъ Петербурга въ Кюмень, Баратынскій посѣтилъ Гельзингфорсѣ и оттуда поѣхалъ въ отпускъ въ Москву.

VIII.

Изъ Москвы.

Ежели съ прїѣзда въ Москву я къ тебѣ не писалъ, милый Путята, я виновать не душой, а браннымъ моимъ тѣломъ, заболѣвшимъ черезъ недѣлю послѣ. Я теперь еще не выѣзжаю; однакожь въ первые дни успѣлъ повидаться съ твоимъ батюшкой, съ Р. . . . . и съ М. . . . . Странно, что проживши почти два мѣсяца въ Москвѣ, я принужденъ писать къ тебѣ какъ будто изъ Кюмени, ибо не знаю ничего новаго, ничего не могъ замѣтить, почти ни съ кѣмъ не познакомился и сидѣлъ одинъ въ моей комнатѣ съ ветхимъ моимъ сердцемъ и съ ветхими его воспоминаваніями. Я отдалъ письмо твое N. N. . . . . Что скажу тебѣ про него? Онъ живетъ домкомъ, много читаетъ, жалуется на хандру и оживляется одними Финляндскими воспоминаваніями; однакожь признается, что страсть къ А. . . . . очень поуспокоилась. Все проходить!

За неимѣніемъ занимательнѣйшаго предмета буду говорить о себѣ. Я нашелъ семью свою въ Москвѣ. Свиданіе было радостно и горестно. Я думаю просить перевода въ одинъ изъ полковъ, квартирующихъ въ Москвѣ. Не говори покуда объ этомъ генералу: къ нему напишутъ отсюда. Я слышалъ, что ты будешь скоро къ намъ въ бѣлокаменную. Прїѣзжай, милый Путята! поговоримъ еще о Финляндіи, гдѣ я пережилъ все, что было живаго въ моемъ сердцѣ. Ея живописныя, хотя угрюмыя горы походили на прежнюю судьбу мою, также угрюмую, но по крайней мѣрѣ довольно обильную въ отличительныхъ краскахъ. Судьба, которую я предвижу, будетъ подобна русскимъ однообразнымъ равнинамъ, какъ теперь, покрытымъ снѣгомъ и представляющимъ одну

вѣчно унылую картину. Прощай, мой милый! Я отослалъ письмо твое къ Ознобишину; но за нездоровьемъ съ нимъ еще не видѣлся. Преданный тебѣ.

IX.

Въ Январѣ 1826 г.

Спасибо тебѣ, милый Путята, за твои письма. Одно изъ нихъ принесло двойную пользу: доставило мнѣ большое удовольствіе и успокоило твою матушку, которая нѣкоторое время не получала о тебѣ извѣстія и нѣсколько горевала.

Не мудрено, что отъ тебя ускользнуло описаніе Финляндіи. Оно писано не въ Гельсингфорсѣ, а въ Москвѣ. На дняхъ выдетъ моя Эда, и я тотчасъ пришлю къ тебѣ экземпляръ. Любезнаго Б. . . ва, нѣжнаго обожателя Ѳ. В. Б. . . на, благодарю за замѣчаніе, но прибавлю свое: въ поэзіи говорятъ не то что есть, а то что кажется. На краю горизонта скалы касаются неба, слѣдственно всходятъ до небесъ. Въ прозѣ я виноватъ, а въ стихахъ едва-ли не правъ. Между тѣмъ вотъ ему на потѣху маленькое посланьице къ его пріятелю.

Въ своихъ листахъ душонкой ты кривишь,
 Уродуешь и мятнѣя в сказанья;
 Пріятельски дурачеству кадишь,
 Завистливо поносишь дарованья;
 Дурной твой нравъ дурной приносить плоды:
 Срамецъ, срамецъ! всѣ шепчуть. Вотъ извѣстье!
 — Эхъ, не тужи! ужъ это мой расчетъ:
 Подписчики мнѣ платятъ за безчестье.

Я скучаю въ Москвѣ. Мнѣ неспосны новыя знакомства. Сердце мое требуетъ дружбы, а не учтивостей, и кривлянье благорасположенья рождаетъ во мнѣ тяжелое чувство.—

Гляжу на окружающихъ меня людей съ холодною ироніею. Плачу за привѣтствія привѣтствіями и страдаю.

Часто думаю о друзьяхъ испытанныхъ, о прежнихъ товарищахъ моей жизни. Всѣ они далеко! И когда увидимся? Москва для меня новое изгнаніе. Для чего мы грустимъ въ чужбинѣ? Ничто не говоритъ въ ней о прошедшей нашей жизни. Москва для меня не та же ли чужбина? Извини мнѣ мое малодушіе, но въ скучной Финляндіи, можетъ быть, ты съ нѣкоторымъ удовольствіемъ узнаешь, что въ Москвѣ скачутъ добрые люди. Прощай, мой милый, обнимаю тебя!

Х.

„Милый Путьята! вотъ письмо къ А. А. Закревскому объ моей отставкѣ. Я прошу тебя, милый другъ, или просто отдать письмо мое А. А. или объяснить ему, почему я такъ поздно прошу его ходатайствовать объ увольненіи меня отъ службы. Окажи мнѣ это одолженіе, да еще одно. Я право не знаю, живъ-ли мой Лутковскій или нѣтъ? онъ мнѣ не отвѣчаетъ. Извини, что я беспокою тебя моими препорученіями, но ты чувствуешь, что на тебѣ одномъ всѣ мои надежды.

Я довольно часто вижу NN. . . . Кажется что любовь его къ А. очень поуспокоилась. На дняхъ познакомился я съ Толстымъ, Американцемъ. Очень занимательный человѣкъ. Смотритъ добрякомъ, и всякій, кто не слыхалъ про него, ошибется.

Стихи у меня что-то не пишутся, и я почти ничѣмъ не занятъ. Когда рѣшится судьба моя, болѣе спокойный духомъ снова примусь за перо. Вотъ тебѣ покуда эпиграмма на поэтовъ прекраснаго пола:

Не трогайте Парнаскаго пера,
 Не трогайте, смазливья вострушки!
 Красавицамъ не много въ немъ добра,
 И имъ Амуръ другія далъ игрушки.
 Любовь-ли вамъ оставить въ забытїи
 Для жалкихъ рифмъ? Надъ рифмами смѣются!
 Уносятъ ихъ Летиюкія струи. . . . .
 На пальчикахъ чернила остаются.

Обнимаю тебя“.

*
 * *

Оставаясь въ Москвѣ, Баратынскій по просьбѣ былъ уволенъ отъ службы. Въ іюнѣ 1826-го года онъ женился на дочери генераль-маіора Льва Николаевича Энгельгардта, Настасьѣ Львовнѣ. Во время коронаціи я видѣлся съ нимъ въ его семейномъ кругу. Вскорѣ послѣ коронаціи я возвратился въ Петербургъ, гдѣ получилъ слѣд. письмо осенью 1826-го года.

XI.

„Какъ мнѣ жаль, милый Путята, что мнѣ не удалось съ тобой проститься при отъѣздѣ твоемъ изъ Москвы; а съ тѣхъ поръ отъ тебя ни слуху ни духу: что съ тобою? Я узналъ отъ твоей матушки, что ты еще въ Петербургѣ и по московскимъ слухамъ, что ты не поѣдешь далѣе. Здѣсь говорятъ, что З. будетъ министромъ юстиціи. Дай Богъ! Я думаю, тебѣ и ему равно надоѣла Финляндія. Одинъ изъ моихъ братьевъ прїѣхалъ изъ Тульчина и привезъ извѣстія о М. . . . : въ новомъ положеніи онъ скучаетъ по прежнему. Въ Тульчинѣ еще скучнѣе чѣмъ въ Гельсингфорсѣ. Братъ мнѣ рассказывалъ подробности тамошней жизни. В. живетъ въ своей деревнѣ и ходитъ за своими виноградниками, а штабъ его

въ городѣ. Онъ добрый пѣмецъ, счастливый въ своемъ семействѣ, экономъ, ни въ чемъ не похожій на нашего герцога: у него не за-кѣмъ волочиться, не о чемъ хлопотать, не съ кѣмъ мириться и ссориться, однимъ словомъ нѣтъ двора. Доставили-ли ты письмо мое Дельвигу? Я не получаю отъ него ни строчки. Сдѣлай милость, попенай ему и узнай—печатаются-ли мои сочиненія или нѣтъ. Скажи Дельвигу, что я на него очень сердитъ. Три письма мои къ нему остались безъ отвѣта. Писать къ человѣку, который намъ не отвѣчаетъ, все равно что ярится на облако, подобно какому-то баснословному герою. Будь милѣе Дельвига, милый Путята, не забывай меня и пиши ко мнѣ.

Я живу потихоньку, какъ слѣдуетъ женатому человѣку; но очень радъ, что промѣнялъ беспокойные сны страстей на тихій сонъ тихаго счастья: изъ дѣйствующаго лица я сдѣлался зрителемъ и, укрытый отъ ненастья въ моемъ углу, иногда посмагриваю—какова погода въ свѣтѣ. Прощай, мой милый! люби меня, если не хочешь быть у меня въ долгу и вѣрь, что у меня въ сердцѣ всегда готово участие для радостей твоихъ и печалей“.

Е. А. Баратынскій опредѣлился въ Москвѣ на службу въ Межевую Канцелярію (откуда вышелъ опять въ отставку 1831 года). Слѣд. письмо написано въ 1827 году, въ которомъ появилось въ свѣтъ первое изданіе его стихотвореній.

ХII.

„Я предъ тобою совершенно виноватъ, мой милый Путята! отвѣчаю на письмо твое черезъ три вѣка; но лучше поздно, нежели никогда. Не думай однакожь, чтобы я имѣлъ

поблагодарное сердце: мнѣ мила и дорога твоя дружба, но что ты станешь дѣлать съ природною неаккуратностію?

Прости, мой милый! такъ создать

Меня умѣла власть Господня:

Люблю до завтра отлагать

Что сдѣлать надобно сегодня.

Не гожусь я ни въ какую канцелярію, хотя недавно вступилъ въ Межевую, но, слава Богу, мнѣ дѣла мало, а то было-бы худо моему начальнику.

Благодарю тебя за твою дружескую критику. Замѣчанія твои справедливы въ частности, но ежели-бы мы были вмѣстѣ, я, можетъ быть, доказалъ-бы тебѣ, что нѣкоторыя изъ моихъ переѣмъ хороши для цѣлаго. Впрочемъ я никакъ не ручаюсь за справедливость своего мнѣнія. Поэты болышею частію дурные судьи своихъ произведеній. Тому причиной чрезвычайно сложныя отношенія между ними и ихъ сочиненіями. Гордость ума и правъ сердца въ борьбѣ безпрестанной. Иную пьесу любишь по воспоминанію чувства, съ которымъ она писана, — переправкой гордишься потому, что побѣдилъ умомъ сердечное чувство. Чему-же вѣрить? Однимъ я недоволенъ въ письмѣ твоемъ; оно не со всѣмъ дружеское. Ты пишешь ко мнѣ какъ къ постороннему, которому боишься наскучить; говоришь много обо мнѣ, а о себѣ ни слова. Что твоя. . . .? Кстати я слышалъ, что А. А. сдѣлавъ министромъ внутреннихъ дѣлъ; остаешься-ли ты при немъ? Думаешь-ли побывать въ красной Москвѣ? Я теперь постоянный московскій житель. Живу тихо, мирно, счастливъ моею семейною жизнію; но, признаюсь, Москва мнѣ не по сердцу. Вообрази, что я не имѣю ни одного товарища, ни одного человѣка, которому могъ-бы сказать:

помнишь? съ кѣмъ-бы могъ потолковать нараспашку. Это тягостно. Жду тебя какъ дождя майскаго. Здѣшняя атмосфера суха, пыльна неимоверно. Женатые люди имѣютъ болѣе нужды въ дружбѣ, нежели холостые. Волокитство доставляетъ молодому свободному человѣку почти всегда небольшое разсѣяніе: онъ переливаетъ изъ пустаго въ порожнее съ какой нибудь пригожей дурой, и горя ему мало. Человѣкъ же семейный уже неспособенъ къ этой ребяческой забавѣ: ему нужна лучшая пища, ему необходимъ бодрый товарищъ, равносильный ему умомъ и сердцемъ, любезный самъ по себѣ, а не по мелочнымъ отношеніямъ мелочнаго самолюбія. Приѣзжай къ намъ, мой милый Путята! ты подаришь меня истинно счастливыми минутами. Прощай! прости великодушно мою лѣнь и прости мои недостатки. Люби меня за то, что я люблю тебя душевно. Твой.

Доставилъ-ли тебѣ Дельвигъ экземпляръ отъ меня?"

ХІІІ.

1830 г.

„Переписка наша, милый Путята, прервалась просто потому, что ты уѣхалъ въ армію, и я не зналъ куда адресовать тебѣ мои письма. Благодарю тебя за твое дружеское воспоминаніе. Ты меня имъ истинно порадовалъ. Письмо твое мнѣ показываетъ, что есть еще люди, съ которыми можно вспомнить старину и подышать ею. Я тоже не переставалъ помнить и любить тебя. Милый мой Путята! мы съ тобой рѣдкіе люди. Какъ-бы я хотѣлъ тебя видѣть и поговорить вдоволь души. Знаю твои теперешнія огорченія и принимаю въ нихъ самое живое участіе. Утѣшать тебя нечего; но мы бы погоревали вмѣстѣ. Ты познакомилъ меня съ Адрианополемъ. Письмо твое живо и занимательно: ты бы отдалъ

его въ Лит. Газету. Съ тѣхъ поръ какъ мы разстались, въ жизни моей не было никакой перемѣны, и слава Богу. Ты все еще при А. А. Напиши мнѣ, что у васъ подѣлывается: вѣдь я de la famille. Какъ я живо помню Гельзингфорскую жизнь! Ты по обязанности часто посѣщаешь Финляндію. Повѣришь-ли, что я-бы съ большимъ удовольствіемъ теперь навѣстилъ ее? Я думаю о ней съ признательностью: въ этой странѣ я нашелъ много добрыхъ людей, лучшихъ нежели тѣ, которыхъ узналъ въ отечествѣ, нашелъ тебя; этотъ край былъ пестуномъ моей поэзіи. Лучшая мечта моей поэтической гордости состояла-бы въ томъ, чтобы въ память мою посѣщали Финляндію будущіе поэты. Прощай, милый Путьята! пиши ко мнѣ: я не буду лѣнивъ на отвѣты. Обнимаю тебя отъ всей души“.

*
* *

Письмо за симъ слѣдующее написано во время первой холеры въ Россіи. Баратынскій былъ въ это время въ Казани съ семействомъ его жены и прожилъ тамъ болѣе года; около этого времени въ 1831 г. появилась *Наложница* съ замѣчательнымъ предисловіемъ о нравственности литературныхъ произведеній. Во второмъ изданіи стихотвореній Баратынскаго, вышедшемъ въ 1835 году, *Наложница* напечатана подъ заглавіемъ *Цыганка*, и безъ предисловія.

XIV.

Поздно отвѣчаю на письмо твое, милый Путьята! но ты со мною помиришься, когда узнаешь, что я получилъ его весьма недавно, что оно мнѣ было переслано изъ Москвы въ Казань, гдѣ я теперь нахожусь со всѣмъ моимъ семействомъ. Благодарю тебя за доставленіе *Наложницы* по адресу и за твои замѣчанія. Не спорю, что въ *Наложницѣ* есть

нѣсколько стиховъ небрежныхъ; но повѣрь мнѣ, что вообще авторъ Эды сдѣлалъ большіе успѣхи слога въ своей послѣдней поэмѣ, не говоря уже о побѣжденныхъ трудностяхъ, о самомъ родѣ поэмы, исполненной движенія какъ романъ въ прозѣ; сравни безпристрастно драматическую часть и описательную: ты увидишь, что разговоръ въ Наложницѣ неприужденнѣе, естественнѣе, описанія точнѣе, проще. Обыкновенно мнѣ! мое послѣднее сочиненіе кажется хуже прежнихъ, но перечитывая Наложницу, меня всегда поражаетъ легкость и вѣрность ея слога въ сравненіи съ прежними моими поэмами. Ежели въ Наложницѣ видна нѣкоторая небрежность, за то уже совсѣмъ незамѣтенъ трудъ; и это-то и нужно было въ поэмѣ, исполненной затруднительныхъ подробностей, изъ которыхъ должно было выдти совершеннымъ побѣдителемъ или не браться за дѣло. Я заболтался мой милый. . . . . Желалъ-бы сказать тебѣ что нибудь занимательное, но я живу въ совершенномъ уединеніи и ничѣмъ не могу съ тобою дѣлиться кромѣ своими мыслями. Вижу по газетамъ, что у васъ не прекращается холера, но знаю по опыту, что умѣренностью въ пицѣ и стараніемъ не простудиться навѣрно можно ея избѣгнуть. Надѣюсь, что ты не будешь ея жертвою и что Богъ дозволить намъ еще разъ обнять другъ друга. Прощай! адресъ мой на имя мое въ *Казань*“.

XV.

Н. В. Путьга женился въ 1838 г. на родной сестрѣ Настасьи Львовны Баратынской Переписка его съ Е. А. Баратынскимъ не прекращалась, но съ этого времени она касается уже большею частію хозяйственныхъ и семейныхъ

ихъ дѣлъ. Поэтому мы помѣщаемъ здѣсь немногіе отрывки изъ писемъ 1842 и 1843 года, показывающіе образъ жизни и любимыя ежедневныя занятія Е. А. Баратынскаго въ его семейномъ, сельскомъ быту. *П. Б.*

Въ 1842 и 43-мъ г. Е. А. Баратынскій жилъ постоянно въ подмосковной, занимался хозяйствомъ, сводомъ ронци, постройкою дома въ сельцѣ Мурановѣ (*). Онъ любилъ архитектуру, имѣлъ въ ней вкусъ, дѣлалъ самъ планы строеніямъ и приводилъ ихъ въ исполненіе подъ своимъ надзоромъ. Окончательныя слова въ первомъ письмѣ 1842 г. относятся къ вышедшему тогда манифесту объ обязанныхъ крестьянахъ. Они свидѣтельствуютъ о сочувствіи, которое онъ питалъ къ освобожденію крестьянъ и о надеждахъ его на это. Уничтоженіе крѣпостнаго права постоянно занимало его мысли. Въ разговорахъ со мною объ этомъ предметѣ онъ выражалъ мнѣніе, что освобожденіе не должно совершиться иначе, какъ съ надѣломъ земли въ собственность крестьянъ, при вознагражденіи помѣщиковъ финансовою операціею, но какую — прибавлялъ онъ—этого я не берусь указывать: финансы не мое дѣло.

1842.

Христосъ Воскресе! Желаю вамъ веселаго праздника, который мы, съ своей стороны, пачали удовлетворительно. Въ 3 часа утромъ были у обѣдни въ сосѣдней деревнѣ; разговѣлись! выспались! Пишу вамъ въ самый день Свѣтлаго Вос-

---

(*) Въ 6 верстахъ отъ Талицкой станціи по желѣзной дорогѣ въ Троицкую лавру.

кресенья. Послѣ минуты нерѣшимости, мы положили остаться на мѣстѣ, имѣя въ случаѣ (который право мудро предвидѣть) всегда убѣжище въ Москвѣ, а еще ближе въ Троицѣ, гдѣ между прочимъ находится и нашъ станъ, слѣдственно наше мѣстное правленіе, которому безъ сомнѣнія даны нужныя пособія въ теперешнихъ обстоятельствахъ. Редакція неподобна. Нельзя было приступить къ дѣлу умнѣе и осторожнѣе. Благословенъ грядый во имя Господне! У меня солнце въ сердцѣ, когда думаю о будущемъ. Бiju, осязаю возможность исполненія великаго дѣла и скоро и спокойно. Прощайте! обнимаю васъ и малютокъ вашихъ отъ всей души“.

XVI.

Того же года.

Дѣти ваши, слава Богу, здоровы (*). По письму твоему, любезный другъ, все будетъ исполнено въ точности. . . . .

Мы нашли себѣ рисовальнаго учителя, настоящаго артиста. Всѣ мы, слава Богу, здоровы. Я на хозяйствѣ. Домъ подымается; дрова торгуютъ. Осенью буду садить деревья. На возвратномъ пути поѣзжайте на Москву и навѣстите наше и свое новоселье. Мнѣ весело будетъ вамъ похвастать плодами моей дѣятельности, если Богъ благословитъ ес. Прощайте! обнимаю васъ за себя, за Настю, за вашихъ и за моихъ дѣтей. Шейте здоровье въ водахъ Мариенбадскихъ и пользуйтесь весело европейскимъ воздухомъ.

(*) Отправляясь за границу, мы оставили младшихъ дѣтей нашихъ у Баратынскихъ. Нѣкоторыя части имѣній у насъ были общія, и Баратынскій ими управлялъ. При отъѣздѣ за границу я поручилъ ему и собственное имѣніе моей жены.

XVII.

Того же года.

..... Лѣсной матеріалъ начинается сходить съ рукъ. Домъ отстраивается. Недѣли черезъ три мы перейдемъ въ верхній этажъ. Я получилъ очень милое письмо отъ Карамзиной въ отвѣтъ на мои стихи (*). Нѣжно обнимаю васъ и Настиньку.

XVIII.

Того же года.

..... Дѣти ваши, слава Богу, здоровы. Съ Олинской я въ ссорѣ. Ужасная фокетка: тянется ко мнѣ на руки, а только я подойду, отвернется съ презрѣніемъ. . . . Я былъ-бы очень доволенъ моей деревенской жизнию, если-бъ не частыя поѣздки въ Москву. Дома дни текутъ незамѣтно. Старшія дѣти начинаютъ уже жить за одно съ нами. Учителя добрые ребята, болѣе просвѣщенные, чѣмъ большая часть русскихъ помещиковъ. Каждое утро ѣзжу одинъ въ Мураново (**), а вечеромъ послѣ чаю отправляемся туда пѣшкомъ съ дѣтьми и возвращаемся прямо къ ужину. Много мѣшаютъ намъ особенно частые дожди. Это всё общается какъ здѣсь, такъ и въ другихъ имѣніяхъ, обильный урожай. Прощайте! обнимаю обоихъ васъ отъ всей души.

(*) Софья Николаевна Карамзиной, при посылкѣ Сумерскъ („*Овидіевъ съ вами на мновенье*“).

(**) Пока отстраивался домъ въ Мурановѣ, Е. А. Баратинскій жилъ съ семействомъ въ 3-хъ верстахъ отсюда, въ селѣ Артемовѣ, гдѣ нанималъ домъ г-жи Пальчиковой, которой принадлежало Артемово.

XIX.

Въ концѣ 1842 года.

Поздравляю васъ, любезные друзья мои, съ наступающимъ новымъ годомъ. Долго не писалъ за хлопотами всякаго рода, сверхъ того хотѣлось дожидаться положительныхъ результатовъ отъ свода рощи и постройки дома. Слава Богу, домъ хорошъ, очень тепелъ. Были большіе морозы и сильныя вѣтры: мы не чувствовали ни тѣхъ, ни другихъ и что въ особенности рѣдко въ деревенскихъ домахъ, никогда не знали—съ которой стороны пелогода. Продажа лѣса идетъ успѣшно. . . . . Домъ отдѣланъ вполне, въ два полныхъ этажа, стѣны обштукатурены, полы выкрашены, крыть желѣзомъ. Насъ посѣтила въ Мурановъ А. . . В. . . вѣроятно она вамъ объ насъ кое-что писала. Нашъ бытъ противъ Артемовскаго измѣнился тѣмъ, что мы порѣже ѣздимъ въ Москву. Прошлаго года столько было дѣлать, что изъ 52 недѣль мы вѣрно 25 провели въ городѣ. Теперь, слава Богу, мы постоянно бываемъ дома. Малютки ваши здоровы. Обнимаю васъ обохъ и Настиньку.

XX.

1843 года.

„Благодарю тебя, любезный другъ, за твои подробныя и занимательныя письма. Радъ, что вы такъ полно наслаждаетесь Италіей и что воображеніе, предупрежденное столькими описаніями, нашло на ея древней почвѣ впечатлѣнія новыя и свѣжія. Все можно передать довольно точно, кромѣ мѣстной фізіономіи и вообще природы, и слава Богу! Не все уловляетъ печать, и что нибудь еще возможно чув-

ствовать по-своему. Теперь вѣсти изъ отечества: дѣти ваши здоровы. Всѣ мы также живемъ по-добру, по-здорову. Наше уединеніе чрезвычайно полезно дѣтскимъ урокамъ.

Прощайте мои милые и добрые друзья! Поздравляю васъ съ новымъ годомъ, желая всякаго счастія, въ особен-ности продолженія отпуска, чтобы вы могли вмѣстѣ доле-читься съ Мариенбадѣ. Крѣпко васъ обнимаю“.

XXI.

Осенью 1843 г. Баратынскій приступилъ къ исполне-нію давнишняго желанія своего—собрался за границу. Онъ пріѣхалъ съ семействомъ въ Петербургъ, оставилъ намъ младшихъ дѣтей своихъ, а съ женою и старшими дѣтьми отиравился сухимъ путемъ въ Берлинъ, оттуда въ Дрезденъ и чрезъ Франкфуртъ на Майнѣ въ Парижъ. Вотъ письма его изъ-за границы.

Изъ Лейпцига 1843 года (осенью).

„Настинька писала вамъ въ Дрезденѣ, и я принесы-ваю въ Лейпцигѣ, куда мы по вашему совѣту воротились. Переночевали, а теперь ѣдемъ въ Франкфуртъ, по нѣмец-кихъ длинныхъ, т. е. съ лошъ-кучеромъ. Будемъ останавли-ваться на ночь и въ пятый день должны быть на мѣстѣ. Я очень наслаждаюсь путешествіемъ и быстрой смѣною вне-чатлѣній. Железныя дороги чудная вещь. Это апопоза раз-сѣянія. Когда онѣ обогнутъ всю землю, на свѣтѣ не будетъ меланхоліи. Обнимаю тебя, Сопичку и дѣтей вашихъ и на-шихъ. Когда буду на мѣстѣ, можетъ, передамъ вамъ нѣ-сколько впечатлѣній и замѣчаній, доставленныхъ мнѣ путе-шествіемъ. Прощайте до Франкфурга!“

XXII.

Изъ Парижа, того же года.

Друзья, сестрицы, я въ Парижѣ! (*) и благодаря Соболевскому, которому я вскорѣ буду писать особо, благодаря его за полезную его дружбу, вижу въ немъ не одни зданія и бульвары, хотя первый матерьяльный взглядъ на Парижъ вознаграждаетъ съ избыткомъ труды дальняго путешествія. Я уже заглянулъ въ Faubourg St.-Germain и видѣлъ нѣкоторыхъ литераторовъ, но, по моему, всего замѣчательнѣе во Франціи самъ народъ, привѣтливый, умный, веселый и полный покорности закону, котораго онъ понимаетъ всю важность, всю общественную пользу. Я удивлялся въ Берлинѣ городскому порядку, точности и безспорности отношеній. Какъ-же я изумился найти тоже самое, но въ высшей степени, въ многолюдномъ Парижѣ, въ его тѣсныхъ улицахъ, въ его безчисленныхъ сдѣлкахъ. Въ Германіи чувствителенъ нѣкоторый ропотъ на законы общественнаго устройства, которымъ повинуются: здѣсь ими гордятся люди, принадлежащіе послѣдней черни. Нѣсколько ясныхъ мыслей общежитія сдѣлались достояніемъ каждаго и составляютъ такую массу здраваго смысла, что мудро подумать, чтобы можно было совратить народъ съ пути истиннаго его благосостоянія. Между тѣмъ партіи волнуются (**). Я

(*) *Друзья, сестрицы, я въ Парижѣ!*—начало шуточного посланія И. И. Дмитріева, будто-бы написаннаго В. Л. Пушкинымъ изъ Парижа къ своимъ друзьямъ.

(**) Эта фраза служитъ противорѣчіемъ всего вышесказаннаго и отчасти объясняетъ послѣдовавшія событія. Впрочемъ—*ergaе humanum est*. *Примѣч.* И. С. Туричева, въ рукахъ у котораго эти письма находились нѣкоторое время.

много слушаю и много читаю. Люди, вышедшіе изъ рядовъ и наполняющіе газеты и салоны, не тверды въ своихъ мнѣніяхъ. Здѣсь переметчики менѣе подлы, чѣмъ кажется съ перваго взгляда, и многіе изъ нихъ принимаютъ мнѣніе противоположное прежде выраженному съ совершенно искреннею вѣтренностью. Теперь всѣхъ занимаетъ вопросъ воспитанія: кто долженъ имъ завѣдывать — духовенство или университетъ? Вопросъ отнѣсно важный, слитый съ видами легитимизма. Ламартинъ напечаталъ вздорную діатрибу, которую я принужденъ хвалить въ обществѣ, съ которымъ началъ знакомство. Отвѣты противоположной партіи, почтительные къ таланту поэта, очень забавны. Профессоры начали свои курсы и о чемъ-бы ни говорили—объ анатоміи или химіи—умѣютъ коснуться всѣхъ занимающаго вопроса. Мы живемъ въ самомъ центрѣ города. Вотъ нашъ адресъ: Rue Duphot, près le boulevard de la Madeleine, № 8. Сегодня я буду у M-me d'Aguesseau, завтра у Nodier, послѣ завтра у Thierry. Всѣмъ этимъ знакомымъ я обязанъ Сиреурамъ. Прощайте! обнимаю васъ и дѣтей. Кланяюсь очень Соболевскому, Плетневу. Я вижу почти всякій день А. И. Тургенева, который теперь нѣсколько нездоровъ. Онъ пѣняетъ Вяземскому за то, что онъ къ нему не пишетъ. Напомните ему обо мнѣ. Вижусь съ Балабинымъ, человѣкомъ очень умнымъ, очень свѣдущимъ, съ которымъ всякая встрѣча меня болѣе и болѣе сближаетъ.

XXIII

Того же года.

Хорошо, что я въ Парижѣ проведу одну только зиму, а то изъ человѣка съ нѣкоторымъ смысломъ я бы сдѣлался

совершеннымъ зѣвакой, а что хуже свѣтскимъ человѣкомъ. Не я одинъ—все Парижане съ одиннадцати часовъ утра до двѣнадцати вечера на ногахъ и проводятъ часы въ визитахъ. Для настоящихъ Парижанъ, имѣющихъ свои виды, то дѣловыя, то политическія, посѣщающихъ каждое лицо съ известною цѣлью, эта жизнь не совсѣмъ убійственна; но для заѣзжаго, не смотря на любопытство, она утомительна до крайности: не смотря на привѣтливость лицъ, на новостыя явленій, чувствуешь недостатокъ прямыхъ отношеній, и если-бы я былъ въ Парижѣ безъ семейства, не знаю, вынесъ ли-бы я подобное существованіе. Первые мои знакомства вовлекли меня въ Faubourg St.-Germain къ M-me d'A..... къ T..... Тутъ собираются академики и католическія прозелитисты обоихъ половъ. Все это работаетъ вертограду Господню въ смыслѣ аббатовъ. По довольно уединеннымъ улицамъ славнаго предмѣстья бѣгаютъ съ озабоченнымъ видомъ латинскіе попы въ такомъ множествѣ, что, еслибы по русскому обычаю отъ всѣхъ отплевываться, можно получить чашотку. Сиркуръ познакомилъ меня съ Виньи, съ двумя Тьерри, Нодье, Сентъ-Бевомъ; Соболевскій съ Мериме и M-me Ancelot; случай — съ прежнимъ издателемъ одного изъ крайнихъ республиканскихъ журналовъ, черезъ котораго я надѣюсь добратъся до Ж. Зандъ. Познакомился или возобновилъ знакомство съ нѣкоторыми земляками. Русскіе ищутъ русскихъ въ Парижѣ и вообще въ чужихъ краяхъ. Самые вѣтренные изъ нихъ догадываются, что у насъ есть сердце, и готовы на сантиментальность. Общества, съ точки зрѣнія политической, представляютъ самый печальный фактъ. Легитимисты, умные безъ надежды, безразсудные по неисправимой привычкѣ, преслѣдуютъ идею своей партіи и отслужили ей

въ Лондонѣ трогательную папихиду (*). Республиканцы теряются въ теоріяхъ, безъ единаго практическаго понятія. Партія сохрательная почти ненавидитъ ея настоящаго представителя, избраннаго ею короля. Всюду элементы раздоровъ. Движеніе поповъ, воскресшихъ для надеждъ бѣдственныхныхъ, ибо подѣ личною мистицизма они преслѣдуютъ мысль возврата прежняго своего владычества: вотъ Франція!— а въ парижскихъ салонахъ конституція французской учтивости мирно собираетъ умныхъ, сильныхъ, страстныхъ представителей всѣхъ этихъ разнородныхъ стремленій. Обнимаю васъ обоихъ и всѣхъ вашихъ и нашихъ ребятишекъ. Въ слѣдующемъ письмѣ сообщу вамъ подробности о всѣхъ названныхъ мною лицахъ (**).

XXIV.

1-го Января 1844 года.

Поздравляю васъ, любезные друзья, съ новымъ годомъ, обнимаю васъ, вашихъ и нашихъ ребятишекъ, желаю вамъ его лучше парижскаго, который ничто иное какъ привидѣніе прошлаго, въ морщинахъ и праздничномъ платьѣ. Поздравляю васъ съ будущимъ, ибо у насъ его больше чѣмъ гдѣ-либо; поздравляю васъ съ нашими степями, ибо это просторъ, который никакъ не замѣнимъ здѣшней наукой;

(*) Здѣсь говорится о посольствѣ 5-ти легитимистовъ въ Лондонъ къ графу Шамбору для поздравленія его со вступленіемъ въ совершеннолѣтіе, вслѣдствіе чего онъ, какъ извѣстно, подвергся парламентскому порицанію (fêtrissure).

(**) Къ сожалѣнію, этихъ подробностей, въ сообщеніи которыхъ конечно сказался-бы итѣвій и наблюдательный умъ высоко-галантливаго путешественника, мы не имѣемъ. П. В.

поздравляю васъ съ нашей зимой, ибо она бодрѣе и блистательнѣе и краснорѣчіемъ мороза зоветъ насъ къ движенію лучше здѣшнихъ ораторовъ; поздравляю васъ съ тѣмъ, что мы въ самомъ дѣлѣ моложе двѣнадцатю днями другихъ народовъ и посему переживемъ ихъ, можетъ быть, двѣнадцатю столѣтіями. Каждую изъ этихъ фразъ я могу доказать ученымъ образомъ; но теперь не время, оставимъ это до дня свиданія, ибо изъ русскихъ писателей нѣтъ ни одного, который менѣе бы любилъ писать того, который васъ такъ нѣжно любить. Поклонъ мой Соболевскому и Плетневу, которымъ собираюсь писать—не знаю о чемъ отъ многосложности предметовъ; но постараюсь что-нибудь выразить со всею правдой, которая отъ меня зависитъ.

XXV.

Того же года.

Послѣднее письмо Сонички принесло намъ вѣсть о вашей общей великой потерѣ. Ты не можешь сомнѣваться въ полнотѣ участія, которое мы въ ней принимаемъ. Память твоего почтеннаго отца принадлежитъ не одной твоей сыновней скорби, но всѣмъ, которые его знали и цѣнили: она принадлежитъ исторіи, къ гражданской исторіи двѣнадцатаго года (*). Ты проводишь тяжелую зиму: столько сердеч-

---

(*) Извѣстно, что эта гражданская исторія 1812 года еще не писана. Братинскій говоритъ здѣсь о кончинѣ отца Николая Васильевича Путята, послѣдовавшей 4 декабря 1843 года. Василій Ивановичъ Путята, служа въ военномъ министерствѣ, въ 1812 году слѣдовалъ за арміею изъ Смоленска, препровождалъ раненыхъ съ Бородинскаго поля въ Москву и потомъ вывезъ ихъ въ городъ Касимовъ, гдѣ устраивалъ госпитали. Когда началось бѣгство неприятеля, В. И. Путятѣ поручено было учредить военные госпитали въ нѣсколь-

ныхъ потрясеній и столько заботъ положительныхъ! Моя здѣшняя жизнь также не восхитительна. Буду доволенъ Парижемъ, когда его оставлю. Для чужеземца, не принимающаго ни въ чемъ страстнаго участія, для холоднаго паблюдателя, свѣтскія обязанности, дающія пищу одному любопытству, часто обманутому въ своихъ ожиданіяхъ, отъменно тяжелы. Бываю вездѣ, гдѣ требуется, какъ ученикъ въ своихъ классахъ. Масса свѣдѣній и впечатлѣній конечно вознаградитъ меня за трудъ, по все-таки это трудъ, а рѣдко-рѣдко наслажденье. Въ одномъ изъ писемъ Вяземскаго Тургеневу помѣщено нѣсколько строкъ для меня особенно благоволительныхъ. Скажи ему при случаѣ, что я былъ ими очень тронутъ и что они сохраняются въ томъ чувствѣ, которое такъ хорошо называли сердечною памятью. Бѣдный Тургеневъ боленъ почти съ моего приѣзда въ Парижъ: по словамъ его, онъ обязанъ своими недугами тому, что гдѣ-то въ Германіи, отыскивая Жуковскаго, упалъ въ ручей, продрогъ и съ тѣхъ поръ не можетъ оправиться. Онъ не оставляетъ кресель, а для человѣка такого дѣятельнаго, какъ онъ, это хуже самой болѣзни (*). Мы разъѣзжаемъ по F. St.-Germain, вѣрные покуда-что Православной Греко-рос-

---

ныхъ западныхъ губерніяхъ. Онъ завѣдывалъ этими учрежденіями, и въ то же время, въ качествѣ управляющаго Виленскою комиссаріатскою комиссіею, снабжалъ обмундированіемъ резервы и всѣ проходившія, а потомъ возвращавшіяся изъ заграничнаго похода войска. Впослѣдствіи В. П. Путятя былъ генераль-крюгеръ-комиссаромъ арміи. Намъ случалось слышать отъ современниковъ 1812 года и сотрудниковъ В. П. Путятя самые теплые отзывы о высокихъ качествахъ этого человѣка. П. Б.

(*) А. Н. Тургеневъ жилъ въ Парижѣ, издавна имѣя порученіе отъ нашего правительства собирать въ иностранныхъ архивахъ историческіе документы, относящіеся до Россіи.

сійской церкви. Католическій прозелитизмъ здѣсь несносенъ. Меня заставили прочесть кучу скучныхъ книгъ, и теперь у меня лежитъ на столѣ Institut des Jésuites отца Равиньяна (*). Какъ ты думаешь, что это такое? Изложеніе статутъ ордена, писанное съ простотою младенца или пеничностью старика, потерявшаго память, человѣкомъ лѣтъ сорока, замѣчательнымъ своею ученостью и дарованіями. Вотъ мое опредѣленіе этого произведенія: livre naïs écrit pour les naïs, par un homme qui n'est pas naïs. Вижу здѣсь почти всѣхъ авторовъ. Завтра буду у Ламартина. Тьері обѣщаль меня представить Гизоту. Съ тѣхъ поръ какъ онъ министръ, доступъ къ нему довольно труденъ. У меня начаты письма къ Шлетневу и Соболевскому и не окончены за парижской суматохой. Кланяюсь имъ обоимъ. Вчера съ Настинькой были мы на балѣ de l'ancienne liste civile и видѣли въ полномъ блескѣ всю французскую аристократію. Будьте здоровы, обнимаю васъ и дѣтей.

XXVI.

Того же года.

(Въ началѣ весны).

Благодарю тебя за желаніе моего портрета. Жаль, что получилъ твое письмо передъ самымъ нашимъ отъѣздомъ въ Италію; однакожь постараюсь удовлетворить твоей дружеской прихоти въ Парижѣ, гдѣ по твоему совѣту можно

(*) О дѣятельности отца Равиньяна можно прочитать подробности въ книгѣ Ю. О. Самарина: „Иезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи“, М. 1866, стр. 145. Книга Равиньяна называется: „De l'existence et de l'institut des Jésuites. Paris. 1844.“

литографировать нѣсколько экземпляровъ. Если не успѣю (ибо время нудитъ), то оставляю это до Рима. Мы ѣдемъ изъ Парижа съ впечатлѣніями самыми пріятными. Наши здѣшніе знакомые намъ показали столько благовоительности, столько дружества, что залечили старыя раны. Здѣсь намъ дали рекомендацїи письма въ Неаполь, Римъ и Флоренцію. Тамъ, какъ здѣсь, мы можемъ, если захотимъ, познакомиться съ обществомъ; но, кажется, мы на это не найдемъ досуга. Есть лица въ Парижѣ, которыя мы покидаемъ даже съ грустью. Путешественникъ долженъ быть путешественникомъ: ему не слѣдуетъ нигдѣ заживаться, если хочетъ въ самомъ дѣлѣ пользоваться своимъ мизантропическимъ счастьемъ. Мы ѣдемъ на Марсель; оттуда моремъ прямо въ Неаполь, а потомъ сухимъ путемъ въ Римъ и проч. и воротимся въ Россію черезъ Вѣну. Я съ вами увижусь, богатый воспоминаньями всякаго рода. Я уставалъ отъ Парижской жизни, но теперь, прощаясь съ нею, доволенъ прошедшимъ; пересталъ къ вамъ писать собственно о Парижѣ, потому что всякій день мнѣніе мое измѣнялось. Къ тому же надобно родиться въ Парижѣ, чтобъ посреди его требованій и разсѣяній находить досугъ для мысли и для письменнаго упражненія. Русскій видитъ и не вѣритъ, что эту самую жизнь ведутъ здѣшніе ученые, безпрестанно усовершенствуясь въ наукѣ и каждый годъ печатая какую нибудь книгу. Обнимаю васъ, мои милые, равно вашихъ и нашихъ дѣтей. Хотя хорошо за границей, я жажду возвращенія на родину. Хочется васъ видѣть и по русски поболтать о чужеземцахъ. Балабинъ вамъ кланяется. Умный, добрый, просвѣщенный и любезный.

XXVII.

Изъ Неаполя 1844 года.

Пятнадцать дней какъ мы въ Неаполѣ, а кажется такъ давно отъ полноты однообразныхъ и вѣчно-новыхъ впечатлѣній. Въ три дня, какъ на крыльяхъ, перенеслись мы изъ сложной общественной жизни Европы въ роскошно-вегетативную жизнь Италіи.—Италіи, которую за всё ея заслуги должно бы на картѣ означить особой частью свѣта, ибо она въ самомъ дѣлѣ ни Африка, ни Азія, ни Европа. Наше трехдневное мореплаваніе останется мнѣ однимъ изъ пріятнѣйшихъ моихъ воспоминаній. Морская болѣзнь меня миновала. Въ досугѣ здоровья, я не сходилъ съ палубы, глядѣлъ днемъ и ночью на волны. Не было бури, но какъ это называли наши французскіе матросы: *très gros temps*, слѣдственно живость безъ опасности. Въ нашемъ отдѣленіи было востраждающихъ одицъ очень любезный Англичанинъ, двое или трое незначущихъ лицъ, Неаполитанскій maestro музыки, Николинъка и я. Мы коротали время въ непринужденности военнаго товарищества. На морѣ страхъ чего-то грознаго, хотя вседневаго, взаимныя страданія, или ихъ присутствіе, на минуту связываютъ людей, какъ будто бы не было, не только московскаго, парижскаго свѣта. На кораблѣ, вочью, я написалъ нѣсколько стиховъ, которые, немного переправивъ, вамъ пришлю, а васъ прошу передать Плетневу для его журнала (*).

(*) Современника (1844, т. XXXV, стр. 215). Здѣсь конечно говорится о стихотвореніи *Пироскафъ*:

Дикою, грозною ласкою полны,

Вьютъ въ нашъ корабль Средиземныя волны...

Вотъ Неаполь! Я встаю рано. Спѣшу открыть окно и упиваюсь живогворительнымъ воздухомъ. Мы поселились въ Villa Reale, надъ заливомъ между двухъ садовъ. Вы знаете, что Италія не богата деревьями, но гдѣ они есть, тамъ они чудно прекрасны. Какъ наши сѣверные лѣса въ своей романтической красотѣ, въ своихъ задумчивыхъ зыбяхъ, выражаютъ всѣ оттѣнки меланхоли, такъ яркозеленый, рѣзко отдѣляющійся листъ здѣшнихъ деревьевъ живописуетъ всѣ степени счастья. Вотъ проснулся городъ: на ослѣ, въ свѣжей зелени италіанскаго сѣна, испещреннаго малиновыми цвѣтами, шажкомъ ѣдетъ Неаполитанецъ полуголый, но въ красной шапкѣ: это не всадникъ, а блаженный. Лице его весело и гордо. Онъ вѣруетъ въ свое солнце, которое никогда не оставитъ его безъ призранія.

Каждый день два раза, утромъ и поздно вечеромъ, мы ходимъ на чудный заливъ, глядимъ и не паглядимся. На бульварѣ Chiaja, котораго подражаніе мы видимъ въ нашемъ московскомъ, нѣсколько статуй, которыя освѣщаетъ для насъ то италіанская луна, то италіанское солнце. Понимаю художниковъ, которымъ нужна Италія. Это освѣщеніе, которое безъ рѣзкости лампы 'выдаетъ всѣ оттѣнки, весь рисункъ человѣческаго образа, во всей точности, легкости, мечтаемой артистомъ, находится только здѣсь, подъ этимъ дивнымъ небомъ. Здѣсь, только здѣсь, можетъ образоваться и рисовальщикъ и живописецъ.

Съ дѣтства влекла меня сердца тревога
 Въ область свободную влажнаго бога;
 Жадныя длани я къ ней простиралъ.
 Темную страсть мою днесъ награждалъ,
 Кротко щадить меня немочь морская:
 Пѣною здравія брызжетъ мнѣ валь!

Мы осмотрѣли нѣкоторыя изъ здѣшнихъ окрестностей. Видѣли, что можно видѣть въ Геркуланумѣ, были въ Пуццолѣ, видѣли храмъ Серапійскій; но что здѣсь упоительно, это то внутреннее существованіе, которое даруетъ небо и воздухъ. Если небо, подъ которымъ Филемонъ и Бавкида превратились въ деревья, не уступаетъ здѣшнему, Юпитеръ былъ щедро благъ, а они присно-блаженны (*).

Мы остаемся здѣсь на два или три мѣсяца. Въ продолженіи нашего морскаго путешествія у Настипки возобновлялись ея нервическіе рюматизмы съ постоянной болью въ желудкѣ. Одинъ изъ лучшихъ здѣшнихъ докторовъ, котораго намъ рекомендовала К. Волхонская, настоятельно сѣ предписалъ морскія ванны и здѣшнюю желѣзную воду. Все это у насъ черезъ улицу и ви по чьей. Съ Хлюстинымъ, котораго внезапная болѣзнь удержала въ Кенигсбергѣ, и полагалъ получить отъ тебя письмо. Нѣжно васъ обнимаю, равно какъ всѣхъ вашихъ и нашихъ ребятиншекъ.

(*) Савозъ занавѣсъ вѣкомъ еще здѣсь помнятъ виллы,

Пріюты отдыховъ и Марія и Силлы.

И кто, безчувственный среди твоихъ красотъ,

Не жаждалъ въ ихъ раю обрѣсть навѣсь иль тропь,

Гдѣ-бъ скрылся, не на часъ какъ эти полубоги,

Здѣсь Лету навѣше, чтобъ крѣпнуть для тревоги;

Но чтобъ незримо слить въ безмыслія златомъ.

Сонъ нѣги сладостной съ послѣднимъ, вѣчнымъ сномъ!

(Дидкѣ-Итальянцу, Современ. 1844, годъ XXXV, стр. 220). Въ стихахъ этихъ слышится предчувствіе той участи, которая такъ скоро постигла поэта. И удивительнымъ образомъ предчувствіе это въ предсмертномъ стихотвореніи соединяется съ воспоминаніемъ Тамбовской деревни и первыхъ лѣтъ жизни.— Быть можетъ, быстрая смѣна полноты вѣшнаго счастья наступающею грозною внутренней тревогою и была причиною внезапной и рановременной кончины поэта. *И. Б.*

XXVIII.

Изъ Неаполя, того же года.

....Съ нетерпѣваемъ ждемъ отъ васъ письма, еще болѣе успокоительнаго на счетъ Насти и васъ самихъ. Не смотря на то, что горькое время для васъ миновалось, мы не могли прочесть предпоследняго вашего письма безъ содроганія, думая о томъ, что вы претерпѣли. Отдыхаемъ вмѣстѣ съ вами, полагаемъ на милость Божию, уже такъ явную. Мы живемъ въ Неаполѣ, какъ въ деревнѣ: дни наши монотонны, по небу, по воздуху, по морю, по югу вообще не даютъ времени ни скучать, ни задуматься; каждый день наслаждаюсь однимъ и тѣмъ-же и всегда съ новымъ упоеніемъ. Жары не неспосны. Въ Россіи иногда бываетъ душнѣе. Веселый нравъ неаполитанцевъ, ихъ необыкновенная живость, безпрестанныя катанья, процессіи, приходскіе праздники съ феерверками, все это такъ ярмарочно, такъ безусловно-весело, что нельзя не увлечься, не отдаться дѣтски преглуному и пресчастливому разсѣянію. Миѣ эта жизнь отмиѣнно по сердцу: гуляемъ, купаемся и ни о чемъ не думаемъ, по крайней мѣрѣ не останавливаемся долго на одной мысли. Это не въ здѣшнемъ климатѣ. Обнимаю васъ, милую Настю и остальныхъ вашихъ и нашихъ ребяташекъ. Въ другой разъ буду писать подробнѣе, а теперь спѣшу, чтобы не упустить почты. Богъ васъ береги всѣхъ!

XXIX.

Оттуда же.

„Мы получили разомъ нѣсколько вашихъ писемъ, потому что догадались написать въ Римъ и Флоренцію, чтобы намъ ихъ переслали въ Неаполь. Посылаю вамъ два стихотворенія; отдайте ихъ Плетневу для его журнала. На дняхъ я вамъ адресую письма къ нему, Соболевскому и Вяземско-

му. Пожалуйста перешлите. Мы ведемъ въ Неаполѣ самую сладкую жизнь. Мы уже видѣли всѣ здѣшнія чудесныя окрестности: Пуццолы, Байю, Кастелламаре, Соренту, Амальфи, Салерну, Пестумъ, Геркуланумъ, Помпею. Теперь педѣля наша проходить для дѣтей въ урокахъ, а каждое воскресенье мы дѣлаемъ une partie de plaisir, осматриваемъ здѣшніе церкви, дворцы и замки, или просто ѣдемъ за городъ въ какую нибудь деревню. Цѣлую, обнимаю васъ обоихъ, нашихъ и вашихъ дѣтей“.

*
* *
*

Два стихотворенія, присланныя съ этимъ письмомъ, были: *Пироскафъ* и *Дядька-Итальянцу*. Они тогда же напечатаны П. А. Плетневымъ въ его *Современникѣ*. Письмо это, въ которомъ Баратынскій говоритъ „мы ведемъ въ Неаполѣ самую сладкую жизнь“, писано имъ за нѣсколько дней до его кончины, послѣдовавшей ^{29 июня}/_{11 июля} 1844 г. Жена его была больна, и наканунѣ докторъ настаивалъ на необходимости пустить ей кровь. Это такъ встревожило Баратынского, что къ ночи онъ самъ занемогъ, а на другой день рано утромъ его не стало. Лѣтомъ 1845 г. тѣло поэта, въ кипарисовомъ гробѣ, привезено моремъ изъ Неаполи въ С.-Петербургъ. Оно предано землѣ на новомъ кладбищѣ Александровскаго монастыря, близъ гробницы Гнѣдича, въ присутствіи семейства покойнаго и нѣсколькихъ его пріятелей: кн. П. А. Вяземскаго, П. А. Плетнева, кн. В. О. Одоевскаго и др. На памятникѣ, воздвигнутомъ его вдовою, изображены въ медальонѣ черты его съ слѣдующею надписью изъ его стихотворенія *Отрывокъ*:

Въ смиреньи сердца надо вѣрить

И терпѣливо ждать конца.

ПИСЬМА КЪ А. Θ. БАРАТЫНСКОЙ ИЗЪ ЗА ГРАНИЦЫ.

1.

О С Е Н Ь Ю.

1843 г.

Изъ Дрездена.

Voilà à peu près dix huit jours que nous sommes en voyage, ma chère maman. Une diligence à six places avec laquelle nous nous sommes arrangés à Pétersbourg, nous a conduits à la frontière, ou plutôt à la première maison de poste prussienne. Depuis nous voyageons en prenant des coupés, où notre famille est à part, quoiqu'il y ait encore quatre places dans la diligence presque toujours occupées. Cette manière de voyager est très animée: on se voit aux relais et aux heures des repas, et on échange quelques paroles. Les routes sont superbes et le service de la poste d'une régularité admirable. Nous avons passé deux jours à Koenigsberg et onze à Berlin. J'avais une lettre de recommandation pour le secrétaire de notre ambassade, dont j'ai usé. Je me suis fait présenter à notre ambassadeur le baron Meindorff, homme très poli et très aimable. Il m'a fait diner chez lui avec le comte Bloudoff que je connais d'ancienne date. Il voyage avec sa fille et retourne en ce moment à Pétersbourg. J'ai passé une soirée chez eux. — Nous avons fait notre premier essai de chemin de fer en allant à Potsdam. Nous avons vu la maison où logeait Voltaire et les petits appartements

du Grand Frédéric, très grand, sans contredit, puisque c'est lui à peu près qui a créé la Prusse et jeté les premiers plans de son administration d'aujourd'hui. Berlin est une ville charmante, pas aussi belle que Pétersbourg, mais mieux proportionnée. La vie y est de la plus extrême régularité. Toutes les relations prévues et fixées, commerciales par des temps immémorables, sociales par des usages jamais enfreints. Le citoyen, sans s'en douter, y subit la même discipline que le soldat. En peu de jours on est au fait de la manière d'être de la ville et on jouit de l'extrême sécurité que procure cette entière absence d'imprévu. A présent nous sommes à Dresde. Il va sans dire que nous avons vu la fameuse galerie. La madone de Raphael est le triomphe de l'idée chrétienne et n'épuisera jamais l'admiration. Il vaut mieux n'en pas parler et laisser les générations à venir les unes après les autres se prosterner devant ce divin chef d'oeuvre. Il m'est impossible de ne pas nommer une création moins célèbre, mais peut-être tout aussi grande en son sublime douloureux: c'est le Christ dit à la monnaie, du Titien. Nous avons été voir un des plus jolis sites des environs de Dresde, c'est la vallée de Tarente. Malgré la saison avancée, c'est encore délicieux. Je jouis beaucoup de mes impressions de voyage et au moins autant de celles des enfants, qui les reçoivent avec la vivacité et la fraîcheur de leur âge, complètent et embellissent les nôtres. Nous retournons à Leipsick, d'où nous prendrons la diligence pour nous rendre à Francfort; de là nous irons à Mayence, puis nous descendrons le Rhin jusqu'à Cologne, d'où le chemin de fer nous conduira à Bruxelles, puis à Paris. Je ne vous ai parlé que des choses agréables de l'étranger, il faut absolument que je vous mande une impression horrible. C'est le tunnel entre Leipsick et Dresde. Imaginez vous un souterrain qu'on traverse plus de trois minutes et où l'obscurité fait craindre le manque d'air. Ma femme qui est sujette à des étouffements, m'a fait tellement craindre pour elle, que j'étais tout pâle à l'instant où nous avons vu la lumière. Elle vous baise les mains, ma chère maman, et vos petits enfants

vous demandent votre bénédiction pour l'entendement des arts dont la manifestation les entoure, et des restes de nature que la civilisation moderne embaume comme les momies d'Égypte, croyant et ne pouvant les conserver.

2.

Того же года изъ Парижа.

Chère maman, je vous ai écrit, dès mon arrivée à Paris, mais une lettre de Pétersbourg où l'on dit m'avoir expédié une lettre de vous, qui ne m'est pas parvenue, me fait craindre que la mienne se soit perdue de la même manière. Elle ne contenait que les premières impressions de la grande ville; des redites peut-être de ce qu'ont éprouvé d'autres voyageurs, mais dont il est impossible de s'empêcher, comme des exclamations que fait naître un objet frappant, malgré qu'elles soient celles de tout le monde. Nous voilà casés, et je commence par vous donner notre adresse: Paris . . . . .

Nous avons commencé par mettre en ordre notre maison, trouver les maîtres nécessaires à nos enfants, et puis j'ai usé de mes lettres de recommandation. Me voilà en ce moment en relation avec une partie des gens de lettres et surtout en plein Faubourg St.-Germain. On m'a adressé à des gens de différents partis, de manière que, peu à peu, je fais des connaissances dans les points de Paris les plus divergents. Le Faubourg St.-Germain est généralement pauvre en moyens matériels; mais il est excessivement prisé par les heureux du jour, et tout le monde frappe à ses portes, qui sont rarement des portes cochères. On n'a plus d'hôtels à soi. Tout cela a de petits appartements semblables, peut-être, à celui où M-me Scarron recevait autrefois la bonne compagnie. Chez M-me la Duchesse de R . . . . un valet sans livrée, en bretelles, a entreouvert la porte et m'a annoncé, au milieu d'un cercle d'aristocrates de l'ancien régime. Ce monde est prude à l'excès, faisant sonner les traditions et la politesse d'autrefois, comme les cérémonies d'un

sacerdoce dont seul il connaît les secrets. Faute de primer en politique, il s'est jetté dans un puritanisme non de moeurs, mais de formes. Il n'est pas gênant pour un Russe qui vit à Petersbourg ou à Moscou, à peu près dans les mêmes conditions; mais il impatiente et se fait haïr du Français nouveau. Les dames du Faubourg St.-Germain ne lisent ni Hugo, ni Sue, ni Balsac, mais elles travaillent de concert avec les prêtres à l'ultramontanisme. Ce faible parti s'est allié avec les derniers efforts de Rome papale. La grande question en ce moment, c'est d'obtenir pour le clergé la prérogative de l'éducation de la jeunesse, au dépens des universités. Le faubourg y prête la main, considérant le principe légitimiste, ne faisant qu'un avec celui de la souveraineté de l'église, et le tout est en mouvement. Je vois ici la C-esse de T., la marquise d'A., petite fille du fameux président, alliée à la maison de Mortemart qui finit avec elle, la duchesse de R., que je vous ai déjà nommée, la Comtesse de F. fille de l'Académicien, la Comtesse de B., femme de l'Ambassadeur de Napoléon en Suède, ensuite en Espagne. Celle-ci reçoit la noblesse de l'empire, et j'ai eu le plaisir d'y voir le Marechal Soult. Enfin une Russe M-me Svetchine, dont on dit ici que c'est le premier salon de l'Europe, puisque c'est le premier de Paris. Il est bien vrai aussi, qu'il n'est pas de célébrité quelconque qui n'y paraisse, même aujourd'hui, que, devenue plus que dévote, elle en fasse un choix trop sévère. Viennent ensuite les auteurs: Alfred de Vigny, Mérimée, les deux Thierry, Michel Chevalier, Lamartine, Charles Nodier que je suis venu voir mourir, car le voilà en ce moment à l'extrémité; mais j'ai eu un moment de bonne causerie avec lui, la veille du jour, où il est devenu si dangereusement malade; quelques Russes que je fréquente, mais que vous dire de tout cela, de Paris et de ses habitants? Commençons par la ville même, par Paris. Je ne veux pas me répéter sur la première apparence, sur le mouvement des rues, car peut-être avez vous reçu ma lettre; mais je relèverai ce qu'il y a de faux dans

ce que nous disent la plupart des voyageurs. D'abord le mouvement des rues appartient surtout aux piétons qui ne causent aucun encombrement et lorsqu'on s'y fait, ne font pas foule même, comme sur nos boulevards un jour de promenade. Les voitures, pas du tout en grand nombre, vont au très petit trot et ne sont pour la plupart que des fiacres et des omnibus. On aperçoit rarement l'équipage du vrai riche à deux chevaux, couleur de souris, cocher à culottes écarlates, et tout cela est très respectueux pour le souverain qui, nouveau Protée, bat les trottoirs sous mille différentes formes: blouse, redingote etc. On n'entre ni ne sort en voiture par les portes cochères des maisons, on s'y arrête et on sonne pour entrer dans une cour très propre qu'on traverse à pied pour se rendre chez les gens que l'on demande: usage qui est quelquefois enfreint au Faubourg St.-Germain, mais c'est un quartier passablement solitaire, et cette manière de faire, crainte des accidents, n'y est pas sévèrement exigée. Paris est boutique tout entier, car les premiers des maisons ne sont que cela: aussi, quelquepart qu'on s'y loge, on trouve presque tout sous la main, non seulement les nécessités, mais les élégances: mais tout est médiocre plutôt qu'autre chose. Paris est magnifique dans son ensemble, les détails sont des misères enjolivées. En le contemplant sous ce point de vue, je pensais à ces deux vers de Voltaire:

«Et vous composerez, dans ce chaos fatal,

«Du malheur de chaque être le bien général»,

mais pour sentir la fausseté de l'application; car la répartition plus égale des biens de la terre a contribué puissamment au bonheur de la France, en donnant un plus grand nombre de gens passablement heureux et passablement contents. La physionomie générale d'un peuple, allant droit, à la vue toute fraîche du voyageur, ne trompe pas. Il y a quelque chose de satisfait chez les Français que je n'ai pas remarqué autre part. Une politesse, une bienveillance, une cordialité, même dans les derniers rangs du peuple, qui prouve qu'il

est loin dans ses habitudes d'humeur, de l'aigreur que j'ai vu partout excepté en France, preuve d'un ordre de choses supérieur; mais pour en revenir au matériel, vous trouverez tout au Palais-Royal, qui est le Гостининый дворъ de Paris; mais bien plus magnifique que celui de Pétersbourg et même le Городъ de Moscou; éclairé tous les soirs au gaz, comme nos villes l'ont été une fois, le jour où l'on a fêté l'entrée de notre armée dans la ville d'où je vous écris; mais le possesseur de chaque boutique n'a pas même vingt mille francs de capital; les objets de luxe sont éparpillés, le riche doit se donner la peine de chercher ce qu'il veut en vingt endroits différents. La vie ici est d'une régularité qui ferait soupçonner des mœurs sévères: on ne les a pas encore; mais les cadres sont décidément posés. Il faut prévenir le portier quand on suppose rentrer chez soi, passé minuit, — et généralement à cette heure on ne voit personne dans les rues de Paris qui devient silencieux comme un village.

ПЕРЕВОДЫ НѢКОТОРЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ
Е. А. БАРАТЫНСКАГО

п а ф р а н ц у з с к і й я з ы к ѣ .

L A F É E .

(ФЕЯ) (*).

Quelquefois une fée m'apparait en songe. Elle vient, souriante et pleine de sollicitude, m'offrir pour l'accomplissement de mes vœux toutes les ressources de sa puissante science. Plein d'allégresse, je me hazarde à lui bégayer mes mystérieux desirs, mais le dirai-je? même l'illusion du rêve ne me fait pas comprendre un bonheur inacheté. Toujours à ses magnifiques dons, elle met une

---

(*) См. выше, стр. 82.

condition malicieuse qui les empoisonne ou les détruit. Ainsi notre âme est vaincue par l'esprit moqueur de la terre; ainsi toujours soumise aux despotiques impressions de la réalité, elle transporte ses habitudes journalières, même dans le libre domaine de l'imagination.

PAS D'OUBLI.

(Все мысль да мысль) (*).

Raison Souveraine! toi que prend pour guide l'artiste de la parole, que lui veux tu? Pas d'oubli—c'est l'homme, c'est le monde, c'est la vie, c'est la mort, et toujours la vérité sans voile! Orgue, palette, ciseau! Heureux celui qu'entraîne votre inspiration sensuelle sans le porter au delà. Il y a place pour lui au festin de la terre, il y a des coupes pour l'enivrer; mais devant toi, raison inexorable, aigu rayon, ainsi que devant le glaive nu, pâlit toute humaine allégresse.

LA SAGESSE DES NATIONS.

(Старательно мы паблюдаемъ свѣтъ) (**).

Aimons la science! étudions le monde, cherchons à sonder les abîmes du cœur humain . . . Mais quel sera le fruit de nos longues années d'expérience et de méditation? Que saisira l'homme de la hauteur où il se sera placé? Rien peut être que le véritable sens du plus vulgaire dicton.

SOUSSION.

(Къ чему невольнику мечтанія свободы?) (***)

Pourquoi le captif aurait-il des rêves de liberté? Vois, les ondes puissantes de tes fleuves coulent entre leurs rives immuables

(*) См. выше, стр. 258.

(**) См. выше, стр. 159.

(***) См. выше, стр. 200.

aussi résignées que majestueuses. Vois ton sapin rester superbe sur la plage qui l'a nourri, impuissant à se déplacer. Les astres du ciel sont mus par une loi impérative qui leur intime la voie immense qu'ils doivent parcourir: il n'est pas libre aussi le vent aux ailes légères, et une occulte loi dirige son haleine soit-disant capricieuse. Soumettons nous donc à notre sort, sachons dompter, sachons oublier les insurrections de notre âme impatiente et nous aurons le repos, et nous aurons le bonheur. Insensés! n'est ce pas aussi la volonté suprême qui a donné à l'homme la passion brulante? Oh, qu'elle est pénible pour nous cette vie qui voudrait se répandre et que ressèrent des rives étroites posées par la fatalité!

L'HARMONIE.

(Въ думъ безграничныхъ увлеченій) (*).

Ton élu, o Dieu de lumière, peut au début de sa vie être aux mains de l'esprit des ténèbres: il lui soufflera les ardeurs insensées, il l'entraînera aux festins du désordre; mais il ne pourra détruire en lui l'idée du beau et la conscience des conditions rigoureuses, auxquelles est soumise toute oeuvre d'harmonie. Si l'impétueux jeune homme se livre aux orgies discordantes, l'amant de la lyre étudiera patiemment les lois de la juste cadence et les appliquera à ses chants.

Puis il cherchera à dompter ses passions; leur vapeur grossière n'offusquera plus sa vue, et l'horizon poétique s'agrandira sans bornes à ses yeux; l'harmonie de sa lyre, il voudra la donner à sa vie, il la rêvera pour l'humanité.

L A R I M E.

(Рима) (**).

Lorsque aux jeux olympiques, au sein des jeunes villes de la Grèce, tu chantais, ô fils d'Apollon, tu te faisais entendre à une

(*) См. выше, стр. 188.

(**) См. выше, стр. 268.

foule avide d'émotions généreuses, tu avais foi en la sympathie populaire, et un mètre large et libre cadençaît sans la gêner ta puissante voix. La foule restait muette et attentive, jusqu'à ce qu'entraînée par une commotion victorieuse, elle éclatait en applaudissements et t'inspirait de nouveaux accords.

Mais de nos jours! hélas! qui interroge nos lyres proscrites? Qui voudrait quitter les sentiers du vulgaire en s'élevant sur nos ailes? de nos jours le poète ignore la portée de son essor. Juge et partie à la fois, est ce à lui de résoudre si la voix qui lui parle est celle d'une fièvre bizarre, ou de la véritable inspiration, don souverain du ciel?

Au sein de ce sommeil de mort, au sein de cette glaciale indifférence du monde, toi seule, ô rime! viens l'encourager par tes échos beinfaisants! Ainsi que la colombe de l'arche, seule tu lui présentes le rameau fleuri, seule tu viens approuver ses veilles solitaires et légitimer ses aspirations.

A A U R O R E C . . . . .

(Аврорѣ III.) (*).

Oh qu'il te sied, ce nom d'Aurore
 Adolescente au teint vermeil!
 Verse lumière, et plus encore
 Aux cœurs dont tu romps le sommeil.
 Entends la voix déjà souffrante
 De la jeunesse prévoyante:
 «Pour qui se lève ce beau jour?
 Pour qui cette Aurore charmante
 Sera-t-elle soleil d'amour?»

(*) См. выше, стр. 94.

PAR NIENTE.

(Чувствительны мнѣ дружескія пени) (*).

Merci, amis, pour votre indignation flatteuse, mais franchement je renonce à la lyre et me livre avec ivresse au bonheur sans conditions que m'offre la douce oisiveté. L'amour des vers a passé comme l'autre qui vaut bien mieux. Changer encore, aimer encore... je le voudrais... mais, mon âme est trop fatiguée. Je chéris mon pacte avec la désœuvrance; doucement bercé par une somnolence bienheureuse, je ne veux pas tromper par des transports empruntés ni les douces filles de la terre, ni les austères vierges de l'Hélicon.

LES FRAIS DE ROUTE.

(Прогоны жизни) (**).

La bonne mère qui vent pour nous le voyage de la vie, a soin à notre départ de nous pourvoir de rêves d'or. Les rapides années nous mènent en poste de relais en relais, et c'est la monnaie dont nous payons les frais de route.

LE CRÉPUSCULE.

(Всегда и въ пурпурѣ и въ золотѣ) (***)

Toujours éblouissante de parure, toujours puissante de passions inassouvies, tu ne soupçonnes pas même que ton printemps est bien loin de toi, et te voilà plus brillante que toutes nos grâces nouvelles, et ton crépuscule a plus de feu que leur froide aurore. L'esprit des voluptés t'anime mieux que leur existence végétative. Ombre ardente! Tu soumets celles qui sont à celle qui n'est plus!

(*) См. выше, стр. 131.

(**) См. выше, стр. 107.

(***) См. выше, стр. 238.

MORT DE GOETHE.

(На смерть Гете) (*).

Elle vint, et le grand vieillard ferma doucement ses yeux d'aigle. Il s'endormit tranquille, car, ici bas, il avait accompli tout ce qui est de la terre. Ne versez pas de larmes sur cette tombe glorieuse, oubliez que le crâne du génie est désormais l'héritage des vers.

Il n'est plus, mais il n'a rien laissé sous le soleil des vivants, que sa lyre n'ait salué, mais son âme a répondu à tous les appels, de l'âme, mais son esprit à embrassé le monde, et n'a trouvé de bornes qu'aux rives de l'infini.

Tout avait son amour: systèmes laborieux des sages, créations des arts inspirés, testaments des siècles antiques, espérances des générations florissantes. Sa puissante imagination l'associait aux soucis du diadème comme aux chagrins de la mesure délabrée.

Naturel une vie fraternelle l'unissait à toi! Il savait interpréter le babil du ruisseau, il comprenait l'idiôme des feuilles frémissantes, son oreille entendait croître les gazons, il lisait aux livres des étoiles, et la vague marine conversait avec lui.

Il a connu, il nous a dit tout l'homme, et si notre existence est bornée à celle de la terre, si rien ne nous attend au delà des fugitives visions de ce monde: voyez sa tombe, et dites si jamais Pharaon d'Egypte a élevé plus haute pyramide à sa mémoire.

Et s'il est une vie d'outre-tombe, lui qui a su répondre à toutes les voix de la terre, et lui rendre ce qu'elle donnait en mélodies sonores et profondes, il s'élancera d'une âme légère vers Celui Qui était avant les siècles, et les vapeurs d'ici bas ne viendront pas troubler sa céleste félicité.

(*) См. выше, стр. 192.

LES REDITES.

(На что вы дия!) (*).

Pourquoi luisez vous, jours opiniâtres? la terre ne changera pas de face, ses phénomènes resteront les mêmes, l'avenir ne promet que des redites.

Ils ont été vains tes combats et tes tumultes, âme ardente de compréhensions, âme insensée. Tu as fourni ta carrière avant le corps!

Tu as épuisé les impressions du vulgaire, tu connais son cercle retréci; bercé par les pâles ombres du passé, tu dors, et ton compagnon de voyage

Contemple d'un œil indifférent l'inutile soleil qui vient détrôner une nuit sans prestige, les ombres de la nuit engloûtir un stérile soir, triste couronne d'un jour vide de sens!

LE DERNIER POËTE.

(Последній поэтъ) (**).

Siècle de fer, tu avances en ta voie: soif d'or, culte du quotidien et de l'utile, chaque jour plus habile et plus déhonté. L'éclat de la civilisation a fait fuir les songes naïfs de la poésie. Les générations les méprisent au sein de leurs préoccupations industrielles.

La Grèce renaît pour les joies de la liberté, elle rassemble ses peuples, elle relève ses capitales. De nouveau les sciences y fleurissent, le commerce y envoie ses vaisseaux, mais il est veuf de chants: l'antique paradis des muses!

Vous réglez! neiges resplendissantes d'un monde qui vieillit: à vos lueurs, l'homme est sévère et pâle; mais la patrie d'Homère a des prairies verdoyantes, des fleuves azurés, des bocages embaumés. Le Parnasse est en fleurs. Vive et limpide, comme jadis, bouil-

---

(*) См. выше, стр. 250.

(**) См. выше, стр. 230.

lonne à ses pieds l'onde Castalienne! Enfant inattendu des derniers efforts de la nature, un poète naquit: il fait entendre sa voix.

Simple de cœur, il chante la beauté et l'amour, le vide et la vanité d'une science qui voudrait les proscrire; il chante l'insouciance des maux fugitifs de la vie. Autrefois l'homme moins prévoyant goûtait plus de bonheur.

Aux froids adorateurs de la triste Uranie, il ose vanter les passions impétueuses: «Ainsi que le souffle orageux d'Éole féconde les guérets, — elle féconde les cœurs. De leur sein agité, s'élance la divine Fantaisie, comme Vénus surgit autrefois du sein de la mer écumante».

«Et pourquoi refuserez vous votre foi à vos inspirations les plus intimes, les plus souriantes? Cœurs vaillants! Pourquoi souscrirez-vous à des traités pusillanimes? Oh! soumettez-vous aux douces convictions auxquelles vous convie le tendre regard de la femme! Oh! acceptez les consolantes révélations d'un ciel compatissant!»

Il entend un rire dédaigneux: ses doigts s'arrêtent sur les cordes de sa lyre, sa voix expire sur ses lèvres: mais son âme n'est pas vaincue. Il portera ses pas en un désert sauvage, il oubliera les hommes au sein des fraîches inspirations d'une nature primitive; mais, hélas! le monde ne possède plus d'autre inhabité, mais il n'est plus de solitude sur la terre!

Seule, la profonde mer repousse le joug de l'homme: libre, vaste, prestigieuse, elle ne change pas de face, depuis que Phébus, le flambeau de jour à la main, se mira pour la première fois dans ses ondes.

Du haut du rocher de Leucade, l'enfant de la lyre la contemple, rêveur et agité. Tout à coup ses yeux rayonnent de compréhension satisfaite: l'ombre de Sapho, cette roche célèbre, la voix de la vague harmonieuse qui chante une hospitalité souveraine.... C'est dans ces flots, où l'amante de Phaon éteignit les flammes d'un amour

insulté, c'est dans ces flots qu'il éteindra son imagination trompée, son inspiration inutile!

Et le monde, comme avant, rayonne de luxe inanimé; il dore et redore son vieux squelette; mais l'homme rêve malgré lui au bord de l'Océan; mais le bruit des vagues l'interdit, mais il quitte la grève, l'âme mélancolique et troublée!

SOUÇIS MATÉRIELS.

(Толпѣ тревожный дѣвъ) (*).

La foule aime le jour qui l'appelle au tumulte, tandis qu'elle craint la silencieuse nuit qui accueille les fantômes d'une imagination insubordonnée. Mais nous, nous ne craignons point ces légères visions, filles diaphanes d'une ombre protectrice. L'aube du jour réveille des spectres plus effrayants, ce sont les vanités humaines et les devoirs quotidiens.

Étends la main, touche du doigt aux ténèbres insurgées, et le fantôme qui t'effrayait glissera dans l'abîme, et tu n'auras qu'à rire de l'aberration momentanée de tes sens.

O vous, enfants de la Fantaisie, vous, que dès le berceau ont visité des Fées pleines de grâces; vous, les familiers de l'occulte, vous, hôtes journaliers de ses festins, sachez braver le fantôme du réel, allez à lui, il fera, et le nuage évanoui, la famille des esprits ouvrira de nouveau les portes de son Eden au vainqueur de la matière.

LE PRÉJUGÉ.

(Предразсудокъ) (**).

Préjugé! tu es le dernier rayon d'une vérité qui va s'évanouissant dans la nuit des siècles. Le temple est tombé et l'esprit de ses ruines parle une langue oubliée.

(*) См. выше, стр. 254.

(**) См. выше, стр. 234.

Une génération dédaigneuse poursuit en lui (ne pouvant reconnaître les traits de son visage) le grand aïeul de notre vérité contemporaine.

Arrêtez vos efforts parricides, respectez son agonie et accordez une honnête sépulture aux cendres qui vous ont donné la vie.

Хронологическій списокъ біографическихъ и критическихъ статей объ Е. А. Баратынскомъ и его писемъ не вошедшихъ въ настоящее изданіе.

1820. *Труды вольнаго общества любителей россійской словесности*, ч. IX, стр. 109. *Членъ-корреспондентъ* общества въ Фридрихсгамъ (съ 26 января, 1826 г.).
1821. *Тамъ-же*, ч. XIV, стр. 252. *Переименованіе въ действительные члены* (съ 28 марта, 1820 г.).
1822. *Тамъ-же*, Посланіе къ нему П. А. Плетнева, ч. XVIII, стр. 349—350.
1823. *Тамъ-же*, ч. XXIV, стр. 300.
Баратынскій — подпоручикъ Нейшлотскаго полка.
1824. Письмо къ В. К. Кюхельбекеру. *Русская Старина*, 1875, т. XIII, стр. 377.
1824. Письмо Е. А. Баратынскаго къ В. А. Жуковскому. *Русск. Арх.* 1868, стр. 147—156. Два письма Жуковскаго къ князю А. Н. Голицыну объ Е. А. Баратынскомъ. *тамъ-же* стр. 156—160. (Перепечатаны въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, 7-е изданіе (Ефремова). Спб. 1878, т. VI, стр. 454—458.
1825. Письмо къ графинѣ С. П. о русскихъ поэтахъ (П. А. Плетнева). *Съверные цвѣты*, стр. 65—67.
1826. Письмо кн. П. А. Вяземскаго къ А. С. Пушкину. *Русскій Архивъ*, 1879, кн. 2, стр. 477—478.
1826. Русскій Инвалидъ, № 37.
Критическая статья объ «Эдѣ».

1827. Письмо къ Н. А. Полевому *Русскій Архивъ*, 1872, стр. 351.
1827. Стихотворенія Евгенія Баратынскаго (Разборъ изданія 1827 года), статья О. Булгарина. *Сверн. Пчелы*. №№ 145, 146 и 147 (фельетонъ).
1827. Тоже. Статья Сомова. *Сынъ Отечества*, часть 116, стр. 78—80.
1828. О стихотвореніяхъ Баратынскаго. Статья П. А. Плетнева. *Сверные цытты*, стр. 301—311.
1829. Дамскій журналъ, ч. XXV, №№ 4—5, стр. 60—64 и 78.
1829. Вѣстникъ Европы, часть ССХІІІ, № 2, стр. 151—170. Подписано съ *Патріаршихъ прудовъ* (исевдонимъ профессора Надеждина).
1829. Двѣ повѣсти въ стихахъ: «Балъ», сочиненіе Евг. Баратынскаго и «Графъ Нулинъ», соч. А. Пушкина. Критическая статья Сомова. *Сынъ Отечества*, ч. 123, стр. 270—285.
1829. Журналъ *Вибочка*, №№ 2 и 3.
1830. Баратынскій. Статья А. С. Пушкина, помѣщенная въ «Литературной газетѣ» барона Дельвига. См. *Сочиненія Пушкина*. Изданіе 8-е (Анскаго). М. 1882, т. V, стр. 148—152.
1831. Журналъ *Телескопъ*, часть III, отд. VII, стр. 228—239.
1831. Наложница, сочин. Е. Баратынскаго. М. 1831. Двѣ статьи (одна съ подписью *Юр.*, другая *Р-нъ*). *Сынъ Отечества*, часть 142, стр. 53—63.
1831. Наложница, соч. Е. Баратынскаго. (Разборъ). *Московскій Телеграфъ*, ч. XXXVIII, стр. 235—243.
1831. Журналъ *Литературная газета*, № 29, стр. 220—221. Статья Дельвига.
1831. Журналъ *Гирлянда*, часть I, №№ 13 и 15, стр. 320—325, 368—381. Статья Сенсерскаго.
1832. Выписка изъ бумагъ дяди Александра (В. А. Эртеля). *Русскій Альминахъ* на 1832—33 г. Изд. В. Эртеля и А. Глѣбова. Спб. 1832, стр. 240—320. (Нѣкоторыя подробности о Дельвигѣ, Баратынскомъ и Пушкинѣ). См. Дельвигъ, статья

- вторая (В. П. Гаевского). [*Современникъ*, 1853, т. XXXIX, № 5, отд. III, стр. 29—52 и Вопросы и отвѣты, *Новое Время*, 1880, № 1380.
1832. Журналъ *Европеецъ*, № 2, стр. 259.
1834. Литературныя Мечтанія (Бѣлинскаго). *Мѣсяцъ*, 1834, № 50, стр. 400. Перепечатано въ его Сочиненіяхъ, ч. 1-я (изд. 1859), стр. 86—86.
1834. Критическая статья по поводу изданія стихотвореній 1835 года. *Библиотека для чтенія*, т. X, отд. V, стр. 1—9.
1835. О стихотвореніяхъ г. Баратынскаго (В. Г. Бѣлинскаго). *Телескопъ*, т. XXVII, стр. 123—137. Перепечатано въ его Сочиненіяхъ, ч. 1-я (изд. 1859 г.), стр. 241—252.
1837. *König Heing. Literarische Bilder aus Russland*. Stuttg. u. Tübing. 1837, S. 154—155. Русскій переводъ, Спб. 1862, стр. 114—115.
1842. Сумерки, соч. Е. Баратынскаго. (Разборъ). *Библиотека для чтенія*, т. LIII, отд. VI, стр. 1—8.
1842. Сумерки, соч. Е. Баратынскаго. (Разборъ). *Литературная извѣстия*, № 32, стр. 663—665.
1842. Сумерки (1842) и Стихотворенія (1835). Критическій разборъ (В. Г. Бѣлинскаго). *Отчественныя Записки*, т. XXV (№ 12), отд. VI, стр. 49—70. Перепечатано въ его Сочиненіяхъ. М. 1860, т. VI, стр. 280—324.
1842. Сумерки. (Разборъ). *Современникъ*, т. XXVII, стр. 97—101.
1844. Евгенийъ Абрамовичъ Баратынскій. Статья П. А. Плетнева. *Современникъ*, т. XXXV, № 9, стр. 298—329.
1844. Стихотворенія (1835) и Сумерки (1842). Критическая статья. *Библиотека для чтенія*, т. LXVI, отд. V, стр. 1—22.
1844. Извѣстіе о кончинѣ Баратынскаго. *Сѣверная Пчела*, № 184 (Смѣсь).
1844. Е. А. Баратынскій (статья А. Д. Галахова, псевдонимъ Сто-одинъ). *Отчественныя Записки*, т. XXXVII, отд. II, стр. 83—104.

1845. Е. А. Баратынскій (характеристика И. В. Кирѣвскаго). *Библиотека для воспитанія*, издаваемая Д. А. Валуевымъ и потомъ П. Г. Рѣдкимъ, т. III, стр. I—VI. Перепечатано въ *Русскомъ Архивѣ*, 1874. Книга 2-я, стр. 633—636 (съ примѣч. Н. Елагина). Въ собраніе сочиненій И. В. Кирѣвскаго статья эта не вошла.
1849. Е. А. Баратынскій (біограф. очеркъ). *Справочный энцикл. словарь* А. Старчевскаго, т. 2, стр. 115.
1854. Eug. Baratinski, *Nouvelle biographie universelle*. T. IV, p. 407.
1857. Повѣсти и рассказы И. С. Тургенева (критическая статья С. С. Дудышкина). *Отечественныя Записки*, т. CX (№ 1), отд. II, стр. 6—7. Сравненіе «Эды» Баратынскаго и «Бѣлы» Лермонтова.
1859. Замѣтки мимоходомъ. Е. А. Баратынскій (П. А. Ефремова). *Библиограф. Зап.*, № 20, стр. 632—636.
1860. Записки о жизни и сочиненіяхъ Н. А. Полсваго. Составленные братомъ его К. А. Полевымъ. Часть первая. Слб. 1860. О Баратынскомъ говорится на стр. 221—226.
1861. Біографическія замѣтки (А. Грена). *Петербургскій Вѣстникъ*, № 14. Пушкинъ въ 1820 и 1821 гг.; изъ изустныхъ рассказовъ и любопытныхъ записокъ поэта Теплякова; также письма Козлова, Баратынскаго и Рылѣева.
1863. Е. А. Баратынскій (біограф. очеркъ). *Настольный словарь* Толя. Слб. 1863, т. I, стр. 209.
1864. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Баратынскаго (М. П. Лонгинова). *Русскій Архивъ*, стр. 1103—1111.
1864. О стихотвореніи Баратынскаго «Леда» (Н. Путяты). *Русскій Архивъ*, стр. 1056—1057.
1866. Е. А. Баратынскій (біографія и портретъ). *Иллюстр. вѣсти*, № 14.
1867. Баратынскій и его сочиненія (М. П. Лонгинова). *Русскій Архивъ*, стр. 248—264 и примѣч., стр. 671—672.

1867. Примѣчаніе редакціи на отзывъ Панаева о Пушкинскомъ кружкѣ и Баратынскомъ. *Вѣстникъ Европы*, т. IV, стр. 179—181.
1868. Замѣтки Н. Путяты на «Воспоминанія» В. И. Панаева. *Русскій Архивъ*, стр. 141—146 и примѣчаніе П. И. Бартенева, стр. 146—147. Еще нѣсколько словъ о Баратынскомъ (Петра Кичеева). *Русскій Архивъ*, стр. 866—872.
1869. Баратынскій (кн. П. А. Вяземскаго). Сочиненія, Т. VII. Спб. 1882, стр. 268—269.
1869. Портретная галлерей русскихъ дѣятелей Мюнстера. Т. II. Біографія (напис. Л. Е. Баратынскимъ) и портретъ, стр. 70—73.
1870. Е. А. Баратынскій по бумагамъ Пажескаго корпуса (Ник. Максимовъ). *Русская Старина*, т. II, стр. 201—207. Замѣтка въ дополненіе къ этой статьѣ (Л. Е. Баратынскаго), стр. 315—317.
1873. Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Составилъ П. В. Гербель. Спб. 1873. Е. А. Баратынскій. Стр. 326—329; то же, 2-е дополненное изд. стр. 308 сл.
1873. Е. Баратынскій (біографія В. Зотова). Русскій энциклопед. словарь И. Н. Березина. Спб. 1873, т. III, стр. 253.
1874. Исторія русской литературы въ очеркахъ и біографіяхъ. П. Полеваго. Второе изд. Спб. 1874, стр. 601—606; 3-е изд. 1883, стр. 261—265.
1875. Воспоминанія камеръ-пажа (Дарагана). *Русская Старина*, т. XII, стр. 780.
1876. Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ. Составилъ Григ. Геннади. Берлинъ, 1876, стр. 64—65.
1878. Воспоминаніе о Н. В. Путятѣ (П. Бартенева). *Русскій Архивъ*, кн. 1-я, стр. 125—127.
1882. Примѣчаніе къ письмамъ Погодина (П. Барсукова) о Баратынскомъ). *Русскій Архивъ*, кн. 3-я, стр. 87—88.

1883. О новомъ изданіи стихотвореній Баратынскаго (Ханенко).
Русскій Архивъ, кн. 3-я, стр. 205—208.
1883. Старая Записная Книжка (Кн. П. А. Вяземскаго). Сочиненія, томъ VIII, стр. 290.

Переводы стихотвореній Е. А. Баратынскаго на иностранныя языки.

- Линдбернъ*. Переведены этимъ поэтомъ въ стихахъ отрывки изъ поэмы «Эда» на Шведскій языкъ.
- Karoline von Jänisch*, *Das Nordlicht. Probe der neueren russischen Litteratur*. 1883 г. Переведены на нѣмецкій языкъ: Пѣсня Страшно воетъ завываешь, Выдь, дохни намъ упоеньемъ. Переселеніе душъ. Когда взойдетъ денница золотая, Отрывокъ изъ поэмы «Балъ».
- Paul de Julécourt*. Paris. 1837. 8°. XXII et 240 p. Мелкія стихотворенія Баратынскаго; его «Разувѣренье» переведено подъ заглавіемъ «Marie». Объ этомъ упоминаетъ въ журналѣ «Древняя и Новая Россія», годъ XVII, 3. Май 1880, стр. 26.
- Anedot*. *Oeuvres complètes*, 1838, p. 556; въ прозѣ перев. стихотв. «Черепъ».
- Dr. Frei*. *Madonna nach dem Russ. von Boratinsky*. *Magazin belehr. und angenehmer Unterhaltung* 1831, № 1.
- И. Алмазовъ*. Иждивеніемъ Никиты Мурачева. Москва 1843. 8°. стр. 109 переводъ на армянскій языкъ стихотв. «Звѣзда».
- Dr Clemens Friedrich Meyer*. *Belletristische Blätter aus Russland*. St.-Petersburg. 1853. Переводъ стихотв. «Мадонна». Въ извлеченіи фамилія автора напечатана правильно, но въ текстѣ переименована въ Баратынскаго.
- Tardif de Mello*. *Histoire intellectuelle de Russie*. Paris, Amyot. 1854, p. III et 374. Изъ произведеній Е. А. Баратынскаго помѣщены: Финляндія, Истина, Два жребія и эпиграммы.

См. «Древняя и Новая Россія» 6-й годъ. 1880. XVII. 5.
Май, стр. 24.

Baratinsky Eug. Recueil de poésies traduites du russe. Cette. 1858.
8°. Impr. Jzar fils.

Для генеалогическихъ справокъ.

Raprozki 1584 г. Гербовникъ Папроцкаго стр. 533.

Lelevel Joachim. Польша и ея исторія, 1858. Томъ I, стр. 389.
Азбучный указатель знаменитыхъ людей въ государст-
венномъ, научномъ и литературномъ отношеніи.

Вшель. Воспоминанія Вигеля. Москва. 1866 г. Т. I, стр. 95.

Кобеко. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, Дмитрія Кобеко. Спб.
1883. стр. 407 и 408.

Записочки Павла Петровича къ Абраму Андреевичу Баратынско-
му (1794—1797 г.) *Русскій Архивъ.* 1870 г. Т. 8-й, стр.
1438—1441.

Библиографическій списокъ изданій.

Эда и Пиры. Спб. 1826 г.

Стихотворенія:

1-е издание М. 1827 г.

2-е изданіе М. 1835 г.—2 ч. (съ портретомъ).

Балъ. Спб. 1828 г.

Наложница. М. 1831 г.

Сумерки. М. 1842 г.

Собраніе сочиненій (изд. Л. Е. Баратынскимъ). 1869 г.

Стихотворенія Е. А. Баратынскаго. М. 1883 г.

Изданіе 4-е, настоящее. Казань. 1884 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отъ Издателя . . . . . I—V.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Лирическія стихотворенія, элегии, посланія, эпиграммы.

	<i>Стр.</i>
1. 1818 годъ. М. А. Панчулидзевои	1
2. Дельвигу (Такъ, любезный мой Гораціи)	2
3. Т—му въ альбомъ (Землякъ, въ странѣ чужой, суровой)	4
4. Отрывки изъ поэмы «Воспоминанія».	6
5. 1820 годъ. Брату (И' такъ, мой милый, не шути)	13
6. Онъ близокъ, близокъ день свиданья	15
7. Поэтъ Писцовъ въ стихахъ тяжеловатъ	16
8. Дѣвушкѣ, которая на вопросъ: какъ ее зовутъ? отвѣчала, незнаю!	17
9. Дельвигу (Гдѣ ты, безпечный другъ)	18
10. Подражаніе Лафору (Свободу давь тоскѣ моеи)	21
11. Финляндія	22
12. Къ Коншину (Шовѣръ, мой милый другъ).	25
13. 1821 годъ. Лагерь	27
14. Деревня.	28
15. Лидѣ	31

16. Пѣсня (Страшно поеть, завывасть)	33
17. Бдѣніе.	35
18. Въ альбомѣ (Вы слишкомъ многими любимы)	37
19. Б — ну (Пріятель строгій, ты не правь)	38
20. Водопадъ	40
21. Коншину (Живи смѣлѣй, товарищъ мой)	41
22. Коншину (Пора покинуть, милый другъ)	42
23. Отъѣздъ (Прощай, отчизна непогоды).	44
24. Цвѣтокъ (Съ восходомъ солнечнымъ Людмила)	46
25. Дельвигу (Напрасно мы, Дельвигъ, мечтаемъ найти)	48
26. Разувѣреніе	50
27. 1822 годъ. Къ Делѣ	51
28. Сестрѣ.	53
29. 1823 годъ. Весна (На звукъ цѣвницы голосной)	54
30. Дельвигу (Дай руку мнѣ, товарищъ добрый мой).	56
31. Паденье листьевъ (Изъ Мильвуа)	58
32. Лета	60
33. Двѣ доли	61
34. Размолвка	63
35. Безнадежность	64
36. С. Д. П. (Приманкой ласковыхъ рѣчей)	65
37. Н. И. Гвидичу (Такъ для отрадныхъ чувствъ еще я не погибъ).	66
38. 1824 годъ. Истина	70
39. Аглаѣ	73
40. Римъ	75
41. Признание (Пригворной вѣжности не требуй отъ меня.	76
42. Лутковскому.	78
43. Г. З. (Мнѣ съ упоеніемъ замѣтнымъ)	80
44. Фея	82
45. Нѣтъ, обманула васъ молва	83

III

	<i>Стр.</i>
46. 1825 годъ. Оправданіе (Рѣшительно печальныхъ строкъ моихъ)	48
47. Мы пьемъ въ любви отраву сладкую	86
48. Черепъ.	87
49. Звѣзда (Взгляни на звѣзды)	89
50. Елизійскія поля	94
51. Аврорѣ III....	94
52. Дельвигу (Я безразсуденъ—и не диво!)	95
53. А—ой (Когда неопытенъ я былъ)	98
54. Въ глуши лѣсовъ счастливъ одинъ	99
55. Веселье и горе	101
56. <u>Буря</u>	102
57. 1826 годъ. А. С. Пушкину	104
58. Надпись на портретъ Грибоѣдова	106
59. Прогоны жизни	107
60. Г. З. (Въ борьбѣ съ тяжелою судьбой)	108
61. Ожиданье (Подражаніе Парня).	109
62. Не трогайте Парнаскаго пера.	110
63. Д. Давыдову.	111
64. 1827 годъ. А. А. Восковой.	112
65. Когда взойдетъ денница золотая	113
66. Наяда	115
67. И ты поэтъ, и онъ поэтъ	116
68. Богдановичу.	117
69. Ты ропщешь, важный журналистъ	121
70. Въ альбомъ (Мила какъ грація)	122
71. А. Н. М. (Не бойся ѣдкихъ осужденій)	123
72. Какъ сладить съ глупостью глупца?	124
73. Свои стихи Т—ошъ пять	125
74. Ведѣ бранить Клеонъ мою хорошенькую Музу	126
75. Разлука	127
76. Сей поцѣлуй, дарованный тобой	128

77. Любви примѣты	129
78. Возвращеніе (Подражаніе Мильвуа)	130
79. Чувствительны мнѣ дружескія пѣни.	131
80. Какъ много ты въ немного дней	132
81. Въ альбомѣ (Когда-бъ избрать возможно было мнѣ)	133
82. Въ альбомѣ (Перелетай къ веселью отъ веселья)	134
83. С. Д. П. (Неизвинительной ошибкой).	135
84. Идилликъ новый на искусство представленъ былъ предъ Аполлона.	136
85. Товарищамъ (Отставнаго шалуна)	137
86. Тебѣ я младость шаловливу, о сынъ Венеры, посвятилъ	139
87. Эпиграмма (Окогченная летунья)	140
88. Въ своихъ стихахъ ояъ скукой дышетъ	141
89. Глядищу (Врагъ суетныхъ утѣхъ)	142
90. Къ—ву. Отвѣтъ (Чтобъ очаровывать сердца)	146
91. Она (Есть что-то въ ней что красоты прекраснѣй)	148
92. 1828 годъ. Последняя смерть	149
93. Родина (Судьбой наложенныя цѣни).	153
94. 1829 годъ. Изъ А. Шенье (Подъ бурю судебъ унылый)	155
95. Люблю деревню я я лѣто	156
96. Старикъ (Вѣячали розы, розы Леля).	157
97. Какъ ревностно ты самъ себя дурачишь	158
98. Старательно мы наблюдаемъ свѣтъ	159
99. Мой даръ убогъ, и голосъ мой не громокъ	160
100. Глушцы не чужды вдохновенья	161
101. Не подражай: своеобразенъ геній	162
102. Бѣсенокъ	163
103. Кн. З. А. Волконской	165
104. Смерть.	167
105. Въ альбомѣ (К. К. Япшищъ)	169
106. Хвала, наститый нашъ Зомля!	170

107. 1830 годъ. Отрывокъ (Диалогъ)	171
108. Муза	176
109. К. А. Сербеевой	177
110. Журналисты.	178
111. Чудный градъ порой сольется.	179
112. Подражателямъ.	180
113. С. Л. Энгельгардтъ (Нежданное родство съ тобой дарю)	182
114. Хотя ты малый молодой.	183
115. 1831 годъ. Лазурныя очи	184
116. Небо Итали, небо Торквата	186
117. Мой Элизій	187
118. 1832 годъ. Въ дни безграничныхъ увлеченій	188
119. Къ Языкову (Языковъ, буйства молодого).	189
120. П. Е. Б. (Двойною прелестью опасна)	191
121. 1833 годъ. На смерть Гёте	192
122. Кольцо (С. Э—тъ).	194
123. 1835 годъ. Запустѣнiе.	196
124. Наслаждайтесь: все проходитъ.	199
125. Къ чему невольнику мечтанiя свободы?	200
126. Сердечнымъ нѣжнымъ языкомъ я искушалъ ее сначала	201
127. Языкову (Бывало, свѣтъ позабывая).	202
128. Монастыркѣ	204
129. Когда исчезнетъ омраченiе	205
130. А. А. Ф. . . . . (Вы —ль дочерь Евы, какъ другая).	206
131. Я не любилъ ея, я зналъ	208
132. Болящiй духъ врачуетъ нѣснопѣнiе.	209
133. О мысли! тебѣ удѣлъ цвѣтка	210
134. Мадона.	211
135. Н. Л. Боратынской (О вѣрь: ты, нѣжная, дороже славы мнѣ)	214
136. Мой неискусный карандашъ	215

137. Есть милая страна, есть уголь на землѣ	216
138. При посылкѣ бала С. Э.	218
139. К. А. Тимашевой	219
140. Гдѣ сладкій шовоть моихъ лѣсовъ?	220
141. Весна, весна! какъ воздухъ чистъ!	223
142. Н. Л. Баратынской (Своенравное прозванье)	225
143. Бывало, отрокъ звонкимъ кликомъ лѣсное эхо я будилъ	227
144. 1835—1842 годы. Сумерки.	
Князю Петру Андреевичу Вяземскому	228
145. Последній поэтъ	230
146. Предразсудокъ! Онъ обломокъ	234
147. Новинское. А. С. Пушкину	235
148. Примѣты (Шока человекъкъ естества не пыталъ)	236
149. Всегда я въ пурпурѣ и въ золотѣ	238
150. Увы! Творецъ не первыхъ силъ!	239
151. Недоносокъ	240
152. Алкивиадъ	243
153. Ропоть (Краснаго лѣта отравы)	244
154. Мудрецу	245
155. Филида, съ каждою зимою	246
156. Бокаль	247
157. Были бури, непогоды	249
158. На что вы, дни!	250
159. Ахиллъ	251
160. Сначала мысль воплощена	252
161. а) Еще какъ патріархъ не древень я	253
161. б) Толиъ тревожный день привѣтень	254
162. Здравствуй, отрокъ сладкогласный!	255
163. Что за звуки мимоходомъ	256
164. Все мысль да мысль!	258
165. Скульпторъ	259

VII

166.	Осень	260
167.	Благословенъ святое возвѣстившій	267
168.	Риома	268
169.	1842—1845 годы. С. Н. Карамзиной	270
170.	Память поэту	271
171.	Спасибо злобѣ хлопотливой	272
172.	Люблю я васъ, богини пѣнья	273
173.	На посѣвъ лѣса	274
174.	Молитва	276
175.	1844 годъ. Н. Л. Баратынской (Когда, дѣти и страсти и сомнѣнья)	277
176.	Пироскафъ	278
177.	Дядькѣ-Итальянцу.	280

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

П О Э М Ы.

Цыры		287
Эда		297
Телема и Макаръ		321
Баль		329
Переселеніе душъ		355
Предисловіе къ Цыганкѣ.		371
Цыганка.		383

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

П Р О З А.

О заблужденіяхъ и истинѣ.		435
Исторія кокетства		442
Разборъ Тавриды. А. Муравьева.		448
Перстень		455
Матеріалы для біографіи Е. А. Баратынскаго		476

VIII

П и с ь м а.

Къ матери въ дѣтствѣ и юношествѣ	486
Къ дядѣ П. А. Баратынскому	494
Къ матери, изъ финляндіи.	493
Изъ переписки съ барономъ Дельвигомъ	498
Къ А. С. Пушкину	504
Къ Н. Д. Баратынской	508
Къ Н. В. Пугачѣ	515
Къ матери изъ за границы.	533
Переводы своихъ стихотвореній по французски	558
Хронологическій списокъ біографическихъ и критическихъ статей.	568
Переводы стихотвореній на разные языки	573
Для генеалогическихъ справокъ.	574
Библиографическій списокъ изданій	574

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Варианты къ лирическимъ стихотвореніямъ
Е. А. Баратынскаго (*).

I (стр. 1).

Въ Благонамѣренномъ 1819 г. № IV, стр 210.

И въ осень лѣтъ—красы молодой
Она всю прелесть сохраняетъ;
Старикъ крылатый не дерзаетъ
Коснуться хладной къ ней рукой;
«Самъ побѣжденный красотой»,
«Глядитъ в путь не продолжаетъ».

II (стр. 2 и 3).

Въ Сынѣ Отечества:

- (**) 5 Сыну рѣзвому Венеры,
7 Вѣчный лавръ и миртъ веселый
11 Скука томно дни прядеть,
15 Феба лучъ едва блеснетъ.
17 Въ строй къ оружію зоветь.
18 Пробужденный грознымъ боемъ—
20 Твой поэтъ летитъ Героемъ.
22 Тамъ же читаемъ:

Трудно, вѣрь, съ душой унылой
Счастье, радость воспѣвать;
Въ караулѣ трудно, мидой.
Объ Аркадіи мечтать!

(*) Римскія цифры, подъ которыми расположены эти варианты, соответствуютъ таковымъ же цифрамъ выше напечатанныхъ стихотвореній.

(**) Номера соответствуютъ стихамъ, считая сверху.

Ты, ведущій дни въ забавахъ,
 На лугахъ у свѣтлыхъ водъ,
 Ты, съ кѣмъ рѣзвятся въ дубравахъ
 Музы, Нимфы и Эротъ,

Пой, безсмертныхъ сынъ любимой!
 Гласъ внимать я буду твой,
 Какъ языкъ страны родимой
 Слушаютъ въ странѣ чужой.

III (стр. 4 и 5).

5. Въ Сынѣ Отчества:

Пускай измаранный листокъ
 Тебѣ напомнить о поэтѣ!
 Кто знаетъ, другъ, какую въ свѣтѣ
 Ему тропу готовитъ Рокъ!
 Увы! съ растерзанной душою
 Не разъ я милыхъ покидалъ,
 И руку друга пожималъ
 Въ прощаньѣ трепетной рукою!
 Ты помнишь милую страну, (и т. д.)

Въ изд. 1835 года:

Тебѣ на память въ книгѣ сей
 Стихи пишу я съ душой смутной
 Увы! въ обители твоей
 Я, можетъ статья, гость минутной!
 Съ изнемогающей душой,
 На неизвѣстную разлуку
 Не разъ трепещущей рукою
 Друзьямъ своимъ сжималъ я руку.
 Ты помнишь милую страну (и проч.)

9. Въ Сынѣ Отчества:

Ручей покинулъ я родной,
 Побрелъ пустынною тропою;
 Провестъ, быть можетъ, и съ тобою
 Мнѣ суждено лишь день, другой.
 Быть можетъ, другъ, путеводимый
 Своей блуждающей звѣздой,
 Я кончу вѣкъ въ странѣ чужой
 И не увижу край родимый.
 А ты къ отеческимъ полямъ

Съ полей побѣды возвращенный,
 Хвала покой уединенный,
 Сожжешь мастики въ честь богамъ.
 Но гдѣ-жъ Пѣвецъ, тобой любимый?—
 «Онъ совершилъ судьбы завѣтъ,
 «Судьбы враждебной съ юныхъ лѣтъ,
 «И до конца непримиримой!»
 Когда-жъ стихи мои найдешь,
 Залогъ простой, но дружбѣ милой,
 Прочтешь съ улыбкою унылой.
 «И тихо листъ перевернешь».

14. Въ изд. 1835 г.: А ты прибудешь въ домъ отцовъ.

IV (стр. 13 и 14).

Въ изд. 1827 г.:

- 9 И тамъ въ мундирѣ щегольскомъ
 18 { Люблю и Марсовы шатры,
 { (Хотя подъ ними, слава Богу,
 { Не кочевалъ до сей поры).
 2 Люблю военную тревогу,
 3 Люблю безстрашныхъ, милый мой.
 10 И къ ней съ мольбою твой поэтъ
 11 Подыметъ трепетныя длани.

Вслѣдъ за тѣмъ, въ изд. 1827 г., читаемъ еще четыре стиха:

Лети! настала череда!
 Да идетъ мимо Рокъ губитель;
 Люби, рубись и будь всегда
 Въ любви и брани побѣдитель.

Въ Благонамѣренномъ читаемъ:

Итакъ, безпечнаго досуга
 Отвергнувъ сладостный покой,
 Ужъ ты въ мечтахъ покинулъ друга,
 И новый путь передъ тобой.
 Настанетъ скоро день желанной,
 И воинъ мой, противнымъ страхъ,
 Надвигувъ шлемъ, съ мечемъ въ рукахъ,
 Летитъ на голосъ славы бранной!
 «Иди! воинственный нарядъ»
 Приличенъ юности отважной;
 Люблю я пушекъ гулъ протяжной,

Люблю красивый вахтпарадъ,
 Люблю питомцевъ шумной славы.
 Смотри—сѣмкнулись въ бранный строй—
 Идутъ! блестящей полосой
 Горятъ ихъ шлемы величавы.
 Идутъ! вскипѣлъ кровавый бой.—
 «Люблю ихъ видѣть въ битвѣ шумной»,
 «Летащихъ въ пламень роковой»
 «Толпой отважной и безумной».
 И вотъ подъ тѣнию шатровъ
 Дружина вѣтренныхъ героевъ
 Поетъ за чашей славу боевъ
 И стыдъ низложенныхъ враговъ.
 Спѣши-же къ нимъ, любовникъ брани,
 «Ступай, служи Богинѣ бѣдъ»,
 И къ ней съ мольбою твоей поэтъ
 Подыметъ трепетныя длани.
 Зовутъ! лети въ опасный путь,
 Да идетъ мимо Рокъ-губитель!
 Люби, рубись и вѣчно будь
 Въ любви и брани побѣдитель.

V (стр. 15).

13-14 Въ Нев. Зритель этихъ двухъ стиховъ нѣтъ.

V (стр. 15).

Въ Невскомъ Зритель 1820 г. и въ Сынъ Отеч 1821. г.

Уже-ли близокъ часъ свиданья!
 Тебя-ль, мой другъ, увижу я!
 Какъ грудь волнуется моя
 Тоскою смутной ожиданья!
 Родная хата, край родной,
 Съ пеленъ знакомыя дубравы,
 Куда невинныя забавы
 Слетались къ намъ на голосъ твой—
 Я ихъ увижу! другъ безцѣнной,
 Чтожъ сердце вѣщее груститъ?
 Чтожъ ясный день не веселитъ
 Души, для счастья пробужденной!
 «Съ тоской на радость я гляжу»,
 «Не для меня ея сіянье»,
 «И я напрасно упованье»
 Въ душѣ измученной бужу.
 Печаль всѣ чувства утомила,

Мечтою мрачной боленъ духъ;
 Быть можетъ поздно, милый другъ.
 Меня и радость посѣтила:
 «Я наслаждаюсь не вполнѣ»
 Ея плѣнительной улыбкой.
 «Все мнитея счастливъ я ошибкой»,
 «И не къ лицу веселье мнѣ».

VI (стр. 16).

11. Въ изд. 1827 г.: Поэтъ Графовъ въ стихахъ тяжеловатъ
 Въ Невскомъ Зрителѣ:

Хоть глуповатъ подъ часъ Дамонъ,
 Люблю я милаго собрата;
 Не виноватъ предъ свѣтомъ онъ—
 Предъ нимъ природа виновата!

VII (стр. 17).

1. Въ Нев. Зр. и въ Новостяхъ Литературы:

Не знаю! милое не знаю —
 О, съ кѣмъ могу сравнить тебя?

VIII (стр. 18—20).

Въ изд. 1827 г.: Гдѣ ты, безпечный другъ? гдѣ ты, о Делій мой,
 въ Невскомъ Зрителѣ:

- 3 Лишь слабо теплится въ туманной вышинѣ
 4 Діаны блѣдная лампада.
 5 Съ улыбкой будить насъ малютка Купидонъ.
 7 «Проснитесь, юноши! для васъ-ли шепчетъ онъ.
 9 Смотрите, видите-ль, покинувъ ложе сна.
 11 Съ тоскою страстною не васъ-ли ждетъ она,
 12 Не васъ-ли ждетъ моя Лилета?
 13 Она! — о нѣга чувствъ! о сладкія мгновенья!
 14 Счастливъ, кто легкою рукою
 3 А баловня Харитъ покоитъ лѣнь
 5 И мило спать еще! любовію горять
 9 И гдѣ-же домъ утѣхъ? гдѣ чашъ веселый стукъ?

10. Въ Нев. Зр.: И я, пѣвецъ утѣхъ, теперь утрату ихъ
 Пою въ тоскѣ уединенной,
 И воды чуждыя шумять у ногъ моихъ,
 И брегъ невидимъ отдаленный.

IX (стр. 21).

4. Въ Сынѣ Отеч. 1821 г., вмѣсто первыхъ четырехъ стиховъ читаемъ слѣдующіе восемь стиховъ:

Дремала роща надъ потокомъ;
 Легла на холмы тишина;
 Дремало все—но тщетно сна
 Я ждалъ на ложѣ одинокомъ.
 Сыны души моей больной,
 Сыны полуночнаго бдѣнья—
 Кругомъ неясною толпой
 Мелькали смутныя видѣнья,
 «Все обмануло, думалъ я», (и проч.)

- 8 Тамъ же: И вянетъ молодость моя!
 9 Тамъ же: Невольникъ истины угрюмой
 12 Тамъ же: Мнѣ замѣнится хладной думой
 20 Тамъ же: Еще младенецъ сердцемъ ты;

X (стр. 22—24).

Въ Сынѣ Отеч. 1821 г. читаемъ:

Громады вѣчныхъ скалъ, гранитныя пустыни!
 Вы дали страннику убѣжище и кровъ;
 Ему нужнѣй покой обманчивыхъ даровъ
 Слѣпой, взыскательной и вѣтренной Богини.
 Забытый отъ людей, забытый отъ молвы,
 Доволенъ будетъ онъ угломъ уединеннымъ;
 Онъ счастье въ немъ найдетъ, онъ будетъ, какъ и в
 ..... Въ премѣнахъ рока неизмѣннымъ.

—
 «Какъ все вокругъ меня плѣняетъ грозно взоръ!»
 Пустынный неба сводъ, угрюмый видъ Природы,
 О. каменистый брегъ дробящіяся воды,
 . . . И дремлющій подъ ними боръ!
 Скалы далекія подернулись туманомъ,
 Въ зеркалѣ зыбкихъ водъ глядится черный лѣсъ;

Все тихо! все молчить! и блѣдный сводъ небесъ.
 ... Слиясь съ безбрежнымъ океаномъ.
 Здѣсь все бесѣдуетъ съ уныніемъ моимъ:
 И сосенъ шумъ глухой, и волнъ неясный лепетъ
 Какъ будто бы знакомъ, какъ будто внятень имъ
 ..... Младаго сердца томный трепеть.
 .... Здѣсь, окруженный тишиной
 Природы дремлющей, подъ кровомъ ночи звѣздной,
 Люблю сидѣть одинъ надъ сумрачною бездною,
 ..... Молчать—и вдалѣ летѣть душой.
 Здѣсь, въ думу важную невольно погруженной,
 Люблю вспоминать о сильныхъ прежнихъ дней.
 О бурной жизни ихъ средь копій, средь мечей.
 ..... Безумствамъ громкимъ посвященной.

Ничто непрочно на земли:
 Ложатся грады въ прахъ, и рушатся державы.
 Не здѣсь-ли нѣкогда съ побѣдой протекли
 Сыны Одиновы, любимцы бранной славы?
 Слѣды минувшаго исчезли въ сихъ мѣстахъ,
 Отзвѣвы праздные не вторятъ пѣсни Скальда,
 Молва умолкнула о спутникахъ Роальда,
 ..... О древнихъ сильныхъ племенахъ,
 Развѣялъ бурный вѣтръ торжественные клики,
 Забыли правнуки о подвигахъ отцовъ,
 Померкла слава ихъ—и въ прахъ ихъ боговъ
 ..... Лежатъ низверженные лики.

И все вокругъ меня въ глубокой тишинѣ:
 Не слышенъ звукъ мечей, давно умолкли бои.
 Куда вы скрылися, полночные герои?
 Мой взоръ теряется въ бездонной вышинѣ:
 Не вы-ли, блѣдные вперивъ на звѣзды очи,
 «Плывете въ облакахъ туманною толпой?»
 Не вы-ль?... отвѣтствуйте! вамъ слышенъ голосъ мой,
 Одушевите сумракъ ночи,
 «Сыны могучіе сихъ грозныхъ, вѣчныхъ скалъ». (Далѣе какъ
 въ текстѣ послѣдней редакціи).

Вслѣдъ за стихомъ:

«Но я, въ безвѣстности для жизни жизнь люблю»,

Въ Сынѣ Отечества читаемъ:

Могу-ль себя томить гадательной тоскою?

Пусть все разрушится, пусть все умретъ со мною:

«Не вѣчный для времени, я вѣченъ для себя»;
 Златые призраки, златыя сновидѣнья,
 Пусть жадно буду пить обманутой душой
 Изъ чаши юности волшебство заблужденья:
 «Что нужды до былыхъ или будущихъ временъ?» (и проч.).

1 Въ Соревнователѣ Просвѣщ. и Благотвор. (1820 г.):

И роши шумъ глухой, и волнъ неясный лепеть.
 2 Тамъ же: Здѣсь освѣжаемый прохладной тишиной
 3 Тамъ же: Блѣднѣетъ слава ихъ, и въ прахъ ихъ боговъ,

XI (стр. 25—26).

16 Въ Сынѣ Отеч.: Печаль души своей заботливому другу.

20 Въ Сынѣ Отеч.: Вслѣдъ за этимъ стихомъ: Вы ищете въ любви занятіе одно, Восторгъ проходчивый, минутное забвеніе. Намъ благо лучшее богами въ ней дано, «И нужды живѣйшихъ утоленіе!»

4 Тамъ же: Намъ будетъ сладко, милый мой,

6 Тамъ же: Всѣ нужды, всю тоску, всѣ раны, всѣ недуги;

7 Въ Сынѣ Отеч.: Все размышленіе души твоей больной!

9 Тамъ же: Забывъ и вѣкъ, и рокъ суровый,

10 Тамъ же: И съ жаждою любви, въ ея дыханьи пить

XII (стр. 27).

1 Въ изд. 1835 г.: Разсѣваетъ грусть веселый шумъ пировъ;

3 Въ изд. 1835 г. } Въ семействѣ дружескомъ соратныхъ шалуновъ
 4 } Мечталъ воскреснуть я душою.

въ Сынѣ Отеч.. } Въ семействѣ дружескомъ любезныхъ шалуновъ
 } Я уповалъ ожить душою.

7 Въ изд. 1835 г.: Лишь мы не знали сна, и пѣнистый фіалъ
 въ Сынѣ Отеч.: Лишь мы не знали сна, и дружескій фіалъ

14 Въ изд. 1835 г.: Всесильнымъ собственною силой;

въ Сынѣ Отеч.: Не вспыхнетъ жизнь въ крови остылой:

16 Въ изд. 1835 г.: Способенъ чувствовать унылой.

XIII (стр. 18—30).

- 20 Въ Сынѣ Отец.: Спокойный домохъдъ въ отечественной хатѣ,
 1 Тамъ же: Въ кругу друзей моихъ, въ кругу семьи моей,
 7 Тамъ же: Наукѣ созидать твердыни боевыя.
 17 Въ Сынѣ Отец.: Усердный Яковъ мой, ты первый огородъ
 24 Тамъ же: Приду съ тобою садить капусту и цвѣты.
 27 Тамъ же: Онѣ доступны всѣмъ, и мнѣ за тяжкій трудъ

XIV (стр. 31 и 32).

4 Вслѣдъ за стихомъ: Языкъ поэтовъ и боговъ, въ Сынѣ Отечества читаемъ:

Что нужды въ томъ? утѣшься Лида!
 Ты безъ учености мила,
 И всѣ мы знаемъ, что Киприда
 Въ Цитерѣ школъ не завела.
 Тебѣ-ль заняться важнымъ чтеньемъ!
 Читать не любитъ Купидонъ:
 Всегда за книгой дремлетъ онъ
 И таготится размышленьемъ;
 Его примѣръ тебѣ знакомъ!
 Когда подъ звонкіе напѣвы (и проч.)

- 7 Въ изд. 1835 г.: Среди полей, рука съ рукой,
 13 Въ изд. 1827 г.: Восклицновеньями живыми.
 18 Вслѣдъ за стихомъ: Но ихъ соборъ въ то время нѣмъ..
 въ Сынѣ Отечества:

Питомецъ Музъ равно безгласенъ
 Въ толпѣ вертушекъ молодыхъ;
 И вѣрь, мой другъ, въ мечтахъ своихъ
 Онъ былъ бы страненъ и неясенъ.
 Душой высокое любя,
 Онъ воздаянья ждетъ отъ Феба,
 И даръ святой благаго неба
 Хранить для Музъ и для себя.

XV (стр. 33 и 34).

- 3 Въ сынѣ Отец.: } Тучи черныя по небу
 4 } . . . . . Въ даль несутся.
 5 Въ изд. 1827 г.: На часахъ стоитъ печально
 4 Тамъ же: Дни окончу.
 8 Въ Сынѣ Отец.: Что мнѣ въ жизни?

XVI (стр. 35 и 36).

- 2 Въ изд. 1827 г.: Я близъ окна сидѣлъ;
 Въ Соревн. Просвѣщ. и Благотвор.:
 Одинъ съ любимую мечтою
 Въ свѣтильцѣ я сидѣлъ.
 Свистала буря надо мною
- 7 Въ изд. 1835 г.: О дняхъ минувшихъ пробудилась
 13 Въ Сор. Просв.: Грущу сегодня,—завтра тоже.
 19 Тамъ же: И легкомысленная Лиля
 3 Тамъ же: Оперся на руку главою
 7 Тамъ же: И звучной пѣснью громкій пѣтель

XVII (стр. 37).

- 2 Въ Опытѣ Русской Анѳологiи } Знать наизусть всѣхъ имена
 3 } Чрезъ-чуръ обязанность трудна—
 6 Тамъ же вмѣсто одного два стиха: { Въ тотъ грубый вѣкъ, въ
 тотъ вѣкъ холодный
 Не знали дружбы новомод-
 ной;
 7 Въ Соревн. Просв. и Благотвор. этого стиха нѣтъ.

XVIII (стр. 38 и 39).

- 1 Въ изд. 1827 г.: Нѣтъ, нѣтъ! мой Менторъ, ты не правъ,
 5 Тамъ же: Изъ своеволя страстей—
 6 Въ Сынѣ Отеч.: Съ себя мы правилъ не слагали;
 13 Тамъ же: Младую жизнь боготворили.
 14 Тамъ же: Въ кругу веселыхъ шалуновъ
 16 Тамъ же: Мы пѣли нѣгу, шумъ пировъ.
 2 Въ Сынѣ Отеч.: } Душа примѣтно отцвѣтала,
 3 } Въ усталомъ сердцѣ пламень гасъ,
 5 Тамъ же: Безпечныхъ опытность застала.
 9 Вслѣдъ за стихомъ: «Успѣхи крылья опустили»

Въ Сынѣ Отечества читаемъ:

Такъ разрѣзавшихся дѣтей,
 Средь ихъ младенческихъ затѣй,
 Приводитъ вдругъ въ остолбенѣе
 Со строгой важностью очей
 Педанта школы появленье.
 «Съ тѣхъ поръ, любезный, не поемъ» (и пр.)

Въ изд. 1827 г.: Такъ разшалившихся дѣтей,
Среди веселыхъ ихъ затѣй,
Приводить вдругъ въ остолбенѣнье,
Съ угрюмой важностью очей
Германца дядьки появленье.
«Съ тѣхъ поръ, любезный, не поемъ» (и проч.)

XIX (стр. 40).

5 Въ Сор. Пр. и Бл.: Я слышу грохотъ водъ твоихъ:
Свистя сливаетъ вѣтръ порывный
Свой вопль глухой и заунывный
Съ однообразнымъ шумомъ ихъ.
Съ какимъ-то смутнымъ ожиданьемъ
Въ ихъ говоръ вслушиваюсь я;
Куда-то вдаль душа моя
Летитъ надеждой и желаньемъ.
«Какъ очарованный стою» (и проч.)

XX (стр. 41).

4 Въ Сынѣ Отеч.: Пренебрегай молвы болтливой
9 Въ Сынѣ Отеч.: Вслѣдъ за этимъ стихомъ читаемъ:
Что жизни!—медлительный недугъ,
Условный даръ скупаго неба:
Врата туманнаго Эреба
Для всѣхъ отверсты, милый другъ.
Поглотитъ всѣхъ нѣмая Лета
И философа-болтуна
И длинноусаго корнета
И въ шумномъ свѣтѣ шалуна
И въ пустынѣ Анахорета.
Познай же цѣну срочныхъ дней,
Лови пролетныя мгновенья;
«Исчезнетъ жизни сновидѣнье» (и проч.)

XXI (стр. 42 и 43).

5 Въ Соревнователѣ: Прошла пора слѣпыхъ мечтаній.
6 Тамъ же: И мы лишились нашихъ правъ

- 11 Тамъ же: Теперь ни въ чемъ, другъ милый мой
 13 Въ Сор. и въ изд. 1827 г. Оставимъ буйнымъ шалунамъ.
 16 Въ Соревнователѣ: Теперь искать ужъ время намъ
 17 Въ Сор. и въ изд. 1827 г.: Пресытятся грубымъ наслажденьемъ,
 21 Тамъ же: { Нельзя-ль найти любви надежной?
 { «Нельзя-ль найти подруги нѣжной»,
 10 Въ Соревнователѣ: Мою усталую главу?

XXII (стр. 44 и 45).

- 2 Въ Соревнователѣ: Угрюмая страна,
 3 Гдѣ мраченъ видъ нагой природы,
 5 Гдѣ солнце пасмурно сіяетъ,
 13 Гдѣ шумнымъ свѣтомъ позабытой,
 15 Своею Музой домовитой
 «Онъ не былъ позабытъ!»
 Вы, благосклонныя, любили
 Внимать моимъ струнамъ!
 «Теперь для сладкаго свиданья», (и т. д.)
 2 Въ Соревнователѣ: И шумъ немолчный ихъ.
 3 Я вспомню съ грустнымъ сладострастьемъ
 5 Гдѣ я, въ размолвкѣ съ милымъ счастьемъ,
 7 Но гдѣ, порой, властитель неба,

XXIII (стр. 46 и 47).

- 1 Въ Соревнователѣ: Порою утренней Людмила,
 2 Держа въ рукѣ цвѣтокъ,
 5 Не нужны мнѣ дары богаты
 За свѣжій мой цвѣтокъ;
 А кто пригланется—безъ платы
 Получить мой цвѣтокъ.
 «И говорилъ ей каждый встрѣчный:» (и т. д.)
 18 При ней еще цвѣтокъ:
 20 При ней еще цвѣтокъ:
 1 Улада дѣва повстрѣчала
 5 Онъ что же дѣвъ?—Онъ шутливо:
 6 Спасибо за цвѣтокъ

XXIV (стр. 48 и 49).

- 10 Въ Соревнователѣ: Томиться болѣзненной жизнью,

XXV (стр. 50).

- 9 Въ Соревнователѣ: «Слѣпой тоски моей не множь»,
Прелестнымъ призракомъ былого;
Воображенія больнаго
«Въ его дремотѣ не тревожь!» (и проч.)
- 11 Въ изд. 1827 г.: Другъ попечительный, больнаго

XXVI (стр. 51 и 52).

- 4 Въ Нов. Лит. Доридѣ:
- Тамъ же читаемъ: Зачѣмъ нескромностью двумысленныхъ рѣчей,
Руки всечаснымъ пожиманьемъ,
Притворнымъ пламенемъ коварныхъ силъ очей,
Для всѣхъ увлажненныхъ желаньемъ,
Знакомить юношей съ волненіемъ любви,
Ихъ обольщать надеждой счастья,
И разжигать шута въ смятенной ихъ крови
Безплодный пламень сладострастья?
Онъ незнакомъ тебѣ, мятежный пламень сей;
Тебѣ невѣдомое чувство
Вливаетъ въ душу ихъ, невольницу страстей,
Твое коварное искусство.
- «Я видѣлъ вкругъ тебя поклонниковъ твоихъ» (и т. д.)
- 9 Тамъ же читаемъ: Невѣрь судьбѣ слѣпой, не вѣрь самой себѣ (и т. д.)
- 11 Въ изд. 1827 г. Придется нѣкогда, придется и тебѣ
Тамъ же: Узнать пристрастье роковое
- 12 Въ журналѣ Новости Литерат.: Любви безумье роковое!

Вслѣдъ за этимъ стихомъ въ Новостяхъ Литерат. читаемъ:

Но избранный тобой, страшась знакомыхъ бѣдъ.
Твой нѣжный взоръ безъ чувства встрѣтитъ
И, недовѣрчивый на пылкій твой привѣтъ,
Улыбкой горькою отвѣтитъ.
Когда же въ зиму дней всѣ розы красоты
Похититъ жребій ненавистной,
Скажи, увядшая, кого посмѣешь ты
Молить о дружбѣ безкорыстной?
Обидной жалости предметомъ жалкимъ ставъ,
Въ унынье все тебя одѣнетъ;
Исчезнетъ легкій рой веселій и забавъ,
Толпа ласкателей измѣнитъ;
Измѣнитъ и покой, услада позднихъ лѣтъ.
Какъ дщери ада — Евменяды,

Повсюду, жадныя, тебѣ помчатся вслѣдъ
 Самолюбивыя обиды.
 Немирною душой на мирномъ ложѣ сна,
 Такъ убѣгаетъ усыпленье,
 И гдѣ для смертныхъ всѣхъ доступна тишина,
 «Страдальца ждетъ одно волненье!»

 XXVIII (стр. 54 и 55)..

8 Въ Полярной Звѣздѣ:

Роптанье въ грудь тебѣ тѣснится.
 10 Ахъ, еслибъ щедростью боговъ.

 XXIX (стр. 56 и 57).

1 Въ Полярной Звѣздѣ читаемъ:

«Дай руку мнѣ, товарищъ добрый мой.
 «Путемъ однимъ пойдемъ до двери гроба!»
 Дай руку мнѣ—я чувствую, мы оба
 Родились подъ тою же звѣздой.
 Насъ не вотще судьба соединила,
 Суровая двухъ добрыхъ полюбила
 И, слабая отъ бѣдствій ихъ спасти,
 Оporою другъ другу быть судила,
 Чтобъ съ ней самой могли борьбу вести.
 Отъ дѣтскихъ дней знакомы мы съ бѣдами,
 Казалось—у люльки ждалъ насъ рокъ;
 Чтожъ гнѣвный онъ свершить надъ нами могъ?
 И не всегда-ль онъ побѣждался нами?
 «Ты помнишь-ли, съ какой судьбой суровой»
 «Боролся я, почти лишенный силъ?»
 Не ты-ль тогда мнѣ бодрость возвратилъ?
 Не ты-ль душѣ повѣялъ жизнью новой?
 «Ты ввелъ меня въ семейство добрыхъ Музъ:» (и т. д.)
 15 Когда ты самъ носилъ въ душѣ печаль
 Кому ввѣрялъ признанья въ грусти тайной?
 Не мнѣ-ль? скажи: и дружба не всегда-ль
 Тебя ждала съ отрадой обычной?
 «Забутые Фортуною слѣпой»,
 Любовь, и лѣнь, и нѣгу, и покой,
 Развеселясь въ забвеньи сердца пѣли,
 «И дружества твердая обѣтъ святой», (и т. д.)

- 15 Участіе въ судьбѣ моей тяжелой
 Чтожъ страшно мнѣ на жизненномъ пути?
 «Иду впередъ съ надеждою веселой», и проч.

XXX (стр. 58 и 59).

- 1 Въ нов. Лит.:
 5 Тамъ же читаемъ:
- Поблекнули ковры полей,
 Болѣзни жертва съ юныхъ лѣтъ,
 Къ сей рощѣ юноша унылой
 Послѣдній горестный привѣтъ
 Отдать приобрелъ отчизнѣ милой:
 «Судьба исполнилась моя!
 Прости, убѣжище драгое!
 О прорицанье роковое!
 Твой страшный голосъ помню я,
 Съ ненастной осенью приспѣтъ,
 Въшало ты, мой смертный часъ,
 И для страдальца пожелтѣтъ
 Дубравный листъ въ послѣдній разъ.
 Заплачетъ милая мнѣ дѣва;
 Я вяну: легкою мечтой
 Мелькнувъ исчезъ мой вѣкъ молодой.
 Послѣдній листъ падетъ со древа,
 Послѣдній часъ ударитъ мой!
 Затмили тучи сводъ лазурный,
 Осеннихъ вѣтровъ слышенъ свистъ.
 Шуми, шуми, о вѣтеръ бурный!
 Вались, вались поблеклый листъ!
 Отъ взоровъ матери унылой
 Сокрой меня съ моей могилой;
 Когдажъ, съ отчаяньемъ въ очахъ,
 Пустыню воплемъ оглашая,
 Моя подруга молодая
 Ее отыщетъ въ сихъ мѣстахъ:
 Тогда подъ камнемъ безотвѣтнымъ,
 Гдѣ я на вѣкъ опочю,
 Буди ты шорохомъ привѣтнымъ
 Тѣнь услажденную мою». —
 «Сбылось! Увы! судьбины гнѣва» (и проч.)
- 25 Въ Нов. Лит.:
- Близъ рощи той его гробница;
 Но не пришла краса-дѣвица
 Свой долгъ завѣтный ей отдать,
 А зрѣла каждая денница
 Надъ ней рыдающую мать.

XXXII (стр. 61 и 62).

- 6 Въ изд. 1827 г.: Кто сердцемъ добръ и бодръ умомъ,
 Въ Нов. Лит.: Кто бодръ душою, бодръ умомъ;

XXXIII (стр. 63).

- 4 Въ Нов. Лит. 1823 г. и въ Опытѣ Русской Анеологіи 1828 г., вмѣсто первыхъ четырехъ стиховъ, читаемъ слѣдующіе:

Прости! сказать ты поспѣшаешь мнѣ—
 И пылокъ любви твоей начало
 Предательски безумца обласкало:
 Все видѣлъ я—и видѣлъ все во снѣ!
 Ты наконецъ мнѣ взоры прояснила:
 Въ душѣ твоей читаю я теперь;
 Проснулся я—и мнѣ легко, повѣрь,
 Тебя забыть, какъ ты меня забыла
 «Кого жалѣть?» (и проч.)

XXXIV (стр. 64).

- 4 Нов. Лит.: { Не вѣдая, куда прошелъ до полъ-дороги.
 5 { Довольно! я усталъ, и путь оконченъ мой;
 7 Тамъ же: Стою задумчивый надъ жизненной стезей.
 8 Въ рукописи на изд. 1835 г. набросано:
 И добраго пути желаю.

XXXV (стр. 65).

- 3 Въ Нов. Лит. читаемъ: Хлобъ. Въ изд. 1827 г. Къ О., въ Ураніѣ
 1826 г. Клименъ.

- 7 Въ Нов. Лит.:

Такъ, Хлоя, многихъ вы милѣй.
 Въ Ураніѣ: Климена, многихъ вы милѣй,

- 10 Въ Ураніѣ: Не нѣжность, гордость вашу я.
 13 Въ Нов. Лит.: Но честь красы меня дороже,

XXXVI (стр. 66—69).

- 1 Въ Нов. Лит.: } Столицей шумною въ изгнаньи позабыть,
 2 Я не забылъ тебя, любимецъ Аонидъ
 6 Тамъ же: Не праздною суеты, прославленной толпой,
 17 Въ Нов. Лит.: Искусства нылкія и дѣятельный трудъ,
 16 Тамъ же: Клянеть онъ дни свои, и ропщетъ онъ украдкой.
 24 Нов. Лит.: Залива бурнаго свинцовая равнина
 5 Тамъ же: Учусь покорствовать судьбинѣ я моей.
 9 Тамъ же: И въ сердце разуму отчетъ желаю дать.
 13 Тамъ же: Дышу свободнѣе, и лиру взявъ мою,
 5 Нов. Лит.: Тамъ къ хорамъ чистыхъ дѣвъ прислушивался я.
 11 Тамъ же: И тихой грустію повременно объять,
 15 Нов. Лит. Въ кругу друзей искусствъ и нѣги просвѣщенной,
 20 Тамъ же: За то не въ первый разъ зываю я къ Судьбамъ:
 21 Тамъ же: Свободу дайте мнѣ, найду я счастье самъ!

XXXVII (стр. 70—72).

Варианты въ изд. 1835 г.

- 3 Въ Полярной Звѣздѣ: Когда-жъ и гдѣ и въ чемъ его найду я,
 4 О судьбѣ бытія!
 7 Тамъ же: Надеждъ моихъ лишенъ я прежней цѣли.
 10 Мнѣ тайный голосъ рекъ;
 15 Зачѣмъ же въ ней слѣпое сожалѣнье
 16 Живеть о старинѣ?
 17 Я тяжкій жребій свой!
 17 Въ изд. 1835 г.: «О гостя неземная!»
 20 Тамъ же: Последнихъ благъ моихъ!
 25 Въ Полярной Зв.: Покинь меня, въ твоей наукѣ строгой

XXXVIII (стр. 73 и 74).

- 8 Въ Полярной Звѣздѣ: Ни на безумье, ни на умъ;
 11 Я основалъ мои надежды
 12 И счастье будущей зимы.
 15 Разсудку, шалости, уму
 10 Въ Полярной Звѣздѣ: Самолюбивѣе другаго,
 12 Спасти разсудокъ я желалъ.

XXXIX (стр. 75).

- 4 Въ Пол. Зв.: Подходить съ горестью ихъ чуждый навѣститель
 9 Въ Пол. Зв.: Тебѣ ли измѣнилъ побѣды вѣрный Геній?

XL (стр. 76 и 77).

- 9 Въ Пол. Зв.: Спокойна будь: я не плѣненъ другою;
 Душой моею досель владѣла ты одна;
 Но тѣню легкою прошла моя весна:
 Подъ бремени заботь я изнемогъ душою.
 Утихнуло волненіе страстей,
 Промчались дни; безъ пищи, самъ собою
 Огонь любви погасъ въ душѣ моей.
 Вѣрь, бѣденъ я одинъ: любви я знаю цѣну,
 Но сердцемъ жить не буду вновь,
 Вновь не забудусь я: измѣной за измѣну
 Мститъ оскорбленная любовь.
 Предательства вѣрнѣй узнавъ науку,
 Служа приличію, Фортунѣ иль Судьбѣ,
 Подругу нѣкогда я выберу себѣ,
 И безъ любви рѣшусь отдать ей руку.
 Въ сіяющій и полный ликовъ храмъ,
 Обычаю безчувственно послушной,
 Введу ее, и дѣвъ простодушной
 Я клятву жалкую во мнимой страсти дамъ...
 «И вѣсть къ тебѣ придетъ; но не завидуи намъ».
 Не насладимся мы взаимностью отрадной,
 Сердечной прихоти мы воли не дадимъ,
 Мы не сердца Гимена связью хладной—
 Мы жребій свой одинъ соединимъ.
 Прости, забудь меня; мы вмѣстѣ шли донинѣ.
 «Путь новый избралъ я, путь новый избери».
 «Печаль безплодную разсудкомъ усмири»,
 Какъ я безропотно покорствую судьбинѣ.
 «Не властны мы въ самихъ себѣ»,
 И слишкомъ вѣтренно въ младыя наши лѣты
 Даемъ нескромные обѣты,
 «Смѣшные, можетъ быть, всевидящей Судьбѣ!»
- 13 Въ изд. 1835 г.: Мы жребіи свои соединимъ.

XLI (стр. 78 и 79).

- 15 Въ изд. 1835 г.: Вы мчитесь грозно... дымъ и громъ!
 Въ Пол. Зв.: Вы мчитесь грозно—дымъ столбомъ!
 Оружіи блескъ, оружіи громъ.
 Разбитый врагъ покрытъ стыдомъ,
 «И страшный бой съ побѣднымъ кликомъ», (и т. д.)

- 4 Въ Пол. Зв.: Счастливецъ, ты защитникъ ихъ;
 6 Въ изд. 1835 г.: Толпа красавицъ молодыхъ.
 6 Въ Пол. Зв.: Толпа красавицъ молодыхъ.
 Враги повсюду, милый воинъ,
 Онъ повѣрены судьбѣ,
 Благому Небу и тебѣ;
 Но ты-ль ихъ вѣры не достоинъ!
 Ты сна не знаешь—сквозь туманъ
 Невѣрный день едва проглянулъ.
 Ужъ Витязь мой на вражій станъ
 «Съ дружиной быстрою нагрнулъ». (и т. д.)
- 22 Въ изд. 1835 г.: Но ты не разъ увѣнчанъ былъ
 Въ Пол. Зв., вслѣдъ за этимъ стихомъ читаемъ:
 А я, любезный командиръ,
 Молвой забытый, о досада!
 Ношу свой унтерскій мундиръ
 Для шегольства и для парада!
 «Когда-жъ пѣвцу дозволить рокъ» (и проч.)

 XLII (стр. 80 и 81).

- 8 Въ Нов. Лит. читаемъ:

Зачѣмъ живыя выраженья
 Моей пріязни, каждый разъ,
 Въ васъ возбуждаютъ опасенья
 И возмущаютъ даже васъ?
 Страшитесь вы (страшитесь право).
 Не взволновали-ль вы мнѣ кровь,
 И голосъ дружества любовь
 Не принимаетъ ли лукаво?
 Душа полна тоски ея,
 Но я разсудка не забуду
 И на смятеніе мое
 «Отвѣта требовать не буду» (и т. д.)

- 12 Тамъ же:

Чтожъ? и не жалокъ, и притомъ

- 14 Тамъ же:

Я счастливъ тѣмъ, что вы прекрасны.

- 26 Въ Нов. Лит.:

«Огнемъ похищеннымъ съ небесъ»
 Одушевилъ свое созданье
 Япетовъ сынъ—и въ наказанье
 Жестокій, мстительный Зевесъ
 Къ вершинамъ дикаго Кавказа
 Его цѣпями приковалъ;

Врань сердце грысть ему леталъ.
 5 Въ изд. 1835 г.: ¹² { Но что-жъ? несчастнаго жалѣя,
¹³ } Кто на Зевеса не ропталъ!

Въ Нов. Лит.:

Кто отъ единого разсказа
 Не цѣпенѣлъ, не трепеталъ?
 И вы трепещете; но что же?
 Въ огнѣ любовныхъ мнѣ очей
 Я занялъ жизнь души моей
 За это мстили вы мнѣ тоже.
 И также рады мстить, ей-ей!

17 Въ изд. 1835 г.: Чѣмъ дерзновеніе мое;

18 Въ изд. 1835 г.: } Но нѣтъ, угѣштесь, шутка водить

19 } Моимъ проказливымъ перомъ;

Въ Нов. Лит. послѣ: И также рады мстить ей-ей.

слѣдуетъ:

Но въ жаръ краса меня не вводитъ
 Тяжелый опытъ взялъ свое.
 Я захожу въ пріютъ ее
 «Какъ вольнодумецъ въ храмъ заходитъ».
 «Душою праздный съ давнихъ поръ»,

23 Въ изд. 1827 г.: Еще твержу любовный вздоръ

Въ Нов. Лит.: Вамъ лепечу я нѣжный вздоръ.

Увы! беру прельщенья мѣры,
 Какъ онъ порою въ храмѣ томъ
 Благоуханье жжетъ безъ вѣры
 Предъ сердцу чуждымъ Божествомъ.

XLIII (стр. 82).

Въ Альманахѣ Царское Село 1830 г., гдѣ напечатано это стихотво-
 реніе, внизу значится 1824 г.

XLIV (стр. 83).

Въ Сѣв. Звѣздѣ 1829 г. это стихотвореніе напечатано подъ загла-
 віемъ: «Увѣреніе», а внизу означено: 1824 г.

1 Въ изд. 1835 г. Слово: «Нѣтъ» зачеркнуто.

7 Въ Сѣв. Звѣздѣ: Молился новымъ красотамъ,

XLV (стр. 84 и 85).

¹ Въ Сѣв. Цв. читаемъ:

Я силится счастливой старины
 Возобновить счастливья мечтанья,
 Взывалъ къ тебѣ, взывалъ отъ глубины
 Души моей, исполненной страданья.
 Вотще, увы! печальныхъ строкъ моихъ
 «Не хочешь ты отвѣтомъ удостоить»,
 Не тронулась ты нѣжностію ихъ
 Не тронулась ты нѣжнымъ слогомъ ихъ
 Виновенъ я и въ памяти твоей
 Не оживу! прощенья у жестокой
 Не вымолю! я былъ невѣренъ ей:
 Нѣтъ жалости къ тоскѣ моей глубокой,
 Вниманья нѣтъ къ молябамъ любви моей.
 Виновенъ я—я нѣжныя признанья
 Твердилъ сто разъ красавицамъ другимъ:
 Я къ нимъ спѣшилъ на тайныя свиданья,
 Я расточалъ живыя ласки имъ.
 Но все дышалъ Доридою одною,
 Въ объятяхъ ихъ мечту о ней тая,
 Въ объятяхъ ихъ былъ вѣренъ ей душою
 И отдавалъ имъ только чувства я;
 Въ собраніяхъ, веселью посвященныхъ,
 На празднествахъ столичныхъ богачей,
 При пламени безчисленныхъ свѣчей,
 При гулѣ струнъ, смычками оживленныхъ,
 Какъ бѣшенный въ безумномъ вальсѣ мча,
 «То Делію, то Дакну, то Лилету, (и т. д.)

²⁴ Въ Сѣв. Цв.:

²⁶ Тамъ же:

²⁷ Тамъ же:

Въ изд. 1835 г.:

²⁹ Тамъ же:

³⁰ Въ изд. 1827 г.:

³¹

Въ Сѣв. Цв.:

Принадлежалъ я новому мечтанью
 Нѣтъ, милый другъ, когда въ уединеньи
 Себя потомъ я строго повѣрялъ,
 Себя потомъ я тихо повѣрялъ,
 Тебя одну я въ сердца обрѣталъ
 { Виновенъ я: послушныхъ безъ ужимокъ
 } Призванію проказы молодой,
 Довѣрчивыхъ вертушекъ обольщая,
 Съ восторгомъ пѣлъ я чувство къ нимъ мое:
 Но жаръ любви, но голосъ я ее
 Какъ находилъ?—Тебя воображая.
 Не внемлешь ты и, мукъ моихъ жадна,
 По правиламъ прелестницъ хладнокровныхъ,
 Все памятью обидъ своихъ полна.

Прости-жь на вѣкъ; но знай, что двухъ виновныхъ,
 Не одного найдутся имена
 «Въ стихахъ моихъ, въ преданіяхъ любовныхъ!»

XLVII (стр. 87 и 88).

- 10 Въ Сѣв. Цв.: Ребячески вокругъ ямы хохотали.—
 Въ изд. 1827 г. Ребячески надъ ямой хохотала:
 1 Въ изд. 1827 г.: Живи живой, тлѣй мертвый! возскорбить,
 Кто до поры открытый взоръ получить.
 «Пусть радости живущимъ жизнь дарить».
 «А смерть сама ихъ умереть научить».
- Въ Сѣв. Цв., вслѣдъ за стихомъ: «Намъ почитать издревле пове-
 лѣвшій», читаемъ:

Гробъ вопрошать дерзаетъ человекъ—
 О суетный, безумный изыскатель!
 «Живи живой, тлѣй мертвый!» вотъ что рекъ
 Всего яснѣй таинственный Создатель.
 Его судьбамъ покорно гробъ молчить.
 Зачѣмъ же насъ несбывшееся мучить?
 «Пусть радости живущимъ жизнь дарить»,
 «А смерть сама ихъ умереть научить».

XLVIII (стр. 89).

- 13 Въ Сѣв. Цв., вслѣдъ за стихомъ: «Встрѣчаются на ней» чи-
 таемъ:

Въ звѣздѣ любезной чувство есть:
 И съ думою глядитъ,
 И взору шлетъ отвѣтный взоръ,
 И нѣжностью горитъ:
 И съ милой звѣздочки своей
 Не сводимъ мы очесъ

- 17 Въ изд. 1827 г.: Съ нее въ торжественную ночь

XLIX (стр. 91—93).

- 15 Въ Пол. Звѣздѣ: } И тамъ я буду отъ бездѣлья
 } Хвалить забавы и вино
 18 И тамъ порой на тихой лирѣ...
 1 О Д. . . слезы мнѣ не нужны;
 Любимъ я жребіемъ, и весь
 Я не умру ни тамъ, ни здѣсь:

«Со мною Музы были дружны»;
 Не жалки мнѣ земные дни!
 У тихихъ водъ спокойной Леты
 «Прочту Катуллу и Парни» (и т. д.)

- 6 Въ изд. 1835 г.: Гдѣ благоденствуютъ поэты,
 19 Въ изд. 1827 г.: А къ вамъ прошенье объ одномъ:
 26 Въ Пол. Звѣздѣ: И вамъ, извѣстною порой

L (стр. 94).

- Въ изд. 1827 г.: Соименница Авроры,
 О царица красоты!
 Не сама-ль Аврора ты?
 Для тебя всѣ наши хоры,
 И куренья, и цвѣты!
 «Пылкій юноша не сводить» (и проч.)

LI (стр. 95—97).

- 10 Въ Пол. Звѣздѣ: Иль все досель въ безумномъ снѣ
 17 Въ Пол. Звѣздѣ: Останусь я въ углу моемъ
 6 Въ изд. 1827 г.: Мнѣ не пошлетъ въ отраду рокъ?

LII (стр. 98).

- Въ Пол. Звѣздѣ читаемъ:
 Слѣпой поклонникъ красоты,
 На перекоръ моей судьбинѣ,
 Въ нее я вѣровалъ донинѣ,
 Ей несъ я въ даръ мои мечты,
 «Я трепеталъ въ тоскѣ желанья» (и проч.)

LIII (стр. 99).

- Въ Пол. Звѣздѣ этому стиху предшествуетъ слѣдующее:
 О чемъ ни молимся богамъ,
 Что дать намъ боги ни во власти—
 Ничто не дастъ отрады намъ,
 Когда ошибочныя страсти
 Вредятъ сердечной тишинѣ,
 Когда господствуютъ онѣ.

И счастлива она, когда замѣтитъ въ ней
Свидѣтельство любви, ревнивое мученье.
Тебѣ-ль завидовать смѣшной моей судьбѣ?
Что, что я приобрѣлъ, красавицъ воспѣвая?
«Одно: моимъ стихомъ Харита молодая», (и т. д.)

LVIII (стр. 107).

7 Въ изд. 1835 г.: И снами тѣми путевые
Въ Невскомъ Альманахѣ: И снами оными прогоны дорогіе—

LIX (стр. 108).

3 Въ изд. 1835 г.: Стихи холодные дышали
Въ Ураніѣ: Души холодною тоской
Стихи холодные дышали.
Когда-бъ въ то время зналъ я васъ,
Равно страдала бы, Темира,
Душа моя,—но во сто разъ
Была-бы пламеннѣе лира.

LX (стр. 109).

3 Въ Ураніѣ: Приютъ надежный будетъ намъ
8 Тамъ же: Мы ими нѣжности вредимъ,

LXI (стр. 110).

2 Въ Моск. Тел.: Не трогайте, смазливвыя вострушки!

LXII (стр. 111).

5 Въ Моск. Тел.: Пока цѣню я честь прямую,
7 Въ изд. 1835 г.: Когда пріятельской рукою. Въ изд. 1835 г.,
въ экземплярѣ автора этотъ стихъ зачеркнутъ.
Въ Моск. Тел.: { Когда десной пожалъ десную
Давыдовъ радостному мнѣ?
14 Въ изд. 1835 г.: И трепетать ему не лѣнь,
Этотъ стихъ въ изд. 1835 г. тоже зачеркнутъ.

LXVI (стр. 116).

2 Въ Сѣв. Цв. и въ изд. 1827 г.:

Но межъ тобою и имъ различіе находятъ:
Твои стихи въ печать выходятъ;
Его стихи выходятъ въ свѣтъ.

LXVII (стр. 117—120).

5 Въ Сѣв. Цв.: И надѣвъ живымъ посланьями моими,

19 Въ Сѣв. Цв.: Всего усерднѣе поютъ свою тоску:

На свѣтъ тошно жить, такъ бросьтесь въ рѣку!
Иной бы молвилъ имъ. Увы, не въ этомъ дѣло!
«Ни жить имъ, ни писать еще не надѣло» (и т. д.)

20 Въ изд. 1827 г.: И какъ-то въ мірѣ семъ все очень не по нихъ.

12 Тамъ же: У вѣка хилаго испортилось чутье

15 Въ изд. 1835 г.: Вѣнцы свои дарилъ. безъ вычуръ толковать,
Въ Сѣв. Цв.: И видимъ мы его, въ примѣръ себѣ и срамъ.

Непотакающимъ безсмысленнымъ писцамъ.
Я думаю, въ садахъ, гдѣ вѣчна зелень блещетъ,
Понинѣ тѣнь твоя отъ радости трепещетъ,
Воспомяная день, сей день, когда пѣвца,
Еще за милый трудъ не ждавшаго вѣнца,
Екатерина, дворъ, семьею торопливой,
Такъ лестно встрѣтили, изъ Душеньки игривой
Отрывки цѣлые читая наизусть!

«Сердца завистниковъ стѣснила злая грусть» (и т. д.)

28 Въ изд. 1827 г.: Она, друзья ея, условясь потаенно,

Такъ лестно приняли, ему попеременно

«Страницы Душеньки читая наизусть» (и т. д.)

9 Въ Сѣв. Цв.: Судей особенныхъ на то имѣемъ мы,

Свой вкусъ услужливый пускающихъ въ наймы,

И способовъ другихъ не зная къ пропитанью,

Торгующихъ у насъ хвалою своею и бранью;

Даруетъ между насъ и славу и позоръ

Голоднымъ бѣшенствомъ внушенный приговоръ;

«О нашихъ судіяхъ не смѣю молвить слова» (и т. д.)

22 Въ Сѣв. Цв.: Избрать въ совѣтники kota иль пѣтуха

28 Тамъ же:

Какъ нѣжный Батюшковъ, Жуковский живописной,

7 Въ изд. 1827 г. и въ Сѣв. Цв.: Не могутъ побѣдить сердечнаго влеченья

9 Въ Сѣв. Цв.: Между мохнатыхъ пѣлъ повѣрье старыхъ дней.

11 Въ Сѣв. Цв.: А я, владѣющій убогимъ дарованьемъ,

Въ замѣну красоты, даю стихамъ моимъ

Я силу истины—а въ нихъ на блажь людскую
Не ловко можетъ быть, но смѣло негодую.

«Что мыслю, то пишу. Когда то веселѣй» (и т. д.)

19 Въ изд. 1827 г. и въ Сѣв. Цв.: Другія времена, другія упражненья

20 Въ тѣхъ же изданіяхъ: Теперь зрѣлѣй мой умъ, черствѣй
душа моя.

LXVIII (стр. 121).

1 Въ Лят. Муз.: Не любишь, важный журналистъ,

LXXII (стр. 125).

1 Въ рукописной тетрадкѣ: Свои стихи Дренцовъ, шить

LXXIII (стр. 126).

1 Въ рукописной тетрадкѣ: «поэтъ Глупонъ»

LXXIV (стр. 127).

1 Въ Сынѣ Отеч. 1831 г. читаемъ:

На краткій мигъ плѣняетъ въ жизни радость,

Невидимо мелькають счастья дни;

Едва блеснутъ—и скроются они.

На краткій мигъ узналъ любви я сладость.

О мѣлый другъ, тебя ужъ нѣтъ со мной,

Ужъ онъ исчезъ блаженства сонъ мгновенной,

И я одинъ, и на груди стѣсненной

Лежить тоска разлуки годовой.

Гдѣ вы, гдѣ вы, любви очарованья?

Не вѣчность-ли межъ нами протекла?

Уже-ль на часъ мнѣ счастьемъ жизнь была?

Уже-ль одни остались мнѣ желанья?

Я все имѣлъ, лишился вдругъ всего; и т. д.

6 Въ Сор. Пр. и Бл. 1820 г.: Едва заснулъ—исчезло сновидѣнье.

LXXIX (стр. 132).

8 Въ изд. 1827 г.: Какъ покаянье плачешь ты,

9 И какъ безумье ты хохочешь!

LXXX (стр. 133).

- 2 Въ изд. 1827 г.: Хотѣ, напримѣръ, любую долю въ мѣрѣ,
 6 Тамъ же: Но блага всѣ нашедъ въ одномъ предметѣ,
 8 Тамъ же: Чѣмъ я могу любезнымъ быть Лилетѣ.

LXXXII (стр. 135).

- 12 Въ изд. 1827 г. и 1835 г.: И гордой быть, какъ прежде были,
 14 Въ изд. 1827 г.: Еще-ли нужно размышленья!
 17 Тамъ же: Но съ нѣгой страстной поклоненье

LXXXIV (стр. 137 и 138).

- 4 Въ изд. 1827 г. и 1835 г.: Такъ! отставнаго шалуна
 Вы вновь шалить не убѣждайте.
 Иль золотыя времена
 Младыхъ затѣй ему отдайте!
 8 Тамъ же: Перемѣняютъ годы насъ
 И съ ними вмѣстѣ наши нравы:
 Отъ всей души люблю я васъ,
 Но ваши чужды мнѣ забавы.
 12 Тамъ же: Ужъ Вакхъ, увѣнчанный плющомъ,
 Со мной по улицамъ не бродить.
 И къ вашимъ нимфамъ вечеркомъ
 Меня шатаясь не заводить.

LXXXVII (стр. 141).

- 2 Въ изд. 1827 г.: Ихъ слушая не спи, а сильно клонить сонъ!

LXXXVIII (стр. 142 —145).

- 11 Въ изд. 1827 г.: Спокойный, кроткій нравъ дала судьбина мнѣ
 14 Въ изд. 1827 г. и 1835 г.: И звуки легкіе затѣйливой свирѣли
 14 Въ изд. 1827 г. этого стиха нѣтъ.
 15 Въ изд. 1827 г. за этимъ стихомъ слѣдуетъ:
 Архонтъ убогъ умомъ и явно сумасбродить;
 Положимъ, стгоряча скажу ему я такъ:
 «Ты добрый человекъ; но слушай: ты дуракъ!
 «Однажды съ разумомъ вступи въ очную ставку,

«Для общей выгоды нельзя-ль подать въ отставку?»

Ужь онъ готовился обдумать мой совѣтъ;

Но оду чудаку поднесъ другой поэтъ,

Гдѣ въ двадцати строфахъ твердитъ ему безстыдно,

Сколь зорокъ умъ его, сколь око дальновидно.

Друзья и недруги! скажите, въ добрый часъ

Кому охотнѣ повѣрить онъ изъ насъ?

•Но слушай: человекъ, всегда корысти жадный (и т. д.)

16 Въ изд. 1835 г.: Кого не оскорбитъ язвительный языкъ.

5 Въ изд. 1827 г. и 1835 г.: Отъ вѣка сихъ вельможъ оставшійся одинъ.

23 Въ изд. 1827 г., за этимъ слѣдуетъ:

Признаться, въ день сто разъ бываю я готовъ

Немного постращать Парнасскихъ чудаковъ;

Сказать, хоть на ухо, журнальнымъ забіякамъ:

Утихнуть бы пора печатнымъ вашимъ дракамъ!

Не стыдно-ль ремесло безславить наподрядъ

И травлей авторской смѣшить гостинный рядъ?

Когда въ отечествѣ все тихо и спокойно,

Одни писатели воюютъ непристойно!

Сказать Аркадину: не Музами тебѣ

Позволено свирѣль напачкать на гербъ;

Сказать Паясину: болтунъ еженедѣльной!

Ты сдѣлалъ свой журналъ Парнасской богадѣльной,

И въ немъ ты каждаго убогаго умомъ

Съ любовію даришь услужливымъ листомъ.

Межъ тѣмъ иной изъ нихъ, хотя прозаикъ вялый,

Хоть жаякій рифмоплетъ, душой предобрый малый.

Шумиловъ, напримѣръ, знакомецъ давній мой,

Въ журналъ пошлый шутъ, ругатель площадной,

Совсѣмъ печатному домашній не подобенъ:

Онъ милый хлѣбосоль, онъ къ дружеству способенъ,

Въ свой именинный день, виномъ розгоряченъ,

Цѣлуетъ съ нѣжностью глупца другаго онъ;

Аркадинъ въ обществѣ любезенъ безъ усилій

И вѣрно во сто кратъ милѣй своихъ идиллій.

Ихъ много таковыхъ. За чѣмъ же голосъ мой

Нарушить ихъ сердце веселье и покой?

Зачѣмъ я сдѣлаю нескромными стихами

Ихъ изъ простыхъ глупцовъ сердитыми глупцами?

Нѣтъ, нѣтъ! разумный мужъ идетъ путемъ инымъ, (и т. д.)

LXXXIX (стр. 146 и 147).

5 Въ изд. 1827 г. и 1835 г.: Но помолися Фебу прежде.

ХСІ (стр. 149—152).

- 13 Въ Сѣв. Цв.: Онъ разсѣкалъ небесныя равнины
 46 Въ Сѣв. Цв.: Явилася ужасная картина:
 9 Въ Сѣв. Цв.: Задумчиво повсюду воцарилась,

ХСІІ (стр. 153 и 154).

- 1 Въ Моск. Тел.: Обременительныя цѣпи
 15 Въ Моск. Тел.: Я наблюдаю людское племя
 17 Ко благу чистое стремленье
 2 Четырехъ стиховъ за симъ слѣдующихъ въ
 Моск. Тел. нѣтъ.
 5 Въ изд. 1835 г.: Далече странствуютъ иные
 16 Въ Моск. Тел.: Съ ней милый быть мой утая
 19 Пускай, о свѣтъ не тоскуя,
 Въ любовь послѣднюю мою
 Немногихъ добрыхъ восприму я
 И семью малую мою.

ХСVІ (стр. 158).

- 7 Въ рукописи: { Эпитимей смѣшной и жалкой вкупѣ
 { Безъ умысла ты самъ себя казнишь
 Въ Сѣв. Цв.: Безсовѣстенъ и простодушень вкупѣ,
 Презрѣніе и жалость ты родишь:
 Какъ за грѣхи, толчешь ты уголь въ ступѣ,
 «И только что лицо свое пылишь».

ХСVІІІ (стр. 160).

- 4 Въ Сѣв. Цв.: { Въ стихахъ моихъ далекой мой потомокъ
 5 { Узреть его: какъ знать! Душа моя

ХСІХ (стр. 161).

- 2 Варіантъ въ рукописи: { И имъ оно благоволилъ,
 3 { Какъ и любимцамъ Аонидъ:
 Въ изд. 1835 г. { Имъ также пылкія мгновенья
 { Оно какъ геніямъ дарить;

СІ (стр. 163 и 164).

- 3 Въ изд. 1835 г.: Бывало бѣса призывали
 5 Въ Сѣв. Ц. Но жажды къ злату не имѣя,
 Къ себѣ не кличу Асмодея,
 Кому пожертвовалъ душой
 «За деньги старый Громобой» (и т. д.)
- 16 Въ Сѣв. Цв.: Случится-ль горестъ иль бѣда
 4 Тамъ же: Страстями свергнутый законъ,

СII (стр. 165 и 166).

- 12 Въ Подснѣжникѣ: Гдѣ въ юной, чистой красотѣ
 17 Тамъ же: Вамъ Капитолій позабыть
 10 Въ Подснѣжникѣ: Груды стѣсненной тяжело,

СIII (стр. 167 и 168).

- 1 Въ изд. 1835 г.: Тебя изъ тьмы не изведу я,
 О смерть! и дѣтскою мечтой
 Гробовый станъ тебѣ дарюя,
 Не ополчу тебя косою.
- 2 Тамъ же: Ты дочь верховнаго эфира,
 3 Тамъ же: Ты свѣтозарная краса:

Въ Московскомъ Вѣстникѣ читаемъ:

О смерть! твое именованье
 Намъ въ суевѣрную болзнь:
 Ты въ нашей мысли тьмы созданье,
 Паденьемъ вызванная казнь!

Непонимаемая свѣтомъ,
 Рисуешься въ его глазахъ
 Ты отвратительнымъ скелетомъ
 Съ косою уродливой въ рукахъ

Ты дочь верховнаго Эфира,
 Ты свѣтозарная краса:

Далѣе, какъ въ текстѣ послѣдней редакціи.

- 13 Въ Моск. Вѣст.: И ты летаешь надъ созданьемъ,
 Забвенье бѣдъ вездѣ лія,

И прохлаждающимъ дыханьемъ
Смиряя буйство бытія.

Ты Оивскихъ братьевъ помирла;
Ты въ неумѣренной жрови
Безумной Федры погасила
Огонь мучительной любви. . . .

Ты предстаешь! святая дѣва!
И съ остывающихъ ланитъ
Бѣгутъ мгновенно пятна гнѣва,
Жарь любострастія бѣжитъ!

И краски жизни безпокойной,
Съ ихъ неводержной пестротой,
Вдругъ замѣняются пристойной,
Однообразной бѣлизной.

Дружится кроткою тобою
Людей недружная судьба:

Далѣе, какъ въ текстѣ послѣдней редакціи.

4 Въ изд. 1835 г.: Чтобъ не покрылъ безмѣрный лѣсъ

CIV (стр. 169).

Въ изд. 1835 г.:

По замѣчанью моему
Альбомъ походить на кладбище,
И не подобно ли ему
Онъ всѣмъ открытое жилище?
Не также-ль множествомъ именъ и т. д.
Альбомъ, замѣтить не грѣшно,
Весьма походить на кладбище
Онъ точно также, какъ оно,
Всѣмъ отворенное жилище;
Онъ также множествомъ именъ и т. л

Въ Галатѣѣ:

7 Тамъ же: } Идетъ съ надеждой жизни вѣчной,
} Съ боязнью строгаго суда;

вариантъ.

13 Въ рукописи: } И знаю я, и понимаю
} Я все ничтожество мое.

CV (стр. 170).

- 3 ВЪ Моск. Тел.: Тебя счастливыми струнами;
 5 } Вотъ бѣситъ Пушкинъ: какъ любимъ
 6 } Ты дальновидными судьбами!

CVII (стр. 176).

- 10 ВЪ Сѣв Цв : Достоинствомъ обдуманнхъ рѣчей:
 Съ ней , можетъ быть, скучаетъ обхожденемъ.
 Но съ похвалой относится о ней.

CVIII (стр. 177).

- Въ альманахѣ Царское Село:
 9 Покидая, забывая.
 Ей подобно, край родной,
 Скоро, прелесть кочевая,
 Оваришь ты край иной!
 «Весела красой чудесной и проч

CX (стр. 179).

- 2 ВЪ журналѣ Радуга: Изъ блестящихъ облаковъ;

CXI (стр. 180 и 181).

- 1 ВЪ Моск. Вѣст.: Когда печаль свою поетъ
 Страдалецъ ея вдохновенный,
 Въ чьемъ сердцѣ отзывъ умиленный
 Своей онъ лирѣ не найдетъ?
 8 ВЪ Моск. Вѣст.: Плачь неестественный досаденъ
 14 Тамъ же: Въ борьбѣ съ враждебною судьбою
 22 Тамъ же: А ваша муза выписная.
 Питомцы вымышленныхъ бѣдъ,
 Растрогать чающая свѣтъ,
 Печаль заемную лаская,
 Въ его догадливыхъ глазахъ
 «Подобна нищей развращенной и проч.

СХІІІ (стр. 183).

12 Въ Лит. Газ.: Себѣ дивиться не спѣши:

СХVІІ (стр. 188).

14 Въ Европейцѣ: Страстей нечистыя мечты

СХХІІ (стр. 196—198).

- 11 Въ Библ. для Чт. Хрустѣла подъ ногой морозная трава
 4 Въ изд. 1835 г. Онъ не былъ мыслию, онъ не былъ сердцемъ хладенъ,
 5 Тамъ же: Тотъ, кто глубокой нѣги жаденъ.
 7 Тамъ же: Кто преклоняя слухъ къ мечтательному шуму
 13 Тамъ же: Гдѣ я наслаждаю безсмертную весну,
-

СХХVІ (стр. 202 и 203).

5 Въ изд. 1835 г. «Пѣсни вѣтренныя» зачеркнуто и надписано:
 веселыя пѣсни

СХХІХ (стр. 206 и 207).

- 1 Въ изд. 1835 г.: } Вы дочерь Евы какъ другая:
 2 } Какъ передъ зеркаломъ своимъ
 9 Тамъ же: Вы угадать могли свое предназначенье!
 16 Въ изд. 1835 г. вслѣдъ за этимъ стихомъ читаемъ:
 Сей мѣръ свободнаго мечтанья,
 Въ который входитъ лишь поэтъ;
 Гдѣ исполненіе находятъ всѣ желанья,
 Гдѣ сладки самыя страданья
 И гдѣ обмановъ сердцу нѣтъ.
 «Мы встрѣтились въ немъ. Блестящими стихами» (и проч.)
-

СХХХ (стр. 208).

Въ Воспоминаніи о Московскомъ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ, соч. Н. Сушкова, 1848 г. на стр. 58, это стихотвореніе приведено съ слѣдующими вариантами:

- 1 Я не любилъ ее, я вѣдалъ, что другая
 Нужна для счастья моего;

- Зачѣмъ же въ ней искалъ его,
 Роптанью сердца не внимая?
 Ея восторженной хвалою
 Зачѣмъ стихи мои звучали
 И малодушно возвѣщали
 Ея владычество и жаръ безумный мой?
 •Зачѣмъ ввѣрялъ я съ умиленьемъ (в т. д.)
 16 Привѣтствуемъ его съ растроганнымъ лицомъ
 17 Въ восторгѣ жалкомъ изливаемъ
 21 Безсильнымъ разумомъ своимъ

СXXXII (стр. 210).

- 2 Въ изд. 1835 г.: Онъ свѣжій манитъ мотылька
 6 Тамъ же: Утратилъ прелесть молодую

СXXXIII (стр. 211—213).

- 1 Въ изд. 1835 г.: Близъ Пизы, въ Италиі, въ полѣ пустомъ.
 6 Въ изд. 1835 г.: Дочь плачетъ, старушка свое говоритъ
 7 Въ изд. 1835 г.: { Прекрасно и чудно, о вѣра живая!
 8 { Тебя оправдала Мадона святая.

Еще читаемъ варианты:

Искусство высокое, вѣра простая
 Равно оправдала васъ Дѣва святая.

И также: Васъ чудно сроднила Мадона святая.

СXLI (стр. 225 и 226).

- 22 Въ изд. 1835 г.: Имъ къ тебѣ воскликну я
 23 Тамъ же: И душѣ моей навстрѣчу

СXLIV (стр. 230—233).

- 6 Въ Моск. Набл. Поэзии младенческіе сны,
 14 Въ Сумеркахъ, въ рукописи: Дышетъ роскошь, блещетъ вкусъ;
 3 Тамъ же: Нежданный сынъ послѣднихъ силъ природы
 20 Въ Моск. Набл.: Отъ пѣнистой пучины водъ морскихъ.
 23 Въ Сумеркахъ: Жаркимъ сердцемъ покоримся
 24 Думамъ робкимъ, а не имъ?

- 4 Въ Моск. Набл. Но предъ толпой главы не преклонилъ:
 5 Въ безлюдный край, въ нѣмую глушь. . . но свѣтъ
 18 Въ Моск. Набл.: На ней, пѣвецъ, неясной думы полнъ
 20 Въ Сумеркахъ: Сія скала. . . Тѣнь Саго! . . . голосъ волнъ
 2 Въ Моск. Набл.: Но въ смятеніе приводитъ
 3 Въ Сумеркахъ: Человѣка валь морской

CXLV (стр. 234).

- Въ Огеч. Зп. 1841 г.
 3 Црпгь остался, а потомокъ
 4 Смысль его не разгадалъ
 6 Не признавъ его лица,
 10 Дней ему не сокращай.

CXLVI (стр. 235).

Вариантъ въ рукописи: Когда поэта красота
 Своей улыбкой оживила,
 Не думай, чтобъ любви мечта
 Его глаза одушевила;
 «Нѣтъ: это былъ сей легкій сонъ», (и пр.)

Еще читаемъ: Какъ взоры томные свои
 Ты на пѣвцѣ остановила,
 Не думай—чтобъ мечта любви
 Въ его душѣ заговорила;
 Нѣтъ, это былъ сей легкій сонъ,
 Сей чудный сонъ воображенья (и пр.).

CXLVII (стр. 236).

- 9 Въ Утр. Зарѣ 1840 г.: Со древа, предъ тайно-грозящей бѣдой,
 11 Тамъ же: { Ширяясь надъ нимъ съ высоты голубой
 12 Тамъ же: { Орелъ ободрялъ дерзновенье.
 18 Тамъ же: Блаженство любви предрекала;
 22 Тамъ же: Привѣтная жизнь въ ней дышала.

CXLIX (стр. 239).

- 9 Въ рукописи читаемъ варианты:
 На двухъ романахъ утомилъ
 11 Тамъ же: Уставши отъ державныхъ думъ

CL (стр. 240—242).

3. Въ Моск. Набл. 1835 г.: 1 } Долетѣвъ до облаковъ.
 4 } Опускаюсь я слабѣя.
 8 За этимъ стихомъ въ Моск. Набл. слѣдуетъ:
 Веселья небесъ красой, Постигаютъ тайны міра:
 Но слѣпецъ я. Въ разумѣнье Мнѣ лишь чувство бытія
 Мнѣ завистливой судьбой Средь пустыхъ полей эфира
 Не дано ихъ провидѣнье! Солнце блещетъ радость мнѣ и т. д.)
 Духи высшіе, не я.
 13 Въ Моск. Набл.: Смутно слышу я порой. . . .
 Влачу недужнаго младенца. . . . (и т. д.)
 25 Въ Сумеркахъ: Въ тучу прячусь я, и въ ней
 6 Въ Моск. Набл. этимъ стихомъ оканчивается стихотвореніе.

CLІ (стр. 243).

- 1 Въ Моск. Набл. Облокоченъ передъ мѣдою, образъ его отражавшей,
 3 Юный красавецъ сидѣлъ гордо задумчивъ.

CLІІІ (стр. 245).

Въ Совр. 1840 г.: Намъ, изъ ничтожества вызваннымъ гворчества словомъ тревожнымъ.

CLV (стр. 247 и 248).

- 15 Въ Моск. Набл. 1835 г.: Пошлой жизни ощущенья
 19 Или грезы пренеподней,
 25 Не въ безпутномъ развлеченьи.

CLVІ (стр. 249).

- 5 Въ Совр. 1838 г. Вольной пѣсню разольется
 2 Тамъ-же: Крушныи грузъ съ груди усталой

CLVІІ (стр. 250).

- Въ Отеч. Зап. 1840 г.: 1 На что вы, дни? знакомый свѣтъ явленья
 3 Все вѣдомо, и только повторенья
 9 И бѣдный кругъ подлунныхъ впечатлѣній

CLVIII (стр. 251).

3 Въ Совр. 1841 г.: Сопротивникамъ явила

CLX б. (стр. 254).

- 1 Въ От. Зап. 1839 г. Толпѣ стогласный день и ривѣтенъ, но страшна
 3 Тамъ же. . . . . Раскованной мечты владѣній своевольныхъ.
 6 Тамъ же. . . . . Земныхъ суетъ, заботъ юдольныхъ.
 7 Тамъ же. . . . . Ощупай возмущенный прахъ:
 12 Тамъ же. . . . . Счастливыи баловень и тамъ, въ духовномъ мѣрѣ
 15 Тамъ же. . . . . Передъ заботою земною
 16 Мужайся, не робѣй изнѣженной душою
 18 Тамъ же. . . . . Призрака грубаго коснись твоей рукою
 Варианты въ рукописи: Видѣнья грознаго коснись твоей рукою
 20 Тамъ же. . . . . Заочной области откроются врата.
-

CLXI (стр. 255).

4 Вар въ рукописи: Честь разцвѣтшему Шиту!
 и также: Честь грядущему Шиту.

CLXII (стр. 256 и 257).

Въ Огеч. Зап. это стихотвореніе названо: Vanitas vanitatum!...

CLXIII (стр. 258).

- 4 Въ Совр. 1840 г.: И жизнь, и смерть, и правда безъ покова.
 5 Тамъ же: Рѣзецъ, клавиръ, кисть! счастливъ кто влекомъ
-

CLXIV (стр. 259).

- 9 Въ Совр. 1841 г.: И въ нѣгѣ сладостно-туманной.
 13 Тамъ-же: Пока, невольнo пламенѣя
 16 Тамъ же, вмѣсто двухъ одинъ стихъ:
 17 Осмѣлить страстнаго творца.
-

CLXV (стр. 260—266).

- 15 Въ Совр. 1837 г. Подыметя ненастливый Эолъ;
 11 Тамъ же: Своихъ холмовъ и роцей зимній видъ
 12 Тамъ же: Свинцовый токъ туманно отразитъ.
 14 Въ Совр. Твой дольний подвигъ награждая,
 3 Въ Совр. Извѣдана тобою глубина
 Людскихъ безумствъ и лицемѣрій.
 Алкаемыхъ неопытнымъ тобою,
 Сердечныхъ нѣгъ вкусивъ отраву,
 Ты, можетъ быть любовью міровой
 Пылая, звалъ и вѣдалъ славу?
 Кругомъ себя взоръ отрезвѣлый ты
 Съ недоумѣніемъ обводишь;
 Гдѣ прежній міръ? Гдѣ міръ твоей мечты?
 Гдѣ онъ? ты ищешь, не находишь!
 «Ты нѣкогда всѣхъ увлеченій другъ», (и т. д.)
- 11 Въ Совр. Угломитъ и позднихъ жалобъ въ немъ
 12 Въ Совр. Удушить недостойный лепетъ,
 13 Тамъ же: И примешь въ грудь какъ лучшей жизни кладъ
 14 Тамъ же: Ты даръ его, мертвящій душу хладъ.
 18 Тамъ же: Вдругъ умиленный, вдругъ покорной,
 22 Тамъ же: Всесильнымъ гласомъ примиреннымъ,
 23 Тамъ же: Внимающій въ весельи и тиши,
 24 Тамъ же: Лучамъ небесъ раскрывшейся души,
 3 Вар. въ рукописи: Знай, внутренней твоей во вѣки ты
 4 Тамъ же: Не передашь живому звуку
 5 Въ Совр. И темныхъ чадъ житейской суеты
 7 Тамъ же: Знай, дольная иль горняя она
 15 Въ Совр. Гласъ, дикій гласъ, вѣщатель общихъ думъ
 16 Тамъ же: И страстный отзывъ въ ней находить
 17 Тамъ же: Но высшаго понятія глаголъ,
 18 Тамъ же: Долъ носится, не отзываясь долъ.
 21 Тамъ же: Звѣзда небесъ въ бездонный мракъ падеть
 22 Тамъ же: Пусть загорится въ нихъ другая.
 25 Тамъ же: Далекаго ея паденья вой
 26 Тамъ же: Какъ въ безпредѣльности эмира
 3 Вар. въ рукописи: Зима идетъ, а тощая земля

CLXVI (стр. 267).

- 10 Въ Совр. 1839 г.: Насъ иногда чуть явственный намекъ.

CLXVII (стр. 268 и 269).

- 2 Вар. въ рукописи: На стогнахъ древнихъ городовъ
 6 Тамъ же: И вольнымъ и широкимъ метромъ
 12 Въ Совр. 1841 г.: И лиру звучную пѣвца
 14 Въ Сумеркахъ: А нынѣ кто у нашихъ лирь
 Ихъ дружелюбной тайны просить?
 Кого за ними въ горній мѣръ
 Опальный голосъ ихъ уноситъ?
 Межь насъ не вѣдаетъ поэтъ
 Его полетъ высокъ иль нѣтъ.
 Самъ судія и подсудимый,
 Пусть молвитъ: пѣснопѣвца жаръ
 Смѣшной недугъ иль вышній даръ?
 Рѣшитъ вопросъ неразрѣшимый!
 «Среди безжизненнаго сна», (и т. д.)
 10 Въ рукоп. вар. Одна съ восторженнымъ порывомъ

CLXX (стр. 272).

- 2 Въ Русск. Бес. 1839 г.: Спасибо, недруги мои!
 4 Тамъ же: Ужъ пилъ забвенія струю
 Примѣч. Второго и четвертаго четверостишій въ Русск. Бес. нѣтъ.

CLXXI (стр. 273).

- 8 Въ Совр. 1844 г. Не пробудили вновь перуны

CLXXII (стр. 274 и 275)

- Въ Лит. Сборникѣ: Вчера и Сегодня 1846 г.:
 9 Пусть, вѣрую, простась я съ лирою моею,
 10 Что нѣкогда ее замѣнятъ эти

CLXXVI (стр. 280—284).

- 16 Въ Совр. 1844 г.: Имѣлъ я благодать не Русскаго надзора.
 2 Вар. въ рукописи: Но чтобъ вполне забывъ о страстномъ и
 мѣрскомъ
 24 Дремоту лѣни слить съ послѣднимъ, вѣчнымъ
 Въ Совр. 1844 г. сномъ.
 30 Все беззаботному блаженству благосклонно.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПОЭМЫ.

П И Р Ы.

Стр. 287—294.

Варианты къ поэмѣ пиры (*).

¹ «Друзья мои, я видѣлъ свѣтъ».

Вслѣдъ затѣмъ въ Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія 1821 г. и въ изданіи 1826 года поэмъ «Эда и Пиры» читаемъ:

На все взглянулъ я вѣрнымъ глазомъ:
Любовникъ, воинъ и поэтъ,
Тремъ божествамъ служилъ я разомъ.

Затѣмъ въ Соревнователь читаемъ:

Искалъ я счастья, какъ другой;
Волшебный сонъ и мнѣ приснился:
Но, разувѣренный душой,
Вдохнулъ, заплакалъ и простился
Съ моей несбыточной мечтой.
Непрочно то, что сердцу мило;
Кто сердцу вѣритъ, тотъ глупецъ.
А поэтической вѣнецъ?
Никакъ оно-же мнѣ сулило!
Но что скажу вамъ наконецъ?
Не все мнѣ въ жизни измѣнило.
«Бывалъ обмануть сердцемъ я», (и т. д.).

Въ изд. 1826 г., послѣ: Тремъ божествамъ служилъ я разомъ, читаемъ:

Досталось много мнѣ на часть
Душъ любезныхъ заблуждений;

(*) Скобочки « » означаютъ приведенный текстъ, а отсутствіе скобочекъ означаетъ варианты.

Прошла ихъ временная власть:
 Утихла жажда наслажденій,
 И охладѣла къ славѣ страсть.
 «Мнѣ что-то взоры прояснило»;

(дальѣ, какъ въ текстѣ послѣдней редакціи)

- 12 «Но никогда еще, друзья,
 Въ Соревнователь: Но никогда мои друзья,
 13 «Обмануть не былъ я желудкомъ».

Затѣмъ въ Соревнователь и въ изд. 1826 г. читаемъ:

Въ нашъ вѣкъ накладно быть пѣвцомъ,
 Смѣшонъ любовникъ, жалокъ воинъ:
 «Лишь беззаботный гастрономъ» (и т. д.)
 288 1 «Пускай, друзья, порою тошно»,

Затѣмъ въ Соревнователь и въ изд. 1826 г. читаемъ:

За то не грустно, сладкій сонъ
 Недугъ минутный успокоитъ:
 Здоровъ и веселъ встанетъ онъ,
 И отдыхъ силы въ немъ удвоитъ.
 Пируетъ онъ и горя чуждъ,
 «Не знаетъ онъ душевныхъ нуждъ»,
 «Не знаетъ онъ и мукъ душевныхъ».

Въ изд. 1826 г. дальѣ, какъ въ текстѣ послѣдней редакціи:
 въ Соревнователь же дальѣ читаемъ:

- Отъ лишнихъ причотей своихъ
 Почти всегда мы страждемъ, други!
 Кому не стоять мукъ живыхъ
 Любви роскошные досуги?
 Кто, возвратясь въ отцовскій домъ
 Камѣкой жалкимъ съ поля славы,
 Не называлъ себя слѣпцомъ.
 И про военныя забавы
 Слова не вымолвилъ тишкомъ?
 Хвала тебѣ, веселый Комъ!
 «Въ твоихъ утѣхахъ нѣтъ отравы». —
 Красивъ, не сперю бранный шлемъ;
 Побѣдный лавръ еще прекраснѣй;
 Приятно драться — между тѣмъ
 Обѣдать право безопаснѣй
 «Какъ не любить родной Москвы!» (и т. д.)
 11 «Являсь уродомъ съ поля славы»,

Въ изд. 1826 г.: Пришедъ уродомъ съ поля славы

15 «Прекрасно лирою своей»

«Добиться памяти людей»

Въ изд. 1826 г.: Прекрасно, други, рѣмы плеть,

«Служить любви еще прекраснѣй».

Пріятно драться, слаще ѣсть

И право, право безопаснѣй!

289 «Какъ не любить родной Москвы!» (и т. д.)

21 «Подъ дымомъ утреннихъ тумановъ».

Затѣмъ въ Соревнователѣ читаемъ:

Садятся гости; безъ чиновъ

Усердно подчуютъ другъ друга

И наливаютъ до краевъ

Бокалы сладкаго досуга;

26 «Они веселье въ сердце льютъ», (и т. д.)

5 «Тамъ рѣчи вздорны, но не колки».

Въ Соревнователѣ: Тамъ рѣчи остры, но не колки.

25 «Сверкали блески острыхъ словъ».

Затѣмъ въ Соревнователѣ читаемъ:

Воображенъе поглощало

Судьбу невѣдомыхъ годовъ:

Игрушки тѣшили пѣвцовъ

«И вѣки сердце проживало».

Пусть не роскошенъ былъ приборъ,

Пусть не богаты брашны были:

Все приправлялъ веселый вздоръ —

И сладко ѣли мы и пили.

Поверхность шаткаго стола,

Благословеннаго забавой,

Въ большіе праздники была

Прикрыта скатертью дырявой.

И между тѣмъ, друзья мои,

Въ простыя чаши богъ похмѣля

Роскошно лилъ сынамъ веселья

291 «Свое любимое Аи».

6 «Свое любимое Аи».

Затѣмъ въ Соревнователѣ читаемъ:

Въ немъ укрывается отвага;

«Его звѣздающаяся влага»

Души божественной полна;

Свободно искрится она;

Какъ гордый умъ не терпитъ лѣна:
«Рветъ пробку рѣзвою волной»—(и т. д.)

Въ изд. 1826 г.:

Въ немъ укрывается отвага;
«Его звѣздящаяся влага»
«Не даромъ взоры веселить»:
Она отрадою кивить,
Какъ дикій конь не теритъ лѣна,
«Рветъ пробку рѣзвою волной», (и т. д.)
22 «Тогда осмѣливался я»

Затѣмъ въ Соревнователѣ читаемъ:

Потупя сумрачные взоры,
Въ печали робкой и нѣмой,
Не слушала радостные хоры,
Не трогала чаши круговой.
292 «Что потакать мечтѣ унылой»—(и т. д.)
6 «Ахъ, въ ней и грусть очарованье!»

Затѣмъ въ Соревнователѣ читаемъ:

Знакомо мнѣ ея страданье:
Но я страдать желалъ бы вновь.
И гдѣ же вы, душѣ родные,
Друзья, делившие со мной
И заблужденья молодца,
И радость жизни молодой?
Разлучены богиней строгой:
«И каждый съ ропотомъ вздохнулъ» (и т. д.)
21 «Обезоруживъ гнѣвъ судьбины»,
Въ Соревнователѣ: Смягчивъ насильно гнѣвъ судьбины,
238 6 «И съ ними шумно пировали».

Въ Соревнователѣ также читаемъ:

Ужъ въ мѣрѣ нѣтъ отцовъ моихъ;
Бозмоивень теремъ опустѣлый,
Въ тѣни прохладной липъ густыхъ
Таится рядъ могилъ нѣмыхъ;
Тамъ скрытъ ихъ пенель охладѣлый;
Домъ счастья мраченъ и угрюмъ.
Но что къ унылью насъ приводитъ?
Пировъ бывалыхъ новый шумъ
Въ немъ голосъ радости пробудитъ!
«Сберемтесь дружеской толпой» (и т. д.)
11 «Мой братъ по музамъ и по лѣни»;

Въ Соревнователѣ далѣе:

Ты, по неволѣ милый льстецъ,
 Очаровательный пѣвецъ,
 Любви, свободы и забавы,
 Ты Пушкинъ—вѣтреный мудрецъ,
 Наперстникъ шалости и славы,
 Молитву радости запой,
 Заной—сосѣдственные боги,
 Сатиры, Фавны козлоноги,
 Сбѣгутся слушать голосъ твой:
 Ибѣца внимательно обстанутъ
 И, гимнъ веселый затвердивъ,
 Имъ оглашать наперерывъ
 Мои лѣса не перестанутъ.
 «Вы всѣ дѣлившіе со мной» (и т. д.)

13 «Пѣть и героевъ и вино»

Въ изд. 1826 г. далѣе слѣдуетъ:

И страсти дикія и шалость,
 Дано съ проказливымъ умомъ
 Быть сердца чуднымъ знатокомъ,
 И, что по моему не малость,
 Быть прелюбезнымъ за столомъ!
 Друзья Каменьъ и пированья.
 «Вы всѣ дѣлившіе со мной» (и т. д.)

20 «О, поспѣшите въ домикъ мой»

Въ Соревнователѣ за этимъ слѣдуетъ:

Упиться радостью свиданья;
 Толпой сберитесь опять
 Шумѣть за чашей круговою,
 Былое время вспоминать
 И философствовать со мною.
 «Слѣпой владычицей суетъ» (и т. д.)

26 «Его пустынноицѣй обѣдъ»

Въ Соревнователѣ, далѣе читаемъ:

Не будетъ рѣскошный—но сытный.
 Мы соберемся!—но не тѣ,
 По легковѣрной простотѣ
 Сыны любимые надежды,
 Которымъ въ полной красотѣ,
 Во блескѣ праздничной одежды,
 Являлась жизнь: прозрѣли вѣжды,
 Предстала въ скудной наготѣ.

Такъ, въ школѣ опытовъ суровыхъ
 Учились многіе изъ насъ —
 И приготовили разсказъ
 Своихъ открытій тяжко-новыхъ!
 За полной чашей кто ни есть,
 Быть можетъ вздумаетъ прочесть
 Свои шутивья творенья,
 Въ которыхъ дань свою принесть
 Успѣлъ богинямъ вдохновенья,
 294 «Собранье пламенныхъ замѣтъ» (и т. д.)
 6 «Все измѣнило, улетѣло»!

Въ изд. 1826 г. за этимъ слѣдуетъ:

«Чему же вѣру мы дадимъ?» (и т. д.)
 13 «Плоды счастливаго забвенья»,
 Въ Соревнов.: Плоды роскошнаго забвенья,
 15 «Свои живыя сновидѣнья»..

Въ Соревнователѣ за этимъ слѣдуетъ:

Прочтемъ!—Уныніемъ нѣмымъ
 Всѣ, думой тяжкою объаты,
 Считаютъ горькія утраты —
 «Не обрѣсти замѣны имъ»!

. . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .

Чему же вѣру мы дадимъ?
 Пирамъ! въ болѣзненные лѣта
 «Душа остылая согрѣта» (и т. д.)

Э Д А.

Стр. 297—303.

Варианты къ поэмѣ Эда.

Гл. I.

4 «Тебѣ страшна моя бесѣда?»

Въ изд. 1826 г. поэмы «Эда и Пыры» за этимъ слѣдуетъ:

Вѣрь, не способенъ я душой
 Къ презрѣннымъ умысламъ разврата:

Ты, какъ сестра, любима мной.
 О, полюби меня какъ брата!
 Въ родной далекой сторонѣ
 Сестру я милую имѣю;
 Черты лица у васъ однѣ.
 «Я нѣжно, нѣжно друженъ съ нею».
 Но что? Ты видишь—воинъ я;
 Всегда кочуетъ рать моя;
 За нею по свѣту блуждая,
 Богъ вѣсть уже съ какой поры
 Я не видалъ роднаго края,
 Не цѣловалъ моей сестры!
 «Лицомъ она, будь сердцемъ ея»; (и т. д.)
 298 2 «Довѣрься мнѣ, другъ милый мой!»

Въ изд. 1826 г. за этимъ слѣдуетъ:
 Къ чему пустая боязливость?
 Во мнѣ пылаетъ чистый жаръ...
 Такъ говорилъ молодой Гусарь
 Финляндкѣ Эдѣ. Взглядовъ живость,
 Изъ-подъ фуражки по щекамъ
 Два черныхъ локона къ плечамъ,
 Вѣясь, обгущіе красиво,
 Гусарскій щегольской уборъ,
 И безъ рѣчей для дѣвы горъ
 Все было въ немъ краснорѣчиво.
 Ему отчизной Русь была.
 «Полковъ бродящая судьбина»
 Его недавно завела
 Въ пустыни пасмурныя Фина.
 «Суровый край: его красамъ», (и т. д.)

299 9 «Суровый край: его красамъ»,
 Въ Моск. Тел. 1825 г.: Чудесный край: его красамъ,
 17 «Тамъ долъ очей не веселить»;
 18 «Гранитной лавой онъ облитъ»;
 26 «Въ доселѣ счастливой глуши,

Въ изд. 1826 г.:

«Нежданный цвѣтъ пустыни той,
 23 «Красой лица, красой души»

Въ изд. 1826 г.: Красой лица, души красой
 6 «Подобно Финскимъ небесамъ»,

Въ изд. 1826 г. за этимъ слѣдуетъ:

Готовность къ чувству въ сердцѣ чистомъ:

Вотъ Эда вамъ!

На камнѣ мшистомъ

Предъ хижиной своей одна

Сидѣла подъ вечеръ она;

«Подсѣлъ онъ скромно къ дѣвѣ скромной», (и т. д.)

299 18 «Почуя теплый вѣтерокъ»,

Въ изд. 1826 г. за этимъ слѣдуетъ:

Благоуханный свой шипокъ

Его лобзаньямъ открываетъ

И не предвидитъ близкій хладъ.

Давно рука ея лежала

Въ рукахъ его. Потупя взглядъ,

Она краснѣла, трепетала:

Но у Владиміра назадъ

Руки своей не отнимала.

«Онъ къ сердцу бѣдную прижалъ»: (и т. д.)

300 5 «Ему Финляндка отвѣчала»:

Въ изд. 1826 г.: Она лукавцу отвѣчала:

28 «Ты, можетъ быть, меня погубишь».

Затѣмъ въ изд. 1826 г. читаемъ:

Я твой губитель? Вѣчный Богъ

Мнѣ да готовить наказанье!

Я другъ твой, вѣчный другъ, въ залогъ

Прими нѣжнѣйшее лобзанье!

«Что, что, зачѣмъ? Какой мнѣ стыдъ!»

«Младая дѣва говоритъ». (и т. д.)

301 5 «Ужель ты мной оскорблена?»

Въ изд. 1826 г. затѣмъ читаемъ:

Нѣтъ, я тебя не покидаю;

Мое забвенье мнѣ прости!

«Я не сержуся; но пусти!»

Я гнѣвъ въ твоихъ очахъ читаю.

Увѣрь меня, что онъ погасъ;

Поцѣловать еще мнѣ разъ

«Позволь себя. «Пусти, несчастной!»

«И за ребяческую блажь» (и т. д.)

29 «И такова любовь твоя!»

Въ изд. 1826 г. далѣе слѣдуетъ:

Нѣтъ, болѣ ей не вѣрю я!

Другъ милый мой, одно лобзанье!

Тебя-ль не тронетъ сердца боль,

Словъ убѣдительнѣйшихъ сила?

Одно лобзанье мнѣ позволѣ!
И отвращенное дотоль
Лицо тихонько обратила
Къ нему бѣдняжка.

О злодѣй!

«Съ какою медленностью томной»,
«И между тѣмъ какъ будто скромной»,
Напечаталъ умѣлъ онъ ей
«Свой поцѣлуй! Какое чувство» (и т. д.)
302 13 «Теперь полна въ душѣ своей»

Въ изд. 1826 г.: Полна съ поры мятежной сей
19 «Погасшій непримѣтно день».

Затѣмъ въ изд. 1826 г. слѣдуетъ:

Другъ, поздно, дѣвица шепнула;
Оставивъ друга своего,
Пошла въ свой уголь, но взглянула
Дорогой дважды на него.

Этимъ стихомъ въ изд. 1826 г. оканчивается первая глава Эды.

Гл. II.

304 21 «Неосторожный постоялецъ»:

Въ изд. 1826 г.: Съ малюткой хитрый постоялецъ:

305 1 «Когда же ей онъ подарить,

Въ изд. 1826 г. читаемъ:

Когда же бусы подарить,
Или платокъ повѣса ловкой:
Она красивою обновкой
«Похвастать къ матери бѣжитъ».

21 «Веселыхъ шутокъ и въ поминѣ»

Въ изд. 1826 г. за симъ слѣдуетъ:

Теперь ужъ вѣтъ; простыхъ рѣчей
«Съ нимъ даже дѣва не заводитъ» (и т. д.)

306 21 «Но только молодой шалунъ»

Въ изд. 1826 г.: Но только хитрый мой шалунъ —

307 9 «Тихонько слезы отирая»

Въ изд. 1826 г. далѣе слѣдуетъ:

У бѣдной Эды; «что ворчать?»
Тогда промолвилася мать;

«У насъ смиренная такая» (и т. д.)

17 «А я сказалъ уже свое».

Въ изд. 1826 г. за этимъ слѣдуетъ:

Изъ спора этого ни слова
Владимиръ мой не проронилъ;
Ему онъ умыселъ внушилъ:
Все какъ-то злому учить злого.

«День послѣ въ комнатѣ своей (и т. д.)

18 Прилхну въ безмолвіи печальномъ».

Въ изд. 1828 г., далѣе:

Къ устамъ красавицы моей
И полдуши оставлю ей
Я въ добызаніи прощальномъ:
Рѣшись!

Волненія полна,

«Прискорбно дѣва поглядѣла» (и т. д.)

25 «Она довѣрится ему»:

Въ изд. 1826 г.: Ему довѣрится она:

310 7 «Играть моею простотой»

Въ изд. 1826 г. далѣе читаемъ:

Ты духъ нечистый, вижу ясно.
Жестокій! Сердце Эды ты
Лишилъ ужь первой чистоты.
Что вновь замыслилъ? Нѣтъ ужасно!
Отъ друга сердце далеко.
Я безъ надеждъ, безъ утѣшеній,
Съ тоски моей умру легко,
«Умру безъ новыхъ прегрѣшеній».

«Но въ правду врагъ ему едва-ль» (и т. д.)

312 9 «И отъ смятенья духъ тая»,

Въ изд. 1826 г. далѣе слѣдуетъ:

Сама себя не разумѣя,
«Дѣвица бѣдная моя»
Уже въ объятіяхъ злодѣя.
«Заря багрянить сводъ небесъ» (и т. д.)

Гл. III.

314 12 «Его волнистыми власами»

Въ изд. 1826 г.: Его кудрявыми власами

315 17 «Не доживу, Господь поможетъ!»

Въ изд. 1826 г. за этимъ слѣдуетъ:

Ужели не былъ тронутъ онъ
 Ея любовію невинной?
 До сей поры, шалунъ безчинной,
 Онъ только зналъ бокаловъ звонъ,
 Дымъ трубокъ, шумныя бесѣды
 Соратныхъ братьевъ своихъ
 И за преступныя побѣды
 Слылъ удалцомъ промежду нихъ.
 Наукой жалкою обмановъ
 Гордился онъ, и точно въ ней
 Другаго былъ помысленій.
 Успѣлъ онъ нѣсколько романовъ,
 Зѣвая и крутя усы,
 Прочестъ въ досужные часы
 Отъ царской службы и стакановъ;
 Собой пригожъ былъ, нравомъ живъ.
 Едва пора самопонятъ
 Пришла ему, наперерывъ
 Влекли его къ себѣ въ объятъя
 Супруги, бывшія мужей
 Чрезчуръ моложе иль умнѣй.
 И жадно пилъ онъ наслажденье,
 И имъ повѣса молодой
 Избаловалъ воображенье,
 Не испытать любви прямой.
 Питомецъ буйнаго веселья,
 Въ пустынь скучной заключенъ,
 За милой Эдой вздумалъ онъ
 Поволочиться отъ бездѣля,
 И, какъ вы видѣли, шутя,
 Увлекъ прекрасное дитя.
 Увы, мучительное чувство
 Его тревожило потомъ!
 Неразъ гусарскимъ языкомъ
 Онъ проклиналъ свое искусство;
 Но чаще, сердцемъ увлеченъ,
 Какая дѣва, думалъ онъ,
 Ея прелестнѣй въ поднебесной,
 Душою проще и нѣжнѣй?
 И Провидѣнья переть чудесной
 Онъ признавалъ во встрѣчѣ съ ней;
 Своей подругой неразлучной
 Ужъ зрѣлъ ее въ мечтахъ своихъ;
 Уже въ тѣни деревъ родныхъ

Вель съ нею вѣкъ благополучной..
Вотще.

Коварный Шведъ опять

«Не соблюдаетъ договоровъ»: (и т. д.)

317 9 «Они горами ледяными».

Въ Полярной Звѣздѣ (1825 г.) за этимъ слѣдуетъ:

Изъ-подъ сугробовъ снѣговыхъ,
«Кой гдѣ вставая головами»,
Скалы чернѣютъ; снѣгъ буграми
Лежитъ на соснахъ вѣковыхъ.
Кругомъ все пусто. Зашумѣли,
«Завыли зимнія мятели».

Что-жъ съ бѣдной дѣвицей моей?

«Потухъ огонь ея очей», (и т. д.)

27 «Ты мнѣ постылъ, печальный свѣтъ!»

Въ Пол. Зв.: Давно увянуль счастья цвѣтъ!

30 «Съ лица земли мой легкій слѣдъ?»

Въ Пол. Зв. за этимъ слѣдуетъ:

318 «На сонъ желанный, сонъ глубокой,

О, скоро-ль гробъ меня возметъ»

И на него сугробъ высокій

Дыханье бури нанесетъ!

4 «Бушуя вѣтры нанесутъ?»

Въ изд. 1826 г. за этимъ слѣдуетъ:

Не тщетно дѣва молодая

Кончину раннюю звала:

Ужъ Эды нѣтъ!—Кручина злая

Ее въ могилу низвела.

Кто-бъ думать могъ? Въ ея обитель

Межъ тѣмъ лукавый соблазнитель

Неожиданной летѣлъ.

Какой онъ умыселъ имѣлъ,

Богъ вѣсть. Но прибылъ онъ: и что-же?

Узрѣлъ ее на смертномъ ложѣ.

Въ слезахъ предъ милою упалъ:

Постой, отчаянный зывалъ,

Тебѣ-ль назначена могила!

О жертва милая любви,

Я твой на вѣкъ, живи, живи!

Ты-ль голосъ друга позабыла?

Померкнулъ свѣтъ въ ея очахъ;

На леденѣющихъ устахъ

Уже душа ея бродила...

«Кладбище есть. Тѣснятся тамъ» (и т. д.)

13 «И кто теперь ее отыщетъ»

Въ изд. 1826 г.: Кто, кто теперь ее отыщетъ,

Варианты къ отрывкамъ изъ поэмы: Эда.

Въ изд. 1835 г. Глава II.

1 «Неосторожный постоялецъ»:

2 «Когда-же онъ ей подарить»

«Какой нибудь нарядъ дешевой,

«Финляндка дивной ей обновой»

3 «Межъ тѣмъ его благодарить»

4 «На друга соннаго порой»

5 «И долго слышенъ громкій смѣхъ»

6 (Затѣмъ семи стиховъ, за этимъ стихомъ слѣдующихъ,
въ изд. 1835 г. въ Мнемозинѣ нѣтъ).

«Ужъ нѣтъ; незначащихъ рѣчей»

7 «Къ груди гусара, вся въ огнѣ,

«Бѣдняжка грудью припадаетъ»,

8 «Къ его лобзаньямъ обращаетъ»:

Въ изд. 1835 г.: Глава III. стр. 25, стихъ 7.

9 «То зазоветъ дремучій боръ»

10 «Но чаще сходятся они

«Въ долу сосѣдственномъ глубокомъ.

«Въ густой рябиновой сѣни,

«Надъ быстро льющимъ потокомъ,

«Они садятся на траву.

11 «И легкимъ сномъ глаза смыкаетъ.

«Духъ притаивъ, она внимаетъ

«Дыханью друга своего;

«Древесной вѣткой отвѣваетъ

«Докучныхъ мошекъ отъ него;

«Его волнистыми власами

«Играетъ дѣтскими перстами».

«Когда-жъ подыметъ луна (и т. д.)

12 «Къ себѣ на одръ его приемлетъ».

13 «Они сидѣли молчаливо.

«Любовникъ въ тихомъ забытьи

«Глядѣлъ на свѣтлыя струи,

«Предъ нимъ бѣгущія игриво (и т. д.)

14 «Уста незлобной красоты

«Улыбкой милой улыбнулись»,

- «Но скорбь взяла таки свое,
 «И на рѣсницахъ у нее
 «Невольно слезы навернулись (и т. д.)
 15 «Прости! Безумная тоска!

* Изд. 1835 г., Глава III, стр. 30, стихъ 9.

- 16 «Изъ-подъ одежды снѣговой
 17 «Скалы чернѣютъ за скалами.
 «Во мгль волнистой и сѣдой
 «Исчезло небо» Зашумѣли,
 «Завыли зимнія мятели (и т. д.)
 18 «Ты мнѣ постылъ печальный свѣтъ,
 «Конца дождусь-ли я, иль нѣтъ?»
 19 «Когда, когда на сонъ глубокий
 «Мнѣ дастъ могила свой пріютъ,
 «И на нее сугробъ высокій
 «Бушуя вѣтры нанесутъ».

Примѣч.: Затѣмъ въ изд. 1835 г. еще тринадцать стиховъ, которыми оканчивается поэма.

ТЕЛЕМА И МАКАРЪ.

Стр. 321—325.

Варианты къ поэмѣ: Телема и Макаръ.

- 1 } «Непостоянна, своевольна»,
 2 } «Ничѣмъ Телема не довольна»;

Въ Сѣв. Цв 1827 г.: Телема ласкова, игрива,
 Но черезъ-чуръ нетерпѣлива:

- 2 «Ничѣмъ Телема недовольна»;

Въ Славянинѣ 1827 г. за этимъ слѣдуетъ:

Поперемѣнно прельщена
 То тѣмъ, то этимъ; безпокойства
 Всегда душа ея полна.—

«Любила толстяка она»

«Совсѣмъ другаго съ нею свойства»;

Открытый радостный лицомъ,

«Макаръ не тужить ни о чемъ. (и т. д.)

322 6 «Безъ друга скучно и уныло»

Въ Слав. Безъ друга въ горести и скукѣ

9 «Жить безъ Макара тошно было»

Въ Слав. Жить не умѣя съ нимъ въ разлукѣ.

Далѣ въ Славянинѣ за этимъ слѣдуетъ:

Приходить въ Княжескій чертогъ:

«Не здѣсь ли милый мой дружокъ?» (и т. д.)

19 «Что онъ, голубушка, за диво?—»

Въ Слав. за этимъ слѣдуетъ:

«Нѣтъ лучше друга моего:

Разуменъ онъ, добросердеченъ,

Всегда шутливъ, всегда безпеченъ,

Всѣ любятъ искренно его.

Не ненавида никого,

«Онъ самъ никѣмъ не ненавидимъ». —

323 «Ступай!» отвѣтствовали ей, (и т. д.)

31 «Въ сей мирной пристани мечтаю».

Въ Слав. за этимъ слѣдуетъ:

Игуменъ ей: «Признаться вамъ,

Мы съ нимъ увидѣться желали,

Но, на бѣду, по пустякамъ,

Посты, раздоръ и скуку намъ

«Въ замѣну стѣны наши дали!»

Но блѣдный и сухой чернецъ

«Сказалъ вертушкѣ наконецъ»:

Охота по міру шататься!

«Найдется-ль полно вашъ бѣглець?»

На томъ онъ свѣтъ, можетъ статься!

Телему сей живой мертвецъ

324 «Чуть не взбѣсилъ такимъ привѣтомъ», (и т. д.)

23 «Одинъ изъ нихъ ей молвилъ такъ»:

Въ Слав.: Одинъ изъ нихъ сказалъ ей такъ:

27 «Его поѣмъ мы кое-какъ»

Въ Слав.: О немъ мы пишемъ кое-какъ,

29 «И съ милымъ сердцу бѣглецомъ»

Въ Слав.: И съ милымъ сердца бѣглецомъ

325 14 «Со мною въ мирѣ и любви»,

Въ Слав.: Со мною въ радостной любви.

БАЛЪ.

Стр. 329—352.

Варианты къ поэмѣ: Балъ.

7 «Ревутъ смычки: толпа гостей»;

Въ Моск. Тел. 1827 г. и въ изд. 1828 г. поэмъ: «Балъ» и «Графъ Нулинъ», Пушкина, читаемъ:

Гудятъ смычки: толпа гостей
 Съ приличной важностію взоромъ,
 Въ чепцахъ узорныхъ, вычурныхъ,
 Рядъ нестрыхъ барынь пожилыхъ
 Сидитъ. Причудницы отъ скуки
 То поправляютъ свой нарядъ,
 То на толпу, сложивши руки,
 «Съ тупымъ вниманіемъ глядятъ» (и т. д.)

18 «Горятъ уборы головные»,

Въ Моск. Тел.: Влестятъ уборы головные

330 10 I «Гусаръ крутитъ свои усы»,

II «Писатель чопорно острится»

Въ Моск. Тел.: Герой крутитъ свои усы

Политикъ чопорно острится,

331 2 «Мигрень конечно!.. въ сюрсахъ шесть».

Въ Моск. Тел.: Мигрень!.. Не знаю Въ сюрсахъ шесть.—

«Съ княгиней рядомъ вы стояли,

Графиня, знать желалъ-бы я...»

«— Въ кругу пристойномъ не всегда-ли» (и т. д.)

338 21 «Молчи-же! не нуждаюсь я»

Въ изд. 1828 г.: Безмолствуй: не нуждаюсь я

340 21 «Я къ ней способна! Встарину»,

Въ изд. 1828 г.: Я къ ней способна! Погляди,

Вотъ любопытное колечко,

Его ношу я на груди.

Не все, постой, еще словечко:

Арсеній, знай, одарено

Волшебной силою оно;

«Знай, никакое злополучье» (и т. д.)

341 2 «Дивишься ты! Онъ ядъ таитъ»

Въ изд. 1828 г.: Дивишься! Ядъ оно таитъ.

346 9 «Жемчугъ чело ея облегло»

Въ Сѣв. Цв. 1828 г.: Ея чело жемчугъ облегло

347 25 «Или двумысленно взглянуть»

Въ изд. 1828 г.: Или насмѣшливо взглянуть

348 9 «Кругомъ глубокой, мертвый сонъ!»

Въ изд. 1828 г.: Кругомъ глубокой, смертный сонъ!

ПЕРЕСЕЛЕНІЕ ДУШЪ.

Стр. 355—367.

Варианты къ поэмѣ: Переселеніе душъ.

- 355 6 «Но въ ней намъ мало пользы нынѣ:
 Въ Сѣв. Цвѣтахъ 1829 г. далѣе читаемъ:
 Гдѣ душу парную найти?
 Гдѣ? разлился, въ наше время,
 Такъ далеко людское племя,
 Такъ многочисленны пути!
 «Куда пойду? мечтаешь съ горемъ». (и т. д.)
- 13 «Не все. Задача есть другая».
- Въ Сѣв. Цв.: Не все: приводитъ въ искушенья
 Еще другое затрудненье:
 Порою съ родственной душой
 Столкнешься, по свѣту блуждая,
 «И радъ; но вотъ бѣда какая»: (и т. д.)
- 21 «Находкой былъ-бы изъ находокъ!»
- Въ Сѣв. Цв., далѣе: Объ этомъ добрые друзья.
 Вамъ предлагаю повѣсть я.
 «Въ зѣмлѣ, о коей справедливо» (и т. д.)
- 356 5 «Въ Египтѣ, жилъ-былъ славный царь»,
 Въ Сѣв. Цв.: Въ Египтѣ славномъ, жилъ-былъ царь,
 8 «Любовь души, веселье глазъ»:
 Въ Сѣв. Цв.: Восторгъ души, веселье глазъ:
 15 «Носилася ея хвалѣ»
- Въ Сѣв. Цв. далѣе:
 И полкъ Царей иноплеменныхъ
 Къ ней женихами привела.
 Въ Мемфисѣ древнемъ уступали
 Одни пиры пирамъ другимъ:
 Въ прикрасу блюдамъ дорогимъ
 Красивый черепъ подавали,
 Въ кругу любовниковъ своихъ,
 «Свѣтла, прелестна, волшебная»,
 «Моя царевна молодая» (и т. д.)
- 358 4 «Уже сердиться начинали
 Въ Сѣв. Цв., далѣе: Вотъ съ важнымъ видомъ наконецъ
 Такъ молвилъ дочери отецъ:
 «Я негодую совершенно»:
 Не всё-ль возможные Цари
 Передъ тобою, говори?»

- Черезъ трое сутокъ непременно
 Ты жениха мнѣ избери;
 Не то... клянуся бороною,
 Шутить не буду я съ тобою.
 Такая рѣчь была ясна.
 Что стало съ милою царевной?
 На что, въ судьбѣ своей плачевной,
 «Рѣшилась бѣдная она!» (и т. д.)
- 359 14 «Но страха тайнаго полна»,
 Въ Сѣв. Цв., далѣе:
 Выходить за городъ она.
 «Передъ очами Зораиды» (и т. д.)
- 361 2 «Другую пламенно поетъ!»
 Въ Сѣв. Цв., далѣе:
 Какая страшная измѣна!
 Уже дрожать ея колѣна,
 «Ужъ меркнетъ свѣтъ въ ея очахъ», (и т. д.)
- 363 1 «Порфирой свѣтлою блистая»,
 Въ Сѣв. Цв.: Порфирой радостной блистая.

ЦЫГАНКА.

Стр. 383—431.

Варианты къ поэмѣ: Цыганка.

Лит. А.

Гл. I.

- 11 «Ты охмѣлѣлъ и въ сонъ она
 «Уже давно погружена.
 «Прощайте Господа».

Гуляки»

Въ изд. 1835 года читаемъ:

Хмѣль разобралъ тебя совсѣмъ.
 Она съ дремоты поблѣднѣла.
 «Ты, Сара, спать поди! Зачѣмъ
 До утомленья ты сидѣла?
 Въ другое время, Господа!
 Прощайте». — Буйная орда
 Восколебалася. Гуляки

384 8 «Умомъ и тѣломъ недвижимъ»

Въ изд. 1835 года читаемъ:

Докончить дѣло!—Недвижимъ

385 8 «Тутъ опрокинутые стулья,

«Вездѣ табачная зола»,

«Стаканы среди стола»

Въ изд. 1835 года читаемъ:

Вотъ опрокинутые стулья.

Табачный пепель тутъ и тамъ,

Стекло по окнамъ, по столамъ

16 Вслѣдъ за стихомъ: «Уже блѣднѣющихъ свѣчей», въ изд. 1835 года читаемъ:

Елецкой, съ думою нѣмою.

Поникъ печально головою;

Но вдругъ очнувшись, поднялъ взоръ:

«Гей, закричалъ онъ, Черноморь!»

Явился карликъ. Понемногу,

Туманъ, который покрывалъ

Лицо Елецкаго, пропалъ.

«Ну что сосѣди?» Слава Богу!

Знакомъ мнѣ въ домѣ старъ и малъ.

«Вотъ, мой красавецъ. это славно;

Смотри-жь теперь, когда куда

Пойдутъ, пойдутъ господа,

Что скажутъ, все ты знай исправно».

Объ васъ—то былъ ужъ разговоръ.

«Прекрасно! Что-же говорили?»

Что говорили! Всякій вздоръ;

А молвить правду не хвалили

Покой оставилъ Черноморъ;

«Открывъ разсѣянной рукою» (и т. д.)

17 «Открывъ разсѣянной рукою

«Окно, Елецкой взоръ тупой,

«Взоръ отуманенный мечтой

«Уставилъ прямо предъ собою».

Въ изд. 1835 года читаемъ:

Открывъ разсѣянной рукою

Окно, межъ тѣмъ уставилъ взоръ

Елецкой прямо предъ собою.

Гл. II.

387 5 «И въ свѣтъ вступилъ онъ, и сначала»

Въ изд. 1835 года читаемъ:

Въ нее вступилъ онъ и сначала

9 «Онъ въ праздникъ Пасхи, въ Новый годъ
Къ дядямъ и къ теткамъ съ поздравленьемъ.
«Скакалъ съ прихода на приходъ:

Въ изд. 1835 года читаемъ:

Къ дядямъ и теткамъ съ поздравленьемъ
И въ Рождество и въ Новый годъ,
Скакалъ съ прихода на приходъ.
У нихъ въ бесѣдахъ самыхъ чинныхъ
Безъ нетерпѣнья засѣдалъ,
И на обѣдахъ именинныхъ
Приборъ всегдашній занималъ.

12 «Живѣ жизнью насладиться»

Въ изд. 1835 года читаемъ:

Но волей полной насладиться

14 «И началъ съ первыхъ дней томиться»

Въ изд. 1835 года читаемъ:

И вскорѣ началъ онъ томиться

15 «Ему въ гостинныхъ стало душно,

«То было глупо, это скучно,

Въ изд. 1835 года читаемъ:

Ему въ гостинныхъ стало душно;
Ему досадно и смѣшно
Въ нихъ показалось одно,
Другое глупо, третье скучно.

20 «Житьемъ онъ новымъ зажилъ вскорѣ,

«Между буяновъ и повѣсъ».

Въ изд. 1835 года читаемъ:

Между буяновъ и повѣсъ
Житьемъ онъ новымъ зажилъ вскорѣ;
Товарищъ скромный ихъ сперва,
Потомъ рѣшительный глава.
Онъ и уму (что вдвое хуже)
Даль со страстями волю ту-же,
Одушевленъ въ рѣчахъ своихъ
Враждою къ мнимымъ предразсудкамъ,
Подвергнулъ дерзновеннымъ шуткамъ
Онъ все святое для другихъ.

- 388 9 «Но мысли буйствомъ увлеченъ,
«Вдойнѣ молву озлобилъ онъ».
Въ изд. 1835 года читаемъ:
Но самъ не вѣдая о томъ,
Онъ былъ въ развратѣ хвастуномъ.
Его пословицъ вольнодумныхъ
Ни чуть не новый впрочемъ родъ,
Имъ въ свѣтѣ далъ обширный ходъ,
И отъ людей благоразумныхъ
Чудовищемъ со всѣхъ сторонъ
Елецкой былъ провозглашонъ.
«Съ Москвою и Русью онъ разстался», (и т. 1.)
- 389 7 «Досуга Русскаго кумирь»
Въ изд. 1835 года читаемъ:
Народной живости кумирь.
- 13 «Тамъ клеперъ знаетъ четъ и нечетъ»;
Въ изд. 1835 года читаемъ:
«Тамъ клеперъ чуетъ четъ и нечетъ»;
- 390 1 «Давно бродилъ Елецкой мой»,
Въ изд. 1835 года читаемъ:
Къ забавамъ шумнымъ страсти полонъ,
Съ утра бродилъ Елецкой мой,
И вотъ въ одинъ изъ нихъ вошелъ онъ
На то имѣлъ онъ всѣ права,
И подъ Новинскимъ часъ и два,
Съ полудня начиная, мода,
По снисхожденю своему,
Дѣлить веселости народа
Не запрещаетъ никому.
«Окинувъ взорами собранье», (и т. д.)
- 3 «Въ одномъ остановилъ вниманье»
Въ изд. 1835 года читаемъ:
Остановилъ свое вниманье
- 8 «Одушевленной выраженьемъ»
Въ изд. 1835 года читаемъ:
Столь благороднымъ выраженьемъ
- 18 «Охваченъ бѣдственной межою»
Въ изд. 1835 года читаемъ:
Елецкой тронулся душою

- 21 «Упадшій духъ подъяема въ немъ,
 «Онъ былъ для путника ночнаго
 «Денницы розовымъ лучемъ»
 Въ изд. 1835 года читаемъ:
 Какъ бодрость въ путника ночнаго,
 На небѣ утреннемъ горя,
 Вливаетъ алая заря:
 Такъ точно, жизнью обновленной,
 Страстями долго омраченной
 Душѣ егодохнулъ тогда
 Румянецъ нѣжнаго стыда.
 «Онъ къ милой думой умиленной» (и т. д.)
- 391 1 «Узнать душою не въ покоѣ
 «Онъ жаждетъ имя дорогое!
 «И незнакомка названа.
 «Гражданка сѣры той она,
 «Того злопамятнаго свѣта,
 «Съ кѣмъ въ опрометчивыя лѣта
 «Въ избыткѣ гордомъ юныхъ силъ,
 «Самъ въ бой неровный онъ вступилъ.
 «Смячигъ-ли идолъ оскорбленной
 «Онъ жертвой позаню своей?
 «Противъ него предубѣжденной
 «Предстать осмѣлится-ли ей?
 «И всѣхъ преградъ онъ самъ виною!
 «Межъ гѣмъ, въ борьбѣ его съ молвою
 «Прошло, промчалось много дней»
 Въ изд. 1835 года читаемъ:
 И незнакомку молодую
 Съ тѣхъ поръ онъ въ сердце заключалъ,
 И скоро Вѣру Волховскую,
 Свою сосѣдку въ ней узналъ.
 Ей дядя, послѣ объяснилось,
 Служилъ заботливымъ отцомъ,
 И, какъ бывало говорилось,
 Держалъ въ Москвѣ открытый домъ.
 Что пользы, что отрады въ этомъ?
 Сношенья всѣ съ враждебнымъ свѣтомъ
 Прервалъ онъ давнею порою:
 Кого и какъ ему заставить
 Въ почтенный домъ его представить.
 Его, гонимаго молвой?
 Что скажетъ дядя оскорбленной?—
 Противъ него предубѣжденной

Какъ онъ предстанеть даже ей?
 Но слишкомъ свѣтъ его безславилъ;
 Съ тѣхъ поръ какъ онъ его оставилъ
 «Прошло, промчалось много дней».

Гл. III.

- 392 1 «Незамѣчаемъ и невѣдомъ,
 «За милою бродилъ онъ слѣдомъ»,
 Въ изд. 1835 года читаемъ:
 Вседневно нашему герою
 Усердный карликъ намекалъ,
 Гдѣ вѣроятно встрѣча съ тою,
 Къ которой пламенной мечтою
 Онъ непрестанно улеталъ
 Незамѣчаемъ и невѣдомъ
 Ходилъ, бродилъ за ней онъ слѣдомъ;
- 13 «Въ которой Вѣра молодая»
 Въ изд. 1835 года читаемъ:
 Въ которой Вѣра Волховская
- 394 14 «Для бабовъ, вечеровъ при этомъ
 «Театръ оставленъ моднымъ свѣтомъ»
 «Елецкой мраченъ и сердитъ...
 «Но вотъ въ извѣстномъ маскарадѣ
 «Должна быть Вѣра. Ожилъ онъ
 «И въ полнадеждѣ, въ полдосадѣ
 «Лелѣетъ дѣятельный сонъ».
 Въ изд. 1835 года читаемъ:
 Театръ? И тотъ въ разладѣ этомъ,
 Забытъ для бабовъ моднымъ свѣтомъ.
 Елецкой сердцемъ унывалъ;
 Но въ зимній холодъ, какъ и лѣтомъ,
 Проворный карликъ не дремалъ.
 Донесъ онъ нашему герою,
 Что Вѣра ѣдетъ въ маскарадъ,
 Къ такимъ-то. Ожилъ онъ душою.
 «Спасибо», молвилъ, «крайне радъ!»
 Елецкой не званъ: что за горе?
 На то и маска. Вѣру вскорѣ
 Увидитъ онъ, и почему
 Съ ней въ безымянномъ разговорѣ
 Не познакомиться ему?

И вотъ ужъ вечеръ маскарада
Имъ ожидаемый насталь.
Москва-ли тѣшиться не рада?
Кипить народомъ свѣтлый залъ,

- 21 «Живая музыка играетъ,
«Кадрили выются ей подъ ладъ.
«Кипить, пестрѣетъ маскарадъ.
«Въ его затѣю не вступаютъ
«И къ стати большинства гостей:
«Въ тѣни ихъ онъ еще виднѣй.
«Призраки всѣхъ вѣковъ и націй
«Гуляютъ Феи, Визиря,
«Полишинели, дикари,
«Ихъ мучитъ бѣсъ мистификацій»;

Въ изд. 1835 года читаемъ:

Живая музыка играетъ;
Въ ладъ упоительнымъ смычкамъ,
Кадрили выются здѣсь и тамъ.
Кругомъ, волнуясь, мелькаетъ
Толпа гуляющихъ гостей;
И половина ихъ большая,
Нарядъ привычный соблюдая,
Тѣмъ выдаетъ еще живѣй
Бродящихъ рыцарей, шамановъ.
И арлекиновъ, и брахмановъ,
Дянъ, Весталокъ, Флоръ и Фей,
Народовъ всѣхъ вѣковъ и націй,
Ихъ мучитъ бѣсъ мистификацій;

- 4 «Ни у кого для продолженья»

Въ изд. 1835 года читаемъ:

«Здоровы-ль вы?» Для продолженья

- 12 Мы сохраняемъ холодъ свой
«Въ приемахъ живости чужой».

Въ изд. 1835 года читаемъ:

Смѣются наши образцы:
Живыхъ не дразнятъ мертвецы.

- 14 «Елецкой изъ ряду выходитъ
И Вѣру чуть съ ума не сводить.
Успѣлъ развѣдать онъ о ней
«Довольно этихъ мелочей».

Въ изд. 1835 года читаемъ:

Скрывать лицо подъ маской душной,

Какъ вѣдаетъ читатель мой,
Нельзя дѣвицѣ молодой,
Закону свѣтскому послушной.
И Вѣру милую тотчасъ
Нашель Елецкой. Этотъ разъ
На мертвеца онъ не походить
И чуть съ ума её не сводить.
Отъ Черномора зналъ о ней
Онъ много этихъ мелочей,

396 29 «Не мнѣ. Оставьте убѣжденья!»
Въ изд. 1835 года читаемъ:
Не мнѣ. Оставьте попеченья:

397 20 «Взглянуть онъ разъ еще желалъ
«На Вѣру... Тихій взоръ онъ встрѣтилъ.
«Мольбу нѣмую въ немъ замѣтилъ,
«Укоръ въ немъ дружескій постигъ,
«И скинулъ маску. Въ этотъ мигъ
«Предъ нимъ лицо другое стало,
«Очами гнѣвными сверкало,
«И дико поднятой рукой
«Грозило Вѣрѣ, и пропало
«Съ Елецкимъ вмѣстѣ за толпой».

Въ изд. 1835 года читаемъ:
Еще въ послѣднѣе желалъ
Взглянуть на Вѣру онъ, и встрѣтилъ
Ея невинный, тихій взоръ;
Прочелъ въ немъ дружескій укоръ,
Мольбу нѣмую въ немъ замѣтилъ,
И скинулъ маску. Вѣрѣ зримъ
Онъ былъ единое мгновенье;
Толпа сгустилась передъ нимъ,
И онъ исчезъ какъ привидѣнье.

29 «Съ Елецкимъ вмѣстѣ за толпой».

Вслѣдъ за этимъ здѣсь выпущена глава:
Въ изд. 1835 года читаемъ: (Гл IV).

Когда изъ блеска жизни свѣтской,
Въ которомъ съ Вѣрою своей
На мигъ такъ близокъ былъ Елецкой,
Отшельникъ, снова чуждый ей,
Въ своихъ стѣнахъ онъ очутился,—
Казалось грустному ему,
Что вновь, какъ узникъ, погрузился
Онъ въ ненавистную тюрьму,

Изъ коей на одно мгновенье
 Его исторгло сновидѣнье;
 И Вѣры милый идеаль
 Съ тѣхъ поръ его воображенье
 Еще сильнѣе волновалъ.
 Часы летучіе мелькали,
 И въ томномъ сердцѣ заставляли
 Все ту же думу, тотъ-же ликъ.
 Чего надѣяться могу я?
 Порою мыслилъ онъ тоскуя
 Нѣтъ! заглушу сердечный крикъ!
 Напрасно: о единой Вѣрѣ
 Мечта въ душѣ его жила,
 Одна внимаема была.
 Когда-бы могъ по крайней мѣрѣ
 Свободно видѣться онъ съ ней,
 Какъ всякій свѣтскій дуралей!

И помогла ему судьбина.
 Не хуже чѣмъ герой Расина,
 Сердце чувствительныхъ кумирь,
 Любимецъ ложъ, восторгъ партера,
 Жоко влечетъ къ себѣ весь міръ.
 Въ театръ сегодня ѣдетъ Вѣра.
 Вздрогнулъ душой Елецкой нашъ:
 Разъѣздъ безумный, торопливый;
 Немного сходный экипажъ...
 Чего и думать? планъ счастливый!
 Людей, не медля, онъ зоветъ
 И приказанья отдаетъ.

Давно громада городская
 Покрылась ночи темнотой;
 Давно, прохожихъ окликаая,
 Раздался будочниковъ вой;
 У моего повѣсы въ домѣ
 Давно нигдѣ нѣтъ свѣта, кромѣ
 Того покоя, въ коемъ онъ
 Одинъ развязки приключенья
 Ждетъ, полный страннаго волненья.
 Невнятнымъ стукомъ пораженъ
 Кареты дальней, вспыхнетъ духомъ,
 Вскочивъ, къ окну прикинеть ухомъ:
 Они!... Неправда! Стихнулъ гулъ,
 Иль въ переулокъ повернулъ.

Вотъ, наконецъ, предъ самымъ домомъ
 Карета покатила съ громомъ;
 Затрясся, зазвенѣлъ весь домъ,—
 И тишина тотчасъ потомъ.
 «Да освѣтите, Бога ради!»
 Раздался въ залѣ голосъ дяди;
 И нашъ услужливый герой
 Къ нему выходитъ со свѣчей.
 Гостямъ съ притворнымъ удивленьемъ
 Въ глаза онъ пристально глядитъ:
 «Чему обязанъ, говорить,
 Я вашимъ лестнымъ посѣщеньемъ?—»
 И осмотрѣлся дядя:

«Ба!

Какая странная судьба!
 Въ чужомъ мы домѣ! Извините,
 Обезпокоили мы васъ.
 Домой уѣдемъ сей-же часъ!
 Вы, негодяи! поглядите,
 Куда заѣхалъ съ вами я?..
 Вотъ славно! Странности какія:
 И люди у меня чужіе!
 Карета вѣрно не моя?»—

Елецкой мнѣнія того-же:
 Уже-ль?—Да, такъ! на то похоже!
 Теперь и чуда въ этомъ нѣтъ:
 Въ его карету сѣлъ сосѣдъ.
 Своимъ жильцамъ, мушкетѣ съ дамой,
 Онъ далъ еѣ въ тотъ вечеръ самой
 (Ужъ эта баснь у шалуна
 Была впередъ сочинена).
 Онъ разговоръ не опускаетъ;
 Свой экипажъ имъ предлагаетъ
 Добѣхать до дому; пока
 Садиться проситъ старика;
 Освѣдомляется учтиво,
 Съ кѣмъ такъ случайно и счастливо
 Онъ познакомленъ?—Боже мой!
 Иванъ Петровичъ Волховской!
 Елецкой давняго почтенья
 Исполненъ къ гостю своему,
 И безо всякаго сомнѣнья
 На дняхъ представится ему.

Пока бесѣду велъ такую
 Со старымъ дядей нашъ герой,
 Онъ на племянницу младую
 Украдкой взглядывалъ порой.
 Безцѣнный взоръ онъ думалъ встрѣтить,
 Узнанье думалъ въ немъ замѣтить;
 Напрасная надежда! Онъ
 Не на него былъ обращенъ.
 Дверь въ глубинѣ туманной зала
 Вниманье Вѣры привлекала:
 Подъ ярко-пурпурнымъ платкомъ
 Оттуда, смуглая лицомъ,
 Сверкая черными глазами,
 Блистая бѣлыми зубами,
 Глядѣла Сара. Взоры ихъ
 Какая сила сопрягала?
 Въ соображеніяхъ какихъ
 Мысль у обѣихъ утопала?

Елецкой, проводивъ гостей,
 Былъ внѣ себя отъ восхищенья:
 Ему не будетъ затрудненья
 Въ свиданьяхъ съ Вѣрою своей!
 Зачѣмъ-же способъ этотъ странной
 Къ знакомству съ ней былъ избранъ имъ?
 Иль онъ не могъ путемъ другимъ
 Достигнуть цѣли имъ желанной?
 Зачѣмъ со свѣтомъ не искалъ
 Онъ понемногу примиренья?—
 Онъ срокъ желаннаго сближенья
 Надолго этимъ отлагалъ;
 Къ тому-жъ, однажды свѣтъ оставивъ,
 Свою вражду къ нему ославивъ,
 Онъ измѣнить себѣ краснѣлъ
 И вновь искать въ немъ не хотѣлъ.
 Но, можетъ быть, причиной главной
 Былъ духъ природно-своенравной,
 Претившій завсегда идти
 Ему по битому пути;
 Сей духъ, который отступленья
 Незрѣлыхъ лѣтъ его рождаль,
 Могъ даже въ годы размышленья
 Имъ обладать—и обладалъ.

1 Гл. V. «Какъ часто въ серединѣ бала»,
 Въ изд. 1835 года эта глава, составляющая шестую главу, начи-
 нается такъ:

Едва забывшись, пробудился
 Отъ грезы счастья нашъ герой;
 Но отъ того своей душой
 Для Вѣры онъ не измѣнился
 И Волховскому отдалъ онъ
 Ему обѣщанный поклонъ.
 Елецкой вовсе непривѣтно
 Былъ встрѣченъ строгимъ старикомъ:
 Онъ показалъ ему замѣтно,
 Что по неволѣ съ нимъ знакомъ;
 Да мало нужды было въ томъ.
 Открыто жилъ сосѣдъ почтенный
 И балы частые давалъ,
 Межъ тѣмъ, годами удрученной,
 Участья въ нихъ не принималъ,
 И самъ въ палатѣ отдаленной
 За мирнымъ вистомъ засѣдалъ.
 Все это вѣдая подробно,
 Елецкой нашъ весьма удобно
 Могъ всякой разъ являться въ домъ
 Совсѣмъ невидимъ старикомъ.
 «Какъ часто въ серединѣ бала», (и т. д.)

406 5 «Съ ней языкомъ мятежной страсти».
 Въ изд. 1835 года читаемъ:
 Съ ней языкомъ безумной страсти.

20 «Когда глаза мои въ тотъ разъ»
 Въ изд. 1835 года читаемъ:
 Когда глаза мои у васъ

410 18 Гл. VI. Послѣ стиха:
 «Разлукой долгою грозилъ!»
 Въ изд. 1835 года слѣдуетъ:
 Въ сіи недѣли покаянья
 У Волховскаго баловъ нѣтъ;
 Затворить домъ ему сосѣдъ..
 Нѣтъ! мыслить онъ, до растанья, и т. д.

418 20 «А восклицанья всей Москвы!...»
 Въ изд. 1835 года читаемъ:
 А мнѣнне общее Москвы!.....

418 29 Гл. VП. «А тамъ старухи не обидимъ»
 Въ изд. 1835 года вслѣдъ за этимъ читаемъ:
 Тутъ травъ-то, травъ-то! босикомъ,
 Весь день, не пивъ, не ѣвъ, колдуньѣ
 Сбирать ихъ надо въ полнолуны,
 Да нашептать еще потомъ!
 «Ты мнѣ повѣрь, моя красотка», и т. д.

422 23 «Когда-бы втайнѣ не питала»
 «Одной надежды!»

Въ изд. 1835 года читаемъ:
 Когда-бы втайнѣ не питала
 Еще у сердца моего
 Одной надежды!

427 3 «Ужъ голубья краляся день».

Въ изд. 1835 года вслѣдъ за этимъ читаемъ:

Погибъ женихъ ея мгновенный
 Слугами вынесенный въ залъ,
 Трупъ на столъ уже лежалъ,
 Ихъ смутнымъ роємъ окруженный,
 Который сбродъ обыкновенный
 Зѣвакъ захожихъ умножалъ.
 Цыганка въ вечеръ тотъ несчастный
 Изъ дома скрылась. Лекаръ частный
 Съ двумя квартальными стоялъ,
 И подозрительной рукою
 Передъ встревоженной толпою
 Трупъ посинѣлый осязалъ.
 Но должностной обзоръ исправленъ;
 Для любопытства пища нѣтъ;
 Домъ полицейскими оставленъ,
 Всѣ разбрелась за ними вслѣдъ.—
 Залъ опустѣлъ. Псалтирь читая,
 Дьячекъ остался съ мертвецомъ,
 Да горьки слезы кулакомъ
 Ежеминутно отирая,
 Въ углу стоялъ, потупя взоръ,
 Осиротѣлый Черноморъ.
 «Холмъ, подъ которымъ спитъ Елецкой», и т. д.

Другіе варианты къ поэмѣ: Цыганка.

Лит. Б.

Гл. I.

383 16 «Прощайте господа...»

Въ Альманахѣ: «Денница» 1830 г.

...«—Поздно, господа,

Прощайте». — Буйная орда

Восколебалася. Гуляки

«Встають, шатаясь на ногахъ»; (и т. д.)

«Дверь поспѣшаетъ онъ замкнуть».

Въ Денницѣ: Спѣшитъ онъ дверь свою замкнуть

384 24 «Одинъ оставшися Елецкой»

Въ Денницѣ: Одинъ оставшійся Елецкой,

Суровымъ окомъ обозрѣлъ

Покой, гдѣ только что гремѣлъ

Пиръ разливной и молодецкій.

Двойко взоръ онъ поражалъ:

«Великолѣпье отжилое»,

«Штофъ полинялый на стѣнахъ»;

Межъ оконъ зеркало большое,

Но съ середины все въ лучахъ;

Въ пыли богатые завѣсы

«Давно нечищенный паркетъ»;

Ночнаго пиროванья слѣдъ

Къ тому-жъ оставили повѣсы:

Зола изъ трубокъ здѣсь и тамъ,

Стекло по окнамъ, по столамъ

«Съ остатками задорной влаги»,

И вотъ докучливый глазамъ

Полкъ догорѣвшихъ до бумаги

«И въ блескъ утреннихъ лучей»

«Уже блѣднѣющихъ свѣчей».

Въ изданіи поэмы: «Наложница» 1831 г. вслѣдъ затѣмъ
читаемъ:

Елецкій съ думою нѣмою

Поникъ печально головою,

Но скоро поднялъ бодрый взоръ:

«Гей!» закричалъ онъ. Черноморь!»

Явился карликъ. Понемногу

Лицо Елецкаго совсѣмъ

Ужъ прояснилось между тѣмъ.

«Ну что сосѣди?»—«Славу Богу!»

Все хорошо: дружна со мной
 Служанка барышни самой».

«Ну, мой красавецъ, это славно;
 Смотри-жь теперь, когда куда
 Пойдутъ, поѣдутъ господа,
 Что скажутъ, все то знай исправно.
 —Объ вась-то былъ ужъ разговоръ.
 «Не лжешь?»—Засталъ меня вечеръ
 У нихъ въ передней старый дядя;
 Не позабуду я въ мой вѣкъ,
 Какъ гаркнулъ онъ, медвѣдемъ глядя:
 «Откуда? чей ты человекъ?»
 Я доложилъ.—«Что-жь онъ?»—Не смѣю...
 —«Эхъ говори, не размышляй».—
 —Ну, братецъ, молвилъ онъ: жалѣю,
 А ужъ твой баринъ негодяй!—

Елецкій громко засмѣялся,
 Но тутъ-же на его чело
 Густое облако нашло;
 Вновь грустной думѣ онъ предался,
 Тихонько вышелъ Черноморъ;
 «Открывъ разбѣянной рукою» (и т. д.)

- 12 «Поспѣшно поднялъ онъ ее»
 Въ изд. 1831 г. Приближась поднялъ онъ ее
- 17 «Встревоженный, но долгій взоръ».
 Въ изд. 1830 г. Внимательный и робкій взоръ.
- 1 См. Варианты: Лит. А. № 30. Гл. IV, текстъ изд. 1835 г.)

Вслѣдъ за стихомъ: «Какъ всякій свѣтскій дуралей!» въ изд.
 1830 г. сдѣдуетъ:

И преданъ грустному томленью,
 Досадой тайною язвимъ,
 Онъ ищетъ способовъ къ сближенью,
 Но не доволенъ ни однимъ.
 Мысль наконецъ ему блеснула,
 Душа въ немъ весело вздрогнула:
 Прекрасно! шепчетъ; я рѣшенъ!
 Въ театрѣ они, сомнѣнья нѣту,
 Хоть разъ поѣдутъ въ зиму эту...
 «Гей, Черноморъ!»—Явился онъ.
 «Послушай-ка», сказалъ Елецкій:
 «Подъѣздъ у насъ точь въ точь сосѣдскій;
 «Входъ не походитъ-ли?»—А что-жь?

Вѣдь и по истинѣ похожъ!
 Да что намъ въ этомъ?—«Пригодится:
 «Незнание тьма, а знанье свѣтъ
 «Предупреди, когда случится
 «Имъ для театра взять билеги».

Не слишкомъ долго ждалъ Елецкой
 Одинъ предметъ бесѣды свѣтской,
 Сердечъ чувствительныхъ кумиръ,
 Любимецъ ложъ, райка, партера,
 Жоко влечетъ къ себѣ весь міръ.
 Въ театръ сегодня ѣдетъ Вѣра.
 Захлопоталъ Елецкій нашъ:

Кровь заиграла въ немъ живѣе,
 Зоветъ людей: «Найти скорѣе
 Точь въ точь сосѣдскій экипажъ:—
 Теперь смотрите: слушать слово!
 Съ нимъ у театра ближе стать,
 Къ подѣзду прежде всѣхъ подать,
 Крича: карета Волховскаго!

Въ мигъ посадить господъ потомъ
 И привезти ко мнѣ ихъ въ домъ».

«Давно громада городская» (и далѣе, какъ въ изд. 1835 г.)

Въ тѣхъ же вариантахъ, подъ Лит. А, ном. 30 далѣе текстъ
 изд. 1835 г. Велѣдъ за стихомъ:

«У моего повѣсы въ домъ»

въ изд. 1830 г., слѣдуетъ:

Чтобъ обмануть ему вѣрнѣй

Глаза ожидаемыхъ гостей,

«Давно нигдѣ нѣтъ свѣта, кромѣ»

(Далѣе, какъ въ изд. 1835 г.)

Гл. IV.

398 2 «День новый окна озлатилъ.

Въ Сѣв. Цв. 1831 г. День новый окна залотилъ,

22 } «Она порывисто чесала»

23 } «Густые, черные волосы»

Въ Сѣв. Цв. Рукой сердитою чесала

Цыганка черные волосы,

399 27 «Данно грозитъ мнѣ эта кара!»

Давно грозила эта кара

(См. варианты: Лит. А. № 31 стихъ: въ текстѣ изд. 1835 г.)

«Ему обѣщанный поклонъ».

Въ изд. 1830 г. затѣмъ слѣдуетъ:

Однако врядъ-бы согласился

Къ себѣ принять его сосѣдъ,
 Когда-бъ случайно въ самый слѣдъ
 Другихъ гостей онъ не явился.
 Елецкій строгимъ старикомъ
 Былъ встрѣченъ вовсе непривѣтно:
 Онъ показалъ ему замѣтно,
 Что по неволѣ съ нимъ знакомъ.
 Елецкій въ домѣ Волховскаго
 Уже ногою-бъ не былъ снова,
 Когда-бъ въ нетерпѣливый мигъ
 Съ владычицей своихъ мечтаній
 Въ немъ независимыхъ свиданій
 Онъ своенравно не постигъ.
 «Открыто жилъ оосѣдъ почтенный» (Далѣ

какъ въ изд. 1835 г.).

Гл. V.

406 5 «Съ ней языкомъ мятежной страсти»
 Въ изд. 1830 г. Съ ней языкомъ открытой страсти

Гл. VI.

413 20 «А мнѣнье общее Москвы!..»
 Въ изд. 1830 г. Я давній ужасъ всей Москвы!..
 416 23 «Его докучное внушенье»
 Въ изд. 1830 г. Но тотъ-же часъ его внушенье

Гл. VII.

418 27 «Онъ обвинчается съ тобой»
 Въ изд. 1830 г., за этимъ слѣдуетъ:
 Какъ съ Фимкой Павелъ Удальской;
 А тамъ меня ты не обидишь.
 «Тутъ травъ-то, травъ-то! босикомъ»; (далѣ,
 какъ въ изд. 1835 г. См. вар. лит. А. № 36).

Гл. VIII.

429 26 «Но все Египетскне племя»
 Въ изд. 1830 г. за симъ слѣдуетъ:
 Въ непродолжительное время
 Къ прѣвзимъ шумно собралось,
 И двадцать свѣчь кругомъ зажглось,
 «Дремоту дѣвы покидаютъ», (и т. д.).

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Стр. Стрѣки. Напечатано:</i>		<i>Слѣдуетъ читать:</i>	
2	15	свирель	свирѣль
3	10	ключь	ключь
7	25	раскошнѣ	роскошнѣ
29	17	пестунъ	пѣстунъ
39	7	позабыли.	позабыли
—	8	И прелъ	И, предъ
57	13	раздѣленье	раздѣленья
84	9	Виновень я.	Виновень я:
86	8	объятую	объятую
113	3	встаеть благоухая	встаеть, благоухая,
133	16	и наблюдая	и, наблюдая,
165	19	жизнь, игрива и легка,	жизнь игрива и легка,
193	7	изведанъ,	извѣданъ,
200	4	стоитъ гдѣ	стоитъ, гдѣ
—	10	мятежные	мятежныя
206	1	Евы	Евы,
—	14	хариту	хариту,
217	8	все что въ немъ горѣло	все, что въ немъ горѣло,
220	17	зачѣмъ тоскуя	зачѣмъ, тоскуя,
232	18	пѣвецъ мятежный,	пѣвецъ, мятежной
235	4	ясный	ясный,
252	1	мысль,	мысль
262	20	И ты какъ онъ	И ты, какъ онъ,
—	21	idem	idem
273	14	подобна водъ его птица.	подобна, водъ его птица,
281	28	зрѣлъ дивясь	зрѣлъ, дивясь,
284	9	Молилъ	Моля
300	8	заботливо послушанъ	заботливо-послушенъ
—	27	не разъ	не разъ,

Примѣчаніе стр. 123 LXX озаглавлена въ изданіи 1869 г. А. Н. М. По болѣе достовѣрнымъ источникамъ слѣдовало-бы озаглавить А. С. П.

Стр. Строка. Напечатано:

321	5	она стр. 3
371	14	вопросъ
400	17	выметутъ
—	26	Тебя, я стр. 410 стр. 540
430	15	порою
—	16	Вздохнувъ
437	6	которое
443	15	изрѣченія
444	21	ея
497	9	votre стр. 49
523	18	геній худо
529	62	рифмъ? Надъ рифмами
533	10	пестуномъ
554	2	crée
557	25	répartition
—	29	fraiche
558	17	m'apparait
—	20	desir
559	15	peut être
566	13	téffrayait
567	2	aieul

Слѣдуетъ читать:

она, стр. 355
вопросъ, выметутъ, Тебя я, стр. 404 стр. 405
порою. Вздохнувъ, которое, изреченія ея votre стр. 495
геній, худо рифмъ? Надъ рифмами пѣстуномъ. crée
répartition fraiche
m'apparait desir
peut-être l'effrayait aieul